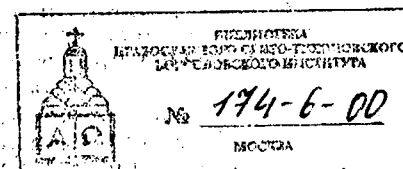

М. А. НОВОСЕЛОВ

ПИСЬМА К ДРУЗЬЯМ

Москва
Православный Свято-Тихоновский
Богословский институт
1994

ББК 86.372
Н74

Н74 Новоселов М. А.
Письма к друзьям. М.: Изд-во Православного
Богословского Свято-Тихоновского института, 1994.
– LIV+354 с.: 6 ил.

ISBN5-7429-0005-8

"Письма к друзьям" – замечательный памятник церковной литературы 20-х годов нашего века, эпохи бесправия Церкви в условиях тотального коммунистического господства. Написанная непоколебимым ревнителем Православия, книга имеет важное значение для уяснения многих спорных вопросов, актуальных и для современного церковного сознания. В "Письмах" рассматривается общее учение о Церкви, ее роли в Божественном домостроительстве, выясняется значение святоотеческого наследия, разбирается сущность православия сравнительно с католичеством и протестантизмом. Важнейшая особенность работы состоит в применении почерпнутых из православного предания положений к анализу современных автору церковных событий.

ББК 86.372

*Предисловие, комментарий и научная подготовка
текста Е. С. Полищука*

ISBN5-7429-0005-8

© – Православный Свято-
Тихоновский Богословский
институт, 1994.

Михаил Александрович
НОВОСЕЛОВ

Михаил Александрович Новоселов и его "Письма к друзьям"

Один и тот же закон управляет жизнью как отдельных индивидуумов, так и целых социальных организмов: история тех и других характеризуется волновым течением, закономерным чередованием периодов напряжения и расслабления, роста и спада, созидания и разрушения; "время разбрасывать камни, и время собирать камни" (Еккл. 3, 5). Так, рассматривая духовное развитие русского общества на протяжении прошлого века, нельзя не видеть своеобразных приливов и отливов духа, волнообразной смены господствующих умонастроений и мировоззрений. Легкомысленное "вольтерьянство" и отважное, хотя во многом и легковесное свободомыслие начала века сменяется благородным идеализмом 40-х годов. В свою очередь, этот чистый, но несколько наивный идеализм оказывается сметенным материализмом 60-х с его смешным ныне пафосом "научности". Но и этот материализм, самонадеянно заявивший об "окончательном" крушении религии, метафизики и даже искусства, о наступлении эры "строго научного" отношения к жизни, к началу нового века сам оказался поколебленным в своих идейных основах; на смену ему пришло то более внимательное к "искре Божией" в человеке и мире умонастроение, которое породило так называемый русский религиозный Ренессанс — расцвет религиозно-философской мысли в России.

Говоря о русском предреволюционном духовном ренессансе, чаще всего имеют в виду происходившее в этот период времени бурное развитие и углубление религиозно-философской мысли. Реконструкция именно этой стороны "Серебряного века", связанная с извлечением из насильственного забвения имен таких мыслителей, как Бердяев, Булгаков, Ильин, Карсавин, Флоренский, Франк и др., идет уже в течение нескольких последних лет. Но веяние духа, явственно ощущавшееся в начале XX века в России, отразилось не только на творчестве светских философов и богословов, но затронуло и церковные сферы, вызывая оживление церковной мысли, стремление к обновлению церковного управления, усиление издательской деятельности. Одним из активных православных работников того времени был известный церковный издатель и публицист Михаил Александрович Новоселов.

Путь его духовного развития не был прямым. Он родился в 1864 г. в селе Бабье Тверской губернии, в семье, истоками своими тесно связанной с сельским православ-

ным духовенством. Его мать Капитолина Михайловна была дочерью священника Михаила Васильевича Зашигранского; отец Александр Григорьевич (1834-1887) также был сыном священника села Заборовье Вышневолоцкого уезда той же губернии Григория Алексеевича Новоселова. Избрав для себя светскую стезю и окончив Петербургский университет, Александр Григорьевич стал в дальнейшем известным педагогом, директором тульской, а затем и 4-й московской классической гимназии.

Получив под руководством отца прекрасное образование (Новоселов окончил с золотой медалью ту самую 4-ю гимназию, где директорствовал его отец), он продолжил его затем на историко-филологическом факультете Московского университета. К этому времени относится его горячее увлечение идеями Л. Н. Толстого. Часто бывавший в Туле Толстой хорошо знал старшего Новоселова: его сближали с ним не только горячий интерес к проблеме образования вообще, но в частности и многие конкретные вопросы, относящиеся к организации учения своих собственных детей (Александр Григорьевич рекомендовал писателю домашних учителей, принимал у них экстерном экзамены и пр.). По-видимому, через своего отца еще с детских лет был знаком с Толстым и М. А. Новоселов.

В дневниках и письмах Л. Н. Толстого фамилия Новоселов встречается много раз: в течении ряда лет он был любимым учеником прославленного писателя, к концу жизни выступившего в качестве религиозного учителя. Опубликована и личная переписка между ними: семь писем Толстого к Новоселову вошли в полное собрание сочинений писателя¹, 17 писем Новоселова к Толстому (1886-1901 гг.) опубликованы в историческом альманахе "Минувшее"². Эти письма позволяют полнее представить себе период зарождения "толстовства" как религиозно-общественного движения.

Из писем ярко выступает личность типичного адепта нового учения – молодого, интеллигентного, идеалистически настроенного, искреннего, восторженного. Вот он, только что закончивший университет, делится с Толстым своими дальнейшими жизненными планами: "я отказался от всех учительских мест, которые мне предлагались, и сразу почувствовал облегчение". Он решает стать врачом, рассматривая медицину как профессию, дающую возможность в наиболее наглядной и очевидной форме приносить пользу, работать для блага страждущих людей. Но,

¹ См.: Полн. собр. соч. (юбилейное изд.): В 90 тт. М.-Л., 1928-58 (Т. 63, № 554; Т. 64, №№ 42, 113, 419; Т. 65, № 45; Т. 66, №№ 42, 507).

² Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому // Минувшее (Исторический альманах). Вып. 15. М.-СПб., 1994. С. 371-423.

увы, против этого плана решительно восстал его отец, желавший видеть сына учителем древних языков. Пришлось пойти на компромисс и избрать другое решение: "поступить в учительскую семинарию". В ожидании места он живет в деревне, готовясь к своей будущей педагогической деятельности. К этой умственной работе присоединяется и работа физическая, крестьянская: он пашет землю, копает картофель, возит дрова и т. п. ("невыразимо приятно то более тесное общение с народом, в которое становишься благодаря общей работе").

Спустя несколько месяцев, в начале 1887 г., умирает отец Новоселова. Казалось бы, теперь он беспрепятственно начнет осуществлять свою мечту о медицинском образовании; но в юности планы меняются быстро, и, став обладателем некоторой суммы оставшихся от отца денег, Новоселов решает осуществить на практике пропагандируемый Толстым истинный образ жизни – жить на земле трудом своих рук. Еще не приступив к выполнению этой программы, он уже до такой степени проникается "толстовством", что ему начинает казаться, что сам Толстой не вполне отвечает духу "великого учения". Разыгрывается настоящая трагедия, нашедшая свое отражение в двух письмах, в которых с резкостью, бескомпромиссностью, но и бесцеремонностью юности Новоселов "умоляет", но и укоряет и едва ли не бичует "великана русской литературы", "учителя жизни" да в конце концов – просто старого, умудренного житейским опытом человека за то, что его жизнь расходится с его учением. Но Толстой считал эти упреки во многом справедливыми: первую попытку ухода из Ясной Поляны он предпринял уже в 1884 г. Видимо, не случайно и то, что слова из "обличающего" письма Новоселова ("не могу молчать, не хочу молчать и не должен молчать") писатель впоследствии избрал для названия своей статьи, в которой страстно протестовал против смертной казни.

Тем временем идея "народничества нового типа" приобретала все больше сторонников. Почти ежедневно собиравшаяся в конце 1887 года у Новоселова молодежь горячо обсуждала устройство будущих интеллигентских земледельческих поселений: создавать ли одну большую или сеть малых общин? Решено было избрать последнее: поскольку смысл общинной жизни виделся в том, чтобы личным примером "светить людям", то разумной казалась тактика "вкраплений" отдельных ячеек по всей России (иначе "будет чересчур много света в одном месте"). По этому проекту должны были возникнуть общины в Тверской, Смоленской, Самарской, Харьковской, Полтавской, Киевской губерниях, а также на Кавказе. Однако собрания эти едва не закончились катастрофой: жизненный путь

Новоселова пересекся со служебным путем его ровесника, впоследствии известного на всю Россию начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова — в то время только еще делавшего карьеру скромного служащего при телеграфе прокурора судебной палаты Муравьева.

В то время власти плохо разбирались в отличиях между религиозными (и в частности толстовскими) и революционными сообществами — в их глазах и те и другие одинаково были "незаконными сборищами". Конечно, Новоселов ни в коей мере не был революционером: как ученик Толстого, он принципиально отвергал любое насилие, в том числе и государственное, что делало его в собственных глазах радикальнее революционеров в традиционном понимании. Однако основная масса тогдашнего студенчества симпатизировала последним, и Новоселов в определенной мере разделял эти настроения. Во всяком случае, переписывая и размножая различные произведения Толстого на религиозные темы, он издал в 1887 г. гектографическим способом и рукописную брошюру Толстого "Николай Палкин" — о бесчеловечности, отличавшей царствование Николая I и присущей всякой власти, которая развращает народ, принуждая людей мучить и убивать себе подобных.

Новоселова посещал некий молодой человек, Митрофан Тимерин, служивший телеграфистом на железнодорожной станции Орел и считавший себя по убеждениям революционером. Правда, революционность его ограничивалась знакомством с некоторыми студентами, привлеченными в том же году по делу о "тульской типографии Народной Воли". Однако в начале своей карьеры Зубатов не брезговал заманивать в свои сети даже таких неопытных юнцов. Он постарался понравиться Тимерину, разыграв роль крайнего радикала, втерся в доверие к нему, и в какой-то момент Тимерин передал "брату по убеждениям" один экземпляр "Николая Палкина", сообщив при этом, что брошюру издал Новоселов.

Зубатов был в восторге: выявлен нелегальный кружок, к тому же издающий нелегальную литературу. Он начал "раскручивать" дело. У Новоселова и его приятеля Льва Николаевича Маресса (однокурсник Новоселова по 4-й гимназии, впоследствии экономист и публицист, сотрудник "Русской мысли" и "Русских ведомостей") начали появляться какие-то господа с предложением продать двести экземпляров "Николая Палкина"... для "Русской мысли". Новоселов отвечал, что он не продает, а может дать несколько экземпляров; подчеркивалось, однако, что приобрести их в большом количестве желает именно "Русская мысль". Одновременно с этим Новоселов стал получать какие-то странные письма с приглашением на таинствен-

ные свидания. В конце концов 27 декабря, на основании агентурных указаний Зубатова, на квартире у Новоселова был произведен обыск. Найдены были гектографические принадлежности, рукописная брошюра "Николай Палкин" ("возмутительного содержания"), несколько писем Л. Н. Толстого, а также стихотворение из "Вестника Народной Воли".

Новоселов, Тимерин, Маресс и еще несколько человек были арестованы; для Новоселова дело вполне могло бы кончиться высылкой в Сибирь, если бы не непосредственное вмешательство Толстого. Узнав об аресте своего молодого друга, он лично явился к начальнику Московского жандармского управления Слезкину и заявил ему, что преследования за "Николая Палкина" должны быть направлены прежде всего против него, как автора статьи, в ответ на что интеллигентный генерал заявил: "Граф! Слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить"³. Высшие власти также сочли, что привлечение к ответственности прославленного писателя вызовет совершенно нежелательные толки и последствия, и решили замять эту историю (император Александр III утвердил доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого, в котором тот отмечал, что Толстой несомненно писал эту статью "вне каких-либо преступных связей и намерений, исключительно под влиянием религиозного фанатизма").

В начале февраля 1888 года Новоселов был освобожден под гласный надзор полиции с запрещением проживания в столицах. Разумеется, о педагогической карьере более не могло идти и речи. Обстоятельства сами подталкивали его к скорейшему осуществлению плана "жизни на земле". В том же году Новоселов на свои деньги покупает землю в с. Дугино Тверской губернии и создает одну из первых в России толстовских земледельческих общин, просуществовавшую около двух лет.

Поначалу дела у общинников шли прекрасно: молодость, энергия, дружба, общее одушевление от сознания новизны затеянного ими дела, за которым с вниманием и любовью наблюдает Учитель, выдающийся мыслитель, — что еще нужно для счастья? "Всем хотелось верить, что они живут настоящей жизнью, что выход найден и на деле осуществляется заветная мечта о честной, трудовой жизни среди природы"⁴. Общину посещает множество гостей, особенно летом; например, некоторое время в ней жил В. А. Маклаков, впоследствии крупный общественный де-

³ Никифоров Л. П. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник. М., 1929. С. 220.

⁴ Сорокоходов В. Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал. 1914. № 11. С. 82.

атель, депутат Государственной Думы.

Однако время берет свое, и постепенно у молодых толстовцев начинает накапливаться раздражение и недовольство той жизнью, на которую они обрекли себя. Главным фактором здесь была неприспособленность интеллигентов к физическому труду: их труд не был производительным настолько, чтобы обеспечить общинникам реализацию их принципиальной установки — существования от трудов своих рук; не получалось и ожидаемого от общей работы облегчения труда, т. к. слабые работники через силу тянулись за сильными, а сильные перенапрягались, чтобы компенсировать малые результаты слабых. Свою роль сыграло и постоянно испытываемое в общине стеснение личной жизни, и отношение местных крестьян, быстро усвоивших идеи господ о "недопустимости и преступности собственности" в выгодном для себя смысле (рубка принадлежащего общине леса, кража их инвентаря и т. п.). Стало ясно, что общинная жизнь не удалась.

(Интересно отметить, что сходным образом эволюционировало отношение к общинам и самого Толстого. Вначале он с интересом, хотя и с некоторой настороженностью, наблюдает за ними. "Продолжаются ли эти общины, или нет — все равно. Они много помогли людям, много опыта духовного вынесено из них"⁵. То же самое он продолжает утверждать и после распада первых общин: "Община была школа очень полезная"⁶. Но окончательный вывод писателя таков: "Собираясь в отдельную общину признающих себя отличными от мира людей я считаю не только невозможным (недостаточно еще привыкли к самоотвержению люди, чтобы ужитья в таком тесном единении, как это и показал опыт), но считаю и нехорошим: общиной христианина должен быть весь мир. Христианин должен жить так, как будто все люди — какие бы они ни были — были такие же, как он, готовы не на обиду и своекорыстие, а на самопожертвование и любовь. И тогда только, хоть и не при его жизни, но когда-нибудь, осуществится братская жизнь на земле, а устройство малых общин избранных — церквей, не улучшает, а часто ухудшает жизнь людей, делает ее более жестокой и равнодушной к другим"⁷).

На некоторое время рассеявшимся участникам новоселовской и других общин суждено было еще раз собраться

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 65. С. 144 (письмо М. А. Шмидт от 9 августа 1890 г.).

⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 66. С. 42 (письмо той же М. А. Шмидт, сентябрь 1891).

⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 68. С. 133-134 (письмо к одному из общинников А. Н. Каневскому).

ся вместе по призыву их учителя — в конце 1891-го и первой половине 1892 г. они объединяются вокруг Толстого в деле оказания помощи голодающим в Рязанской губернии. Но дальше дороги Новоселова и Толстого окончательно расходятся. Молчаливое неприятие крестьянами того чисто нравственного религиозного учения, которое исповедовали общинники, духовная крепость народа, позволяющая безропотно выносить тяжелую жизнь, не могли не возбудить вопроса об истоках этой крепости, о вере, дающей силы переносить ниспосылаемые Богом испытания. Внимание Новоселова стало все более привлекать Православие, испокон веков бывшее русским людям духовной поддержкой во всех бедствиях.

Письма Новоселова к Толстому позволяют проследить все этапы изживания "толстовства" Новоселовым. Вначале он вслед за учителем отрицает личное бессмертие (письмо от 4 апреля 1887 г.)⁸. Но уже осенью того же года после изучения буддизма он решительно отвергает его ("чем-то холодным, мертвенным, пессимистическим повеяло на меня от Буддизма. Нет, далеко ему до жизнерадостного, бодрого, энергичного благовествования Христа!"⁹), и это предвещает дальнейшую эволюцию его взглядов, принимая во внимание, что мировоззрение самого Толстого окрашено в буддийские тона. А через три года Новоселов уже ловит себя на лжи при попытке защищать "толстовство" перед другими (письмо от 21 мая 1890 г.)¹⁰.

Подводя итоги "толстовского" этапа в духовном развитии Новоселова, следует все же отметить, что влияние, которое оказал на него великий писатель, было весьма значительным. И Новоселов сам признавал это: "Нечего скрывать, что Толстой, напр[имер], всколыхнул стоячую воду нашей богословской мысли, заставил встрепенуться тех, кто спокойно почивал на подушке, набитой папирусными фрагментами и археологическими малонужностями. Он явился могучим протестом как против крайностей учредительных увлечений 60-х годов, так и против мертвенности ученого догматизма и безжизненности церковного формализма. И спаси, и просвети его Бог за это! — Как ни однобоко"¹¹ почти все, что вещал нам Толстой, но оно, это однобокое, было нужно, так как мы — православные — забыли эту, подчеркнутую им, сторону Христова учения, или, по крайней мере, лениво к ней относились. Призыв Толстого к целомудрию (тоже, правда, однобоко-

⁸ Минувшее. Вып. 15. М.-СПб., 1994. С. 397.

⁹ Там же. С. 404.

¹⁰ Там же. С. 410.

¹¹ Глубоко и остроумно осветил эту однобокость Вл. С. Соловьев в своих "Трех разговорах" (прим. М. Новоселова).

му), воздержанию, простоте жизни, служению простому народу и к "жизни по вере" вообще — был весьма своевременным и действительным¹².

Этим принципом "жизни по вере" Новоселов руководствовался все последующие годы, наполненные неустанной деятельностью, и не только издательской (кстати, на выбор Новоселовым издательского дела как основного жизненного поприща, несомненно, повлияло его сотрудничество в издательстве "Посредник"), но и связанной с оказанием конкретной практической помощи людям. "Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всех хотел обращать. Он производил впечатление монаха в тайном постриге", — так характеризует Новоселова лично не близкий к нему философ Н. А. Бердяев¹³. Следует отметить также, что не без влияния толстовской критики "попов" Новоселов остался чужд столь часто встречающемуся среди православных "практическому папизму" — преклонению перед иерархией, отождествлению ее со всей Церковью.

Но и после окончательного идейного расхождения бывших единомышленников между ними еще оставались какие-то незримые связующие нити. Во всяком случае именно новоселовские брошюры были (не без Промысла Божия) последними книгами в жизни Толстого — он просматривал их за несколько дней до смерти, и они так понравились ему, что писатель поручил Д. П. Маковицкому написать письмо своему бывшему другу и сподвижнику с просьбой присылать все вышедшие и имеющие выйти выпуски его "Библиотеки".

Толстовский период в духовном развитии Новоселова не был длительным. В мировоззрении Толстого имелся пункт, принять который юноша не мог и в период своего самого горячего увлечения религиозными идеями писателя. Пункт этот — это непризнание последним божественности личности Иисуса Христа. Согласиться с этим и жить в пустом и холодном мире нравственного долга, где нет ничего таинственного и сверхъестественного, внук священников никак не мог. Впоследствии он рассказывал своему другу о. Павлу Флоренскому, что на прямой вопрос: "Но есть же, Лев Николаевич, в жизни кое-что таинст-

¹² Новоселов М. А. Забытый путь опытного Богопознания. Вышний-Волочек, 1902. С. 58-59.

¹³ Бердяев Н. А. Самопознание. Париж, 1949. С. 200.

венное?" — Толстой ответил, раздраженно напирая на каждое слово: "Ничего такого, друг Михаил, нет"¹⁴.

В итоге трудной и мучительной внутренней борьбы к тридцати годам Новоселов преодолел соблазн толстовства и вернулся в Церковь. Памятником этого возвращения является "Открытое письмо", с которым он обратился к своему бывшему учителю. С горечью он писал Толстому о его учении: "Слова все хорошие: Бог, Дух, любовь, правда, молитва, а в душе пустота получается по прочтении их. <...> Служить же вы хотите не Ему и не тому Отцу Его (Господу), Которого знает и признает *вселенское* христианство, начиная от православного и католика и кончая лютеранином, штундистом и пашковцем, а какому-то неведомому *безличному началу*, столь чуждому душе человеческой, что она не может прибегать к нему ни в скорбные, ни в радостные минуты бытия своего"¹⁵.

Преодолению толстовства много способствовали знакомство и дружба Новоселова с выдающимся русским философом Владимиром Сергеевичем Соловьевым. О существовавшей между ними близости свидетельствует тот факт, что за полгода до своей кончины Соловьев подарил ему книгу "Откровенные рассказы странника духовному своему отцу". В одной из своих работ Новоселов упоминает о последних словах, которые он слышал от замечательного философа-христианина. "На мой вопрос: "Что самое важное и нужное для человека?" — он ответил: "Быть *возможно чаще* с Господом"; "если можно, *всегда* быть с Ним", — прибавил он, помолчав несколько секунд"¹⁶.

¹⁴ Флоренский П. А. Собр. соч.: В 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 133. В своих воспоминаниях С. Н. Дурылин передает рассказ Новоселова о еще более резком антихристианском выпаде Толстого: "Однажды — еще в 80-х годах, еще при толстовстве Аввы — он сидел с Толстым и кем-то еще, и перебирали великих основателей религии — обычное толстовское поминанье: Будда, Конфуций, Лао-Си, Сократ и т. д. и т. д. — кто-то сказал, что вот, мол, хорошо было бы увидеть их живых, и спросил у Толстого: кого бы он желал увидеть из них. Толстой назвал кого-то, но, к удивлению Аввы, не Христа. Авва спросил тогда:

— А Христа разве Вы не желали бы увидеть, Лев Николаевич?

Л. Н. отвечал резко и твердо:

— Ну уж нет. Признаюсь, не желал бы с ним встретиться. Пренеприятный был господин.

Сказанное было так неожиданно и жутко, что все замолчали с неловкостью. Слова Л. Н. Авва запомнил точно, именно потому, что они резко, ножом, навсегда резанули его по сердцу". (Дурылин С. Н. В своем углу. М., 1991. С. 210-211).

¹⁵ Новоселов М. А. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода. Вышний-Волочек, 1902. С. 11, 6.

¹⁶ Новоселов М. А. Забытый путь... С. 34.

В ходе своего дальнейшего духовного развития Новоселов сближается с преподобным о. Иоанном Кронштадтским, со старцами Оптиной и Зосимовой пустынь, изучает творения отцов Церкви и постепенно превращается в твердого в своих убеждениях, сознательного и ясно мыслящего православного христианина. "Прямолинеен и непоколебим, весь на пути святоотеческом, и смолисто-ароматных цветов любезной пустыни и фимиама "дыма кадильного" ни на какие пышные орхидеи, ни на какие пленительные благовония царства грез не променяет; а вне "царского", святоотеческого пути для него все остальные сферы — царство грез, и их горизонты, глубина и прелести — только "прелесть" (в аскетическом смысле)!" — такую характеристику дает Новоселову его старший современник, друг и единомышленник, философ В. А. Кожевников¹⁷.

Обретя — после долгих лет исканий — истину и Бога в лоне Православной Церкви, Михаил Александрович посвятил ей всю свою дальнейшую кипучую деятельность. В 1902 г. в Вышнем Волочке, где он тогда жил, Новоселов публикует брошюру "Забывший путь опытного Богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии)". В послесловии к этой книге, посвященной выяснению важности личного религиозного опыта в деле богопознания, было сказано: "Идя навстречу пробуждающемуся в нашем обществе интересу к вопросам религиозно-философского характера, группа лиц, связанных между собою христианским единомыслием, приступила к изданию под общим заглавием "Религиозно-философской Библиотеки" ряда брошюр и книг, дающих посильный ответ на выдвигаемые жизнью вопросы"¹⁸.

Этим выпуском началось издание новоселовской Библиотеки, тонкие розовые книжки которой вскоре стали известны по всей России. Многие из этих книг были написаны самим Михаилом Александровичем или при его ближайшем участии, другие — его друзьями; некоторые переиздавались 2-3 раза. Уже название первого выпуска "РФБ" говорило о программе и направлении будущего издательства, желającego привлечь внимание к великим духовным сокровищам, добытым святыми отцами и подвижниками, но забытым и невостребованным неблагодарными потомками.

Главная особенность новоселовских духовно-просветительных брошюр заключалась в том, что они были совершенно свободны от пороков рационалистического или

¹⁷ Письма В. А. Кожевникова В. В. Розанову // Вестник РХД. 1984. № 143: С. 94.

¹⁸ Новоселов М. А. Забывший путь... С. 69.

Отец Павел ФЛОРЕНСКИЙ
и М. А. НОВОСЕЛОВ.

1913 г. Сергиев Посад

протестантского школьного богословия и обращались к первоисточкам христианства, выводя читателя на просторы церковного познания через благодать. Словно живой водой брызнули на сухие богословские схемы, будто в душную атмосферу начетнически отвлеченной богословско-философской мысли ворвалась вдруг струя свежего и чистого воздуха, — такими словами передавал свое впечатление от новоселовской "Библиотеки" один из современников¹⁹.

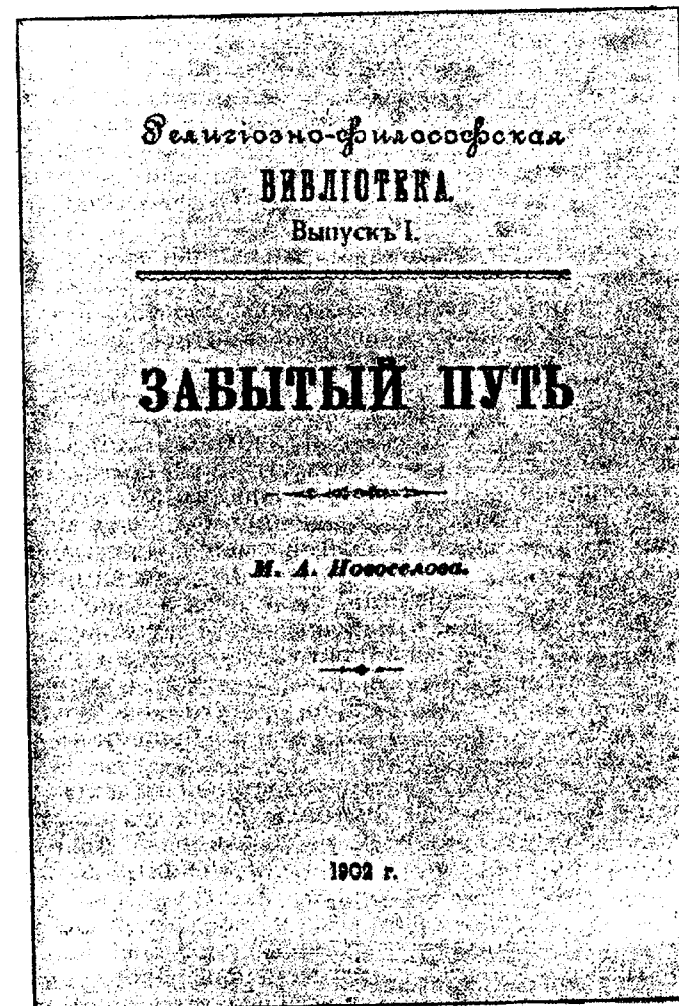
В отличие от других широко распространенных серий такого рода (например, от "Общедоступной религиозно-нравственной библиотеки" и т. п.), новоселовские книги не ограничивались некоей вневременной проповедью, но отвечали на насущные духовные запросы, которые Михаил Александрович хорошо понимал. Говоря об истоках этой чуткости Новоселова к проблемам текущего дня, о. Павел Флоренский указывал на значение (помимо собственного богатого духовного опыта) также и продолжительного личного общения со многими выдающимися современниками (Львом Толстым, Владимиром Соловьевым и др.), которое открыло ему "душу современного русского человека, и притом различных социальных слоев", и называл издаваемую им Религиозно-философскую Библиотеку "своего рода новым Добротолюбием"²⁰. И действительно, эти книги оказывали самое благотворное воздействие на духовное развитие многих людей; в частности, о том огромном влиянии, которое имел на его духовный путь первый выпуск Библиотеки, свидетельствует нынешний митрополит Сурожский Антоний²¹.

Издательская деятельность Новоселова продолжалась до революции — вначале в Вышнем Волочке, а затем в Москве и в Сергиевом Посаде. Всего вышло 39 выпусков "РФБ"; но кроме этой серии выходили и многие непромуерованные книги, на титульном листе которых было обозначено "Издание «Религиозно-философской Библиотеки»" — в них обычно разбирались более специальные вопросы (вышло около 20 книг). Наконец, Новоселов издавал еще и "Листки РФБ", которые выходили двумя сериями: первая ("Семена царствия Божия") состояла исключительно из писаний святых отцов; вторая ("Русская религиозная мысль"), рассчитанная на более интеллигентного читателя, содержала размышления о вере и религиозной

¹⁹ А. Ф. Разные пути // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. № 8. С. 347-353.

²⁰ Из академической жизни. 1. Избрание новых почетных членов МДА // Богословский вестник. 1912. № 12. С. 865.

²¹ См.: Фудель С. И. У стен Церкви: Материалы и воспоминания // Надежда. Христианское чтение. Вып. 2. 1979. С. 281.

Обложка книги "Забывтый путь"
(первое издание)

жизни выдающихся русских писателей и ученых (всего вышло более 80 "Листков").

Заслуги Новоселова в деле духовного просвещения и христианской апологетики были столь несомненны, что в 1912 г. он был избран почетным членом Московской Духовной Академии. В течение ряда лет он был членом Училищного Совета при Святейшем Синоде. Когда в 1918 г. на Поместном Соборе Православной Всероссийской Церкви был учрежден Соборный отдел о духовно-учебных заведениях, который должен был искать новые пути развития духовного образования в стране, Новоселов получил приглашение принять участие в его работе²².

Между тем эпоха мирного развития страны близилась к завершению — с особой остротой это стало ощутимо после 9 января 1905 года, когда впервые в новейшей истории государственный корабль России дал опасную течь: началась так называемая Первая русская революция. Всеобщее брожение затронуло и Церковь: одновременно с движением за политическое обновление началось движение и за обновление церковное.

Одним из первых с предложением восстановить древнее устройство Русской Церкви на всех ее уровнях — от патриарха до приходской общины — выступил редактор газеты "Русское Дело" С. Ф. Шарапов. Новоселов горячо откликнулся на это предложение: "Лобызаю Вашу мысль о Церковном Соборе и о скорейшем восстановлении приходской общины. И на Соборе, и в приходе мы услышим *подлинный* голос Русской Земли, который теперь дерзко заглушается бюрократией с одной стороны, большинством интеллигенции — с другой... на епископов надежда плоха... В этом пункте сойдутся, конечно, многие, которые поймут и Ваше обращение к православным *мирянам*²³, не заеденным еще бюрократизмом и не затуманенным "воскрилиями риз", "первостоянием", "первосидением" и прочими прерогативами епископского служения, затемняющими собою часто благодатные дары Св. Духа, коими си-

²² Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной Академии // Богословские Труды. Юбилейный сборник Московской Духовной Академии. М., 1986. С. 240. Следует отметить однако, что в архивах Собора (ГАРФ, бывший ЦГАОР, ф. 3431) мы не нашли никаких следов участия Новоселова в работе этого отдела.

²³ С. Ф. Шарапов писал в своем обращении: "Пусть десяток, один только десяток выдающихся прихожан придет к своему священнику и *попросит* (а в случае несогласия *потребуется*) в ближайшее же воскресенье созвать после обедни приходское собрание. В минуту опасности для Родины это желание более, чем законно", и т. д. (Русское дело. 1905. № 5).

или смиренные, скромные архипастыри дней иных²⁴.

В условиях нарастающей смуты в обществе Верховная власть решила пойти на церковные реформы, ища себе опоры и надеясь на поддержку преобразованной и обновленной Церкви. Обсуждение соответствующих проектов проходило сначала на особых заседаниях Комитета Министров, а 13 марта было перенесено в Синод. Неожиданно ход дела резко ускорился. 15 марта в журнале "Церковный вестник" появилась анонимная "Записка 32-х" петербургских священников, содержащая призыв к реформам, а уже несколькими днями спустя Синод постановил ходатайствовать перед государем о восстановлении патриаршества и созвании Поместного Собора. В газетах появились сообщения о проведении Собора в мае, предполагаемым местом проведения Собора назывался Петербург как "ныне царствующий град", а наиболее вероятным кандидатом на патриарха — петербургский митрополит Антоний (Вадковский).

Православная Москва заволновалась: в призраке петербургского патриаршества она увидела не столько возрождение, сколько дальнейшее отступление от древнерусских традиций. К тому же прежде, чем избирать патриарха, надо было подумать над тем, что он должен собой представлять и какова его роль в будущем церковном строе. В той поспешности, с которой повели дело "синодалы", нетрудно было разглядеть желание боящейся за потерю своей власти духовной бюрократии направить реформы в выгодном для себя направлении и в конечном итоге вновь овладеть положением. Такое начальственное введение "соборности" "в 24 часа" москвичи справедливо сочли профанацией; в результате наметилась московская оппозиция образу действий петербургских "реформаторов".

Новоселов оказался в самом центре этих событий. 24 марта в собрании частного кружка православных ревнителей Церкви, на котором присутствовало около 60 человек, он сделал доклад "О воссоздании живой церковности в России"²⁵. Всесторонне охарактеризовав ситуацию в Русской Церкви и признав реформы жизненно необходимыми, Новоселов отметил, что "возрождение требуется произвести *правильными путями*". Выборы патриарха "в текущую сессию Синода" — абсурд; за 200 лет синодального строя сложилось множество неправильных узаконений, пересмотр которых требует известного времени. Пока что ясны лишь общие основы реформ, частности же еще необходимо продумывать и обсуждать. Между тем "по предмету таких важных решений не происходило никакого оп-

²⁴ Русское дело. 1905. № 6. С. 7.

²⁵ Русское дело. 1905. Особое приложение к № 11.

роса даже самих епископов Церкви Русской", не говоря уже о мирянах, в чем еще раз проявилась "привычка нашего церковного управления действовать изолированно от православного народа, этого тела Церкви, с неизбежным при этом произволом". И далее Новоселов предлагал ходатайствовать перед Царем об организации такого опроса, отложив сами реформы до окончания войны.

Как мы знаем, именно таким образом и развивались далее события: уже 31 марта Николай II начертал на прошении Синода известную резолюцию, откладывающую созыв Собора на будущее "благоприятное время"; чуть позже был издан и императорский указ, повелевающий архиереям дать к 1 декабря подробные ответы по всем проблемам будущего церковного переустройства²⁶.

Не успели высохнуть чернила на царской резолюции, как Михаил Александрович вновь ударяет в набат, вновь призывает православных к бдительности — теперь уже по прямо противоположному поводу: "Не дадим... косным защитникам существующего церковного порядка, сторонникам взгляда, что все обстоит благополучно, смешивающим живое и живительное благоустройство Церкви с мертвым благообразием кладбища... не дадим им ослабить и затормозить исполнение надежд наших!.. Не допустим под предлогом и прикрытием Царского отказа Святейшему Синоду в *немедленном* созвании Поместного Собора — похоронить в старом бюрократическом сундуке Царскую волю о необходимости преобразования Церкви!"²⁷ И далее Новоселов предлагает, чтобы не затянуть дело, немедленно образовать Соборное Подготовительное Собрание из нескольких епископов (не слишком сановных, добавляет он, чтобы не подавляли других высотой сана), черного и белого духовенства и мирян — для совершения подготовительной к Собору работы.

И вновь последующие события во многом (хотя и отнюдь не во всем) разворачивались "по-Новоселову": примерно через год открылись заседания высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия, деятельность которого, продолжавшаяся с 6 марта по 15 декабря 1906 г. и нашедшая свое отражение в четырех объемистых томах, всесторонне подготовила Собор. И в том, что подготовленный Собор так и не был созван царем, вины Новоселова (как и большинства его единомышленников) не было.

²⁶ Эти ответы были затем опубликованы в книге: Ответы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1-3. СПб., 1906.
²⁷ Русское дело. 1905. № 17. С. 7.

Возвращаясь к событиям 1905 года, заметим, что много сведений об этом периоде жизни М. А. Новоселова содержится в большом и еще не изданном корпусе его писем к известному государственному, общественному и религиозному деятелю Федору Дмитриевичу Самарину²⁸. Мы видим из них, что в вихре всеобщего революционного беснования Новоселов пытается все же что-то делать; он намеревался даже издать письмо Л. Н. Толстого по поводу современных событий, однако Московский цензурный комитет наложил запрет, ответив издателю, что не имеет права разрешать ничего нового, что напишет Толстой, хотя бы и признавал полезным написанное. В письме от 17 января 1905 года Новоселов писал Самарину: "Хотелось бы издать также Белинского, Влад. Соловьева, Кавелина — о царской власти. Эти имена не отталкивают и оппозицию... Если найду средства, то издам ряд маленьких брошюр по этому основному вопросу нашего бытия".

Меж тем накал радикализма в обществе все возрастал. 26 октября 1905 года Новоселов отмечает в своем письме: "«Свобода» создала такой гнет, какой переживался разве в период татарщины. А — главное — ложь так опутала всю Россию, что не видишь ни в чем просвета. Пресса ведет себя так, что заслуживает розог, чтобы не сказать — гильотины. Обман, наглость, безумие — все смешалось в удушающем хаосе. Россия скрылась куда-то: по крайней мере я почти не вижу ее. Если бы не вера в то, что все это — суды Господни, — трудно было бы пережить сие великое испытание. Я чувствую, что твердой почвы нет нигде, всюду вулканы, — кроме Краеугольного Камня — Господа нашего Иисуса Христа. На Него возвергаю все упование свое". (Полтора десятилетия спустя Новоселову было суждено испытать те же чувства и переживания в гораздо более сильной степени — см. "Письма к друзьям", письмо 7).

Но и после того, как первая революционная волна схлынула, настоящего успокоения в обществе не наступило, и Новоселов трезво отдавал себе в этом отчет. Так 3 августа 1909 года, хваля Федора Дмитриевича за то, что он копил силы к осени, Новоселов писал: "А силы очень нужны, так как работы всякой по горло. Мне последнее время все кажется, что нужно спешить делать добро, как выражался д-р Гааз. То есть и всегда это знаешь, да не всегда чувствуешь. Кругом слишком сумрачно, и громы многие слышатся, и волны вздымаются, — а ковчег наш не устроен и требует внимательной, упорной и энергичной работы."

²⁸ ОР РГБ, ф. 265, 195/25-26 (30 писем).

Не знаю, как Вы, а я, видя, что "пашины много", в то же время чувствую, что "дня немного впереди", что впереди, как хорошо о себе в последние годы жизни выразился Влад. Соловьев, впереди "прочее время живота". Если бы Вы спросили, около чего вращается теперь моя мысль по преимуществу, если не исключительно, я твердо бы ответил: около души и Церкви. В сущности эти вещи неразделимы. Так, по крайней мере, у нас в Православии. И это — душа и Церковь — есть то единое на потребу, к чему приложится все прочее, чему приложиться положено волей Божией. Окружающее нас — близкое и далекое — особенно и ценно, и значительно, и поучительно со стороны своего отношения к этому сокровищу, ради которого стоит продать все прочее, чтобы получить его. И хотя нависают тучи и слышны раскаты грома, я все больше и больше, — если хотите — в меру усиления грозы, — чувствую всю несокрушимость того Ковчега, непоколебимость Коего обещаю нам Истинным Свидетелем, но тем ответственным чувствую себя за ковчег своей души и за ковчег своей церкви, которые тогда только могут быть в безопасности, когда прикреплены надежно к Ковчегу вселенскому. Довольно тесное общение, в течение почти 1, 5 лет, с протестантствующей молодежью и встреча с иностранными представителями англиканства и баптизма еще больше внушили мне уверенность в несравненной истинности нашей Церкви, несущей в себе предание Духа Истины, и сознание исключительной важности всестороннего служения Церкви. Вот на этом предмете и следует нам всем сосредоточить главные силы".

В порядке реализации этой цели около 1907 г. и был организован впоследствии хорошо известный в московских церковных кругах новоселовский кружок. Конечно, это было в духе времени: широкое распространение различных религиозно-философских объединений (кружков, обществ, братств) было одной из характерных форм духовной жизни предреволюционного десятилетия. На заседаниях этих объединений горячо обсуждались всевозможные проблемы христианского вероучения, а их смешанный состав (духовенство, философы, богословы, ученые, писатели) давал возможность непосредственного диалога между Церковью и интеллигенцией, позволял ставить задачу воцерковления последней. Новоселов придавал большое значение такого рода деятельности и участвовал в ней, начиная с заседаний самого первого из таких объединений — Петербургских "Религиозно-философских Собраний" (1901-1903 гг.), неизменно выступая на них со строго церковных позиций в противовес Мережковскому и Розанову. Участвовал он и в работе Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (1905-1918

гг.), возле которого сосредоточились в то время основные силы русской религиозной философии.

Однако атмосфера упомянутых обществ и характер дискуссий в них не удовлетворяли Новоселова. Это были религиозные искания "около церковных стен"²⁹, а зачастую и в стороне от них, характеризовавшиеся отсутствием духовной трезвости, безответственностью в выражениях, бесцеремонным отношением к высшему началу, декадентской эстетски-аморальной "дионисийской" настроенностью. По этой причине Новоселов и круг его ближайших друзей (священники о. Павел Флоренский и о. Иосиф Фудель, Ф. Д. Самарин, В. А. Кожевников, С. Н. Булгаков, П. Б. и С. Б. Мансуровы, Н. Д. Кузнецов, Ф. К. Андреев и др.), сложившийся вокруг издательства "РФБ", организовали свое религиозно-философское общество, которое было скромно названо "Кружком ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви".

По сравнению с Московским РФО "новоселовский" кружок не был столь многочисленным. Обычно его заседания проходили на квартире Михаила Александровича, который жил с матерью напротив Храма Христа Спасителя в доме Ковригина. Обстановку квартиры хорошо передает С. И. Фудель: "У него была там зала с большими портретами Хомякова, Достоевского и Вл. Соловьева, с длинным столом для занятий его религиозно-философского кружка, его кабинет с образом св. Иоанна Лествичника и третья маленькая комната-столовая, где мы и сидели за часом"³⁰. На той же квартире занимался и небольшой студенческий кружок, возникший как филиальное отделение "Кружка ищущих христианского просвещения" и посвятивший себя изучению текста книг Св. Писания Нового Завета³¹. Время от времени устраивались и публичные рефераты, которые читались в особняке члена кружка доктора Корнилова на Нижней Кисловке и на которые собиралось до ста человек.

Главное, что отличало "Кружок ищущих христианского просвещения" — его строго церковное направление: он принципиально ставил себя внутри церковной ограды, пользовался покровительством ректора МДА еп. Феодора (Поздеевского) и духовно окормлялся старцами Зосимовой пустыни. На его заседаниях царил подлинно правос-

²⁹ Название одной из книг В. В. Розанова.

³⁰ Ф. И. Уделов (Фудель). Об о. Павле Флоренском. Париж, 1972. С. 19.

³¹ В годы Первой мировой войны возник также Иоанно-Богословский кружок, который собирался на той же квартире; его члены в частности должны были с целью поддержки раненых воинов, находящихся на излечении в Москве, водить их по московским святыням.

лавная атмосфера. Здесь не ставилась задача выработки "нового религиозного сознания", не ставились целью агитация и распространение своих взглядов. Руководящей для деятелей кружка была мысль, что внешними мерами — реформами, новыми уставами и т. п. — ничего не достичь, если не будет внутреннего изменения человека. А достичь такого внутреннего изменения можно было лишь в ходе совместного соборного продумывания основ православной веры, изучения Писания и Предания. "Кружок" был реализацией проекта духовного сплочения небольшой группы друзей на основе не ученой религиозно-философской деятельности, но интимного духовного общения. Это был проект создания некоей точки кристаллизации, размер коей не имел особого значения. Собственно говоря, не с государственной, но со строго церковной точки зрения размер общины не имеет значения: "где двое или трое собраны во имя мое, там Я посреди них" (Мф. 18, 20) (вопросу о пределах Церкви на земле Новоселов позднее посвятил последнее (20-е) из своих "Писем к друзьям").

Люди, собиравшиеся на новоселовских "четвергах", стремились реализовать хомяковскую идею соборного богопознания. Цель эта постоянно и сознательно "держалась в уме" — какой бы вопрос ни возникал перед членами кружка. В качестве примера можно привести письмо Новоселова Самарину от 20 июня 1911 года; говоря о появившемся в газетах послании архиепископа Антония (ответ баптистам) и о необходимости отклика на него, Новоселов писал: "Вот что было бы хорошо: Вы ведь начали писать мне нечто о сем послании, — продолжите начатое и пришлите, не стесняясь формой изложения, необработанностью и недоговорками. Я прочитал бы написанное Вами и присоединил бы свои соображения, если бы они понадобились; легко мог бы привлечь к этой работе и кое-кого из здешних приятелей, как например о. Павла Флоренского. Затем сии писания препроводили бы Владимиру Александровичу, который отозвался бы вместе с Сергеем Николаевичем. Таким образом, мог бы получиться коллективный (а может быть и "соборный") документ, которым можно было бы воспользоваться в интересах выяснения вопросов, затронутых Антонием. Если Вы знаете, где Павел Борисович, то привлечите и его к этому делу". (Понятие "соборности", которая отнюдь не есть "коллективность", Новоселов подробно разбирает позднее в своих "Письмах к друзьям" — письма 11-15 и особенно 17).

По свидетельству о. Павла Флоренского: "Конечно, московская "церковная дружба" есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе это полная *coincidentia oppositorum*³². Все

³²Совпадение противоположностей (лат).

С. Н. БУЛГАКОВ, о. Павел ФЛОРЕНСКИЙ
и М. А. НОВОСЕЛОВ.

1913 г (?). Вифания
(окрестность Сергиева Посада)

свободны, и все связаны; все по-своему, и все — "как другие"... Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей... В сущности фамилии "Новоселов", "Флоренский", "Булгаков" и т. д., на этих трудах надписываемые, означают не *собственника*, а скорее стиль, сорт, вкус работы. "Новоселов" — это значит работа исполняется в *стиле* Новоселова, т. е. в стиле "строгого Православия", немного монастырского уклада; "Булгаков" — значит в профессорском стиле, более для внешних, апологетического значения и т. д."³³

О той не вполне ординарной роли, которую Новоселов играл в "Кружке", хорошо написал В. В. Розанов: "Суть связи этого кружка — личная и нравственная; высшее его качество — не выявляться, не спорить; печататься как можно меньше. Но взамен этого — чаще видаться, общаться; жить некоторою общею жизнью, или — почти общею. Без всяких условий и уговоров они называют почти старейшего между ними, Мих. Ал. Новоселова, "авва Михаил". И хотя некоторые из них неизмеримо превосходят почтенного и милого М. А. Новоселова ученостью и вообще "умными качествами", но, тем не менее, чтут его, "яко отца", за ясный, добрый характер, за чистоту души и намерений и не только выслушивают его, но и почти слушаются его"³⁴. О том же свидетельствуют воспоминания дожившего до наших дней члена кружка К. С. Родионова: "Это было чисто православное общество, а М. А. Новоселов был идейным руководителем Православия в Москве"³⁵.

Ярче всего о церковном характере "Кружка" говорит отношение его участников к молитве. Важные мысли по этому вопросу высказаны Новоселовым в его письме к Самарину от 11 августа 1907 года:

"Что касается "Задач и характера устраиваемых "Кружком" бесед", то я с одним Вашим суждением не совсем согласен. Вы говорите: "ведь общение в молитве во всяком случае есть лишь общение в области чувства", и в конце: "мы все друг друга будем учить и друг у друга учиться, чтобы все более сближаться духовно и достигнуть возможно полного внутреннего единения".

Я думаю, что молитвенное общение не есть едине-

³³ Приведено в статье: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский — профессор МДА и редактор "Богословского Вестника" (Богословские Труды. Сб. 28. 1987. С. 304).

³⁴ Петроградский старожил (Розанов В. В.). Бердяев о молодом московском славянофильстве // Московские ведомости. 1916. 17 авг. № 189.

³⁵ Воспоминания Константина Сергеевича Родионова (1892-1991) // Вестник РХД. 1992. № 164. С. 280.

ние только в области чувства: оно есть единение в духе, т. е. во всецелости нравственного существа. По моему мнению, все духовные силы наши приходят в действие в молитве, и общение, создаваемое на почве общей молитвы, простирается на область не только чувства, но и ума, и воли.

Единомыслие же захватывает не так глубоко, и может ограничиваться только интеллектуальной сферой, не существенной (хотя и имеющей свою цену) в христианстве.

Поэтому, всецело присоединяясь к намеченной Вами задаче — совместно работать над выяснением христианского веросознания в целях "внутреннего единения", я хотел бы подчеркнуть существенное значение молитвы (и благоговейного чтения Писания и творений подвижников), как средства, ведущего к этой цели.

Я не думаю, что эти мои замечания противоречат Вашим взглядам на задачи нашего Кружка. Не служат ли они скорее дополнением к тому, что выдвинуто на первый план в Вашем рассуждении? При свидании мы, конечно, без труда придем к соглашению".

Еще раз эта тема затрагивается Новоселовым в письме Самарину от 3 августа 1909 года: "Сердечнейшее Вам спасибо за молитвы обо мне. Мы как-то обычно мало придаем значения этой сфере общения и взаимослужения, а между тем что важнее этого, если оно совершается не формально, а по сердечному влечению. Со времени возникновения нашего "Кружка" я поминаю членов его, лучше сказать, собратьев своих, в ежедневной молитве. Кроме того, временами о каждом из них молюсь особо, испрашивая ему у Господа той милости, которая по моему рассуждению нужна ему преимущественно. И представьте, дорогой мой, я о Вас молился иногда именно в смысле избавления Вас от скованности чем-то. Чем — я точно сам не отдавал себе отчета, а терялся в догадках. Помогите Вам Господь воспрянуть ко времени "подвига" и телесно, и духовно! Будем продолжать молитву друг о друге".

Столь же глубокая дружба связывает Новоселова и с выдающимся религиозным философом отцом Павлом Флоренским. В архиве последнего хранится около сотни писем Новоселова к нему (в настоящее время они готовятся к публикации). Отношения Михаила Александровича к Флоренскому ярко передает его письмо к Самарину от 18 июня 1912 года — частью шутовское, а частью — очень важное для характеристики облика как отца Павла, так и самого автора письма:

"Кстати сказать, я передал о. Павлу о его явлении

Вам во сне, добавив, что Вы редко видите сны, а, увидев, забываете. И советовал ему углубиться философски и мистически в сие необычное явление. О результатах углубления, если таковые будут, сообщу Вам.

Говоря серьезно об о. Павле, могу сообщить, что он удручается диссертацией, которую снабжает теперь массой примечаний (они помещаются в конец книги). Эта работа, по его словам, вредна и в умственном, и в духовном отношениях. Вообще, он настроен пессимистически и скептически к научным занятиям и становится так близок ко мне по обскурантности, что я пугаюсь. Ибо для меня исповедание "научного" обскурантизма и нетрудно, и безвредно, и, полагая, довольно безгрешно. Ну, а относительно о. Павла дело обстоит совершенно иначе, и когда он серьезно и несколько печально начинает уверять, что я прав, и что он все больше соглашается со мной, мне становится жутко, и я готов возражать ему. Впрочем, тяготит его теперь (и м[ожет] б[ыть], пока) работа научно-богословская; что касается работы над Отцами и вообще дела более религиозного, чем научного, то к этой области он относится с живым интересом".

Дружеские отношения Новоселова к Флоренскому не исключали порой весьма острых споров между ними. "Я помню, что выход книги о. Павла о Хомякове вызвал большое огорчение среди близких к нему людей. М. А. Новоселов сейчас же поехал к нему в Посад и потом рассказывал моему отцу, что он чуть ли не всю ночь с ним спорил и доказывал ему его "римско-магический" уклон. "И вот, — говорил М. А., — в конце концов о. Павел поник головой и согласился и при этом сказал: "я больше не буду заниматься богословием". Эти слова оказались пророческими, хотя он и не вкладывал в них тот смысл, который получился: это был канун 1917 года, когда вскоре закрылась Академия и его работы все больше стали уходить сначала в искусствоведение, а потом в математику и технику"³⁶. Но тот же С. И. Фудель свидетельствует, что в критике этой не было ничего недружественного, нелюбовного, а тем более — озлобленного, с чем так часто приходится сталкиваться в наши дни: "Помню, я с отцом были у М. А. Новоселова, в его квартире на углу Обыденского переулка. <...> И вот он, человек очень сердечный и, при этом, любящий о. Павла, работающий с ним вместе по защите имяславия от нападок Синода, вдруг начал высказывать сомнение в церковной ценности его работ. Мне было 17 лет, я молчал, но вдруг волнение буквально толк-

³⁶Ф. И. Уделов (Фудель). Об о. Павле Флоренском. Париж, 1972. С. 84.

Первый ряд (слева направо):

Наталья БУЛГАКОВА, С. Н. БУЛГАКОВ,
о. Павел ФЛОРЕНСКИЙ.

Второй ряд:

Федор БУЛГАКОВ, (?), М. А. НОВОСЕЛОВ.
1913 г (?). Сергиев Посад (?)

нуло меня в разговор: "Как вы можете так говорить! О. Павел открыл нам Церковь". Я помню ободряющие глаза моего отца, и — сначала удивление, затем смущенную улыбку и, наконец, явное одобрение и на лице Новоселова: точно он только и ждал этого моего молодого протеста³⁷.

Завершая рассказ о дореволюционном периоде жизни Новоселова, следует сказать несколько слов и о его общественно-политической позиции. Конечно, Михаил Александрович был консерваторм, монархистом, признавал религиозное значение самодержавия. Но, выступая против церковного модернизма, против попыток "обновить" Церковь без ясного понимания ее сущности, в духе тогдашнего "прогрессивного" либерализма, Новоселов в то же время был непримиримым противником всякой зависимости Церкви от государства и выступал за реформу церковного управления. По свидетельству Бердяева, "у него не было того клерикализма и поклонения авторитету иерархии, которые характерны для правых течений русской эмиграции. Он признавал лишь авторитет старцев, т. е. людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством"³⁸. И когда в конце 1911 г. разыгралось на шумевшее по всей России дело епископа Гермогена и Илиодора³⁹ и распространились слухи о возможном рукоположении Григория Распутина, Новоселов выпустил в своем издательстве брошюру "Григорий Распутин и мистическое распутство", где он не только документально изобличает всемогущего "старца" в хлыстовстве, но и резко обвиняет в попустительстве высшую церковную иерархию. "Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя?.. Где его святейшество, если он по нерадению или малодушеству не блюдет чистоты веры Церкви Божией и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света?"⁴⁰ Разумеется, эта брошюра была запрещена и конфискована еще в листах в типографии, а за опубликование выдержек из нее газетой "Голос Москвы" на последнюю был наложен большой штраф. Именно

³⁷ Там же. С. 19-20.

³⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. Париж, 1949. С. 200-201.

³⁹ Удаление из Петербурга епископа Гермогена (зверски убит большевиками в 1918 году) и состоявшего при нем иеромонаха Илиодора в ответ на их попытку воздействовать на Распутина (получить от него обещание оставить царский двор); при этом епископ Гермоген был исключен из состава Синода.

⁴⁰ Новоселов М. Григорий Распутин и мистическое распутство. М., 1912. С. 2.

после этой истории, получившей большую огласку из-за запроса в Государственной Думе о законности карательных действий властей, русское общество впервые осознало всю пагубность для России рокового союза трона и лжепророка Распутина⁴¹.

Приход большевиков к власти знаменовал начало новой эпохи в жизни Русской Православной Церкви — эпохи притеснений, гонений, преследований; власти едва скрывают свою ненависть к "поповщине", воинствующий атеизм становится столь же обязательным для гражданина "страны советов" тестом на лояльность, как антисемитизм в фашистской Германии. Занимающийся историей этого периода Церкви как бы погружается в иное, бесписьменное время: прекращается издание какой бы то ни было религиозной литературы, в том числе газет и журналов; материалы о церковной жизни исчезают и со страниц светской периодики (если не считать дежурную богоборческую хулу "к праздникам" и "просто так" — в порядке личной инициативы" какого-либо выслуживающегося журналиста). Разыскания о том или ином церковном иерархе, писателе, историке, богослове, если он не успел умереть до 1917 года и не эмигрировал, ныне зачастую походят на археологические раскопки ("археология по-советски"). Год смерти даже такой крупной фигуры, как отец Павел Флоренский, был установлен совсем недавно; то же следует сказать и о новомученике митрополите Петре Полянском, преемнике святого Патриарха Тихона; остаются по сей день неизвестными годы и обстоятельства смерти многих активных деятелей Собора 1917-1918 гг., и т. д.

Сведения о М. А. Новоселове, дошедшие до нас от той эпохи, крайне скудны. Разумеется, он был одним из тех, кто встал на защиту Церкви в это трудное для нее время. Так, он был членом Временного Совета объединенных приходов города Москвы, и мы встречаем его имя на выпущенном этим Советом в начале февраля 1918 г. воззвании-листовке, призывающей верующих защищать храмы от посягательств богоборной власти. В этом воззвании в частности говорилось:

"Временный Совет объединенных приходов города Москвы, избранный на Общем Собрании представителей приходов 30-го января, в первом своем заседании 31-го января сделал следующее постановление, которое и признано необходимым сообщить всем

⁴¹ Родзянко М. В. Крушение империи. Киев, 1990. С. 35-38.

приходам города Москвы:

1. Избран Председателем Совета А. Д. Самарин, Товарищем Председателя протоиерей С. В. Успенский и протоиерей Н. В. Цветков, секретарями – священник А. А. Полозов и Г. В. Сапожников, казначеем М. Н. Бардыгин. Эти лица, вместе с избранными на том же собрании Г. А. Рачинским, М. Л. Богоявленским, М. А. Новоселовым, Н. Д. Кузнецовым, составляют исполнительное бюро Совета. <...>

4. Просить все приходы в целях оживления приходской жизни и для поддержания того подъема, который создан в связи с крестным ходом 28 января, возможно чаще собирать приходский Совет, а также по возможности и общие приходские собрания для обсуждения всех вопросов, вытекающих для веры и Христовой Церкви в связи с гонением, воздвигнутым против них Советом Народных Комиссаров и его агентами на местах, в частности надлежит безотлагательно обсудить и установить образ действий прихода на случай покушения со стороны представителей нынешней власти захватить храм, его принадлежности, какое-либо имущество, принадлежащее церкви, или иным образом посягнуть на достоинство церкви и прихода.

5. Уведомить все приходы, что Временный Совет признавал бы желательным в случае открытого посягательства на храмы и священные и церковные предметы поступать следующим образом: священник должен объяснить пришедшим представителям нынешней власти, что он не является единоличным распорядителем в церковном имуществе и потому просит дать время созвать приходской Совет. Если это окажется возможным сделать, то приходскому Совету надлежит твердо и определенно указать, что храмы и все имущество церковное есть священное достояние, которое приход ни в каком случае не считает возможным отдать. Если бы представители власти не вняли доводам настоятеля храма или приходского Совета и стали бы проявлять намерение силой осуществить свое требование, надлежало бы тревожным звоном (набатом) созвать прихожан на защиту церкви. При этом Совет считает безусловно недопустимым, чтобы прихожане в этом случае прибегали к силе оружия. Если есть поблизости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздавался тревожный звон, по которому население окрестных приходов могло бы прийти на помощь и своей многочисленностью дать отпор покушению на

церковь⁴².

Понятно, что подобные призывы к сопротивлению власти не могли остаться безнаказанными для их авторов. Для Новоселова в частности еще и потому, что он продолжал активно работать на ниве духовного просвещения, предоставив свою квартиру для занятий Богословских курсов, открывшихся весной 1918 г. с благословения Патриарха Тихона. "Курсы ставили целью приблизить православных мирян к сокровищам благодатной жизни Церкви, знакомя их с проявлениями церковного духа по первоисточникам (Слово Божие, жития святых, творения святых отцов, богослужебные книги и т. д.), и подготовить их к деятельному служению Церкви"⁴³. На этих курсах, продолжавшихся 2 месяца, Новоселов преподавал и сам (святые отцы, их жизнь и писания). Такие же курсы предполагалось открыть и в январе 1919 года, при этом за Новоселовым были закреплены такие темы: "церковно-исторические очерки (христианские мученики); церковные чинопоследования как выражение всеобъемлющей и богодейственной любви Церкви к своим чадам, а также эпизодический курс "Вера и Церковь" (1. Ангелы и демоны в жизни мира и человека по учению Слова Божия, свв. Отцов, житий и церковных чинопоследований; 2. Имя Божие; 3. Крест; 4. Первохристианство и антихристианство; 5. Во свете ветхозаветного и новозаветного пророчества; 6. От Толстого к Церкви)⁴⁴. Неизвестно, был ли приведен в исполнение этот план; ясно во всяком случае, что многое из того, что было подготовлено Михаилом Александровичем для занятий на курсах, было затем использовано им в "Письмах к друзьям".

Эта непрекращающаяся активность Новоселова неизбежно должна была привлечь к нему внимание органов ГПУ, и потому не вызывает удивления, что следующее строго документированное свидетельство о нем, относящееся к 1922 году, мы находим уже в архивах этого учреждения, медленно и нехотя начинающих ныне приоткрываться для исследователей. После ареста в мае Патриарха Тихона и захвата церковного управления обновленческим ВЦУ (Красницкий, Введенский и др.) Митрополит Ярославский Агафангел, назначенный Святейшим Патриархом Тихоном своим Заместителем, но вследствие чини-

⁴² За возможность ознакомления с воззванием "Временного Совета объединенных приходов города Москвы", хранящимся в архиве Флоренского, я приношу благодарность его семье.

⁴³ Сорокин В. и др. Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне // Христианское чтение. СПб., 1992. № 7. С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 26.

мых властями преград не имевший возможности вступить в отправление возложенного на него служения, обратился 5 (18) июня к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви с Посланием, где объявил деяния обновленцев незаконными и призвал верующих не оказывать им никакой поддержки. Вскоре после этого в церковных кругах Москвы стало распространяться еще более резкое воззвание, озаглавленное "Братское предостережение чадам истинной Церкви Христовой". После изложения фактической стороны дела воззвание завершается энергичным выводом:

"<...> 5. Поэтому "хранитель благочестия" (говоря языком Послания Восточных Патриархов) – православный народ должен решительно отвергнуть узурпаторов церковной власти, не вступая с ними в общение и не допуская молитвенного возгласения их имен в храмах. 6. Те православные иереи и миряне, которые будут поддерживать церковное общение с самочинной раскольничьей иерархией, тем самым являются вместе с нею извергнутыми из тела церковного, т. е. отлучившими себя от Христа"⁴⁵.

Воззвание было отпечатано типографским способом в виде листовок и подписано: "Братство ревнителей Православия. Издание друзей истины". Вне всякого сомнения Новоселов принадлежал к таким "ревнителям", и властям отнюдь не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о причастности Новоселова к его составлению.

О том, как разворачивались дальнейшие события, мы узнаем из хранящейся в архиве КГБ тонкой папке с "Делом" М. А. Новоселова. Дело это – как бы мгновенный "срез" эпохи, забытая фотография, затерявшаяся и обнаруженная спустя 70 лет. Оно невелико, всего 10 листов. Папка с надписью "ВЧК, Архивно-следственное Дело № 30819 (P25733)" открывается ордером на обыск в принадлежавшей Новоселову квартире (дом № 1 по Обыденскому переулку) и на его арест по результатам обыска. Ордер от 11 июля 1922 г. был подписан самим Генрихом Ягодой, в то время – заместителем председателя ГПУ. По обыкновению чекисты нагрянули в ночь на 12 июля, но увя – предполагаемого арестанта дома не оказалось, обыск пришлось проводить в его отсутствие. Помимо неопровержимых управдома, понятых и А. И. Новгородцева (брата знаменитого философа права), с давних пор проживавшего на одной квартире с Новоселовым, присутствовал еще один человек, говоря языком протокола – "гражданин В. Тернавцев". Историку русской религиозной мысли хорошо из-

вестно это имя: он был одним из членов-учредителей Петербургских "Религиозно-философских Собраний" – первого опыта встречи Церкви и интеллигенции для свободного обсуждения вопросов веры и культуры.

По своему образованию (С.-Петербургская Духовная академия) и роду деятельности (чиновник Синода) Тернавцев принадлежал к церковным кругам, был богословом-эрудитом. Но артистичностью своей натуры, пламенностью темперамента (он был итальянцем по матери), своими мессианскими убеждениями и даром рассказчика и оратора Тернавцев был хорошо известен и в литературных салонах. Поэтому в то время он был едва ли не единственным человеком, способным на понятном как для мира Церкви, так и для мира светской культуры языке сформулировать "великую задачу" – восстановления единства между этими двумя мирами. И когда 29 ноября 1901 г. под председательством ректора Духовной Академии еп. Ямбургского Сергия (Страгородского), одного из самых образованных иерархов того времени, будущего Патриарха, состоялось первое заседание, именно В. А. Тернавцев сделал на нем доклад, задавший тон всех последующих дискуссий, который так и назывался: "Русская Церковь пред великой задачей". Критикуя церковных деятелей за апатию и пассивность в социальных вопросах перед лицом стремительно надвигающихся общественных потрясений, а интеллигенцию – за ее революционную ограниченность, не позволяющую осознать религиозную основу любви к свободе и других общественных добродетелей, Тернавцев горячо призвал к примирению обе доселе противоборствующие стороны. Его доклад был проникнут болью за состояние русской Церкви, во многом утратившей свое прежнее влияние на жизнь общества. В качестве главной причины такого положения дел Тернавцев назвал отсутствие у Церкви положительного религиозно-социального идеала, ее "исбрежение о земном". "Для всего христианства, – заявил он, – наступает пора не только словом в учении, но и делом показать, что в Церкви заключается не один лишь загробный идеал. Наступает время открыть сокровенную в христианстве правду о земле, – учение и проповедь о христианском государстве. Религиозное призвание светской власти, общественное во Христе спасение, – вот о чем свидетельствовать теперь наступает время"⁴⁶.

"Христианского государства" не получилось; вопреки горячим надеждам и пламенным призывам Валентина Александровича настали совсем иные времена, и выброшенный революционным вихрем из Петербурга сначала в

⁴⁵ Цит. по книге: Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Kusnacht, 1978. С. 124.

⁴⁶ Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902-1903). СПб., 1906. С. 21-22.

Крым, он не пожелал или не смог эмигрировать и оказался в Москве, где временно проживал на квартире Новоселова. И вот теперь он давал показания чекистам, объясняя, что хозяин уехал 6 июля в Оптину Пустынь, где будет до 23 июля. Была произведена выемка переписки Новоселова, изъяты вырезки из газет, фотографии, а также такие недопустимые для новой России вещи, как орден Станислава с лентой⁴⁷ и две пары офицерских погон. Но при обыске было найдено и кое-что страшнее — пишущая машинка Ремингтона. Она принадлежала Тернавцеву, привезшему ее из Крыма без соответствующего удостоверения, поскольку, по его объяснениям, "на основании декрета Совнаркома от 17 октября 1921 г. пишущие машинки никаким реквизициям и конфискациям не подлежат". Но декрет декретом, а жизнь — жизнью; машинку у В. А. правда не отобрали, но ему пришлось потратить немало сил, доказывая ГПУ, что она нужна ему для научной работы; эти доказательства, в том числе справки от двух учреждений — "Музея Игрушки" и "Российского Библиографического института" (что Тернавцев выполняет на своей машинке нужную для них работу) занимают в Деле Новоселова 4 листа из 10.

Из изъятой у Новоселова корреспонденции в Деле находим совсем немного: видимо, Михаил Александрович хорошо подготовился к приходу неожиданных гостей. Наиболее интересное — небольшое письмо-записка от художника М. В. Нестерова.

"С Праздником поздравляю Вас, дорогой Михаил Александрович! Каково-то Вы его встретили?

Сегодня вечером у нас будет И. А. И-нъ — если Вы не устанете за день — прошу Вас после всенощной — откушать к нам чаю.

О том же прошу и Валентина Александровича.

Ек. Петровна шлет свой привет.

Искренне любящий Вас

М. Нестеров.

18 июня 1922.

Р. С. Посылаю к Вам рисунок. Прошу извинить за разбитое стекло".

18 июня (по новому стилю) в 1922 году пришлось на 2-ю Неделю по Пятидесятнице, когда Русская Православная Церковь отмечала восстановленное на недавнем Поместном Соборе древнее празднование памяти Всех святых, в земле Российской просиявших. И словно свет дав-

⁴⁷ По-видимому, речь идет об одном из трех орденов (орден св. Станислава 2-й степени), которыми был награжден за службу по ведомству народного просвещения отец Новоселова Александр Григорьевич.

но умершей звезды доносит до нас эта записка чрез долгую, мрачную, глухую большевистскую ночь мерцающие огоньки лампы и негромкие голоса разговаривающих за чашкой чая православных русских людей, деятелей культуры, представителей подлинной церковной интеллигенции: церковного издателя и публициста Михаила Александровича Новоселова, религиозного мыслителя Валентина Александровича Тернавцева, выдающегося религиозного живописца Михаила Васильевича Нестерова и замечательного русского философа Ивана Александровича Ильина, которому до ареста и высылки из страны оставалось всего два месяца...

По-видимому, после этого обыска Новоселов уже никогда не возвращался в свою обыденскую квартиру, перейдя, таким образом, на "нелегальное положение". Подтверждением этому служит еще один документ, хранящийся в Деле. Он датирован 12-м октября 1922 г. и представляет собой донос некоего "сексота" по фамилии Кутепов, сообщавшего "органам", что "разыскиваемый (по делу Агафонильских воззваний [так в оригинале: имеется в виду упомянутое выше воззвание митрополита Агафангела. — Е. П.]) Мих. Ник. [так в оригинале. — Е. П.] Новоселов несколько дней назад был на своей родине Вышнем Волочке и бывал там у неких Волковых".

Последние два листа Дела являют его эпилог. Добраться до скрывающегося Новоселова чекисты пока что не могли, меж тем с зависшим в неопределенном положении расследованием нужно было что-то делать (вероятно, и тогда уже у них существовала отчетность по "проценту раскрываемости" и всякая "незавершенка" раздражала начальство). Во всяком случае, лист 9 Дела представляет собой

"ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 15188 гр. Новоселова Мих. Ал., обвиняемого в антисоветской деятельности. По регистрации ГПУ не проходил. Находится на свободе.

26 февраля 1923 г. я, сотрудник 6-го отд. СОГПУ Ивлиев, рассмотрев вышеупомянутое дело за № 15188, нашел, что 11 июля 22 г. у гр. Новоселова был произведен обыск по подозрению его в антисоветской деятельности, причем при обыске ничего компрометирующего обнаружено не было кроме ордена Станислава, который при обыске был отобран и представлен в ГПУ, а посему полагаю бы дело следствием прекратить и сдать в Архив, отобранный орден возвратить.

Примечание: Орден сдан в Комендатуру ГПУ

квит. № 9880.

Сотр. 6 Отд. СОГПУ: Н. Ивлиев
1 марта 1923 г."

На этом документе стоят резолюции "Согласен" и подписи Е. Тучкова, ведавшего церковными делами в ГПУ, и И. Уншлихта, в то время секретарь Коллегии ВЧК-ОГПУ.

Наконец, последний 10-й лист Дела — выписка из протокола судебного заседания Коллегии ГПУ от 19 марта, на котором было постановлено дело прекратить и сдать в архив.

Так завершилось первое прямое столкновение Новоселова со всемогущим государством, после которого начался новый этап его жизни. Формально его дело было прекращено, но, надо полагать, к тому времени Михаил Александрович уже хорошо знал основной принцип большевистской юриспруденции: был бы человек, а дело найдется. Никким образом нельзя было доверять гуманности власти; куда благоразумнее было затеряться на бескрайних просторах еще помнящей Бога России.

И на следующие шесть лет Новоселов с точки зрения официального государства исчезает из жизни. Но он вовсе не затаился, как мышь, в подполье где-то на задворках нового коммунистического Рима. И в новых условиях нелегального существования в "самой свободной стране в мире" он не перестал работать на ниве церковной — вплоть до своего ареста в 1928 г. Памятником этой работы и являются его "Письма к друзьям", которые он писал с 1922-го по 1927 год — время, когда Церковь была не только бесправна де-факто, но и вне закона де-юре⁴⁸, когда оцепеневшая от страха страна погрузилась в глухое молчание, а за горячее слово о христианской вере можно было заплатить не только свободой, но и жизнью.

Сейчас уже трудно установить конкретных адресатов этих писем. Конечно, в число корреспондентов Новоселова наверняка входили некоторые из его друзей — соратников по религиозно-философскому издательству и собеседников по кружку ищущих духовного просвещения: известно, что большинство из этих людей не эмигрировало после революции. Однако круг читателей "Писем" явно не ограничивался его близкими по прошлой деятельности;

⁴⁸ С лета 1922 г., когда ВЦИК издал постановление об обязательной регистрации всех общественных организаций (к которым была отнесена и Церковь) — и до получения этой "регистрации" заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием летом 1927 года (в связи с его Декларацией о лояльности).

Михаил Александрович
НОВОСЕЛОВ

иначе было бы непонятно, зачем он повторяет в ряде писем идеи, уже высказывавшиеся им ранее в выпусках его Библиотеки и его друзьям хорошо знакомые. Объяснение может быть только одно: эти письма с самого начала предназначались для широкого распространения среди православных, то есть, говоря современным языком, — для церковного самиздата. Об этом же свидетельствует и тот факт, что уже в 1925 г. "Письма" были в первый раз перепечатаны на машинке; "эпистолярная" деятельность Михаила Александровича к этому времени еще далеко не закончилась, было написано только 14 писем, и именно этим объясняется хождение в самиздате сборника из его 14 писем (на этих письмах стоит не только дата их написания, но и дата их перепечатки). Полный сборник из всех 20 писем, очевидно, был перепечатан позже.

Целиком "Письма к друзьям" никогда не издавались. Письма 1 и 2 были опубликованы в парижском журнале "Вестник РХД" (№№ 115 и 118), письма 5 (с купюрами идеологического характера), 10 и 14 — в сборнике "Надежда" № 10 (под ред. З. Н. Крахмальниковой), письмо 9 — в новосибирской газете "Северо-Восток" (приложение к "Сибирской газете"), 1992, № 8 (12), письмо 11 — в "Журнале Московской Патриархии", 1992, № 6. Следует отметить, что "Письма" много теряют от такой выборочной публикации, так как представляют собой вполне законченное и внутренне связанное целое. Публикация "Писем" М. А. Новоселова, на наш взгляд, чрезвычайно актуальна в условиях нынешней духовной ситуации в России, для которой характерна расшатанность представлений о сущности Церкви, крайне опасная ввиду реальной угрозы новой церковной разрухи (соблазны перехода в иные конфессии и юрисдикции, появление "самосвятов" и др.).

Так как письма Новоселова — не только композиционный прием построения его работы, но и действительно посылаемые (конечно, не с помощью почты) сообщения, то понятно, что в них нет безукоризненной последовательности в разработке поднимаемых проблем. Безусловно, когда друзья Михаила Александровича обратились к нему с просьбой делиться своими мыслями по поводу текущих церковных событий и христианского вероучения вообще, у него возник определенный план бесед о вере и Церкви. И хотя в первой половине своей работы он постоянно отступает от намеченного плана, откликаясь на современные ему явления церковной жизни, но все же постепенно от злости дня поднимается к систематическому рассмотрению общего учения о Церкви, ее сущности, ее роли в Божественном Домостроительстве.

Первое письмо (7 декабря 1922 г.) посвящено актуальной в начале двадцатых годов теме — так называемой

"Живой церкви". Не ограничиваясь характеристикой слушателей этой "церкви лукавствующих", своей деятельностью раздирающих ризу Христову, Новоселов рассматривает вопрос о корнях этого движения в предреволюционный период и отмечает, что уже тогда в горячих дебатах по поводу "возрождения прихода", "обновления службы" и т. п. зачастую допускалась подмена христианского пути жизни либерально-общественным. Уже у тех прежних "наивных радателей церковно-приходского возрождения" (Михаил Александрович называет их "церковными эсерами" в противоположность живоцерковникам — "церковным большевикам") не было ясного понимания сущности Церкви; что же до современных обновленцев, то их путь он характеризует словами: "ин путь мняйся благий, а конец его во дно адово".

Второе письмо (27 декабря 1922 г.) развивает далее мысли о единой истинной Церкви, от которой отпала "церковь живая". Для уяснения сущности Церкви Новоселов привлекает соответствующие места из творений святых отцов и учителей Церкви (свв. Макария Великого, Германа Константинопольского, Мефодия Патарского и Николая Кавасилы), а также размышления об этом предмете А. С. Хомякова.

В следующих двух письмах (январь 1923 г.) Новоселов временно оставляет тему о природе Церкви для отклика на некоторые весьма злободневные вопросы церковной жизни того времени. Так, третье письмо посвящено практике "общей исповеди", которая, по мысли Михаила Александровича, допустима лишь в качестве подготовки к серьезной частной исповеди и никоим образом не может рассматриваться как законченное в себе таинство. В четвертом письме говорится о другой недопустимой даже в условиях разрухи в стране практике: о замене вина, этого узаконенного Словом Божиим и Священным Преданием вещества Евхаристии, различными суррогатами (простым водным настоем ягод, соками, сиропами и т. п.), в результате чего "великое бого- и тайнодействие подменяется лицедействием".

В 5-м письме (февраль 1923) Новоселов возвращается к теме первых двух писем; на этот раз он делится со своими друзьями мыслями о Церкви, извлеченными им из писем погибшего в 1914 г. князя Д. А. Хилкова, который прошел в своем духовном развитии (как и сам Михаил Александрович) путь от "ярого толстовца" до горячего апологета церковности. Однако в 6-м письме (апрель 1923) Новоселов вновь "отвлекается" злобой дня и высказывает свое резко отрицательное отношение к затеваемому церковными отщепенцами Собору (проходил с 29 апреля по 9 мая 1923 года). Он указывает на противоканонический ха-

рактар ряда пунктов опубликованного обновленцами "Положения" о созыве собора и противопоставляет этим революционным нововведениям лжецерковных реформаторов истинно церковные каноны, являющиеся связующим звеном между Церковью-Организмом и церковью-организацией.

Следующие четыре письма условно можно назвать эсхатологическими; в них рассматривается вопрос о конечных судьбах Церкви и мира. И интерес этот не был чисто академическим; апокалиптические настроения порождала вся окружающая действительность тех лет, которую кратко можно резюмировать как невиданное доселе в истории наступление сил зла. И в 7-м письме Новоселов прямо ставит вопрос: какой смысл имеет допущенный Промыслом Божиим разгул сатанизма на "святой Руси" — разрушение храмов, осквернение мощей, насилия над священнослужителями, словом, открытое, беззастенчивое, наглое попрание всего святого; как все это следует понимать и как должен к этому относиться православный христианин? Известны два ответа на этот вопрос. Один из них был дан И. А. Ильиным в книге "О сопротивлении злу силой" и заключен, собственно говоря, в ее заголовке. Ответ Новоселова иной: если мы признаем Промысл Божий (а каждый христианин, если только он не какой-либо деист, должен его признавать), то приходится заключить, что народные бедствия попущены Богом в целях промыслительных. Для иллюстрации своей мысли Михаил Александрович приводит отрывок из статьи В. В. Розанова "К разрушению Реймского Собора". В ней знаменитый публицист, обращаясь к интеллигентам, оплакивающим гибель памятника искусства, но не сожалеющим о разрушении храма народной молитвы, указывал, что раньше прусских ядер собор разрушило общеевропейское равнодушное отношение к религии, и подводил итог: "Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся". Всю свою жизнь Новоселов весьма критически относился к религиозным построениям В. В. Розанова, но с этими его словами он полностью солидаризируется и относит их и к новейшим российским событиям, видит в них ключ к их правильному пониманию. Другое подтверждение той же мысли Новоселов находит в библейском рассказе о гонении Антиоха Епифана (1-я книга Маккавейская), которое было следствием отступления от отеческой веры богоизбранного народа. И сравнивая богоборчество древнее и современное, Михаил Александрович призывает друзей не давать духу негодования и ненависти овладевать их сердцами, не хулить большевиков, помня, что они лишь орудие гнева Божия.

В 8-м письме Новоселов составляет для своих друзей

перечень различных пророчеств о конце мира. Он начинает с глаголов Господних (Мф. 24, 3-14; Лк. 18, 8) и апостольских (1 Тим. 4, 1-8; 2 Тим. 3, 1-7; 2 Петр. 3, 2-4, 17-18; Иуда, 18-19), а затем приводит пророчества свв. Антония Великого, Нифонта Цареградского, Тихона Задонского, Серафима Саровского и еще не канонизированных в его время святых еп. Игнатия Брянчанинова, еп. Феофана Затворника и оптинского старца Амвросия. Завершает этот перечень "Повесть об антихристе" Вл. Соловьева.

В 9-м письме приводятся извлечения из писем еп. Игнатия Брянчанинова на ту же эсхатологическую тему: охлаждение веры, оскудение святости, отсутствие истинного благочестия, распространившееся отступление от христианства и Церкви, упадок пастырства, бедственное состояние монашества, словом — уход христианства из мира, подготавливающий путь антихристу. Новоселов отмечает, что пессимистические воззрения Игнатия получили свое полное оправдание и подтверждение в новейшей истории России.

И, наконец, 10-е письмо замыкает ряд писем, посвященных эсхатологическим экскурсам и апокалиптическим размышлениям. Новоселов указывает, что крушение православного государства, под крылом которого так хорошо и покойно устроились в сем падшем и греховном мире русские христиане, оказалось для них совершенно неожиданным и вызвало у большинства смятение и растерянность. Между тем сам Господь предрекал своим ученикам страдания и гонения: "будете ненавидимы всеми за имя Мое" (Лк. 21, 17). Размышляя о причинах этой ненависти, о вековой брани тьмы со светом, Михаил Александрович напоминает своим друзьям, что надеяться на успех в этой борьбе можно лишь в случае приятия пути креста, по которому и должны идти все истинные чада Церкви. В первые века христианства этот путь означал мученичество. Но и с утверждением христианства в качестве государственной религии брань с князем мира сего не исчезла, она лишь была перенесена с арен цирков и площадей городов в пещеры и скиты и из видимой сделалась невидимой, но от того не менее тяжелой и мучительной (самоумерщвление и сораспятие Христу). На монашеском фронте победа в этом сражении в течение целых веков оставалась за воинами Христовыми; на мирском же поле брани враг Истины одерживал победу за победой, захватывая все новые позиции в обществе — путем многообразных подделок, имитаций, фальсификаций и компромиссов. Постепенно стало оскудевать и монашество; но поскольку имеется лишь два истинно христианских образа жизни — мученичество как следствие гонений и самоумерщвление как добровольный подвиг, то при отвержении церковным

обществом второго (что Новоселов считает характерным для предреволюционной русской Церкви) Божий Промысл спасительно воздвигает первый из них. И Михаил Александрович призывает друзей не кручиниться при виде переживаемых Церковью потрясений и неколебимо верить в благой Промысл Божий — как в личной жизни каждого, так и относительно святой Божией Церкви, Невесты Христовой, в целом.

Вера в промышление Божие о Церкви неразрывно связана с правой верой в саму Церковь — единую, святую, соборную и апостольскую; этой теме посвящена вторая половина работы Новоселова. В 11-м письме он подробно разбирает сущность Православия сравнительно с Католичеством (по материалу брошюры Ю. А. Колемина "Авторитет в вопросах веры"). Подчеркивается отсутствие в Церкви общеобязательного внешнего авторитета в делах веры и совести. Непогрешим не отдельный человек (папа) и даже не Собор (который может быть отвергнут Церковью), непогрешима сама Церковь в ее соборности — союзе взаимной любви, на которой основано познание Христовых Истин. И для Церкви важны не Соборы сами по себе, но соборность как тождественность выражаемых на Соборах свидетельств с верою всего тела Церкви. В заключение письма Новоселов указывает на большой вред от усвоения ложного католического воззрения на иерархию как на непогрешимый авторитет и хранительницу безусловной истины, на нелепость отождествления иерархии с Церковью, особенно опасного в эпоху церковных нестроений и измены Православию со стороны многих обновленческих иереев и архиереев.

В следующем, 12-м письме Новоселов подкрепляет изложенные в предыдущей беседе мысли суждениями других выразителей православных взглядов, приводя письмо Ю. Ф. Самарина к баронессе Э. Ф. Раден с одобрительными замечаниями В. С. Соловьева, а также соответствующие цитаты из сочинений А. С. Хомякова; о том же говорит и Послание восточных патриархов от 6 января 1843 г. Затем Новоселов иллюстрирует высказанные соображения некоторыми церковно-историческими примерами, напоминая историю двух лжесоборов: Флорентийского, принявшего в 1439 г. унию с католиками (отвергнутую в начале св. Марком Ефесским, а затем и всей Восточной Церковью), и Константинопольского, созванного в 1345 г. против св. Григория Паламы. В заключение письма православное убеждение, что выразителем истины является весь церковный народ, Михаил Александрович прилагает к современной ему действительности: отвергнув обновленчество в согласии с законной церковной властью и новый календарный стиль — вопреки распоряжениям этой влас-

ти, русские церковные люди в обоих случаях явили себя "хранителями веры", действуя и там и тут одинаково православно.

В 13-м письме Новоселов продолжает свои исторические иллюстрации и приводит ряд эпизодов из жизни преподобного Феодора Студита, связанных с осуждением святым настоятелем скромного провинциального монастыря самого императора Византии Константина VI за разорение божественных установлений о христианском браке (незаконный с канонической точки зрения развод и второбрачие). И вновь один из эпизодов этой длительной и богатой различными перипетиями истории (отложение Феодора от патриарха, принявшего в общение ранее отлученного пресвитера, повенчавшего Константина) Михаил Александрович применяет к событиям своего времени — намерению святейшего Патриарха Тихона (к счастью, не осуществившемуся) примириться с главой живогришников Краснищим.

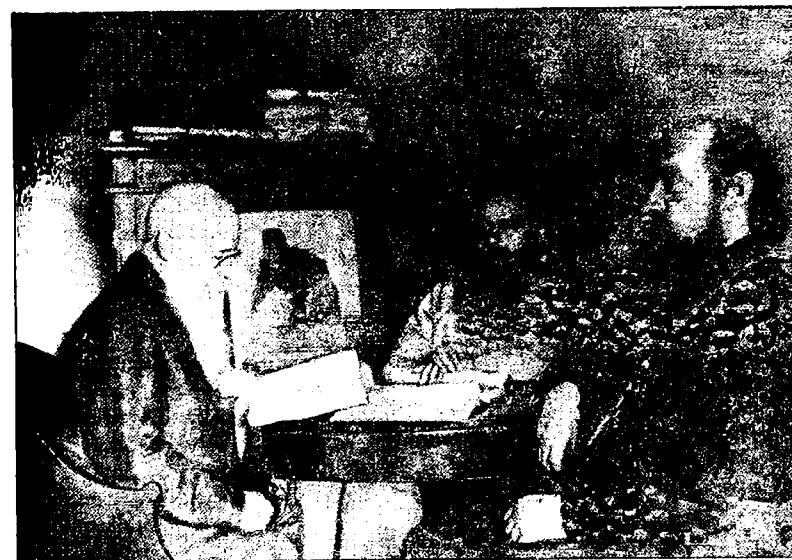
Наконец, в 14-м письме Новоселов использует для иллюстрации развиваемой им мысли о критерии истины в православии материалы жития преп. Максима Исповедника, неустрашимого борца с монофелитской ересью. Сторону монофелитов держали и византийский император, и патриархи (константинопольский и александрийский); их посланцы испробовали все способы воздействия на томящегося в темнице старца, в том числе иронию ("значит, ты один спасешься, а все прочие погибнут?") и прямую ложь о том, что монофелитство принято даже в Риме; св. Максим ответил на это: "если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним" — столь ясно видел он истину и столь сильна была в нем вера в собственную причастность Телу Христову. И Новоселов подводит итог: история православия неопровержимо свидетельствует, что нравственная сила одиноких личностей (свв. Марка Ефесского, Григория Паламы, Феодора Студита, Максима Исповедника), являвшихся орудием таинственного Промысла Божия, преодолевала в конце концов канонический авторитет иерархии и давление высшей государственной власти, стоявших на стороне заблуждения.

Письма 11-14 так или иначе были посвящены критике католического учения о непререкаемом авторитете в Церкви; но, избегая соблазна католицизма, не погружаемся ли мы в безбрежное море протестантски-сектантского субъективизма и лжесвободы? В 15-м письме Михаил Александрович предлагает вниманию друзей сочиненный им воображаемый диалог между расколоучителем Лютером и верным сыном Церкви преп. Максимом Исповедником. Этот диалог хорошо передает различие между настроением протестантизма и духом Православия, между самочинием

и верностью Церкви. Отсюда Новоселов переходит к вопросу о том, что значит быть верным Церкви в Православии — вопросу, которого не существует ни для протестанта, ни для католика (у последнего он подменяется вопросом о верности папе). Ответ на него Новоселов находит в опыте самой Церкви, в жизни святых отцов и подвижников, которые всегда указывали на предшествующих им отцов как на светочи, озарявшие их собственный путь. Таким образом, верность Церкви для православного ближайшим образом означает верность преданиям святых отцов, которые являются надежным ориентиром, указывающим правильный способ разрешения религиозных сомнений. Другим способом преодоления духовных затруднений является молитва, и в заключение письма Новоселов приводит ряд примеров благодатного действия молитвы из житий древних подвижников и из исповеди подвижника современного (еп. Игнатия Брянчанинова).

Но молитва как средство благодатного направления жизни человека в светлую область Христовой Истины имеет силу и действенность лишь при условии его пребывания в Церкви — Теле Христовом, с которым он существенно соединен таинствами. И 16-е письмо посвящено выяснению значения таинств в деле Богопознания, для чего Новоселов, как обычно, привлекает ряд свидетельств святых отцов (свв. Марка Подвижника, Макария Великого, Симеона Нового Богослова, Николая Кавасилы и др.). Он характеризует таинственные дары Крещения, Покаяния и Евхаристии как имеющие существенно просветительную силу, рассматривает их как онтологическую предпосылку Боговедения, как гносеологический фактор в процессе познания Небесной Истины.

От таинств Новоселов переходит в 17-м письме к их источнику и рассматривает действие Святого Духа, Его водительство как необходимое условие всякого освящения и просвещения. О том, что именно внутреннее откровение Св. Духа является основным источником религиозного ведения, Новоселов писал много лет назад в 1-м выпуске своей Религиозно-философской Библиотеки ("Забывтый путь опытного Богопознания"); в этом же письме большее внимание уделяется аспекту соборности в жизни церковного тела. Так, Новоселов делает ряд выписок из "Деяний Апостолов" для того, чтобы подчеркнуть, что даже ученики Христа, столь обильно приявшие Св. Духа, порой прибегали к соборной проверке истинности своего благовестия (собеседование ап. Павла с ап. Петром в Иерусалиме и Антиохии, и др.). Да, собственно, и сам факт апостольских посланий уже является проявлением соборной природы Церкви, ибо, как пишет ап. Иоанн Богослов в своем 1-м послании, "я написал вам не потому, чтобы вы не зна-

Слева направо:

М. А. НОВОСЕЛОВ,
отец Александр ГОМАНОВСКИЙ
и священник из Твери отец Александр

ли истины, но потому, что вы знаете ее" (2, 21); однако авторитетное подтверждение со стороны возлюбленного ученика Господня, конечно, укрепляло братию в том, что им было открыто помазанием Св. Духа. Соборность, обязательность взаимной проверки получаемых каждым откровений, искание духовного согласия друг с другом — все это красной нитью проходит через всю историю Церкви, определяет собой русло Православия. Михаил Александрович называет эту черту Православия — стремление сохранять единомыслие не только с евангельским, но и со святоотеческим учением (так называемый *consensus patres*) — святоотеческостью и посвящает ее рассмотрению следующее, 18-е письмо (май 1926 г.).

Выяснение значения святых отцов в жизни Церкви он начинает с указания на ту большую роль, которую имели святоотеческие писания при выработке определений Вселенских Соборов. Затем он дает сводку тех возвышенных и торжественных именовании, которые усвоены для преподобных и богоносных отцов наших церковным богослужением. Далее Михаил Александрович приводит ряд выписок из статьи крупного церковного историка прошлого века еп. Порфирия Успенского, посвященной тому же вопросу о значении свв. отцов и исследующей причины, в силу которых именно они являются единственно верными истолкователями и выразителями вечных истин христианства. После этого Новоселов возвращается к вопросу о различии между Церковью-Организмом и церковью-организацией (рассмотренному ранее в письмах 2 и 5) и формулирует тезис об их неслиянности и нераздельности: о первом он много говорил в предыдущих письмах, о втором же (их нераздельности) свидетельствует тот факт, что все без исключения св. отцы всю свою жизнь неуклонно держались церковной организации, которой они принадлежали. Новоселов комментирует глубокие рассуждения священномученика Мефодия Патарского о том, что как человек формируется и возрастает в утробе матери, так и новообращенные растут в Церкви, пока и сами не соделываются ею — в том смысле, что при крещении человек вступает в церковь-организацию и лишь по мере своего духовного совершенствования соединяется с Церковью-Организмом — Телом Христовым. Эти соображения Новоселов применяет для выяснения роли иерархии в Церкви. Он указывает, что хотя в церкви-организации ее роль является ключевой, но это вовсе не дает ей каких-либо преимуществ в смысле принадлежности к Церкви-Организму. Новоселов сопоставляет и анализирует мысли о значении иерархии двух священномучеников, один из которых (св. Игнатий Антиохийский) в своих посланиях высоко поднимает авторитет епископа, что было крайне важно для

юной, во многом еще созидаемой Церкви Христовой, а другой (св. Ириней Лионский) в известной степени ограничивает этот авторитет, требуя помимо преемства кафедр (недостаточность которого обнаружилась в эпоху Иринеев появлением лжепастырей-ересиархов) также и преемства Духа. Именно последним определяется русло Церкви — той "златой цепью", звенья которой составляют св. отцы-духоносцы и через которую Благодать Божия, передаваясь от звена к звену, дошла и до наших дней. И вслед за преп. Симеоном Новым Богословом, которому принадлежит образ "златой цепи", Новоселов подчеркивает чрезвычайную важность для ныне живущих соединиться с последним звеном этой цепи — с ближайшим к нам по времени святым.

В 19-м письме (лето 1927 г.) Новоселов возвращается к творчеству епископа Игнатия Брянчанинова и делится со своими корреспондентами мыслями о великом значении богоносных отцов, почерпнутыми им из писем святителя, подчеркивавшего, как никто другой, спасительность для христианина святоотеческого пути. Конечно, для нас было бы лучше всего иметь святого отца непосредственным духовным наставником, ибо книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги — человека, ум и сердце которого исписаны Св. Духом. Но по оскудению наставничества отеческие писания становятся для нас едва ли не единственным руководством ко спасению. Чтения одного Евангелия недостаточно: чтобы избежать ложного понимания и произвольного толкования Писания, следует уделить самое серьезное внимание чтению святоотеческой литературы, позволяющей преодолевать разногласия, существующую в христианском мире вследствие уклонения многих христиан от спасительного руководства Церкви. Один из разделов письма посвящен также сравнению писаний и общей духовной настроенности Восточных Отцов и подвижников Западной Церкви; эту тему Новоселов рассматривал ранее в 37-м выпуске своей Библиотеки⁴⁹.

Заключительное, 20-е письмо было написано Новоселовым в последний день уходящего 1927 г., который в его глазах был для Церкви самым тяжелым из всех предшествующих лет большевистской власти. Кошунственному разгрому подвергся Саратов, жестокое опустошение постигло Дивеево. Но хуже того — "накренился и повис над бездной весь церковный корабль"⁵⁰. Неудивительно поэтому, что апокалиптическое настроение вновь овладевает Михаилом Александровичем, и в последнем письме он возвра-

⁴⁹ Мистика Церкви. Сергиев Посад, 1914.

⁵⁰ Новоселов имеет в виду Декларацию о лояльности митрополита Сергия и его серьезные уступки государственному безбожию.

щается к эсхатологической теме, предлагая друзьям конспект статьи проф. Киевской Духовной Академии Никифора Ивановича Щеголева "Судьбы Церкви Божией на земле", опубликованной в Трудах той же Академии в 1860 г., но весьма актуальной именно в переживаемые дни скорбных испытаний. Статья посвящена историософии Церкви; отмечается, что мир доселе жив лишь потому, что его оживотворяет пребывающий преимущественно в Церкви Дух Божий — поэтому человечество должно войти в Церковь, воцерковиться. Исторические пути Церкви и государства могут как сходить, так и расходиться; история царств есть история путей Промысла Божия, которыми он приводит народы к Церкви и наказывает их за отступление от нее. Пределы Церкви на земле меняются со временем: вначале она есть малое, как горчичное зерно, общество учеников Христа, затем, подобно этому зерну, возрастает в большое дерево, простирающее свои ветви над всеми странами и континентами; под конец же мира ее пределы вновь сократятся в малое число верных. Что же касается временных сроков, то Церковь останется на земле до тех пор, пока она служит своей цели — спасению всех, кто имеет благоразумие присоединиться к Телу Христову, воспользовавшись предоставляемыми Церковью средствами искупления. Как только на земле не останется ни одного народа, способного хранить и приумножать ее сокровища, Церковь станет не нужна: исполнив свое назначение, она завершит круг земного бытия и перейдет в иное состояние — состояние славы и блаженства; одновременно посредством огня ("земля и все дела на ней сгорят") будет обновлена и воссоздана и вся видимая природа. В той неустанной брани с дьяволом, которую от века ведет Церковь, как бы ни были иногда велики успехи князя мира сего, Церковь в истинных членах своих всегда остается непобедимой и таковой вступит и в вечность.

Последнее письмо, а с ним и вся книга Новоселова завершается следующими возвышенными словами: "Блажен, кто не отступит от Христа среди тяжких искушений, постигающих Церковь, воодушевляясь участием в ее всемирном торжестве, имеющем открыться по окончании мира". К этим блаженным мы безусловно должны отнести и самого М. А. Новоселова: вскоре после написания этих строк он был арестован и вступил на крестный путь истинного последователя Христа — Христова исповедника.

* * *

Будет преувеличением сказать, что с приходом нынешней эпохи гласности "хранители древностей" с погонями КГБ приветливо распахнули свои двери перед любоз-

L

нательными исследователями: пока что они отмахиваются от них, как от назойливых мух. Не удалось нам пока добраться и до Дела нелегальной церковно-монархической организации "Истинное Православие" — главного Дела Новоселова. Известно только, что он, как не принявший "Декларацию" митрополита Сергия и как один из идеологов и организаторов движения "непоминающих", был арестован в конце 1928 года и 17 мая 1929 г. Особым Совещанием (ОСО) при коллегии ОГПУ осужден на 3 года по статье 58.10. Как особо вредный элемент, отбывал срок не в лагере, а в Ярославском политизоляторе. Уже в тюрьме 12 сентября 1931 г. он получил новый срок — 8 лет, а 7 февраля 1937 г. — еще 3 года за КРД (контрреволюционную деятельность). 26 июня 1937 г. Новоселова переводят из Ярославской тюрьмы в Вологодскую, где 17 января 1938 г. он был приговорен к расстрелу⁵¹. Какими-либо сведениями о приведении приговора в исполнение мы в настоящее время не располагаем.

Помимо точно документированных материалов, относящихся к жизни М. А. Новоселова, имеются еще многочисленные свидетельства в форме устного предания. Такие сведения ныне широко распространены в недрах так называемой "катакомбной Церкви", где М. А. Новоселов почитается как новомученик епископ Марк, в 1920 г. принявший монашеский постриг, а в 1923 г. — тайную епископскую хиротонию, которую совершили архиепископы Феодор (Поздеевский), Арсений (Жадановский) и епископ Серафим (Звездинский). Однако какие-либо документы, удостоверяющие эти факты, в настоящее время неизвестны.

Ничем не подтверждены и сведения, которые приводит в своей книге прот. М. Польский: "После отбытия срока в 1938 г. [Новоселов] был отправлен в ссылку в Сибирь. Ему разрешили посетить и попрощаться с родственниками (в Москве), но в присутствии чекиста, его сопровождавшего. Под видом старой родственницы он посетил одну скромную научную работницу рабу Божию Марию, которая и сообщила многим знакомым и друзьям М. А-ча об этом факте. Я лично слышал это сообщение от нее. После 1938 г. никаких сведений о М. А. Новоселове не получено. По-видимому, будучи уже в очень преклонном возрасте, М. А. там и скончался"⁵².

Но хотя точное время, место и обстоятельства смерти

⁵¹Центральный архив ФСБ, арх. № Н7377; эти сведения сообщены мне иеромонахом Дамаскиным (Орловским), которому я выражаю глубокую признательность.

⁵²Польский М. Новые мученики российские. Т. 2. Джорданвилль, 1957. С. 272.

LI

Новоселова остаются пока неизвестными, общая канва его жизни вырисовывается вполне отчетливо. И, беря в качестве образца схему жизни Д. А. Хилкова, которую Михаил Александрович приводит в "Письмах к друзьям" (письмо 5), мы можем кратко представить его собственную жизнь в следующем виде: 1. Подающий большие надежды гимназист и затем студент университета, ищущий юноша. 2. "Ярый толстовец", организатор первых толстовских коммун. 3. Церковный публицист, издатель "Религиозно-философской библиотеки". 4. Активный деятель братства ревнителей Православия (1917-1922). 5. Живущий на нелегальном положении духовный писатель (1922-1928). 6. Гулаговский узник, мученик (1928-1938?).

* * *

Думается, что время итоговой оценки многообразного наследия Новоселова еще не наступило. Многие его письма и связанные с его именем материалы еще не опубликованы. Не все в его творческом наследии равноценно. В первую очередь ждут изучения и критики излишне горячие выступления Новоселова в защиту имяславия, его слишком жесткое, бескомпромиссное и безоглядное самоопределение в имяславческом споре.

Требуют некоторого уточнения и высказывания Новоселова о соборности. Новоселов всецело разделяет хомяковскую точку зрения о том, что в Православной Церкви нет внешнего непогрешимого органа учительства, и в частности, за таковой не могут приниматься ни представители иерархии, ни Соборы. Следует отметить все же, что учительство может быть понимаемо не только в смысле толкования св. Писания и дальнейшего раскрытия содержания догматов (здесь действительно учительная функция может принадлежать любому члену Церкви, поскольку "Дух дышит, где хочет", — хотя, как правило, и в этом смысле роль церковных иерархов, как она выясняется из церковной истории, все же является ведущей), но и в смысле учительства и руководства отдельных членов Церкви — здесь роль клира является исключительной. То же самое можно сказать и о Соборах: разумеется, свойство соборности может отсутствовать у того или иного Собора и, наоборот, принадлежать мнению какого-либо не облеченного формальными полномочиями рядового члена Церкви, но все же "особо волнующие моменты воплощения начала соборности для верующего наблюдателя-историка совпадают с моментами испытаний вероохранительной и вероучительной непогрешимости Церкви и особенно в случаях проведения этого неотъемлемого свойства и дара

Церкви через форму Соборов⁵³.

* * *

Невозможно выявить и перечислить всех тех людей, благодаря усилиям и мужеству которых издаваемая ныне книга была спасена от гибели и дошла до нас сквозь годы безвременья. Упомяну лишь немногих и в первую очередь — незабвенного Анатолия Васильевича Ведерникова, подарившего мне первый в моей жизни экземпляр "Писем" еще в те времена, когда о возможности их издания не приходилось и мечтать. Я благодарен также В. И. Гомонькову, предоставившему в мое распоряжение наиболее полный список "Писем", иеромонаху Дамаскину (Орловскому) за содействие в доступе к архивам КГБ, а также С. М. Половинкину, моему alter ego в многолетних занятиях творчеством Новоселова и историей русской религиозно-философской мысли.

Е. С. Полищук

⁵³ Карташев А. В. На путях к Вселенскому Собору. Париж, 1932. С. 51.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дорогие друзья мои!

Вы хотите, чтобы я высказал вам свои думы по поводу современных церковных событий, среди которых наиболее ярким и наиболее ощутимым (в разных смыслах) явлением представляется вам так называемая "Живая Церковь" с ее подразделениями¹. Из многого, что я думаю об этом предмете, я поделюсь с вами на этот раз лишь немногим. Но полагаю, что это немного и спешно набросанное будет касаться существа вопроса.

"Живая Церковь" — это растение, которое насаждено и выращено, конечно, не Отцом Господа нашего Иисуса Христа (Мф. 15, 13), а имеет совсем иное происхождение. Это явствует как из истории ее возникновения, так и из принципов, которые полагаются в основании этой "церкви лукавствующих"² ее служителями. Не говорю уже о слишком напумсванных "личных деяниях" многих из них³.

Итак, прежде всего, первые вожди церковного движения, именуемого "Живою Церковью", явились насильниками по отношению к главе Высшего Церковного Управления — Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону⁴, чего они и не скрывают на страницах своего журнала⁵, причем иногда говорят об этом открыто, а иногда, по тактическим, очевидно, соображениям, рисуют дело иначе, пытаясь придать произведенному ими церковному перевороту обличье каноничности⁶. Этим последним приемом они воспользовались, между прочим, для того, чтобы опутать оказавшихся или близорукими, или малодушными столичных благочинных⁷, а через них — и других таких же "неверных" батюшек, "боязливых" (Откр. 21, 8) или криводушных.

Но для всякого, имеющего очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно из ряда несомненных фактов, что названные "церковные" деятели являются узурпаторами церковной власти. Ни для кого из москвичей не тайна, что: 1) "живоцерковники" долгое время поминали за богослужением Святейшего Патриарха Тихона, этим самым признавая его законным верховным архипастырем русской Церкви, и 2) что они признали не без ведома их и, главное, советской власти назначенного Патриархом своим заместителем митрополита Ярославского Агафангела, к которому два известных протоиерея-живоцерковника ез-

дили в Ярославль, намереваясь, очевидно, прибрать к своим рукам престарелого митрополита⁸. Но, убедившись, что он им в руки не дается и в ногу с ними идти не хочет, они устроили так, что патриарший заместитель не мог выехать из Ярославля в Москву, чтобы фактически возглавлять собою законное Высшее Церковное Управление.

Об этой непредвиденной невозможности вступить в отправление своих новых обязанностей, возложенных на него Патриархом, митрополит Агафангел упоминает в своем превосходном, и по содержанию и по форме, послании, обращенном к архипастырям, пастырям и мирянам русской православной Церкви⁹. В этом же послании он объявляет узурпаторами архиереев и иереев, самочинно ставших у кормила правления.

Итак, с точки зрения, которой держались сначала сами "живоцерковники", ясно, что они — не законная церковная власть, а незаконное собрание, воровски, чтобы не сказать разбойнически, захватившее эту власть. В самом деле, если они признавали и Святейшего Патриарха Тихона, и его временного заместителя митрополита Агафангела властью законною, то отсюда следует, что пока законный собор не осудил этих последних и не низложил их, они остаются единственными законными представителями Высшего Церковного Управления, и имя Святейшего Патриарха Тихона должно быть по-прежнему возносимо в Божественном таинстве, а распоряжения его заместителя, митрополита Агафангела, должны быть обязательными для всех, кто не порвал с православною русской Церковью и не выпал из православного канонического русла. И поэтому, если митрополит Агафангел в своем послании отвергает так называемое ВЦУ, то отсюда с несомненностью следует, что каноническое русло идет мимо этой самочинной власти. И, следовательно, пресловутому ВЦУ с живоцерковниками остается: или смиренно отойти в сторону и, покаявшись в страшном грехе церковного разделения (без покаяния не смываемом, по словам св. Иоанна Златоуста, даже кровью мученичества¹⁰), признать единую законную церковную власть, или, гордо отвергнув самый принцип каноничности, встать открыто на революционный путь.

Раздирающие ризу Христову, очевидно, предпочитают второй исход, о чем свидетельствуют и писания, и деяния этих "нравственных (и не только нравственных) братубийц", отделивших себя "от единства веры"¹¹, и по всей справедливости заслуживших извержения из священного

сана. В самом деле, не говоря о многом другом, творимом сими злыми и лукавыми делателями (о чем отчасти было упомянуто раньше), они постановили прекратить поминовение Святейшего Патриарха на церковных службах, а 14-ое и 15-ое правила св. Константинопольского Двукратного собора¹² гласят следующее:

14-ое правило: "Аще который Епископ, поставляя предлогом вину своего Митрополита, прежде соборного разсмотрения, отступит от общения с ним, и не будет вознести имя его, по обычаю, в Божественном таинстве: о таковом святыи Собор определил: да будет низложен, аще токмо обличен будет, яко отступил от своего Митрополита, и сотворил раскол. Ибо каждый должен вдати свою меру: и ниже пресвитер да пренебрегает своего Епископа, ниже Епископ своего Митрополита".

15-ое правило: "Что определено о пресвитерах и Епископах и Митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует Патриархам. Посему, аще который пресвитер, или Епископ, или Митрополит, дерзнет отступить от общения с своим Патриархом, и не будет возносить имя его, по определенному и установленному чину, в Божественном таинстве, но, прежде Соборного оглашения и совершенного осуждения его, учинит раскол: таковому святыи Собор определил быти совершенно чужду всякаго священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии"¹³.

Об этой канонической стороне дела достаточно, полагаю, ясной не только для зрячих, но и для подслеповатых, лишь бы они окончательно не смежали очей своих, я больше говорить не буду. "Sapienti sat", а "insapienti"¹⁴ сколько ни говори, он в толк не возьмет...

Теперь мне хочется сказать о другом, что вовсе не так ясно и для многих почитаемых и почитающих себя вполне зрячими. Мне хочется указать на связь рассматриваемого нами печального явления с почвой, на которой оно могло возникнуть и возникло. Ведь об "оживлении Церкви" говорилось очень давно. Толки об этом оживлении идут не первый год, даже не первое десятилетие¹⁵. Уже давно нашими богоискателями, вроде Мережковского и "иже с ним"¹⁶, подхвачено было словцо, неосторожно брошен-

⁸ Эти прещения во всей их строгости относятся, конечно, к инициаторам беззакония и к тем, кто добродушно последовал за ними. Менее и в ином виновны те, кои из страха пред насильниками прекратили поминовение Патриарха на церковных службах, сохраняя, однако, внутреннее духовное единение с ним, как с законным архипастырем русской Церкви (прим. М. Новоселова).

ное, кажется, Достоевским, что наша Церковь в параличе¹⁷. Затем, а может быть, и одновременно, эта мысль о параличности Церкви пошла гулять в духовной литературе¹⁸.

За толками начались практические попытки выведения Церкви из параличного состояния. Взались за основную церковную ячейку — приход. Вопрос об оживлении Церкви свелся, главным образом, к оживлению прихода. Наряду с придумыванием "живительного" приходского устава началось в разных местах практическое "оживление" приходских ячеек. И какими только средствами и путями не пытались достигнуть этого оживления!

Очень давно, задолго до войны 1914 г., показывали один из пригородных приходов Петербургской епархии, как пример того, как может быть произведено возрождение приходской жизни. Любопытного посетителя, приехавшего в какой-нибудь праздник в этот приход, приводили в приходскую потребительскую лавку, в приходское ссудо-сберегательное товарищество, на приходский фельдшерский пункт, в приходскую богадельню. Народу оказывалось везде немало, и жизнь приходская представляла пред взором посетителя кипучей, многообразной, поистине "возрожденной". Только когда приезжий заходил в приходской храм, там было не очень многолюдно и довольно мертвенно.

Был, рассказывают, в Московской епархии и такой сельский приход, где оживление приходской жизни началось с приобретения приходского племенного бычка. Конечно, все эти приходско-оживительные акты имели свои варианты и дополнения. Так, к числу оживительных средств нужно отнести широко распространенные во многих городах, особенно в столицах, богослужения с театральными новшествами, концертными номерами при богослужении с артистами или без оных, бьющие на эффект проповеди, часто довольно истерического характера. Словом — всякого рода отсебятина, которая должна сделать богослужение интересным и заманчивым. Люди серьезно думали, что, устраивая приходское хозяйство, богадельню, или создавая богослужебную бутафорию, они вдыхают подлинную евангельскую жизнь в омертвелый приход, а через приход и в "параличную Церковь".

Жутко становится, когда вдумаясь в эти факты, в эти взгляды... Но это были лишь цветочки по сравнению с теми ягодками, которые произросли на той же почве в последнее время. Тогда скромно обновляли малые приходские ячейки, теперь пытаются, по тому же "духовному"

принципу, оживить сразу все тело церковное; тогда создавали крохотные хозяйственные учреждения в приходе, в роде потребительских лавок, теперь ставится колоссальная задача социализирования, на "христианских" началах, всей нации, даже всего человечества. Тогда "реформа" производилась смиренно и скромно нравственными и финансовыми силами прихода, теперь программа обновления человечества проводится дерзновенно (чтобы не сказать — дерзко) при посредстве насилий, тюрем, ссылок и крупных субсидий (употребляемых, правда, очень часто на служение Бахусу).

Но общее, что сближает тогдашних мелких возродителей церковноприходской жизни и теперешних мировых реформаторов, это — полное непонимание существа христианства, существа Церкви, и вытекающая из этого непонимания подмена христианского пути жизни иным, о котором можно сказать: "ин путь мняйся благий, а конец его во дно адово"¹⁹. Впрочем, это страшное слово едва ли вполне приложимо к прежним наивным радателям церковноприходского возрождения, но к теперешним строителям церковной жизни оно идет целиком, ибо путь их есть несомненно путь антихристианский, в конечном счете — антихристов.

Не знаю, читали ли вы в №№ 8 и 9 журнала "Живая Церковь" статью свящ. Семенова "Русская Церковь и социальная революция"? советую прочесть. Вы увидите, куда идут и куда ведут поборники "Живой Церкви". В сущности, им христианство и не нужно. Они не знают его, да и знать не хотят²⁰.

Христианство, эта великая тайна Боговоплощения, искупления и обожения человека и твари — только помеха на пути достижения выдвигаемого ими социалистического идеала с его исключительно посясторонними, земными и приземистыми целями и задачами. Все это было бы не так страшно, если бы эти новые строители тайн, не Божиих, а антихристовых, не уходили корнями в ту почву, которой питаются, как вы увидите из указанной аналогии настоящего с прошлым, и их многочисленные quasi-благонамеренные противники, остановившиеся лишь на полпути в своей возродительной работе.

Здесь наблюдается приблизительно то же явление, что и в политической области. Живоцерковники — это церковные большевики²¹, а их противники и предшественники указанного типа — церковные эсеры. Те и другие из одного теста и так же естественно ополчаются друг против

друга, как и политические большевики против таких же эсеров. Но ничто по существу не мешает тем и другим осознаться между собою, так как расхождение между ними вовсе не принципиальное. Мы и наблюдаем это трогательное осознание или, попросту говоря, переход, иногда добровольный, а иногда и вынужденный, но вовсе не противоестественный, эсерствующих батюшек и архиереев к живощерковникам, т. е. церковным большевикам.

Не знаю, понятна ли для вас моя мысль? Думаю, впрочем, что она уяснится, когда я скажу несколько слов в раскрытие того положительного пути Христова, который был, несомненно, забыт церковными эсерами и теперь открито отвергнут церковными большевиками.

Прежде всего, те и другие относятся к Церкви, как к учреждению человеческого, почему в их лексиконе выступает на первом плане термин "оживление Церкви". Они полагают, что явствует из их писаний и из их деяний, что нужна лишь энергия человеческая, с одной стороны, и ряд внешних перемен в организации церковной — с другой, чтобы "парализованное" тело Церкви ожило и начало правильно функционировать. Источник оживления церковного в них — деятели церковных. Требуется умелый подбор энергичных деятелей, чтобы оживить, окрылить и пустить в ход омертвевшую организацию, именуемую Церковью. Эта точка зрения обща, повторяю, и живощерковникам, и большинству, скажем так, староцерковников. Ни те, ни другие не подозревают, в какие дебри религиозного заблуждения они забрели, куда отходят сами и куда отводят других малосмысленных от истинного, подлинного благовестия Христова.

Чтобы говорить со смыслом об оживлении прихода или вообще церковного общества (отнюдь не Церкви, которая есть сама источник приспотекущей жизни), нужно сначала дать себе ясный ответ на вопрос: "Что такое жизнь в христианском смысле?"

Подлинная жизнь есть жизнь вечная, а она в Господе Иисусе Христе, или, иначе, Сам Господь, Сын Божий, во святом Евангелии именуемый Вечной Жизнью²³. Отсюда — оживление церковное есть оживление в Господе Иисусе Христе, есть более или менее глубокое вхождение в вечную жизнь — Христа Сына Божия, или принятие Ее

²³ Не всегда угрозами и насилием, а часто подкупом при посредстве камилавки, митр и других побрякушек²², на которые так падко наше безыдейное в своем большинстве духовенство (прим. М. Новоселова).

внутри себя. В этом приобщении вечной жизни, или, говоря словами св. ап. Петра, в этом "причастии Божеского естества"²⁴, иначе — в обождении человека и заключается основная цель жизни христианской. Пока не осознана эта основная цель жизни мистической христианина, пока она не воспринята в душу, до тех пор все в религиозной и церковной жизни будет неясно, спорно, путано, неверно, фальшиво, бессмысленно, бесцельно и нецелесообразно. Ибо не будут стремиться к достижению определенной, Богом указанной цели, а станут сочинять разные неизбежно бесцельные преобразовательные проекты, развлекаться эстетически или строить социальные утопии, — словом, изобретать разные суррогаты христианства. И чтобы оценить точно и правильно достоинство всех возродительных и оживительных начинаний, необходимо иметь пред глазами указанную выше неотложную цель жизни христианина, о которой учат нас и Слово Божие (см. особенно Евангелие св. ап. Иоанна, Деяния, послания св. ап. Иоанна, Павла, Петра), и свв. отцы — (см. преп. Симеона Нового Богослова, преп. Макария Великого, св. Максима Исповедника и др.), и богослужебные чинопоследования (см. службы Рождества Христова, Благовещения, воскресные каноны, правило ко св. причащению и др.).

А так как эта вечная жизнь, приятие которой здесь, на земле, составляет "край желаний" христианина и прямую заповедь Божию²⁵, содержится в Церкви — Теле Христовом, Христом возглавляемом, Св. Духом исполняемом, то ясно, что нужно говорить не об оживлении Церкви (ибо эта мысль нелепа, если под Церковью разуметь то, что о ней сейчас сказано), а о приобщении себя Церкви как организму вечной жизни, и прежде всего, конечно, при посредстве святых и освящающих душу и тело таинств и других богодейственных^{*} символов, дарованных для нашего спасения и хранения Церковью, каковы святейшее Имя Божие и животворящий крест.

Вот куда должно быть устремлено все внимание истинного ученика Христова, сознательно и твердо испове-

^{*} Я подчеркиваю слово "богодейственный", чтобы вы не подумали, что я употребляю слово символ в современном, общеинтеллигентском и семинарском условном значении, в каком прилагаю его, между прочим, и к таинствам. Нет, слово "символ" понимается здесь в смысле безусловном, в каком употребляли этот термин знаменитейшие церковные писатели и святые отцы, как например, Дионисий Ареопагит, св. Максим Исповедник и др. Принимая его в безусловном, онтологическом значении, они и именовали таинства символами (прим. М. Новоселова).

дующего веру апостольскую, веру отеческую, веру православную, яже вселенную утверди²⁶. Всякая другая вера, всякий другой путь, всякая другая цель не суть Христовы, а, следовательно, ведут не ко Владыке Христу и Его вечному царству, а в какую-то другую страну, под чье-то иное владычество. Под чье — нетрудно догадаться...

Пока умолкаю. На днях, может быть, еще напишу вам о предмете, соприкосновенном теме настоящего письма. Простите некоторую несвязность в писании. Пишу спешно. Прошу молитв ваших, мои дорогие. Храни вас Господь Иисус Христос — Прибежище наше.

Любящий вас брат о Господе.

День св. Амвросия Медиоланского.

Р. S. А правда ли, что у вас, в Москве, в некоторых храмах поминают ВЦУ? Это определенный, конечно, разрыв с единой, истинной Церковью. Неужели и эту "мерзость пред Господом"²⁷ оправдывают именитые московские протоиереи, как оправдывали они недавно малодушное поминовение за церковными службами лжепретендента на Московскую кафедру епископа Леонида?²⁸ Всячески остерегайтесь таких отступников и в общение с ними не входите, памятуя строгое слово апостола любви: 2 Иоанна 1, 9-11²⁹.

24 февраля/9 марта 1924 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

27. XII-1922 г. св. апостола,
первомученика и архидиакона Стефана.

Дорогие друзья мои!

Вы пишете, что первое письмо мое, в ответ на ваш запрос о "Живой Церкви", принесло пользу тем, что пролило свет не только на явление, именуемое "Живой Церковью", но, что, по вашим словам, еще важнее, на существо единой истинной Церкви, от которой отпала "Церковь живая". И вы просите, чтобы я почаще делился с вами своими мыслями по "вопросам веры и Церкви".

Я очень утешен вашим сообщением о добром успехе моего письма — и охотно иду навстречу вашему общему желанию, но только полагаю, что мне можно быть вполне менее многоглаголивым — и писать письма покороче, лишь намечая ряд известных мыслей, а не развивая их подробно. Думаю, что ваша дружеская семья сумеет общими силами сделать нужные выводы из общих положений, которыми я предполагаю ограничиться в своих письмах. Эта относительная лаконичность облегчит меня и будет, надеюсь, полезна вам, понуждая вас к более или менее самостоятельной коллективной работе. К тому же, в случае надобности, я постараюсь указывать вам те книжки и статьи, в которых вы можете находить восполнение и развитие того, что буду намечать я в своих письмах.

Вы говорите, что вам хотелось бы услышать от меня нечто в раскрытие той мысли о существе Церкви, которая является заключением моего предыдущего письма. Согласно только что высказанному мною намерению, я отвечу вам рядом связанных между собою общих положений, которые да послужат предметом ваших дружеских беседований.

"Христианство есть великая тайна", — сказал преп. Макарий Великий (Египетский)¹. Тайна и Церковь неразрывно связаны с христианством, ибо христианства нет без Церкви.

По собственному опыту и еще более по наблюдению над другими знаю, как трудно сразу принять и усвоить мысль о неразъединимости христианства и Церкви, но после многих переживаний и дум я давно убедился до последней наглядности, до невозможности мыслить иначе, в

указанной неразрывности Христова благовестия и Церкви.

Теперь мне представляется странной, противоестественной, нелепой противоположная мысль, столь широко, однако, распространенная в современном "христианском" человечестве. Я не буду останавливаться на этом вопросе, а рекомендую вам прочесть очень дельную брошюру архимандрита Илариона, так и озаглавленную "Христианства нет без Церкви"².

Итак, Церковь — тайна и вместе — таинство: тайна — для естественного ума, своими силами пытающегося проникнуть в существо Церкви, таинство — для души, силою Божией приобщившейся вечной жизни, сокрытой в Церкви и составляющей существо Ее.

Церковь — тайна, ибо, с одной стороны, она не отвлеченное понятие, подлежащее рациональному определению, с другой — не внешнее учреждение, не общество, не организация, которые можно было бы точно описать или указать перстом.

Церковь не имеет точных, адекватных самоопределений, кроме иррационального, таинственного определения Апостольского: "Тело Христово"³. Все другие многообразные определения частичны и условны и не охватывают сущности Церкви. Некоторые учителя церковные пользуются одновременно разными, более близкими и более далекими от существа Церкви, образами, чтобы приблизить понятие Церкви к нашему разуму. Так, у великого таинозрителя св. Германа, патриарха Константинопольского (известного своей ревностной борьбой с ересями монофелитской и иконоборческой), мы находим следующее многоценное изображение Церкви, которое советую прочесть со вниманием и вникнуть в него:

"Церковь есть храм Божий, место священное, дом молитвы, собрание народа, тело Христа, имя Его, невеста Христа, призывающая людей к покаянию и молитве, очищенная водою святого крещения, окропленная честною Его кровию, облеченная в брачную одежду и запечатленная миром Святого Духа, по слову пророческому: "миро излившее имя Твое" и "в воню мира Твоего течем" (Песн. 1, 2-3); ибо Он — яко миро, текущее со главы на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его"⁴. Иначе: Церковь есть земное небо, в котором живет и пребывает пренебесный Бог. Она служит напоминанием распятия, и погребения, и воскресения Христова, и прославлена более Моисеевой скинии свидения: она предображена в Патри-

архах, основана на Апостолах, — в ней-то истинное очитилище и Святое Святых, — она предвозвещена Пророками, благоуукрашена Иерархами, освящена Мучениками и утверждается престолом своим на их святых останках. — Иначе: Церковь есть Божественный дом, — где совершается таинственное, животворящее жертвоприношение, — где есть и внутреннейшее святилище, и священный вертеп, и гробница, и душепитательная, животворящая трапеза, — где <найдешь> перлы Божественных догматов, коим учил Господь учеников Своих"⁵.

Легко заметить, что св. Герман говорит здесь одновременно о церкви-храме, о церкви-собрании, о Церкви — теле Христа, о Церкви — Имени Христовом, в силу их внутренней мистической связи.

Из этого прочитанного отрывка вы видите, как трудно, чтобы не сказать — невозможно, естественному разуму проникнуть за завесу церковную. Тайна Церкви зрится только духовными очами.

Для некоторого уяснения существа Церкви считаю не лишним воспользоваться рассуждениями об этом предмете А. С. Хомякова. Рассуждение это не претендует на догматическое достоинство, но оно приближает нас к учению апостольскому и приоткрывает смысл последнего. "Церковь, — говорит Алексей Степанович, — есть ... единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати"⁶.

Подводя нас к определению Церкви, данному ап. Павлом⁸, указанное определение Хомякова подтверждает раньше, и в этом письме, и, кажется, в предыдущем, высказанную мною мысль, что Церковь, в существе своем, не есть видимое общество, собрание, организация, как обычно думает подавляющее большинство "верующих". Мы потому и говорим, что веруем в Церковь, что Она — тайна и непостижима для плотского ума, а открывается оку веры.

Исповецую свою веру в самое себя в Никейском символе⁹ ("верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь"), Церковь "показывает, — читаем у А. С. Хомякова, — что знание об ее существовании есть... дар благодати, даруемой свыше и доступной только вере, а не разуму. Ибо какая бы мне была нужда сказать в е р у ю, когда бы я з н а л? Вера не есть ли "обличение невидимых" (Евр. 11, 1)? Церковь же видимая не есть видимое общество Христиан, но Дух Божий и благодать таинств", живу-

² См. ниже цитату из Николая Кавасилы (прим. М. Новоселова).

щих в этом обществе. Посему и видимая Церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только обряд, и церковь только общество. Верующий, хотя глазами тела и разума видит Церковь только в ее внешних проявлениях, но сознает ее духом в таинствах, и в молитве, и в богоугодных делах. Посему он не смешивает ее с обществом, носящим имя христиан, ибо не всякий говорящий "Господи, Господи"¹⁰ действительно принадлежит роду избранному и семени Авраамову¹¹.

Итак, следует различать Церковь-Организм от Церкви-организации: не всякий, входящий в последнюю, причастен первой, не все члены церковной организации ("общества, носящего имя христиан" — по Хомякову) суть члены организма — Тела Христова, Которое вбирает в себя, втягивает таинственным способом лишь "избранных" (Мф. 22, 14), "предустановленных к вечной жизни" (Деян. 13, 48). Основу, стержень, костяк этого Организма-Церкви составляют духовно-совершенные. Эту мысль ясно выражает знаменитый отец Церкви, священномученик III-го века, Мефодий — епископ Патарский. Вот что находим, между прочим, в одном глубокомысленном его рассуждении о соиздании Тела Христова (привожу из этого рассуждения лишь несколько строк):

"Совершеннейшие по степени преуспевания составляют как бы одно лицо и тело Церкви. И подлинно лучшие и яснее усвоившие истину, как избавившиеся от плотских похотей чрез совершенное очищение и веру, делаются Церковью и помощницею Христа, как бы девою, по словам Апостола¹², соединяясь с Ним и уневечиваясь Ему, чтобы, приняв чистое и плодотворное семя учения, с пользою содействовать проповеди для спасения других"¹³.

Что касается немощных — "новоначальных"¹⁴, то они в церкви-организации приуготовляются, так сказать, к переходу (таинственному, незримому) в Церковь-Организм, в Церковь — Тело Христово, чему содействуют усовершенствовавшиеся и укоренившиеся в Телесном Христовом.

"Несовершенные и еще начинающие спасительное учение, — продолжает свою мысль св. Мефодий, — возрастают и образуются, как бы в материнском чреве, от более совершенных, пока они, достигнув зрелости-возрождения, приобретут величие и красоту добродетели, и потом по преуспевании сами, сделавшись Церковью, будут содействовать рождению и воспитанию других детей... осуществлять волю Слова"¹⁵.

Итак, мера святости определяет силу связи христиа-

нина с Телом Христовым. Эта мысль богомудрого священномученика, которая есть, конечно, и мысль святой Церкви, ясно выражается в молитве, читаемой иереем над кающимся, после исповеди: "Пожаждь ему образ покаяния, прощение грехов и отпущение... Примири и соедини его Святей Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем"¹⁶.

Не ясно ли, что Церковь мыслит человека, обремененного грехами, как бы оторвавшимся от нее или, по крайней мере, ослабившим свой союз с нею, находящимся как бы в чине оглашенных, о которых Церковь за литургией и молится теми же словами¹⁷, какими иерей о кающемся.

Исповедь, очищая от грехов, облегчая груз греховный, снова подтягивает христианина к Церкви, восстанавливает нарушенную беззакониями связь с Нею. В полноте совершается это восстановление в следующем за исповедью величайшем таинстве Тела и Крови Христовых, разумеется, если таинство принято достойно, т. е. "со страхом Божиим, верою и любовию"¹⁸. Здесь мы подходим к заключительному пункту нашей беседы, которым я и закончу свое слишком разросшееся письмо.

Все таинства освящают человека, освящают его и святейшее Имя Божие, благоговейно призываемое, и животворящий Крест, с верою лобызаемый и возлагаемый. Но особенную силу освящения, обожения человека имеет воистину страшное, святейшее таинство Евхаристии, делающее человека подлинно "причастником Божеского естества" (2 Пет. 1, 4). Это таинство составляет, если так можно выразиться, сердцевину Церкви. Оно есть "средоточие мистической жизни Церкви", "таинственный центр единства церковного". Вот что говорит о взаимоотношении св. Таин с Церковью благоговейный и глубокий религиозный мыслитель, можно сказать — учитель Церкви, Николай Кавасила (XIV в.).

"... Церковь указывается Тайнами" <...> как сердцем указуются члены, как корнем дерева — отрасли и, как сказал Господь, как виноградную лозу — ветви: ибо здесь не одинаковость только имени, и не сходство подобия, но тождество дела, так как Тайны суть Тело и Кровь Христа. Для Церкви Христовой они — истинная пища и питье; и, причащаясь их, она не превращает их в человеческое тело, как какую-нибудь другую пищу, но сама превращается

¹⁶ Ср. слова А. С. Хомякова, на которые указывает предыдущее примечание (прим. М. Новоселова).

в них, потому что лучшее пересиливает худшее. Так и железо, сообщившись с огнем, само становится огнем, а не огонь делает железом. И как в раскаленном железе мы обыкновенно видим не железо, но огонь, от того, что свойства железа совершенно закрываются огнем; так, если бы кто мог увидеть и Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем другим, как только Телом Господним. По этой-то причине Павел пишет: "вы есте тело Христово и уди отчасти" (1 Кор. 12, 27). Не для того, чтобы означить попечения Христа о нас, Его пестунство и руководство, и наше Ему подчинение, Его Павел назвал Главою, а нас — телом, подобно тому, как и мы, выражаясь усиленно, называем родных или друзей сынами: но для выражения именно того, что говорил, именно — что верные чрез сию Кровь уже живут жизнью во Христе, истинно соединены с тою Главою и облечены сим Телом. Посему нет ничего неестественного в том, что здесь Тайнами означает Церковь¹⁹.

Углубитесь вниманием в этот небольшой отрывок, друзья мои, и сообща осмыслите его содержание, вдумавшись в каждое слово. Сопоставьте его с приведенными выше словами св. Патриарха Германа и уясните себе связь между Церковью — Телом Христа и церковью-храмом, в котором совершается величайшее таинство Тела и Крови Господних, вообще благоговейно продумайте все написанное, от святых Апостолов и Отцов приятное, и молитвенно воздохните о писавшем, очень нуждающемся в ваших молитвах.

В следующем письме, если Господь благословит, возобновится беседа о Церкви, так как предмет этот, по своей глубине и неизмеримому значению, заслуживает исключительного внимания. Но будем помнить, что проникновение в тайну Церкви дается, как сказано, не рефлектирующему знанию, а уму, просвещенному верою, и потому возопиим из глубины сердца:

||| "Воспеваю благодать Твою, Владычице, молю Тя, ум мой облагодати"²⁰. Аминь.

Покров Богоматери да будет над всеми нами.
Любящий вас брат о Господе...

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Друзья мои!

Я предполагал и нынешнее (3-е) письмо мое к вам посвящать вопросу о Церкви, но некоторые обстоятельства и соображения понуждают меня отложить эту тему до следующего письма, а теперь побеседовать с вами, мои дорогие, о другом предмете, имеющем, впрочем, ближайшее отношение к Церкви — о таинстве исповеди. Передо мной лежат два небольших рукописных документа, увидевших свет, судя по имеющимся в них хронологическим датам, около года тому назад. Один документ озаглавлен: "Отклики на пастырские собрания в храме Христа Спасителя", дата — "неделя мытаря и фарисея 1922 г.". Другой документ не имеет никакого надписания, а дата — "первая седмица Великого поста 1922 г.". Тема той и другой рукописи одна — "общая исповедь"¹.

Мы приближаемся к великопостному времени, скоро наступят недели подготовительные к Великому посту: естественно именно теперь побеседовать об исповеди, если уж затрагивать эту тему. А затронуть ее не только своевременно, но и необходимо. А почему необходимо? — Ответ на этот вопрос дают упомянутые небольшие рукописи, которые я и предлагаю вашему вниманию.

I.

Отклики на пастырские собрания в храме Христа Спасителя

Православные русские люди! Наступает Великий пост, когда в былое время, по Уставу церковному, русский человек шел в храм, на тайную исповедь к своему отцу духовному, для облегчения своей совести от греховного бремени. Это было трудное дело, дело, требовавшее напряженного нравственного подвига. Человек должен был истязательно допросить себя, в чем он погрешил пред Богом и ближними, и все свои мерзости, содеянные не только делом, но и словом и мыслию, обнажить пред отцом духовным. Сколько стыда и трепета должен был испытать кающийся, чтобы, по слову св. Григория Богослова, здешнюю срамотою избежать будущей срамоты!² Воистину, это было испытание великое. |||

Теперь, братие, православные русские люди, с падением мрачного деспотического режима и с наступлением светлой эпохи небывалой политической свободы, воссиял свет и в области церковной. Освежающая струя духовной свободы забила и в недрах Церкви.

Ныне, братие, благодарение судьбе, с невозвратным падением старого политического сыска, пал и сыск духовный. С соизволения высшей церковной власти, раскрепощенной от уз царского самодержавия, в православных приходах, руководимых истинными пастырями, постепенно, но неуклонно устанавливается общая исповедь — выходит из употребления исповедь частная; сам собою рушится этот духовный "пыточный приказ", это средневековое насилие над совестью православного русского человека, который, словно ребенок под угрозой розги, должен был, с мучительным стыдом, открывать греховные тайники своей души такому же, как он сам, грешнику, попирая свое человеческое достоинство, насилая свою благородную духовную природу. Благодетельная судьба вывела, наконец, православного русского человека, так много терпевшего от царя-самодержца и попа-истязателя, на давно жданный простор политической и религиозной свободы.

Узкие врата тяжелого испытания совести, вводившие на вечерю Господню, теперь широко раскрыты, и символом этого расширенного пути к престолу Царя Небесного является новый обычай отвержения царских врат при иерейском служении³.

Прежде только "нуждницы"⁴ восхищали Царство Небесное, теперь никому не возбраняется вход в это царство света, свободы и воистину всепрощающей любви.

Прежде были званные и избранные⁵, теперь нет этого устарелого деления: отныне званные — они же все и избранные. Любовь Неба излилась на землю с небывалой доселе полнотой чрез просветленных в последние дни неведомой раньше благодатью архипастырей и пастырей, на новых началах безусловной свободы вводящих Царствие Божие внутрь человека и широко распахивающих врата Царствия Небесного пред свободными гражданами этого царства.

Грядите же, православные людие, на общую исповедь! Грядите не как рабы — вам уже нечего более бояться и срамиться, ибо ни перед одним человеком вы не должны обнажать деяний своих лукавых, а Бог... Он всегда одинаково зрит их привычным для нас милостивым оком. Гряди-

те как сыны, как чада свободы, небывалой на рабской "тнятой Руси" и ведомой лишь издавна дышавшему духовной свободой протестантскому миру. Возрадуйтесь, ибо издавна то время, когда вы сольетесь с этим миром в полном единомыслии, разрушив последние перегородки, отделяющие вас от сего славного царства свободы.

Заря этого единомыслия давно занялась на Руси, и только тяжкие оковы мрачного строя мешали ей разгораться. Ныне восходит уже солнце этого сладостного единомыслия — в культе, идее и, главное, в духе.

Паки реку: радуйтесь⁶, сыны свободы! Аминь. Неделя мытаря и фарисея, 1922 г.

Таков первый документ, побудивший меня заговорить с вами об исповеди. Полагаю, что вы не обманетесь, как обманывались некоторые, по недостатку духовного чутья, относительно источника тех мыслей, которые высказаны в "Откликах", т. е. поймете, что автор их, конечно, не сторонник "общей исповеди" и тех духовных начал, с которыми связано и из которых происходит это новшество.

Обратите внимание на то, что "Отклики" появились тогда, когда все с внешней стороны было более или менее (принимая в соображение наше время) благополучно в русской церкви: Патриарх почти беспрепятственно и часто служил в разных московских храмах, ежедневно принимал на своем подворье посетителей, законное Высшее Церковное Управление функционировало, невозбранно говорились всюду проповеди, читались богословские лекции в нескольких местах, в храме Христа Спасителя собирались еженедельно духовные лица и миряне и свободно обменивались мнениями по церковным и религиозным вопросам, — словом, русское православное общество жило, казалось, нормальной духовной и церковной жизнью, сохраняя "единство духа в союзе мира"⁷.

Правда, начал уже пошаливать Антонин⁸, обнаруживались самочинные новаторские деяния нескольких батюшек⁹, но к этому относились довольно спокойно и церковная власть, и большинство "православных": одни — посмеиваясь, другие — поругивая новаторов; третьи, тоже не сочувствуя им, находили, что это — пустяки, на которые не стоит обращать внимания, из-за которых нечего беспокоиться, тем более, что некоторые новинки, как, например, та же "общая исповедь", нравятся иным и привлекают их в храм. Все новшества представлялись явлением, может быть, и не очень желательным, но сравнительно невин-

ным, которое в известный момент, в случае нужды, можно легко пресечь решительным действием высшей церковной власти". Так думало большинство...

Иначе, как видите, смотрел на дело автор "Откликов", прозирая грозную опасность в том, что забавляло одних, слегка раздражало других и вызывало снисходительно-презрительное отношение третьих или несколько покровительственное у четвертых.

Из всех новшеств, которыми обогатило нас то время, особенный успех выпал на долю "общей исповеди", "постепенно, но неуклонно" (как справедливо указано в "Откликах") устанавливавшейся в разных приходах и вытеснявшей исповедь частную. Несомненно, что по существу своему это новшество является самым серьезным из всех вошедших в церковный обиход за последние годы, ибо новшество это коснулось таинства, и таинства, к которому чаще всего призывает нас Церковь, таинства, которое заменяет собою для падших христиан (каковы все мы) великое и неповторимое таинство крещения (почему и именуется иногда "вторым крещением"¹¹), таинства, подготавливающего нас к достойному принятию величайшего таинства Тела и Крови Христовых.

Автор "Откликов" справедливо поставил это новшество в связь с тем протестантским духом лжесвободы, который проник давно в наше церковное общество и всесторонне растлил его. "Отклики" верно отмечают протестантизацию "культы, идей и духа" некогда святой, православной Руси.

Я знаю, что некоторые из вас, друзья мои, были свидетелями (благодарение Богу — не участниками) "общей исповеди" и имели случаи беседовать с лицами, участвовавшими в ней. Поэтому вы сами можете судить о достоинстве этого новшества и оценить правильность тех выводов, которые сделаны автором "Откликов" из анализа "общей исповеди". Последовавшие в нашей церкви события, которые у нас теперь перед глазами¹², оправдали опасения автора и придали заключительным строкам его "Откликов" характер печального пророчества.

К сожалению, "дух времени", чтобы не сказать — дух тьмы и отец лжи, стоящий за "духом времени", продолжает слепить очи "православных" (пастырей больше, чем па-

¹¹Этот оптимизм не оправдался: Патриаршее послание, направленное против богослужебных новшеств, не возымело силы (прим. М. Новоселова).

сомых), и, несомненно, "общая исповедь" будет процветать в духовном болоте современной церковной жизни и, подобно болотным огням, завлекать в гибельную трясину бедные людские души.

В оправдание своего новаторства, своей лени и своего нежелания или неумения православно "окормлять" к пристанищу вечной жизни своих духовных чад, протестантствующие иереи-модники* и иереи-наемники, не вникающие в существо таинства, не опознавшие собственным опытом всей его силы, а потому не разумеющие величия, глубины и условий действенности его, будут, конечно, приводить избитые аргументы в пользу "общей исповеди", как облегчающей им труд пасения словесных овец, в свою очередь, чрезвычайно облегчаемых в труде покаяния этой лжеисповедью¹³.

Ссылались и будут ссылаться на первые века христианства, когда будто бы практиковалась "общая исповедь", между тем как тогда имела место совершенно обратная практика: один каялся перед многими, перед целой христианской общиной.

Ссылались и будут ссылаться на пример о. Иоанна Кронштадтского, забывая или не понимая: 1) что хотя о. Иоанн и великий иерей Божий, но не отец Церкви¹⁴; 2) что если бы и был признан таковым, единичный опыт его пастырской практики (как и личного подвига) не может быть правилом для всех, ибо только "consensus patrum"¹⁵ имеет силу нравственно обязательную для христиан; 3) что "quod licet Jovi non licet bovi"¹⁶. Это особенно следовало бы помнить "последователям" о. Иоанна, которые так ревностно следуют ему в том, что их без нужды облегчает, и не обнаруживают той же ревности в следовании великому пастырю в трудном духовном подвиге, который он нес в течение всей своей многолетней жизни и который давал ему то, что оправдывало и его практику исповеди. В самом деле, не говоря о том, что к о. Иоанну стекались многотысячные толпы народа со всей России, исповедать которых по установленному для всех чину он не имел физической возможности, следует знать и помнить две вещи:

I. Исповедь у о. Иоанна совершенно чужда была той холодности или мелодраматичности (последняя особенно прельщает не умеющих разбираться в своих духовных пе-

* Не нахожу другого слова, чтобы выразить мысль, что многие иереи переняли и ввели у себя "общую исповедь", как моду (прим. М. Новоселова).

реживаниях), которые характерны для "общих исповедей" практикуемых заурядными батюшками, — она была глубоко драматична, иногда с оттенком трагизма, когда люди во всеуслышание, выявляя себя перед всеми (что напоминает, действительно, первохристианскую исповедь), калялись в страшных преступлениях, выкрикивая с отчаянием и вместе с надеждой грехи, может быть, многие годы лежавшие тяжелым бременем на их душах, которые пробуждены были к новой жизни огненным, благодатным словом избранника Божия о. Иоанна.

II. О. Иоанн имел и часто обнаруживал великий и редкий дар прозорливости, который давал ему возможность и, может быть, властно побуждал дерзновенно отводить от Чаши недостойно приступавших к ней после "общей исповеди".

Пусть обо всем этом подумают жалкие, неудачные подражатели славного пастыря земли Русской!

Наконец, пусть они знают и то, что, несмотря на все высказанное об о. Иоанне, последний нередко скорбел по поводу "общей исповеди", прибегать к которой он видел себя вынужденным в силу исключительности своего положения, скорбел, ибо и у него нередко бывали случаи, вопиавшие против такой исповеднической практики...

Ссылались и будут ссылаться на весьма неудовлетворительную практику у нас частной исповеди, обращающейся часто в пустую формальность, вследствие хотя бы скопления огромного количества "исповедников" в некоторые недели Великого поста. Но что же из этого следует? Уж, конечно, не то, что плохо обставленный фельдшерский пункт надо уничтожить и заменить его хатой ворожеи. Не надлежит ли, напротив, употребить все меры к тому, чтобы фельдшерский пункт преобразовать в хорошо оборудованную больницу с понимающим и любящим свое дело врачом и соответствующим персоналом служащих, с настоящими лекарствами (а не суррогатами) и с ежедневным, а не с еженедельным приемом больных?

Ссылаются на возрастающую любовь мирян к "общей исповеди" и на их благодарные чувства к иереям-строителям оной... Что сказать на это? Сказать можно много, очень много, но на сей раз отвечу лишь словом Апостольским: "... будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням" (2 Тим. 4, 3-4).

И, воистину, "общая исповедь", принимаемая за таин-

ство, есть басня, о чем сказано будет ниже.

Говорят: "если люди так стремятся на "общую исповедь", значит — они хотят исповедаться". Я делаю обратное заключение: "если люди так стремятся на общую исповедь, значит — они не хотят исповедаться" (если, конечно, под исповедью разумею то, что всегда разумелось в Церкви под этим словом и что совершенно понятно для всякого сколько-нибудь серьезно проходящего духовную жизнь).

Далее: иереям дана власть вязать и решить (собственно, она дана только епископам, а иереи пользуются ею "по необходимости и с разрешения епископа" — блаж. Симеон, архиеп. Солунский¹⁷). Эта власть сказывается, главным образом, при совершении таинства исповеди. Спрашивается: как при "общей исповеди" иерей будет вязать? А если "общая исповедь" лишает его власти вязать (а она неизбежно лишает, если иерей не имеет дара прозорливости, подобно о. Иоанну), то неизбежно он теряет власть и решить, и тут мы подходим к тому пункту нашей беседы, который высказан кратко, но совершенно ясно во втором документе, лежащем предо мною. Пункт этот гласит, что "общая исповедь" не есть таинство и разрешения грехов участникам оной не дает.

Вторая рукопись, как я сказал, не имеет заглавия. Она может быть названа "Братским увещанием прельщаемых "общей исповедью"". Привожу текст полностью.

II.

"Остановитесь, православные люди, идущие на так называемую "общую исповедь"! Не поддавайтесь вражьему обольщению, подменяющему святое, строгое, воистину спасительное таинство покаяния нервным взвинчиванием, сентиментальными вздыханиями и сладким, погибельным самообманом получения по дешевой цене подступа к страшным Тайнам Господним!

Петроградские пастыри, на общем собрании, единодушно и решительно отвергли "общую исповедь".

"Так называемая "общая исповедь", — пишет профессор Петроградской Духовной Академии протоиерей Налимов, — не имеет никакого отношения к таинству покаяния... она разрешения ни от каких грехов не дает, является не заменой исповеди, а полной отменой исповеди пред причащением и всецело оставляет на совести каждого

участника ее полную ответственность перед Господом непосредственно за достойное или недостойное принятие Его Тела и Крови"¹⁸.

Итак, разрешение грехов, возвещаемое иереем на "общей исповеди", не имеет силы и является обманом (может быть, бессознательным) со стороны священника и самообманом со стороны пасомых, воображающих, будто они истинно исповедались и действительно получили разрешение своих прегрешений.

Не обольщайтесь, братие: Бог поругаем не бывает (Гал. 6, 7). Не полагайтесь на очистительное действие истерических воплей или замирающих трелей проповедников и руководителей поддельной исповеди, а с трезвым вниманием ума и тихою, покаянною молитвою сердца ищите истинного пути очищения лукавой совести у пастырей, пекущихся, по примеру и завету Пастыреначальника-Христа, о каждой овце особо. Со страхом и трепетом свое спасение содевайте (Флп. 2, 12) узким путем многотрудной для совести, но спасительной для души частной исповеди, а не через широкие, но обманчивые врата общей, — устремляясь в Царствие Божие... Аминь.

Первая седмица Великого поста 1922 года^{*}.

Вижу, что письмо мое выходит чрезмерно длинным, и в то же время не могу остановиться: слишком важна тема и слишком бережит она сердце.

Дорогие мои! Отнеситесь с возможной серьезностью к этому серьезнейшему вопросу и не позволяйте себе и в малой степени, даже мыслю, не то что делом, погрешать против святого таинства. Держитесь твердо следующего правила: если где практикуется "общая исповедь" как законченное в себе таинство, а не как только подготовка к серьезной частной исповеди (что надлежит весьма приветствовать), там поругана величайшая святыня, долженствующая соединять нас с телом Церкви^{*}.

Мне очень хотелось сделать некоторые выписки о таинстве исповеди из творений блаж. Симеона, архиеп. Солунского, но это слишком бы удлинило мое и без того непомерно растянувшееся письмо. В следующем письме предполагаю вернуться к вопросу о Церкви. Если оно выйдет покороче, я, может быть, присоединю к нему в качестве "приложения" упомянутые выдержки из блаж. Симеона.

^{*} См. второе мое письмо (прим. М. Новоселова).

Мир вам, дорогие! Молитесь обо мне грешном!
Любящий вас и молитвенно памятующий брат о Господе...

День св. муч. Татианы и св. Саввы архиеп. Сербского.
12 января 1923 года.

P. S. Очень рекомендую вам прочитать и продумать "Чин исповедания", помещаемый в "Требнике"¹⁹. Он многому вас научит.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

20 января 1923 г.

Дорогие друзья мои!

Я обещал вам в нынешнем (4-м) письме вернуться к вопросу о Церкви, но и на этот раз изменяю свое намерение и хочу говорить опять о таинстве, но не о таинстве исповеди, о котором шла речь в предыдущем письме, а о величайшем таинстве Евхаристии. Как и прошлый раз, я вынуждаюсь к отмене предположенной темы некоей рукописью, находящейся в моих руках и затрагивающей вопрос неизмеримой важности. Рукопись эта — "отношение" (так называет ее сам автор) одного иерея к своему архипастырю. Но "отношение" это совершенно особого рода: это скорее исповедь смущенной верующей души, мучительно ищущей разрешения своих тяжких недоумений, чем обычное, деловое "отношение".

Читая эту "исповедь", прежде всего поражаешься тем обстоятельством, что захолустный батюшка с мукой останавливается перед фактом, мимо которого спокойно и равнодушно, во всяком случае, не возвышая голос (как делает этот безвестный служитель алтаря), проходили и проходят сотни столичных иереев (не говоря о множестве провинциальных). Очевидно, их многоученая иерейская совесть далеко не так живо реагирует на то явление, которое повергает в величайшее смущение провинциального батюшку — отца Гавриила. По крайней мере, в их среде не слышно было такого вопля, какой исторгся из груди автора лежащей предо мною рукописи. Правда, в Москве, в одном частном доме, был прочитан доклад на тему, которая составляет предмет настоящего письма, но, несмотря на авторитетное имя лектора, практические последствия чтения были, по-видимому, ничтожны...

Затем, нельзя не удивляться тому, с какой тщательностью собрал автор в своем провинциальном захолустье материал для освещения взволновавшего его душу вопроса. Воистину, честь и слава ему!

Рукопись, о которой идет речь, относится к 1921 году, но, к сожалению, она не утратила своего значения и для нашего времени, так как и поныне во множестве храмов совершается то, что встревожило чуткую совесть иерея Божия, написавшего своему архипастырю следующее:

"Один недоуменный и крайне смущающий меня вопрос побудил беспокоить Ваше высокопреосвященство настоящим отношением, тем более, что к кому ни обращался я за разъяснением его, не получал надлежащего удовлетворения. Предварительно мне хотелось бы уверить Ваше высокопреосвященство, что ничто низменное не руководит мною в настоящем обращении к Вам.

От коюности своей я истый церковник и единственно чего ужасаюсь, как бы враг Церкви Христовой и моей собственной души не воспользовался моим смущением, продолжающимся уже не один год, и не отторг бы от общего сдиномыслия, внушив мне ревность не по разуму. Вопрос, который я осмеливаюсь предложить на решение Вашего Высокопреосвященства, желал бы представить, с Вашего изволения, в таком виде.

Грозные события последнего времени тяжело отозвались на состоянии Православной Русской Церкви. Не говоря об огромном материальном лишении Церкви, эти события коснулись и внутреннего, духовного ее содержания.

Божественная Евхаристия есть центральный пункт нашей православной веры и Вселенской Церкви, около которого вращается все содержимое в Церкви. Приносимая жертва Божественного Агнца Христа есть Святая Святыя нашей духовной жизни: где нет истинной Евхаристии, там нет ни Христа, ни истинного христианства, — там пустота духовная. Такая пустота может быть даже при внешнем, видимом совершении таинства. Вот на этот самый существенный пункт, можно сказать, сердце вселенского Православия, совершающиеся события последнего времени и наложили свою тяжелую руку, принудив Русскую Высшую Церковную Власть внести изменение в совершение Божественной Евхаристии.

Как известно, Высшее Управление Русской Православной Церкви сделало циркулярное распоряжение¹ по всем епархиям оповестить духовенство, что оно нашло возможным допустить совершения таинства св. Евхаристии на ржаном хлебе, за неимением пшеничного, и на некоторых ягодных соках, за отсутствием виноградного вина.

Не знаю: может быть, постановление Церковной Власти основано на Св. Писании и Св. Предании, только в самом циркуляре это допущение мотивировано исключительно нуждою времени, полным отсутствием Евхаристических веществ. Я буду говорить только об одном веществе — вине, так как в пшеничном хлебе недостатка, кажется,

не было и нет.

Допущение Церковной Властью совершать литургию на ягодных соках и предписание епархиального начальства духовенству самому озаботиться тем, чтобы запasti вина, дали повод к широкому произволу в этой области.

Христос-Спаситель говорит: "Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье" (Ин. 6, 55).

Но то, что изготовлялось и готовится для Таинства Причащения, по большей части истинным питьем назвать нельзя: это — даже не ягодные соки, а простой водный настой ягод или каких-нибудь фруктов, включительно до ранеток, подкрашенный чем-то и подслащенный иногда сахарином, не только не пригодный, как питье, но подчас возбуждающий тошноту.

Виноградное вино, узаконенное Слово Божиим и Свящ. Преданием, как единственно достойное вещество для совершения Божественной Евхаристии, еще древним мудрецом пророчески предсказано: "Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь: закла своя жертвенная, и раствори в чаше своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы, созывающи с высоким проповеданием на чашу, глаголющи: ... приидите, ядите Мой хлеб, и пийте вино, еже растворих вам" (Притч. 9, 1-5).

В словах Спасителя: "Аз есмь лоза истинная, и Отец Мой делатель есть"² — сокращение всей нашей Божественной литургии. "Я — лоза (а лоза дает только вино), Я — жертва, приносимая за мир, а Отец Мой — совершитель этой жертвы, и в литургии Бог Отец совершает самое Таинство, приносит Сына Своего за спасение мира. Св. Евангелие дает нам твердое основание знать, что Христос Спаситель совершил на Тайной Вечери и установил Таинство Причащения совершать над хлебом и виноградным вином, чему служат доказательством слова Спасителя, произнесенные Им вслед за причащением учеников: "... не имам пити отныне от сего плода лозного, до дне того, егда Я пию с вами ново во царствии Отца Моего" (Мф. 26, 29; Мк. 14, 25; Лк. 22, 18). При этом заповедал: "Сие творите в Мое воспоминание" (Лк. 22, 19).

Эта всемирная чаша должна быть едина, начиная с чаши Тайной Вечери и кончая последней — пред Вторым Пришествием Христовым, как и по слову Апостола: "един хлеб, едино тело есмы мнози: вси бо от единого хлеба причащаемся" (1 Кор. 10, 17).

Св. Предание узаконяет вино как единственное вещество для Таинства Причащения, что доказывают чины ли-

тургий от ап. Иакова до Златоуста³. В литургии св. Василия Великого священнослужитель произносит слова: "...чашу от плода лозного приемь"⁴. Как же он может произносить эти слова, имея пред собою в чаше не виноградное вино, — и в такую страшную минуту?

Церковь Христова во все время своего существования строго оберегала чистоту, святость и неизменчивость в существе своем Божественной Евхаристии. Так, в древности были еретики-гидропарастаты ("водопредстатели"), которые учили, что Таинство Причащения надо совершать на одной воде, без вина. Церковь отвергла это учение, и Карфагенский собор правилом 46-м определил: "В святилище да не приносится ничто кроме Тела и Крови Господни, якоже и Сам Господь предал, то есть кроме хлеба и вина, водою растворенного"⁵.

В отвержение еретиков-водопредстателей, с другой стороны, еретики-армяне впали в противоположную крайность, стали совершать Таинство Причащения на одном вине без воды. Шестой Вселенский Собор отверг это заблуждение, 32-м правилом определив: "И Иаков, Христа Бога нашего по плоти брат, коему первому вверен престол Иерусалимския Церкви, и Василий Кесарийския Церкви архиепископ, коего слава протекла по всей вселенной, писменно предав нам таинственное священнодействие, положили в Божественной литургии, из воды и вина составлять святую чашу. И в Карфагене собравшиеся преподобные отцы, сии точно слова изрекли: да не приносится во святом таинстве ничто более, точию Тело и Кровь Господня, якоже и Сам Господь предал, то есть хлеб и вино, водою растворенное. Аще же кто епископ, или пресвитер, творит, не по преданному от апостолов чину, и воду с вином не соединяя, сим образом приносит пречистую жертву: да будет извержен, яко несовершенно таинство возвещающий, и преданное нововведением повреждающий"⁶.

Это свидетельство, как свидетельство Вселенского Собора, имеет особенную важность, тем более, что Вселенский Собор касается самого существа совершения Таинства: именно, кто совершит не по чину, преданному от Апостолов, тот тем самым возвещает таинство не совершенно или не совершившимся.

Св. Симеон Солунский в главе о священной литургии пишет: "Водопредстателей же ереси и Златоглаголивый противится внегда глаголати реченное от Господа: не пию отныне от рождения лозы⁷, лоза же вино, не воду рождает. О сем представляет Златоглаголивого литургия, и еще яв-

ленное богोगлаголивое Василия... Тогда наводит: "подобне же и чашу от рождения лозы взем, растворив, благодарив, благословив, освятив даде"⁸. Зриши ли? "От рождения лозы взем" — глаголет... И божественный Иаков, в глаголемой того литургии, тожде же обретается во многих, — сие глаголет: "и взем чашу и растворив вина и воды"⁹. И вси же сие приношаху Отцы в кафолических церквах и апостольских престолах издревле преемство"¹⁰.

Здесь св. Отец пишет против армян, совершавших таинство Причащения на одном вине (истинное питье), и между прочим упоминает еретиков водопредстателей, приносящих одну воду (истинное питье), у нас же в настоящее время не приносится ни вина, ни даже воды натуральной.

Об этом же мы находим свидетельство в книге "Скрижаль" (Москва 1656 г.), одобренной и утвержденной Великим Московским Собором 1667 г., где читаем: "Сего ради нужно есть во святой чаше вино и вода в совершение таинства, а не вода токмо якоже есть ересь скверная водопредстателей, яже развращает и растлевает предание таинств <...> Ниже вино токмо якоже творят еретици армени, дабы потребили ину ересь водопредстателей, сами же падоша в горшную, якоже сие случися и воиных, иже отпадают от истины" (Гл. 73, "Паки о совершаемых в проскомидии")¹¹.

"Православное исповедание кафолической и апостольской Церкви узаконяет: "Третье Таинство — святая Евхаристия или Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, под видом хлеба и вина, в котором истинно и собственно или действительно находится Иисус Христос. Сие Таинство превосходит все другие, и более других содействует к получению нашего спасения... Священник... должен наблюдать, чтобы приличное было вещество, то есть, хлеб пшеничный, квасный, чистый, сколько возможно, и вино, несмешанное с другою какою-нибудь жидкостью, и чистое само в себе" (Вопр. 106-7)¹².

Отсюда видно, что другие какие-нибудь жидкости, разные ягодные и фруктовые соки и сиропы недопустимы даже к смешению и тем более едва ли могут быть сами в себе веществом для таинства.

"Православное исповедание" в той части, откуда взято свидетельство, утверждено собором восточных иерархов¹³ и всеми восточными патриархами.

Великий Московский Собор 1667 г. в присутствии двух восточных патриархов¹⁴, в утвержденной им книге "Скри-

жаль" определил: "Вещество убо Божественная Литургии есть хлеб и вино с водою. Не бо от иного коего либо вещества, или от плода прилучившагося, или сикера^{*}, но от истинных пшеницы и вина истинного, Божественное таинство совершати нам Господь и божественнии Его апостоли предаша. И внемли, да не прельстиши себе и вместо чистаго вина принесеши оцет или винные дрожжи, или иное что гнилое, грех бо наведеши себе смертный" (О седми таинствах, стр. 111-112)¹⁵.

Не могу умолчать об одном свидетельстве, где чудесным образом признается вино как единственное вещество для св. Евхаристии. В житии преп. Кирилла Белозерского (память 9-го июня) и в составленной ему службе, в "стихирах на хвалитех" повествуется, что в обители его недоставало вина для совершения св. Таинства Причащения, и Господь, по молитвам угодника, умножил вино, так что его хватило на долгое время¹⁶. Очевидно, что ни преп. Кирилл, ни Сам Господь не находили возможным заменить вино чем-либо другим.

В "Великом Катехизисе", изданном по благословию святейшего патриарха Филарета, читаем: "Вопрос: Кое есть вещество сего таинства? Ответ: хлеб пшеничен, квасен, солию же осолен. И вино с водою имущее свою естественную целую сладость"¹⁷.

Вопрос: "Кое есть действо и кое есть совершительное третье"¹⁸ сего таинства? Ответ: сие есть дивное совершительное, яко в ней верху являемая образы хлеба и вина, пребывают же сами о себе выше естества, хлеба и вина. Сиречь, вид и вкус хлеба есть, хлеба же самого несть. Вид и вкус вина есть, вина же несть <...>. Обаче^{**} известно се веждь, яко идеже сия видимая знамения не суть, ту ни телесе Христова и пречестныя крове Его несть. Зане под сими точию^{***} образы знамениями хлеба и вина, по освящении глагол Господних дается тело и кровь Христова, кроме же сих не дается. Да ведем где суть, где же несть их <...>. Идеже знамения от Господа назнаменанная и преданная на что не суть, тамо ниже вещь и тайна от Бога данная есть"¹⁹.

Не следует ли из сего заключить, что на литургии, совершенной на незаконных веществах, не бывает предложения, не бывает Тела и Крови Христовых?!

В "Малом Катехизисе" читаем: "Священник имать со-

* Опыняющий напиток (прим. ред.).

** Однако, впрочем (прим. ред.).

*** Только (прим. ред.).

вершати святую литургию, с намерением ума да совершает ю, еже святая Церковь соборне описала своим и не соборне. К тому же да иметь принадлежащую вещь совершенну сущу и делу, еже есть хлеб чистый, пшеничный, квасный, и вино естественное с водою мало смешанное. Потом же и иныя потребы, без них же никакоже может святая литургия совершатися"²⁰ (л. 32 обор.).

Наконец, "Учительное известие" гласит: "Вещество Крове Христовы есть вино от плода лозного, сиесть, из гроздов винныя лозы источенное... Вином же не суть и быти не могут вси соки, от различных овоцей и ягод источени, сиесть, яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый, и инии сим подобнии. Аще же кто дерзнет кроме самого виноградного вина, на иных видех и соках, или вино кислотию во оцет претворится, или с чим смешанное будет, никакоже таинства совершит: но согрешит иерей тяжко смертно и извержению от священства подпадет"²¹.

Ввиду приведенных свидетельств, при их общеизвестности, не может ли зародиться и проникнуть в массу народную страшная мысль: да совершается ли у нас в России св. Евхаристия? К такой мысли косвенным образом дает повод и самый циркуляр Высшей Церковной Власти, предписавшей распространить его секретно. По-видимому, и Церковная Власть была недостаточно уверена в обоснованности своего распоряжения.

Правда, она допустила это изменение по нужде, за полным отсутствием виноградного вина, и Церковь, действительно, обладала во все времена и обладает правом перемены обрядов и обычаев, отмены правил, делать по нужде снисхождения, допускать исключительные смотрительные случаи из всеобщей практики церковной, но в то же время не надо ли думать, что это делалось в вещах не существенных, установленных самою же Церковью, и в случаях исключительных? Здесь же, с одной стороны, допущено служение литургии не на виноградном вине не в виде исключения, а во всеобщее употребление, продолжающееся вот уже около трех лет, а, с другой стороны, вопрос этот касается самого существа Таинства Причащения.

Древняя Церковь говорит, что Таинство "несовершенно", "не совершится", "Тела и Крови Христовой не бывает", а тут как бы утверждается обратное, что таинство и совершится и бывает истинное причащение: не есть ли здесь как бы посягательство на волю Духа Святого?

Постановлено: священников и диаконов поставляет епископ, и ни при какой нужде не могут это совершить священники. Дух Святой не соизволит на это, а Божественная Евхаристия выше таинства священства: не жертва Христова установлена для священников, а священники поставляются для совершения жертвы.

Вещество для таинства крещения есть вода, как символ омовения от грехов, и ни при какой нужде нельзя заменить ее другою какою-либо жидкостью, например, маслом, керосином: тут будет не омовение, а вящее загрязнение, и таинство не совершится.

Божественная же Евхаристия несравненно выше крещения: в крещении вещество — вода — остается по освящении водой же, и то ее заменять нельзя; в Причащении же вещество — вино — прелается в кровь Христову, тут "да молчит всякая плоть человека"²². Да и как символ — виноградное вино не имеет себе подобного в мире вещественном.

Прошу позволения привести еще одно свидетельство из выше цитированной книги "Скрижаль": "Страшная трапеза лежащая посреде Олтаря <...> и чаша с вином яко веселит, и животворит, и согревает, и упоет всякаго вернаго Божественными благодатями"²³ (гл. 4, "Что знаменует трапеза"). Ягодные соки заключают ли в себе все эти свойства — веселить, животворить, согревать, упоеть? Их имеет в полной мере только виноградное вино и, как символ тех же свойств Духа Святого, оно занимает исключительное положение.

Почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство дать мне архипастырское разъяснение, что употребление в святом таинстве Причащения ягодных соков, вместо виноградного вина, не противно Духу Евангелия Христова и Вселенского Православия, — чем успокоите мою мятущуюся совесть.

Вашего Высокопреосвященства нижайший послужник

священник Гавриил Кузнецов.

1921 года, октябрь 6-й день".

Не знаю, дорогие мои, нужно ли что прибавлять к тому, что сказал благоговейный автор сего писания. Прибавлю разве вот что. По-видимому, в той хлебородной местности, где он живет, не было покушения святотатственно, с опощенной от злоупотребления ссылкой, что "по нужде и закону прменение бывает"²⁴, посягать на вещество Тела

Христова, т. е. подменять чистый пшеничный хлеб каким-либо суррогатом. Между тем у нас, в Средней России, это практиковалось и практикуется доселе, несмотря на то, что булочные ломаются от белого хлеба.

А ведь Церковь предъявляет те же строгие и неотложные требования к священнослужителю относительно вещества Тела Христова, что и по отношению вещества Крови Господней. Так, в "Известии учительном" читаем: "Вещь тайны Тела Господа нашего Иисуса Христа есть хлеб от чистыя пшеничныя муки, водою простою естественною смешанный и добре испеченный, квасный, непресоленный, свежий и чистый: вкус, сиесть, смак свойственный имей и к ядению благоприятный и способный... Иный же хлеб, кроме самых пшеницы, квасный из всякаго жита семен, вещь Тела Христова быти не может: дерзнувший же иерей над каковым хлебом из иных семен служить, или и из пшеничныя муки и естественныя воды и квасный, но млеко или маслом или яицы помазанный, зацвельный же, сплеснелый, или изгорчал, или черств, или растлен, зело тяжко согрешит и извержению подпадет, яко таинство на таковых видех не совершится"²⁵.

Мне приходилось говорить по вопросу о веществе таинства Евхаристии со многими духовными лицами, и я ни у кого из них не встречал той спасительной богоугодной тревоги, которая наполнила сердце о. Гавриила и понудила его поставить откровенно жуткий вопрос: "да совершается ли у нас в России святая Евхаристия?" Вопрос поистине страшный, — ибо если не совершается Евхаристия, то мы лишены причастия вечной жизни и утрачиваем связь с Церковью — Телом Христовым.

Что касается меня, то когда предо мною встал во всей ужасной обнаженности этот вопрос, я поставил себе за правило не только не приступать к св. Чаше, не узнав заранее о достоюльном совершении таинства (в смысле употребления обязательных веществ), но и не присутствовать за литургией в качестве богомольца, если узнавал, что литургия совершается не на вине, а на каких-либо суррогатах, ибо в последнем случае великое бого- и тайнодействие подменяется лицедейством.

Со времени же образования у нас еретического ВЦУ приходится заботиться и о том, чтобы не попасть в храм, где священнодействующим является лицо, имеющее церковное общение с этим ВЦУ, ибо тут также никакого таинства, конечно, не совершается, и приступающий к Чаше вместо Тела и Крови Христовых приемлют простой хлеб

и простую — того или иного рода — жидкость.

Да, родные мои, дни лукавы²⁶, трезвитесь, бодрствуйте, молитесь и меня, грешного, поминайте. Воспомяните и богобоязненного о. Гавриила.

Да охранит вас благодать Господа "от человек некоторых, и бесов, и страстей, и от всякия иныя неподобныя вещи"²⁷.

Любящий вас брат о Господе...

Р. С. Некто сказал по поводу подлога, устраиваемого относительно вещества таинства св. Евхаристии, что "русская Церковь впала в мистическую неизвестность", так как неизвестно, что содержит евхаристическая чаша при наличии такого подлога. Из приведенных выше свидетельств можно сказать больше: чаша чужда Тела и Крови Христовых, т. е. того, что составляет сердцевину Церкви.

Хотел я предложить вам некоторые выписки из блаж. Симеона Солунского, относящиеся к таинству исповеди, но не могу этого сделать за отсутствием под руками его священических писаний²⁸. Простите! Вместо этого выпишу несколько строк из Требника, из "Последования о исповеди", из которых видно, как необходима частная исповедь, чтобы духовник не являлся преступником пред Господом Богом, допуская к св. Чаше недостойных.

"Внимай себе, о духовниче! зане, аще погибнет единая овца нерадения ради твоего, от рук твоих изыщется. Проклят бо, глаголет Писание, дело Господне с нерадением творий (Иер. 48, 10). Великий же Василий глаголет: блюди, да не убоишися человека в падении его, да не предаши Сына Божия в руке недостойным, да не усрамишися кого от славных земли, ниже самаго диадиму носящаго, да не причастиши: божественная бо правила не повелевают недостойным причаститься, яко язычницы бо вмешаются. Аще ли не обратятся, горе и тем, и причащающим их"²⁹.

29 марта/11 апреля 1925 года.

г. Петроград.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

5 февраля 1923 г.

Дорогие друзья мои!

Простите, что долго не писал вам. Обстоятельства так сложились, что мне трудно было взяться за перо. Возобновляя обещанную в конце второго письма беседу о Церкви, я предложу вам на этот раз духовную трапезу, изготовленную не из мыслей духоносных Отцов, а представляющую собою сводку суждений о Церкви простого мирянина. Впрочем, мирянин этот не может быть назван рядовым, так как жизнь его является совершенно исключительной по тем внешним и внутренним переживаниям, которые выпали на его долю. Этот мирянин — князь Дмитрий Александрович Хилков, том писем которого лежит у меня на столе¹.

В предисловии к "Письмам" издатель² сообщает биографические данные о князе. Я не буду их приводить полностью, а приведу только схему его жизни, которая в предисловии не без основания названа "причудливой". Вот она: 1. Блестящий паж и лейб-гусар, очень набожный православный христианин. 2. Начальник казачьей сотни и видный участник русско-турецкой войны³. 3. "Ярый толстовец". Отрицает Православие, государство, войну, раздает свою собственность, сам пашет землю. 4. Революционер⁴. 5. Враг церковности, крайний индивидуалист, покровитель религиозных сект⁵. 6. Апологет церковности, верный сын Православия и почти затворник в глуши и тиши своего хутора⁶. 7. Вновь казак и герой нынешней войны⁷.

Из указанного тома писем (1-123 стр.) я старался извлечь все существенное, что сказано автором о Церкви. Мне хотелось рассеянные на многих десятках страниц мысли о Церкви собрать воедино и представить вам в виде более или менее цельного произведения. Насколько удалось мне это сделать, судите сами.

Считаю не лишним сказать несколько слов в разъяснение того, как производил я свою работу. Я выбирал разные места писем и распределял их по определенным темам, которые подсказывались содержанием мыслей автора. Таких тем я наметил пять: 1. О Церкви как живом организме. 2. О "нынешнем Православии". 3. Из кого состоит Церковь. 4. Жизнь и взаимоотношения членов Церкви,

как живого организма (по сравнению с сектантством). 5. Богочеловек и человекобог.

Всюду я привожу подлинные слова автора, сохраняя, между прочим, и его несколько необычную пунктуацию⁸. Иногда только мне приходилось переставлять некоторые фразы для большей ясности речи. Некоторые места я выносил из текста в примечания. В двух-трех случаях я позволил себе вставить по несколько слов для связности речи. Раза два-три я дополнил мысли автора "Писем" своими соображениями, чтобы казавшаяся мне недоговоренность в письмах не привела вас, мои дорогие, в недоумение. Цифры в скобках указывают страницы "Писем", откуда взято данное место.

Читая предлагаемое вам рукописание, вы, с одной стороны, легко убедитесь, как ценны для нас мысли покойного Дмитрия Александровича о Церкви, с другой — без труда усмотрите их согласие по существу с тем, что вы читали в предыдущих моих письмах о том же предмете.

Вы сумеете, надеюсь, извлечь из этих мыслей то, что осветит вам и многие современные явления церковной жизни и, может быть, грядущие судьбы Церкви. Поэтому я не буду подсказывать вам, на что следует обратить особое внимание.

Маленькое замечание: письма, из которых сделаны мною извлечения, относятся к самому концу 1913 г. и первой половине 1914 г.

Еще: мне хотелось бы, чтобы вы не относились пассивно к тому, что я с такой любовью собирал для вас в писаниях мудрого князя. Обсудите предлагаемые вашему вниманию мысли, примите их свою душу и воспользуйтесь этим драгоценным материалом для уяснения и оценки тех "церковных" и иных течений, которыми так обильно напояется наша земля.

Хочу надеяться, что вы с большим интересом и немалой пользой для себя услышите голос покойного искателя вечной правды, открывшейся ему в Церкви Христовой, верным сыном которой он отошел от нас в "оний мир".

1. О Церкви как живом организме

С самого начала было два разных представления о христианстве и христианской общине.

Иудейское представление ныне называется рационалистическим. Христианство сводится к личной *внутрен-*

ней связи каждого порознь с Божественной Личностью и к вере в Нее и Ее дело. При этом Сама Личность, — как находящаяся на небе, — все *"таит"*. Представление о Ней делается *смутным*, и на *Ее место* ставится *Ее учение*. И человек *"связывает себя"* не с Божественной Личностью, а с Ее учением.

Гностицизм⁹ выродился в мистические секты. Мистики строят свое понимание христианства на началах сердечных, на любви к Личности Христа. Они утверждают необходимость познания живого, видимого и осязаемого Христа. И в этом они правы, ибо Благоевествование Христа *содержит* в себе *такое именно представление*.

Но неправы мистики, когда ищут и находят живого, осязаемого и видимого Христа там, где они Его ищут и находят.

Рационалисты не врут, они только суживают Благоевествование. Мистики расширяют — и расширяют совершенно правильно — понимание рационалистов, но и у них (кроме ошибки искания и нахождения) есть громадный пробел — они игнорируют *очень важную часть Благоевествования*.

Эта часть относится к *существованию общины* христианской и к взаимной связи ее членов.

В представлении рационалистов и мистиков община христианская есть *организация* — и больше ничего. Члены этой организации связаны *между собой* наподобие членов *какой-либо* организации: общностью цели, верованиями и убеждениями. Но ведь в Благоевествовании мы имеем указание на *другого сорта* общину, на общину, как на *организм*, на общину, как на *живую Личность*.

Вот это-то представление о Христианстве, как о чем-то не только Личном, но и Соборно-общественном, мы имеем только в учении Церкви. По учению Церкви, Церковь Христова не только *организация*, но она еще *живой Организм*, Живая Личность, Тело Христово.

Как некогда Христос для выполнения Своего дела нуждался в Теле, так и *ныне для продолжения* Своего дела Он нуждается в видимом и осязаемом Теле. Нынешнее Тело Христа, это — Церковь Его.

Теперь подобие: что делает живая яблоня, когда она растет? Живая яблоня — т. е. какая-то сила, которую мы называем *жизнью в яблоне*, хватается *мертвое*, неорганическое <кремне> и наделяет жизнью, делает живым и органическим.

Так же точно и Христос: Сила Христова хватается живое

только физически, *втягивает* в Свое Тело и наделяет жизнью высшего порядка, жизнью *невременной*.

Подобно тому, как живое только *растительной* жизнью, — втянутое в человека, — начинает жить жизнью человеческой, а человек начинает жить в этом растительном, так точно и человек, втянутый в Тело Христово, начинает жить во Христе, а Христос начинает жить в нем.

Клеточки нашего тела все живут самостоятельной жизнью, но *кроме этой* жизни у них есть и другая жизнь, — та, которую мы им даем^{*}.

Клеточки нашего тела, поскольку они живут в *нас*, а мы живем в них, имеют общую жизнь и связь между собой. Если же мы умрем, то в *трупе* нашем клеточки, сохраняя *свою* жизнь, утратят жизнь в нас и связь между собой (*в человеческом*).

Вот Апостол, говоря *об этом*, и говорил: "Когда я был *втянут* в Тело Христа, то я, на подобие клеточки, был жив, но центр тяжести моей жизни и ее смысл и значение изменились. Я жив, — но уже не я живу, но живет во мне Христос"¹¹.

Если бы клеточка нашего тела сознала и узнала нашу личную, человеческую, психическую жизнь, как индивидуума, то она могла бы сказать: "я жива, но уже не я живу, а живет во мне Иван Иванович"¹².

И об этом самом говорил Христос. Он говорил клеточке: только та клеточка, которая начнет с того, что *утрачивает* *свою* жизнь клеточки, может надеяться получить жизнь в Иване Ивановиче. "Чтобы сохранить душу свою, надо *сначала* потерять ее"¹². (50-53)

Поневоле многие, слыша подобные слова, говорили: "какие странные слова!" Странными они кажутся для тех, которые не думали о кремне и яблоне и никак не догадываются, что эти слова надо понимать в самом прямом, обычном смысле.

Как только вы поймете эти слова ("чтобы обрести жизнь свою, надо сперва потерять ее") просто, то увидите, что лучше и точнее сказать нельзя: для того, чтобы *кремне* обрел жизнь *свою* (ожил), надо сперва, чтобы он пе-

^{*} Для такого представления, конечно, требуется вера или знание о том, что мы составляем (мы есмь) *не что* самостоятельное, отдельное, вера в личную душу и т. п. Вот точно так же и для веры в Церковь, как в Организм и Тело Христа, требуется вера во Христа, как в *Личность* (прим. Д. А.).

¹¹ Когда я уколоу свой палец, то кто болит? Я или палец? Апостол отвечает: тебе больно *в пальце!* (прим. Д. А.).

рестал *жить кремнем*, а стал жить в яблоне — яблоней. Не кремень должен "воплотить" яблоню, — ибо что это значит? А надо, чтобы яблоня *воплотила* (в свою плоть приняла) *камень*. Не Павел стал организмом Христа, — это — *хлыстовское учение* — суть хлыстовства¹³, — а Павел вошел, как часть, в Тело Христа, в живой Организм Христа, в Церковь Христа, — и совершенно подобно тому, как кремень входит в яблоню. (66)

Для жизни вечной не человек должен воплотить Христа, а Христос должен воплотить человека. Если бы человек воплощал Христа, то Христос явился бы частью человека. И только, если Христос воплотил человека, можно говорить, — если выразаться точно, — что человек стал частью Тела Христова.

Христос говорил, что Он — начаток *нового* Существа, нового Организма (*не организации*), что Он — глава этого Существа. А люди — друзья Его — члены этого Организма. И Он говорил совершенно точно и определенно: так как Я имею жизнь вечную, то могут иметь жизнь вечную — только части Меня Самого.

Я брал яблоню, как подобие *Христа*. Я уподоблял человека кремню, который только оживает в яблоне. *Если не рядом будет лежать*, а если станет *частью* яблони.

"Я — начаток новой жизни, — говорил Христос. — Я притягиваю людей не в организацию, а втягиваю в Себя, в Свою жизнь... Я есмь *сама жизнь вечная*"¹⁴. (62-63)

Вы говорите, что *не понимаете*, как можете быть втянуты в Тело Христа.

Об этом много говорил Христос, и все сводится к подобию яблони и кремня. Разве можно объяснить, как кремень втягивается в яблоню и становится живым? "Всякий, слышавший от Отца о нужде быть втянутым, втягивается". Действует и *привлекает* Божественная сила, и больше ничего неизвестно. Еще известно, что некоторые *не противятся* этой силе, а другие противятся. (65)

Итак, по учению Церкви, мы — частицы и молекулы Тела Христова, если не будем *противиться* Силе Христовой, втягивающей нас в Тело Христово. (53)

2. О "нынешнем православии"

Теперь я могу ответить на вопрос о том, что такое нынешнее православие с точки зрения учения Святой, Соборной и Апостольской Церкви Христовой.

Я спрашиваю спрашивающего меня: что разумеете

Вы под словами: Церковь Христова? Разумеете ли Вы одну только *организацию*, или же разумеете "организм"? Есть ли у Вас вообще представление об общине, как об *организме*? Если Вы *такого* представления не имеете, то применять к организации наименование *Церковь* не следует, ибо это только порождает недоразумения. Лучше называть партией, обществом, общиной и т. п. Тогда и вопрос явится в гораздо более определенной форме, а именно: похожа ли современная нам православная *партия* или *община* на *первобытную* партию, организацию или общину христианскую? И я отвечаю: несколько не похожа! Затруднение тут только в том, что судить об организации, в которую входят сотни миллионов, трудно. Но все же ответ остается тот же: несколько не похожа!

Но если мы станем на точку зрения Благовествования и признаем, что Церковь есть именно Церковь, — храм живущего в ней Святого Духа, Тело Христово и *живой Организм*, — то все представление наше меняется, а вопрос утрачивает всякий смысл. Утрачивает потому, что в нем нет вопроса!

Ведь Церковь — это *жизнь* во Христе сотен миллионов людей. Отчего мы можем думать, что эта жизнь во Христе этих сотен миллионов или части их — не та же самая, которой жили и раньше части и молекулы Тела Христова?

При таком взгляде на Церковь (как на живой Организм) указывать на Синод или "группу архиереев", по учению Отцов Церкви, все равно, что подойти к яблоне, указать на *дуло* и сказать: Вы утверждаете, что яблоня жива, что это — нечто живое и реальное, а вот смотрите — пустое место, наполненное грязью и пылью!

И еще подобие: на теле человека вырос "злокачественный нарост". Так определили доктора.

Теперь я спрашиваю: в каком отношении находится этот нарост к личности человека? Скажем так: наша индивидуальность живет в нашем теле, живет в руке, ноге, в ушах. Вскрывает "нарост". Я спрашиваю: живем ли мы в этом наросте? Христос дает такой ответ: пока нарост "чувствителен", пока вам больно, если его будут "колоть", до тех пор несомненно вы живете в этом наросте. Если же "чувствительность" *потеряна*, то да будет вам этот нарост, как

¹³Вероятно, корреспондент Д. А. Хилкова указывал на какие-нибудь некрасивые действия Синода, "оскверняющие", по его мнению, святыню Церкви и подрывающие авторитет последней (прим. М. Новоселова).

мытарь и грешник. Если он "не слушается", *если чувствительность утеряна*, то, значит, он уже не часть тела. (53-55)

Представьте себе, что ныне при нас наступило бы то, что непременно наступит и сбудется: что из 100 епископов 99 отрекутся от православия, а из 80-ти миллионов отрекутся от него 79 миллионов 999900 человек. Что же из этого? Да ровно ничего! Это дело очень бы "касалось" отрекшихся, но Церкви вовсе бы не касалось. Как она была Телом Христовым и Новым Организмом, — такой бы и осталась. (77)

Если Христос пришел основать не организацию, а *дать жизнь высшему Организму*, тогда толпы грязных туеядцев-монахов и т. п.¹⁵ *тут ровно ни при чем*.

Указывать на них, желая умалить христианство, так же нелепо и неразумно, как если бы кто-нибудь при споре о превосходстве грязного подорожника перед граненым алмазом, с точки зрения "жизни", указывал на то, что подорожник в навозе.

И такие замечания всегда делались, и всегда делаются, и всегда будут делаться *иудействующими*, — т. е. рационалистами. Они говорили и говорят Христу: Твои ученики в навозе!

А Христос всегда отвечал, отвечает и будет отвечать: Да! к сожалению, это так, но раз *они живы*, то навоз они скинут с себя. Что толку, *что на вас, иудеях*, нет навоза, — раз вы мертвы?

Раз мы за *критерий* возьмем *жизнь вечную*, то Церковь Христова с грязными монахами и всяким безобразием, — все-таки выше *земной* организации с временной жизнью, как бы эта организация ни была чиста и отшлифована. И Л. Н. Толстой в *минуты просветления* это понимал, и завидовал *грязной, распутной* бабе, которую видел молящейся, *то есть утверждающей* свою жизнь в Церкви Христовой, то есть в этом живом *вневременном Организме*¹⁶. (59)

Если Церковь Христова есть *живой Организм*, то нельзя ставить Церкви в вину нелепых монахов и митрополитов с алмазами, на том же основании, на каком нельзя обвинять Спасителя в том, что к Нему приближались мытари, грешники и блудницы.

Если же можно ставить в вину Церкви Христовой митрополитов с алмазами, то, значит, иудеи были правы, говоря: Он *друг мытарей и грешников*¹⁷.

Если мы — христиане, то должны же мы понимать

"азбуку", а именно: или — что алмазы для митрополита *ничто*, и тогда не можем мы обращать на них внимания; или — они для него навоз, — и тогда мы должны пожалеть беднягу. Но зачем же его ругать?

Но хуже всего мешать сюда Церковь.

Мытари и грешники, шедшие за Христом, наверное были "больны". Но не надо эту "болезнь" переносить на врача: на Христа, на Его Церковь. (60-61)

Заканчиваю: "нынешнего Православия" — нет и не может быть.

Православие одно и неизменно.

Всегда было, есть и будет едино.

Тело Христово одно. И всегда было одним и меняться или изменяться по существу не может.

Полнота Истины всегда содержалась и содержится в этом Теле. (56)

3. Из кого состоит Церковь?

Если мы не откинем слов Христа о послании Духа Святого¹⁸ и о том, что Дух Святой *научит*¹⁹, то здравый смысл требует, чтобы мы спросили учеников — первых членов Церкви: кто попадает, и как попасть, и как остаться в Церкви? И ученики и говорят это — и письменно, и устно — *Предание*.

Теперь конкретный вопрос: находится ли *такой-то* крещенный в Телѣ Христовом. Это никому — кроме Христа — *неизвестно*. В организации он находится — мы это видим, но находится ли он в Телѣ — это неизвестно. (64-65)

Никто не может сказать про человека: этот человек попадет в жизнь вечную. Но можно с долей вероятности сказать, что если сам человек отрицает жизнь вечную, то, *вероятно*, он ей непричастен. Утверждать же опять нельзя, — ибо это тайна, *личная тайна* между человеком и Богом. Так — по существу дела — Церковь православная и учит. Никогда Православие не говорило, что оно — Православие, или видимая Церковь, или ее священнослужители — могут кому-либо *гарантировать* жизнь вечную. Это

¹⁸ Практика жизни — дело, конечно, важное, но разве Церковь об этом не говорит? И разве можно думать, что нет "праведных" церковников? Ведь истинная жизнь — не видна и незаметна. Только *механизмы* явны. Поэтому не надо удивляться тому, что на внешний взгляд мы не видим знамений и чудес. Надо присмотреться, и тогда, я думаю, мы поражены будем их "обилием". Может форма их будет не та, которую мы ждем, но, несомненно, увидим. (80) (прим. М. Новоселова)

говорит католичество. Православие же говорит, что в последнем подсчете дело все-таки сводится к личным отношениям между Богом и каждым человеком. (77)

Эту, в общем, справедливую мысль Д. А-ча о недоведомой тайне спасения нелишне восполнить указанием, что нередко угодившие Богу люди получали извещение о своем спасении. Стоит вспомнить хотя бы слова ап. Павла, обращенные к его ученику ап. Тимофею: "... время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его" (2 Тим. 4, 6-8).

Такое же самочувствие было и у других апостолов (см., например, 2 Пет. 1, 14; 1 Ин. 3, 2)²⁰ и многих святых Божиих, живших в последующие века.

Иные получали извещение относительно ближних своих. Такие случаи нередки в житиях святых.

В этом нет ничего удивительного: принявшие обильно благодать Духа Святаго естественно удостоверились в будущей судьбе своей, ибо уже здесь на земле могли сказать вместе с ап. Павлом: "Жизнь для меня Христос, а смерть — приобретение"²¹.

Эту же в сущности мысль высказывает и Д. А-ч, говоря об "атрибутах" членов Церкви, которые, по его словам, "Христом наделены только одним атрибутом: *жизнью вневременной*. Они перешли от смерти к жизни". (67)

Конечно,приятие "жизни вечной" чадами Церкви имеет разные степени, о чем много и глубоко пишет преп. Макарий Египетский (главным образом, в своих "Словах", которые помещены в конце единственного тома его творений)²².

Возможно и замирание в человеке жизни вечной, отпадение от нее. Прочтите грозные строки ап. Павла в послании к Евреям (6, 4-8), грозные по отношению к попирающим принятую благодать Святаго Духа²³. Да охранит нас Господь от этой беды!

Продолжаю излагать мысли князя — его же собственными словами — о составе Тела Церкви.

Совершенно верно, что Тело Христово покрыто ранами. И когда Христос висел на кресте, то мало было красоты и привлекательности.

Церковь Христова состоит не из здоровых, а из боль-

ных — и это с самого начала. Это смущало законников — и совершенно правильно. Ибо с точки зрения закона благочестия это нелепо.

Закон благочестия имеет свой критерий и свою мерку. Эта мерка — "праведность", исполнение закона, нравственность и т. п.

У закона благодати совсем другая мерка. Это не значит, что благочестие или нравственность *отменены*, а это значит, что они дело второстепенное.

Грешник и блудница не могли принадлежать к организации храма Иерусалимского. К храму же Тела Христова — могут принадлежать.

Законник говорил: раз ты — мытарь, грешник и блудница, я тебя не могу принять в свою организацию. И если бы Церковь была *только* организацией, и она *должна* была бы сказать то же самое. Христос же поступал не так, как законник, потому что исходил не из закона благочестия, а из закона благодати.

Видит: — сидит мытарь: — "Иди за Мной"²⁴. Составь часть Тела Моего. Я силен тебя переродить и спасти. Мне и Моему царству не нужны дела закона, Я и без них тебя принимаю. А когда станешь частью Меня, и Я буду жить в тебе, ты и начнешь делать дела Христовы, *поскольку упряднишь себя*".

И все Апостолы в один голос только об этом и говорят.

Вот в этом смысле и говорится, что сила Божия в немощи совершается.

И если подумаете, то и увидите, насколько такая проповедь должна была казаться соблазнительной законникам, и почему мытари, "покрытые болячками" и ничего не могшие привести в свое оправдание, шли ко Христу. — И перерождались. И *очищались от болячек*, — только это *невидимо*. (68-69)

Характеризуя различные отношения к греховным болячкам рационалиста, евангелика²⁵ и христианина, Д. А. замечает:

²⁰ В разъяснение мысли Д. А-ча следует сказать, что христианин спасается не благочестием и нравственностью, как таковыми, а благодатью, приемлемую по вере и создающую в нем, как свой плод, и благочестие, и нравственность. Поэтому человек, при известных условиях (как разбойник на кресте или умирающий, принесший искреннее покаяние), спасается прежде, чем могли произрасти или достигнуть полноты зрелости плоды благодати и веры. В этом смысле и благочестие и нравственность являются делом второстепенным (прим. М. Новоселова).

"Рационалист только и делает, что чистится".

Евангелик утверждает, что их нет — Кровь Христа их смыла²⁶.

Христианин говорит: буди милостив ко мне, грешному²⁷. (69)

Здесь уместно вспомнить слова преп. Ефрема Сирина: "Вся Церковь — кающихся, вся она есть Церковь погибающих"²⁸, т. е. сознающих свою греховность и ищущих спасения. Несомненно и то, что святые, сознавая свою греховность и каясь в ней, вели усиленную борьбу, при содействии благодати, со своими страстями, памятуя, что "царствие небесное нудится, и нуждницы восхищают е" (Мф. 11, 13) и что "иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотями" (Гал. 5, 24).

4. Жизнь и взаимоотношения членов Церкви, как живого организма (по сравнению с сектантством)

Рационалистическая концепция христианства такова: 2000 лет тому назад появилась Божественная Личность. Эта Личность через некоторое время ушла туда, откуда приходила, оставив учение. Религия <закljučается> в том, чтобы установить *интимную, внутреннюю связь* между человеческой личностью и этой Божественной Личностью. Мало-помалу эта Божественная Личность заменяется Ее учением, и рационалист оставляет связь с Божественной Личностью и связывает себя с Ее учением. (Протестантство в этом положении; в этом положении и все рационалистические секты).

Концепция церковника совсем другая.

Он полагает, что Икупитель-Христос (идея искупления явно запечатлена на всем мире, на всей жизни мира: во всем мире все сущее так или иначе отдает жизнь свою ради жизни других), церковник полагает, что Икупитель-Христос, сотворив Себе плоть, — воплотился. Для этого выбрал народ, колено, ссмыю²⁹. В этом для церковника смысл Ветхого Завета. Воплотившись, Божественная Личность — Икупитель, ради продолжения Своего дела, снова сотворяет Себе плоть из человеческого естества. Плоть эта и есть Церковь. Церковь — Тело Христа. Каждый церковник в отдельности — "член Тела Христова".

Когда рационалист говорит: "я жив", <то> он разуме-

²⁶ Т. е. собственными усилиями хочет избавиться от болячек (прим. М. Новоселова).

ет, что связал себя со Христом.

Когда церковник говорит: "я жив", то он этим хочет сказать и говорит следующее: "я жив, но живу уже не я, а живет во мне Христос"³⁰.

Когда рационалист говорит о "духовной жизни", он разумеет *жизнь своей души*, и только.

Церковник же, член Церкви, под словами "духовная жизнь" разумеет *гораздо больше*. Он еще разумеет *соборную*, в единении, жизнь *всех частиц*, всех молекул Тела Христова — во Святом Духе, или Святым Духом.

Когда рационалист-сектант говорит о благодати, то он разумеет нечто в роде помощи Божьей, ему лично посылаемой и его лично оживляющей.

Член Церкви *кроме этого* утверждает, что принятая им благодать проникает еще и во все частицы Тела Христова, т. е. и во всех друзей Христовых, во всех членов Церкви. (37-38)

Баптисты и рационалисты думают, что Дух Христа вселяется в каждого верующего и оживляет его.

При таком взгляде христианство есть нечто *только личное*. Никакой связи между людьми, кроме той, которая существует в любой социал-демократической организации, — нет.

При церковном же взгляде, христианство нечто *соборное*; члены Церкви суть молекулы одного *организма*. Какая же разница? Громадная.

Если баптист Сидор получит от Духа Христа, то через это с баптистом Иваном ничего не произойдет. Он ничего при этом не получит. — Ибо если я намочу один камень, лежащий в куче, то остальные от этого не намокнут.

В Церкви совсем другое: благодать, которую воспринял член Церкви Сидор, оживляет не только Сидора, но всех членов Церкви.

Совершенно так, как в яблоне или нашем теле. Заразилась одна "клеточка", болеют все. Полили вы корни, а ветки получили воду. (70-71)

Для церковника "Церковь" не только организация, но еще и Организм, не только система или учение, а Живая Личность. И эта Личность — Христос.

Видимая Церковь, это — естественное, видимое и осязаемое Тело Христово.

А потому и судьбы Церкви должны быть подобны судьбам Иисуса Христа.

Она должна быть *искушаема и предаваема*, она постоянно умирает и постоянно воскресает.

Если просмотрите речи Спасителя, то увидите, что в этих речах именно это и излагается. И если эту концепцию исключить из речей Спасителя, то придется исключить не только три четверти речей *по букве*, а еще вынуть, так сказать, краеугольный камень всего здания.

При этой концепции суть нашей жизни на земле такова: сила Христова, сила Искупителя, *втягивает* во Христа частицы и молекулы мира *для дачи им высшей жизни*. Но ведь это самое и говорил Христос. Христос из нас строит *Себе Тело*, Которое не будет знать смерти. *Это Тело есть Церковь*.

Это строительство идет во всем мироздании. Растения втягивают в себя минералы и дают им выпую жизнь. Животные втягивают в себя растения, и так далее. И везде действует сила Христова.

Если вы станете на такую точку зрения, то вам будет ясна и роль таинств и всего прочего в учении Церкви.

Божественный акт *приобщения* к высшей жизни и называется таинством.

И этот акт видимо совершается при посредстве людей — "священства" — Самим Христом. И на это есть подлинные слова Спасителя³¹.

Подобно тому, как при земной жизни Христа приобщение людей к высшей жизни совершалось при посредстве *человеческого естества Спасителя*, так точно и ныне видимое приобщение к этой жизни совершается при посредстве видимого и осязаемого человеческого естества Тела Христова, при посредстве Церкви. (38-39)

Если Церковь — *живой Организм*, и организм *высшего*, метафизического порядка, то само собой мы должны признать и чудеса, — т. е. что-то такое, что *сверх-физического естества*, но не *противо-физического естества*.

Если же такой *высшей* жизни нет, то нелепо и глупо говорить о чудесах, ибо сами себя мы за уши поднять не можем. Но это не значит, что *другой* нас не может поднять. Если же мы отрицаем этого другого, то, конечно, нелепо говорить о возможности быть поднятым за уши. (57)

Если Вы сделаете все выводы из этой церковной концепции, то увидите, что она, действительно, может быть названа "универсальной", ибо равно может удовлетворить и ребенка, и "угольщика", и Пастера³³. (39-40)

* Говоря о сверхъестественном, Церковь *утверждает и учит*, что сверхъестественное не *противоестественно*, а только превосходит, идет дальше естественного³². (40) (прим. Д. А.)

Дело не в том, чтобы мыслить одинаково, а дело в том, чтобы жить одним и тем же.

"Я жив, — говорит Павел, — но уже не я живу, а живет во мне Христос"³⁴.

А Христос это же самое выражал словами: "никто не спасет жизни своей, *если раньше* не потеряет ее"³⁵.

Для чего ее терять? Для того, чтобы *дать возможность* Христу жить в этом потерявшем свою жизнь человеке.

При церковной концепции, основанной на словах Христа и Ап. Павла, единение "угольщика" или неграмотной бабы с Пастером вполне возможно. Каким образом? А тем, что "они живы, *но не они живут*, а живет в них Христос". Поэтому оказывается, что истинно *демократическим* учением, в *лучшем, самом возвышенном и широком* значении этого слова (демократизм) является учение Церкви. (40-41)

Согласитесь с тем, что истинная "демократичность" и братство и равенство *только* в церковном учении.

Мы равны и братья, только если мы части и молекулы одного и того же живого тела. В организации нет и не может быть "*органического*" равенства и братства.

Только при концепции церковной *голова* или рука не могут "гордиться" перед *ногой* или ухом. (56)

Дары различны, но жизнь *едина*, ибо живет во всех Единый. (41)

Причина ухода из Церкви и возвращение в нее

Мы все, рожденные и воспитанные в лоне Церкви, совершенно похожи на того младшего сына, который, забрав причитающееся ему достояние, пошел искать доли своей³⁶.

Мы оставили кров Церкви и, оперевшись на свои силы, пошли искать жизни.

Но вот, все изведав, все испытав, видим, что нет нам питания вне Дома Отчего. И нас тянет назад. Может, это *слабость*? Несомненно, *слабость*! Но именно в *немогице* нашей только и может проявиться *сила Божия*. Я жив, но уже не я живу. Я изжился, и ослабел, и потерял веру в себя! Вот те необходимые условия, при которых и может только проявиться в нас Сила Христова.

И вот, мы ориентируем свой путь по направлению того, что некогда оставили.

И заметьте удивительную вещь: такой путь — обрат-

ный — к Дому Отчему, возможен только для тех, в ком была сильная любовь к Личности Иисуса Христа. Без такой любви, без такого отношения к Личности Христа — путь к Церкви — обратный путь — невозможен, ибо Церковь есть Личность Христа.

И вот мне думается, что когда человек увидит, что ему "некуда идти", то он обязательно вспомнит о Личности Иисуса Христа и придет к этой Личности, не за гробом, а тут на земле. И мне думается, что именно эта потребность живой и осязаемой Личности Христовой и создает наши мистические секты. Ибо они из-за несовершенства *церковников* проглядели Христа в Церкви. (44-45)

И заметьте очень важный факт: *все люди*, кроме евреев, любят Иисуса Христа, когда узнают о Нем. В этом и альфа и омега нашего спасения³⁷.

И удивительное дело: основание Церкви Своей Христос видел именно в любви к Нему. Он спрашивал Петра: любит ли он Его? И добавлял: "паси стадо Мое"³⁸.

И сколько я ни думаю и ни вникаю в дело, я не вижу другой основы для утверждения Церкви Христовой в той концепции, в какой я изложил дело, как именно любовь к Иисусу Христу. Я никак не могу себе представить, чтобы без этой любви можно было принять учение о Церкви Христовой.

И я не могу себе представить, чтобы, *при наличии этой любви*, — рано или поздно — человек не принял учения о Церкви и учения Церкви.

Тут только вопрос времени, вопрос внешних обстоятельств. (60)

В заключение могу сказать, что, ознакомившись с учением Православной Церкви, я пришел к выводу, что это учение: 1) исчерпывает Благовествование; 2) самое разумное из всех *известных мне* схем миропонимания; 3) единственно "*универсальное*" — т. е. обращается равно как "*к волхву-мудрецу*", так и "*к пастуху*"³⁹; 4) единственное учение, которое дает ответы и удовлетворяет все запросы разума и сердца человеческого. (58)

5. Богочеловек и Человекобог

С самого начала существуют два течения мысли и два отношения к делу Христа. Люди как бы делятся на две группы, и каждая группа видит во Христе разное и ожидает от Него другого.

Одна группа ожидает от Христа устройства земной

жизни. Другая: спасения души.

Во-вторых: первая группа склонна видеть в собрании христиан совершенную, божескую организацию, которая, устроая земную жизнь, даст, кроме того, и спасение души — если таковое существует. Тут центр тяжести, несомненно, в земном.

Другая группа смотрит на земную жизнь, как на незначительный момент жизни человека, взятой в ее бесконечной целостности.

В-третьих: для первой группы Христос — пророк и установитель царства Божия на земле. Его царство, это — царство мира и единения людей на земле.

Для второй группы: Христос — Зерно, Начаток, Источник и Глава нового, небывалого до Его пришествия, Организма, обладающего новой, небывалой (для людей) до того жизнью другого порядка по существу. Это — главное в христианстве; все остальное — второстепенное и составляет естественное приложение. Этот новый Организм назван Телом — Церковью Христовой. Это значит — Богочеловеческий Организм. Тут, следовательно, полная аналогия с тем, что для верующего был исторический Христос.

С тою только разницей, что исторический Христос жил на земле в естестве человеческом жизнью личной, а ныне Христос в теле Своей Церкви — из естества человеческого — живет жизнью соборной. Соборной в том смысле, что отдельные люди, как "живые камни", составляют часть — органическую — Его Тела, храма Его Тела.

При таком представлении должна существовать полная аналогия между историческим Христом и Его Церковью. Если были благочестивые люди, вроде Гамалиила, которые не *видели Христа*⁴⁰, то и ныне должны существовать благочестивые люди, которые могут не видеть Христа в Его Церкви.

Из расспросов я вижу, что нет ни одного возражения, ныне делаемого против Церкви, которое бы, в свое время, не делалось против Христа. (97-98)

Если вникните в отношения иудейского законника к Иисусу, то увидите, что драма и трагедия происходили от того, что иудейские законники никак не могли примирить в своем сознании *две вещи: полное Божество и полное человечество* Плотника из Назарета. Если Вы только вообразите, что Иисус "выразил" одно из двух: или полное Божество, или же полное человечество, то Вы увидите, что не могло бы произойти того, что происходило между Ним и

законниками.

Совершенно в таком же положении и Богочеловеческий Организм, называемый Церковью.

Если вникните во все то, что выставляется против Церкви, Вы увидите, что соблазны и недоумения имеют своей причиной именно существо Церкви, именно слияние Божеского и человеческого. То требуют от нее одно Божеское, забывая про человечество ее; то требуют одно человеческое, забывая про Божескую ее природу.

Как раз такое же отношение было и к Плотнику из Назарета. То камнями побить за богохульство⁴¹; то сделать царем, дабы насытитесь⁴²; то дай нам знамения с неба⁴³, то запрети ученикам возглашать осанну!⁴⁴ (110-111)

Теперь о четвертом. Первая группа, о которой я сказал выше, с психологической, внутренней, духовной точки зрения, вполне подобна "стаду без пастыря". Христос ушел на небо. Наместники путают, и получается не жизнь, а безобразие. Отсюда, как естественное следствие, постоянные ожидания "святого мужа", который, наконец, "устроит жизнь людей по-Божескому".

Но дело в том, что такие отношения, по существу и в принципе, противоречат самой сущности христианства, ибо помещают телегу впереди лошади. Следствие ставится целью. А во-вторых, земной жизни придается неправильное значение: внешнее становится выше внутреннего.

Забывается, что целью пришествия Христа было не устройство земной жизни, как думали иудеи и иудействующие христиане, а спасение души и приобщение ее к жизни другого порядка, к жизни вневременной.

Для церковника — ожидать "святого мужа" незачем, по той причине, что для церковника Сам Христос ныне живет на земле в Телесном естестве человеческого, в Своей Церкви.

Если же многие благочестивые и приятные Богу люди не видят Его в Его Церкви (т. е. *во плоти*), то ведь и Гамалиил Его не видел — не "прозрел", что Плотник из Назарета есть Христос Сын Бога Живаго!

Я не сужу нынешних Гамалиилов и Савлов, но только констатирую, что ожидание "святого мужа, который устроит земную жизнь и объединит людей *вне* Церкви, т. е. вне

⁴¹ Д. А. хочет сказать, что земное благоустройство должно быть следствием, а не целью христианской жизни: "Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам" (Мф. 6, 33) (прим. М. Новоселова).

Тела Христа" — опасно.

Представьте себе, что евреи дождутся того мессии, которого они ожидают.

Этот мессия даст им то, чего не дал им Христос.

Христос принес "меч и разделение"⁴⁵.

Еврейский мессия принесет "мир и единение".

Христос отказался дать чудеса и "знамения" с неба, кроме знамения Ионы пророка⁴⁶.

Еврейский мессия даст "многие чудеса и знамения"⁴⁷.

Теперь я спрашиваю: что может помешать тем "христианам", которые ожидают "святого мужа", признать еврейского мессию за Христа и поклониться ему, как Христу?

Еврейский мессия, это — человекобог. В нем вознесется и возвеличится идея человека. В нем люди поклонятся "человеку", как Богу. Но ведь эти идеи и принципы свойственны "передовому", гуманитарному человечеству.

Безбожная "интеллигенция" вполне может принять еврейского мессию.

И именно это "идейное" сродство гуманитарного рационализма с еврейством и составляет тот фундамент, на котором единятся евреи с "просвещенными европейцами".

Третья сила, враждебная Церкви, это — "хлыстовство". Хлысты также "ждут" и ищут святого, осененного премудростью Божией, человека, которого и именуют христом. (98-100)

Хлысты, несомненно, готовят сознание "христиан" к принятию еврейского мессии⁴⁸. (90)

И понятное дело, что только предсказанный еврейский мессия сможет их вполне удовлетворить.

Из вышесказанного — Вам должно быть ясно, как мне рисуется по существу то, что ныне происходит в мире.

Происходит уготовление к встрече еврейского мессии. При этом действуют в полном идейном единении три силы: еврейство⁴⁹, гуманисты и хлысты⁴⁸.

И эти три силы должны быть враждебны Христу, ныне живущему на земле жизнью соборной, в Телесном естестве человеческого, т. е. Церкви. И эти три силы, несомненно, *по видимости*, одержат победу над Церковью.

Будут Ее судить и распнут. И на "третий день" Она воскреснет.

И вовсе не требуется, чтобы эти борющиеся против

⁴⁵ Социализм работает в этом же направлении (прим. Д. А.).

⁴⁶ При этом "еврейство" ведет свою линию. (90) (прим. Д. А.)

Церкви были "отвратительны".

Напротив того, многие из них будут думать, что этим они служат Богу.

Из школ будут изъяты "распятия" и закон Божий. И люди, которые это сделают, будут вполне "благочестивыми" и "нравственными" людьми. Но суть их воззрений будет диаметрально противоположна воззрениям церковников.

Эти гуманисты-рационалисты на место идеи Бога поставят идею Совершенного Человека – и поклонятся ей.

Они будут поборниками того, что Толстой разумел под словами: "вознесение сына человеческого". (100)

Религия останется как связь отдельного человека с идеей человека и человечества. Бог же упразднится за "ненужностью". (90)

Религию (как связь с Богом) заменят нравственностью. Заменят "делами закона".

Если станете на мою точку зрения, то увидите, что ныне происходящее может быть определено, как привитие к образованному, гуманитарному европейскому обществу принципов иудейства. Тех принципов, на которых стояли и которыми жили благочестивые иудеи времен Спасителя.

И вы еще увидите, что соперничество и борьба иудейских учеников, рационалистов-гуманистов, по существу может прекратиться только присоединением к еврейскому мессии.

Только еврейский мессия прекратит их борьбу и установит между ними единение.

И это единение будет иметь первым следствием гонение Церкви и стремление уничтожить ее, как вреднейшее суеверие.

Суеверие, которое вот уже 2000 лет мешает единению людей!!

И проповедь еврейского мессии будет так убедительна и разумна, что "даже и избранные прельстятся!"⁴⁹ (100-101)*

Я совершенно с Вами согласен во всем том, что Вы

* В предыдущем письме Д. А. пишет: "Я думаю, что эта идея (обожествления себе довлеющего человека) быстро завоевывает умы людей. Я предрекаю ей скорый и быстрый видимый успех и внешнюю, видимую победу над идеей Богочеловечества". (90) Отстаивая эту идею (идею Богочеловечества. – прим. ред.), "Церковь главным образом борется с идеей человекобожества. С идеей замены Творца – тварью. С идеей упразднения Бога за практической Его ненужностью. И с тенденцией замены религии – нравственностью". (102) (прим. Д. А.)

пишете о роли подвижников и святых в деле обновления и оживления людей.

Но только я думаю, что люди эти – эти святые – всегда налицо, но – что наше несовершенство мешает нам их видеть. Поэтому неразумно искать по потаенным местам, а надо "очищать себя", и эти святые сами к нам явятся, т. е. станут для нас явны.

"Пусть будет готов ученик, а учитель всегда готов и налицо"⁵⁰.

Если мы твердо это усвоим и будем твердо знать, что Учитель Христос всегда с нами, – но мы не всегда Его видим, – то мы не будем "надеяться на человека"⁵¹, а возложим упование на Христа. Понятное дело, что Христос проявится для нас в виде человека, но ведь это – другое дело, ибо, хотя Он и проявится чрез человека, все же до скончания века Он – Единый Учитель и Верховный Первосвященник. Великий-Единый-Учитель уже приходил и уже находится налицо. Живет на земле в Телесности человеческого организма соборной*.

И Тело это есть Церковь, глава которой – этот Единый Учитель Иисус Христос.

И в Нем, и только в Нем, человечество обретает спасение, и единение, и Бытие. (102)

От себя ничего больше прибавлять не буду.

Письмо вышло безобразно велико. Простите, что не сумел сделать короче. Прошу молитв о себе и о покойном рабе Божиим Димитрии, уготовившим для нас такую обильную и питательную трапезу.

Мир вам, мои дорогие!

Любящий вас брат о Господе...

* Вы говорите, что "Общество Звезды" верит в пришествие Великого Учителя. И я думаю, и знаю, что придет еврейский мессия.

Но только для меня это – не Мессия, а кто-то другой; ибо Мессия уже приходил – и с тех пор уже живет среди людей в Телесности человеческого.

Я не могу верить в пришествие Великого Учителя, потому что исповедую, что этот Единый Учитель уже пришел и есть и живет среди людей. И, стоя на этой точке зрения, могу принять слова Спасителя (в известном смысле), что приходящие до Него и после Него – воры и разбойники"⁵². (103) (прим. Д. А.)

Пасха Христова 1923 г.

Христос воскрес!

Когда вы, дорогие друзья мои, выразили желание, чтобы я делился с вами своими думами о "драгоценной вере" (2 Пет. 1, 1) нашей, у меня сразу возник в голове план, которого я решил было держаться в беседах с вами. Но, как вы сами видите из предыдущих писем моих к вам, я вынуждался отступать от него под влиянием "случайных" обстоятельств, и хотя, по существу, я все-таки постараюсь в следующих письмах вести намеченную мною линию, однако не избежну, вероятно, новых отступлений от нее. И это тем более неизбежно, что, получая от вас отклики на свои письма, я вижу себя иногда вынужденным принимать их в соображение при моих беседах с вами. Вот и настоящее письмо вызвано отчасти этими откликами, отчасти церковными событиями последнего времени. Разумею затеянный церковными отщепенцами собор¹, на который волей-неволей затягиваются и православные люди, не разумеющие пути Господня, а следовательно, и своего пути.

Мне довелось иметь в руках рукописную программу одной из обновленческих групп, касающуюся православной каноники². К сожалению, я имел ее только в течение 10-15 минут и потому я успел лишь заглянуть в нее. Но и заглянув, я не мог не заметить бросающейся в глаза неверности основных положений программы и внутренних противоречий ее. С одной стороны, каноны представляются там как отрывки и пережиток ветхозаветной подзаконности и потому признаются по существу противоречащими началам христианской свободы, с другой — авторы программы не отказываются от выработки на соборе правил (канонов), имеющих регулировать жизнь возрождаемой (??!) ими церкви. Во всяком случае ясно, что каноны, положенные в основу церковной жизни Апостолами, Соборами и Св. Отцами, являются в глазах наших смелых реформаторов большей частью отжившими свой век и частью подлежащими отмене, частью нуждающимися в коренной "просвещенной" переработке современных, выросших из пеленок древней Церкви "христиан", кои очень не прочь и от себя издать *ad maiorem novae ecclesiae gloriam*³

и в угоду эгалитарному, демократическому прогрессу ряд "церковных правил" вроде уравнивания в правах мирян и иереев с епископами; это уже и сделано ими в "Положении" о созыве собора⁴ — в подрыве всего строя единой, святой, соборной и апостольской Церкви.

Не имея под руками названной обновленческой программы, я не могу подробно рассмотреть ее, а потому хочу высказать вам, мои дорогие, несколько мыслей лишь по поводу этой программы и отчасти в ответ на некоторые из ваших откликов.

Как я и говорил во втором моем письме к вам, я буду только намечать ряд основных положений, ставить, так сказать, вехи, по которым мне хотелось бы направить на самостоятельную работу вашу мысль. Собственно, я желал бы, чтобы вы сами взяли в руки "Книгу правил" и погрузились в нее благоговейным вниманием. Ведь книга эта представляет собою свод непреложных по существу законов, исшедших от Апостолов и св. Отцов Церкви, законов, Соборами утвержденных и не раз ими подтверждавшихся, законов, положенных в основу христианского общества, как норма его бытия. И если сознательный гражданин должен знать основные законы своего государства, то тем более сознательному христианину должны быть известны основные законы Церкви. Я говорю "тем более" потому, что насколько душа выше и драгоценнее тела, настолько Церковь выше и дороже государства.

Если вы, друзья мои, благоговейно подойдете к этим законам, долженствующим освещать и регулировать жизнь православных христиан, то без труда увидите, что "Книга правил" непосредственно примыкает к Новому Завету и особенно к писаниям Апостольским, являясь в известном смысле продолжением и истолкованием их.

Читая эту замечательную и нужнейшую книгу, вы удивитесь многообразию и неоспоримой, исключительной важности предметов, составляющих ее содержание. Вы убедитесь в стройности и, что особенно важно, в святости, боговдохновенности того мировоззрения, которое пронизывает эту великую книгу. Вы почувствуете, что только богоносные умы могли создать ее, и вы не только не осмелитесь легкомысленно посягнуть на священные правила, содержащиеся в этой книге, как дерзают святотатственно делать современные духовные тати (особливо претендую-

¹ Полное ее название: "Книга правил святых Апостол, святых Соборов вселенских и поместных, и святых Отец" (прим. М. Новоселова).

щие на ученость), но, наоборот, со скорбью зададите себе два вопроса: 1) зачем так поздно стали мне известны эти богомудрые законы, так близко касающиеся меня и моей Матери-Церкви, и 2) почему Господь попустил мне и нашему православному обществу так далеко отойти от свя-тых заветов отеческих, апостольских, Христовых?

Чтобы дать вам хотя некоторое понятие о столь нас-тойчиво рекомендуемой мною книге, я, не заботясь о сис-тематичности, поименую хотя часть содержащихся в ней предместов.

Книга эта говорит о св. Писании, о важности изучения его, о способе изъяснения его, о св. Предании, о верности богопреданному учению, о таинствах, о призывании име-ни Божия, о кресте и крестном знамении, об иконах, о значении святоотеческих писаний, о соборах, о неизбежности соборных определений, о том, что церковные правила должны быть внушаемы при рукоположении священно-служителей, "дабы не поступали против них"⁵. Вы найдете там нужнейшее учение о силе и действенности благодати Христовой (Карф. 126 пр.)⁶, о силе и смысле благослове-ния, учение о грехе и мудрые разъяснения относительно епитимий, раскрытие высокого идеала священнослужи-теля и наставления о праведной жизни православного ми-рянина, строгие правила о рукоположении, подробные и тщательно продуманные правила, определяющие взаимо-отношения епископов, пресвитеров, диаконов и мирян, а также высокодуховное изъяснение их обязанностей — цер-ковных и в обыденной жизни.

Там же вы узнаете взгляд святой Церкви на монашес-тво и строгие правила, коими регулировалась жизнь ино-ков в древнее время; познакомитесь с порядком судопро-изводства церковного над епископами и клириками.

Та же книга раскроет перед вами высокое и строгое, воистину святое, учение Церкви о браке, о девстве и разво-де. Вы встретите там отчетливо проведенный, но совре-менным религиозным сознанием забытый взгляд, ставя-щий резкую грань между первым браком и вторым, тем более третьим, взгляд, нашедший, кстати сказать, для себя довольно яркое выражение в Требнике (см. "Последование о второбрачных")⁷. Там же вы найдете решительное воспри-ятие пресвитерам и диаконам, принявшим сан, всту-пать в брак (Апост. 26; Шест. 3 и 6)⁸, чего так жаждут и до-бываются современные иерси и диаконы.

Говорит эта богомудрая книга о ересь, расколах, са-мочинных сборищах, об отношении Церкви к отлучен-

ным и иноверцам, об отступлении от всеры, о должном по-ведении христиан во время гонений и во время войны, о праздновании воскресного дня, и о пирах, и о посте, и о роскоши, и о давании денег в рост, о посещении храма и о церковном пении^{*}.

Есть много сравнительно мелких правил, имеющих, однако, свою цену и значение, но перечислить их в письме нет возможности. И крупное далеко не все мною упомя-нуто.

Так вот, мои дорогие, сколько можно поучиться в "Книге правил"! И будем учиться Ей, будем, чтобы, по "ка-ноническому" невежеству, не попасть в погибельные мре-жи^{**} окружающих нас "лукавых делателей", как попали и попадают туда невегласы^{***} — архипастыри и пастыри, а за ними и их несчастные овцы: лишенные мудрых и "доб-рых" пастырей¹⁰ и не имеющие собственного здравого рас-суждения, они покорно идут за "слепыми вождями"¹¹ — "на-емниками"¹² (а иногда и за настоящими волками, слегка, по обычаю, прикрытыми овечьей шкурой), — и падают в ров раскола и ереси.

Небольшое замечание: если бы при чтении указанной книги вам, паче чаяния, встретилось что-нибудь "смутит-ельное", не давайте, — прошу вас, место смущению, памя-туя, что и в Слове Божию, не только Ветхозаветном (изо-билюющем, можно сказать, "смущающими" предметами), но и в Новозаветном встречаются места "соблазнитель-ные", кои правильно назвать "неудобовразумительными", и кои, по слову св. ап. Петра, "невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают" (2 Пет. 3, 16). Не уподобляйтесь же этим "невеждам и неутвержденным" и не поддавайтесь преждевременно вражьему смущению, а помолитесь Господу о вразумлении и поищите человека, имущего ведение духовное (а не одно учено-богословское, от увлечения коим да хранит вас Отец Светов!), которого и спросите о смущающем вас обстоятельстве. Впрочем, го-

^{*} Не могу удержаться, чтобы не привести 75-го правила 6-го Вселен-ского Собора о церковном пении: "Желаем, чтобы приходящие в цер-ковь для пения не употребляли безчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика, и не вводили ничего несообразного и несвойст-венного Церкви: но с великим вниманием и умилением приносили псал-мопения Богу, называющему сокровенное. Ибо священное слово поуча-ло сынов Израилевых быти благоговейными" (Лев. 15, 31) (прим. М. Но-воселова).

^{**} Сети (слав.) (прим. ред.).

^{***} Невежды (слав.) (прим. ред.).

ворю это на всякий случай, коего может и не встретиться.

Теперь я хочу высказать несколько отрывочных мыслей, которые могут служить для вас некоторым руководством при ознакомлении с канонами и для освещения текущих событий.

1. Каноны, как и сказано выше, суть правила, регулирующие жизнь членов Церкви согласно духу и основным началам Новозаветного учения.

Уже одно то обстоятельство, что часть канонов, заключенных в "Книге правил", именуются "Апостольскими", свидетельствует о том, что книга эта тесно связана с учением Апостольским, непосредственно примыкая к писаниям первых учеников Христовых. И, конечно, святые Отцы, голос которых на соборах имел первенствующее значение, прекрасно понимали, что устройство Церкви должно продолжаться на Апостолами заложенном основании и приспособляться к нему. А Апостолы строили, "имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем" (Еф. 2, 20). И раз святые Отцы это понимали, то, разумеется, могли и выполнить и выполняли, просвещаемые тем же Духом Истины, Который озарял и Апостольское сознание.

Поэтому мы можем и должны, со спокойной совестью довериться им, как послушные дети мудрым отцам в духовной и церковной архитектонике и, напротив, с осторожностью относиться к современным ученым богословам, тщетно, со вредом для себя и Церкви Божией, пытающимся "превзойти" самосознание святоотеческое. Будем помнить, что духовная истина движется по руслу святости, а не учености.

2. Природа Церкви, как Тела Христова, проявляется в канонах, как применение общего учения к частным случаям.

3. Каноны — связующее звено между Церковью-Организмом и церковью-организацией. В связи с этим положением восстановите в вашей памяти второе мое письмо к вам и пятое.

4. Каноны могут видоизменяться в истории, сохраняя, однако, свой внутренний смысл, вытекающий из того, что сказано о них в предыдущих пунктах.

Святые отцы блюли не букву канона, а именно тот смысл, который Церковь в него влагала, ту мысль, которую она в нем выражала. Например, должен быть епископ, объединяющий других. А кто являлся таковым, определялось историческими условиями, условиями и порядками государственной жизни, с которыми соотнобразовалось

"распределение церковных дел"¹³. Прочтите сначала 34-ое правило Апостольское, затем 28-ое правило 4-го Вселенского собора (Халкидонского), 3-е правило 2-го Вселенского (Константинопольского), 17-ое правило 4-го (Халкидонского), а также 38-ое правило 6-го Вселенского (Трулльского)¹⁴.

5. Иные каноны, не относящиеся к существу церковной жизни, в силу изменившихся исторических условий, теряли (иногда временно или в известном только народе, государстве) свое значение и упразднялись, будучи вызваны к жизни преходящими обстоятельствами. Так, например, у нас теперь едва ли применимы каноны, регулировавшие отношения церковной организации к верховной власти в Византийской и Русской империях¹⁵.

Теряли в свое время и в известной части земного шара свое прямое, буквальное значение и наставления Св. Писания. Так, мудрое учение св. ап. Павла об отношениях господ и рабов¹⁶ утратило свой буквальный смысл с падением рабства, но лежащий в этом учении духовный смысл имеет, можно сказать, непреходящее значение, и, *mutatis mutandis*¹⁷, слова великого Апостола и теперь могут и должны являться нравственным руководством во взаимоотношениях христиан, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, несмотря на провозглашение *urbi et orbi*¹⁸ начала свободы, равенства и братства. Прикиньте это и к "Книге правил".

Дальнейшие разъяснения считаю излишними и перехожу к следующему пункту, имеющему, впрочем, отношение к настоящему.

6. Иные каноны, по мере накопления их, не упразднялись, а видоизменялись, вырастая преемственно друг из друга (единство предания), взаимно дополнялись и изменялись к исторической обстановке без нарушения основных принципов церковного предания и жизни.

7. Одним из принципов является ненарушимость преемственности священноначалия и поставление низших высшими ("без всякого же прекословия меньший благословляется большим" (Евр. 7, 7), призыв к служению Церкви, а не самопоставление и захват власти. Лишь соблюдение этого правила дает церковной власти богоустановленный характер и силу. Нарушение этого общего канонического положения разрывает связь между Телом Церкви и

¹³Ср. вышеуказанное нарушение этих принципов в "Положении" о созыве собора (прим. М. Новоселова).

той организацией церковной, чрез которую связывает себя с этим Телом христиан.

Ярким примером нарушения закона, что низшие представляются высшими, является вновь образовавшаяся в Киеве украинская иерархия: там запрещенные в служении законной властью протоиереи поставляли друг друга во епископы, при посредстве участвовавших в рукоположении иереев, диаконов и мирян¹⁹. Вышло рукоположение наизнанку, и, разумеется, получилась не иерархия, а пародия на нее.

Такой же пародией на иерархию являются и здешние "архиереи" и "иереи", ведущие свое начало от самочинного ВЦУ, носящего на себе печать и раскола, и ереси. Здесь уместно привести рассуждение св. Василия Великого из его первого канонического послания к Амфилохию, епископу Иконийскому.

"Хотя начало отступления произошло чрез раскол, — пишет Василий Великий, — но отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати Святаго Духа. Ибо оскудело преподавание благодати, потому что пресеклось законное преемство. Ибо первые отступившие получили посвящение от Отцев, и чрез возложение рук их, имели дарование духовное. Но отторженные, соделавшись мирянами, не имели власти ни крестити, ни рукополагати, и не могли преподавать другим благодать Святаго Духа, от которой сами отпали"²⁰.

Эти положения св. Василия Великого (утвержденные соборным авторитетом), как и многие другие каноны, которых я приводить здесь не буду, но которые вы без труда отыщете в "Книге правил", попадают не в бровь, а в глаз нашему ВЦУ, члены коего, начиная с Антонина, Красницкого, Введенского, продолжая именитыми московскими протоиереями Боголюбским и Поповым и кончая неким мирянином Новиковым, которого обвиняют в отрицании пяти таинств и приснодевства Богоматери сами еретическиствующие живоцерковники (см. 11-й номер журнала "Живая Церковь", стр. 21)²¹, что не мешало ему "скрепить собственноручною подписью "Положение о созыве собора" (см. там же, с. 4), подписанное вышепоименованными и другими лицами, — все эти члены ВЦУ подпадают реше-

тельному приговору великого святителя Кесарийского, т. е. все они являются отступниками от Церкви и безблагодатными мирянами, не могущими быть совершителями Божественных таинств (Новиков, как мирянин, и раньше, конечно, не имел тайносовершительной силы).

Нагло надругавшись над святыми канонами, хитростью и насилием захватив патриарший престол, переданный Патриархом митрополиту Агафангелу, самоуправно присвоив себе (Антонин) московскую кафедру, при живом, не отлученном и не осужденном, хотя и заключенном в тюрьму, законном архиепископе Московском Никандре, подобрав себе сподручных-богословов и менее видных "деятелей" церковных, создав в лице ВЦУ какой-то религиозный парламент с представителями разнородных, враждующих между собою <...>²² церковных учений (по пословице "всяк молодец на свой образец"), дерзкие нечестивцы подвели себя и присных своих под клятву, а вместе с собою увлекли и увлекают на тот же гибельный путь отщепления от Церкви и других несчастных, одних соделывая "лже-епископами", других — "лже-попами", третьих фиктивно крестя, четвертых сочетавая фиктивным браком, множеству верующих предлагая вместо Тела и Крови Христовых простые хлеб и вино, множайших вовлекая, насилием и соблазнами, в незаконный союз с собою, всюду сея смуту и тягостные недоумения.

8. В оправдание современных революционных церковных реформаторов, живоцерковников и обновленцев разного типа ссылаются на церковные реформы патриарха Никона и Петра Великого²³. Но едва ли эта ссылка может служить оправданием теперешних самозванных радетелей о Церкви Божией.

Достаточно указать на то, что ни при Никоне, ни при Петре не была нарушена преемственность Апостольской иерархии. Это одно решает вопрос, и решает не в пользу живоцерковников и К^о.

Но кроме того, тогда не было посягательства ни на вероучение, ни на нравоучение Церкви. Это — второе.

Далее, к участию в обсуждении реформ в то время допускались лица не путем партийного подбора, а свободно мыслящие* (в истинном смысле этого слова), что видно хотя бы из того факта, что вследствие протеста части духо-

*Ср. 14-е и 15-е правила Двукратного собора, приведенные мною в первом письме в связи с антиканоничными по существу и по форме действиями живоцерковников (прим. М. Новоселова).

*Как "управляющему делами" ВЦУ (прим. М. Новоселова).

*Теперь главные церковные деятели, не согласные с парламентскими партиями ВЦУ, или сосланы, или заключены в тюрьме²⁴ (прим. М. Новоселова).

венства (рассматривавшего "Регламент") по вопросу об участии мирян в Высшем Церковном Управлении, "Регламент, уже прочитанный и исправленный самим государем", подвергся изменению, и "Петр должен был отказаться от своего первоначального плана"²⁵.

Наконец, реформы, имевшие место при патриархе Никоне и Петре I, получили санкцию восточных патриархов, на что едва ли могут рассчитывать живоцерковники и иже с ними²⁶.

Хотел бы я ответить в этом письме еще на некоторые вопросы канонического характера, обращенные ко мне из вашей среды, но, боясь утомить вас, решил ответить особо автору, обратившемуся ко мне со своими недоумениями²⁷. Письмо же свое к вам, мои дорогие, закончу словами великого строителя тайн Божиих, св. ап. Павла. Эти слова, очень идущие к теме настоящего письма, довольно неожиданно открылись мне сегодня. Да послужат они нам поучением, заветом и воодушевлением в трудах спасительного служения делу Божию!

"Я, узник в Господе, — пишет апостол Ефесянам, — умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми и через всех, и во всех нас... И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви" (Еф. 4, 1-6, 11-16).

Усердно прошу молитв ваших. Простите, если что сказал неудобовразумительно. Покройте вашей любовью и снисходительностью.

Покров Божией Матери да охранит всех нас от всяко-

го зла!

Ваш брат о Господе...

Р. С. Сейчас я читаю превосходное житие св. Тихона Задонского, составленное известным в свое время протоиереем А. Лебедевым, служившим за границей, при одной из наших посольских церквей, автором основательных и самостоятельных исследований о Православии и Католичестве²⁸. И вот, читая книгу о св. Тихоне, я встретил в ней место, которое имеет отношение к моему письму (4-му) о исшествии Евхаристии. Позволю себе привести его здесь, чтобы подтвердить словами великого угодника Божия всю важность затронутого мною в том письме вопроса, который, по застарелой духовной болезни нашего церковного общества, встречает такое возмутительно-равнодушное отношение к себе у людей, почитающих себя православными.

"Узнав, что иные священники употребляют для священнослужения вино окисленное и совсем негодное для употребления и что они извиняют себя невозможностию близости достать хорошее вино, Святитель распорядился: 1) Послать во все духовные правления указы, чтобы правители старались всемерно, ежели в близостных городах продажи не живет, съобща от ведомства своего, купить на Воронеж, или где способнее вино продается, и держать в бочке, в добром погребе, откуда все (бы) того ведомства священники, чрез посланных от себя, или сами, по небольшой части, дабы окиснуть не могло, взимать и содержать могли при всякой церкви в добром хранении; 2) а где имеется купечество и в них есть винная продажа, то сообщить от нас к г. губернатору воронежскому, с требованием, чтобы от губернской канцелярии, *яко о нужнейшем Церкви св. деле*, указами в магистраты предложено было, дабы в городах церковное вино продаваемо было *самое чистое, безпримесное и не окисленное*, откуда бы безнужно церкви святые довольствоваться могли и священники от греха оставались бы свободны; 3) по учреждении по всем духовным правлениям такового порядка, смотреть по церквам, ежели где явится оквасненное или гнилое вино, таковых нерадивых священников безъупускно штрафовать"²⁹.

Обращаю внимание ваше на подчеркнутые мною слова: из них видно, что употребление для Евхаристии церковного вина "*самого чистого, безпримесного и не окисленного*", было в глазах святителя "*нужнейшим Церкви святым делом*".

Я сделал эту ссылку на св. Тихона ксати, попутно, под впечатлением только что прочитанной книжки, ибо в том письме моем приведены свидетельства многочисленных и более авторитетных, на которые опирался, можно думать, и сам Святитель в своих суждениях и распоряжениях о "чистом и беспримесном" вине.

Меня возмущает и сокрушает в толках о веществе святейшего Таинства и вообще об отношении к церковно-культовым требованиям и предписаниям равнодушие к голосу Церкви. Обычно рассуждение направляется по такому руслу: "Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и истине. Внешнее не существенно в христианстве, оно имеет значение в Ветхом Завете, ныне же "прейде сень законная, благодати пришедши"³⁰; только веруй и, уповая на безграничную милость Божию, спокойно приноси Богу, живущему во свете неприступном, керосин вместо елея, парафин вместо воска, ягодный на сахарине сок вместо вина и т. д."

В подобных рассуждениях определенно чувствуется интеллигентский и бурсацкий рационализм, проложивший в наше церковное общество широкий путь протестантскому субъективизму и лжедуховности, а в конечном счете — неверию и богоотступничеству. Афонский спор о святине Имени Божия³¹ ясно вскрыл эту язву нашего религиозного самосознания, прикрывавшего ее ризой Православия.

12/25 июня 1925 г.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

11 мая 1923 г., день св. равноапостольных Мефодия и Кирилла

Дорогие друзья мои!

На этот раз хочу побеседовать с вами по поводу одного вопроса, который давно сверлит мою душу, не потому, чтобы он тяготил меня своей неясностью и трудностью, а потому, что давно и часто приходилось и приходится мне слышать его со стороны, между прочим, и в вашей среде.

Будучи весьма прост и несложен в общей, так сказать, постановке, он очень разнообразится, прилагаясь к конкретным, частным предметам и фактам.

В общей форме он может быть выражен так: "какой смысл имеет то, что мы — верующие христиане, чада Церкви Христовой — переживаем в течение последних лет, начиная с первого года революции?"

В частности, приходится слышать следующие недоуменные вопросы: "как можно терпеть, чтобы величайшие святости наши были захвачены руками ярых богоборцев? Кремль, наша древнерусская святость? Святые останки великих праведников, наших предстателей пред Богом?¹ Священные сосуды, с которыми соединены величайшие священнодействия?² Допустимо ли, чтобы храмы обращались в театры и алтари — в уборные для артистов? Не говорим уже о разнообразных унижениях и издевательствах, которым беспрестанно подвергаются наши священнослужители. О кошунственной ругани, которая постоянно раздается на страницах богоборных газет столичных и провинциальных³. О насилиях, повсюду творимых над совестью и личностью верующих, вопреки декрету об отделении церкви от государства и множеству официальных разъяснений, подтверждающих этот декрет⁴. И все это совершается на глазах у всех — открыто, беззастенчиво, нагло, безнаказанно! Разве это не возмутительно? Не ужасно? И до каких пор и пределов мы будем терпеть это торжествующее, смеющееся в глаза, хамское, чтобы не сказать — сатанинское, нечестие, оскорбляющее самые заветные, самые святые наши чувства? И, наконец, за что и зачем допущен этот ужас на нашей дорогой "святой Руси"?

Конечно, эти скорбные вопросы и недоумения законны, негодование и возмущение естественны. Но может ли

на этом законном и естественном остановиться и успокоиться христианская совесть? Может ли этим удовлетвориться разум христианина? Едва ли, хотя многие не идут в своем сознании дальше этих негодующих вопросов, обращаемых нередко неизвестно к кому. Выкрикивая их, словно надеются облегчить свою истрадавшуюся душу. Но душа не успокаивается, и смущение не проходит; скорбные, тревожные недоумения продолжают жить в душе и при первом удобном случае начинают снова берeditь ее.

Я думаю, что и разум и совесть христианина, для своего умиротворения, должны прежде всего, по возможности, осмыслить факт, стоящий перед глазами, факт, что Тот, Кто есть живой, вечный и всемогущий Источник всякой святости, Кем святится всякая святость, допустил, при Своем всемогуществе, быть всем этим возмущающим, оскорбляющим и удручающим нас явлениям.

И я думаю, что христианам не к лицу эти страстные порывы негодования, возмущения, тем более — ненависти к тем, кому дана власть попираить "святую Русь". Религиозная вера обязывает и внутренне требует осмыслить данное явление, найти духовное объяснение ему и относиться к нему под углом усмотренного смысла.

Ответ на этот существенный для религиозного сознания вопрос я хочу извлечь из двух литературных произведений, из которых одно принадлежит нашим дням, а другое исходит из седой и святой древности, в которую мы не очень любим заглядывать, тогда как там именно, в неисчерпаемой сокровищнице Божественной мудрости, хранятся ключи разума событий настоящих и грядущих.

Первое произведение относится к 1914 г. и вышло из под пера известного писателя В. В. Розанова. Оно представляет собою небольшую, всего в шесть страниц, статью, озаглавленную "К разрушению Реймского собора" и вошедшую в сборник статей того же автора, носящий название "Война 1914 года и русское возрождение". Несмотря на свой незначительный объем, статья эта ясно ставит и прекрасно разрешает вопрос, почему, при известных условиях, Высшая Сила попускает совершаться грубому попираанию святости, многие века приносивших свет и доставлявших утешение и радость сердцам верующих.

Может быть, сказанное В. В. Розановым по поводу разрушения Реймского собора⁵ — целиком и вполне не относится к нам, но несомненно, что его слова проливают яркий свет на современные события нашей русской жизни и связанные с ними скорби верующих. Из статьи Роза-

нова я извлекаю все существенное что, по моему мнению, помогает ответить на те недоуменные и скорбные вопросы, которыми я начал свое письмо.

"...Реймский собор взволновал весь мир, — пишет В. В. Розанов. — И хочется сказать взволнованным: — "о чем вы плачете? что погиб памятник искусства? — Ведь об этом все крики, все вопли... Никто не плачет решительно, что погиб *народный дом молитвы*. Вспомнили все, что Реймский собор упоминается в *Жанне Д'Арк* Шиллера⁶, и не вспомнили, что всего только вчера в нем молились горожане, крестьяне, военные, — вообще, верующие... Все оплакивали *музей* и никто решительно не плакал о *религии*. И вот мне кажется, что гораздо раньше прусских ядер его разрушило общее, вовсе не прусское только, но вообще европейское отношение к религии, к молитве, к Богу... Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся. Зачем, вообще, этот "Музей XIII века", который практически и в живых дыханиях перестал быть "собором", — собором для страны и государства, совершивших "отделение государства от церкви", — и оставлен только снисходительно для обывателей, для темных мещан и верующих женщин, "не понимающих пока своих предрассудков"?..

Ах, Европа, Европа, ах дорогая Европа: если бы ты переменила дыхание с этою ужасною войною и оплакала многое в себе, о чем давно не плачешь, но что поистине достойно слез!.. Дорогие европейские братья: вы должны плакать о каждой хижине-церкви, если она разрушается, о деревянных церквях стоимостью в две тысячи рублей, — и тогда, только тогда у вас не будут разрушаться и Реймские соборы! Если нет религии — а *bas* храмы! — Но есть ли религия-то? Разве не тысячи усилий положены писателями всех рангов и философами всех степеней, чтобы "раскрыть глаза этим мещанишкам и верующим баранам на их глупость и невежество"?.. Да *вся литература* уложена, на разрушение Реймского собора? Боже, как жалко племю, не понимающее себя и судьбы своей.

Разве мы не несли в триумфах и не носили несколько десятков лет поганенков Дрэпера и Бокля, своих поганцев, начиная от Чернышевского, которые орали, кричали, визжали: "а *bas* храмы, церкви и всю эту темную смрадную ветшь". Господа, да разве вы этого не слышали? Господи, неужели никто этого не видит, что под "разрушением Реймского собора" стоят тысячи одобрительных подписей, стоят такие авторитеты, что страшно выговорить...

Европа, пора задуматься! Страшен не вандал, у которого молот в руках, — страшен хитрец, у которого подленькая мысль в мозгу, плоская мысль низкой душонки, в которую не уместится понимание ничего благородного, ничего возвышенного, ничего небесного. Она хихикает, эта мыслишка, в убожестве не понимая, что она всего только мысль мыши, — видя толпу людей, которая стала на молитву. "Зачем? К чему? Ведь небеса пусты, а сердце всего только мускул с красною жидкостью".

Так нам пели с Запада. Русские дурачки подхватывали. Они все подхватывают, эти наши русские дурачки... Германия Бисмарка, верящая не в Бога, а "в свой кулак", только повторяет и осуществляет умственную Германию времен Мошотта и Бюхнера, Фейербаха и Макса Штирнера, поверившего в свой замечательный "мозг"; — в тот мозг, который, по образному выражению толстобрюхого Карла Фохта, "выделяет мысль не иначе, как почки выделяют урину".

Европа поклонилась этому замечательному "мозгу". Чего же она взволновалась, когда поднялся этот железный "молот"? — "Назвался груздем — полезай в кузов"; "кто любит кататься — люби и саночки возить".

Нет, не *теперь* нам плакать, — и не об *этом* Реймском соборе. Давно надо было начать плакать: — о том, что отнята у нас душа бессмертная и на место ее мыслителишками вложена кривая сухая палка. Вот где *пункт*" (В. В. Розанов)⁸.

"Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся" — вот разгадка тяготящих нас эти годы событий и ответ на связанные с ними недоуменные вопросы.

Вместе с автором приведенной статьи мы должны сказать и то, что "вся наша литература" (по крайней мере та, которая наиболее широко и глубоко захватила наше общество) "уложена" на поправление наших святынь, под которым, скажем словами Розанова, "стоят тысячи одобренных подписей, стоят такие авторитеты, что страшно выговорить".

Вспомните всю неустанную деятельность нашей злополучной интеллигенции и ее вождей, "писателей всех рангов", в течение десятилетий разбрасывающих всюду тлетворные семена безбожного гуманизма и человекобожия, вспомните зараженную протестантскими идеями нашу духовную школу, выпускавшую рационалистов-пастырей и скептиков-учителей, от которых духовный яд непра-

вославия распространялся в обществе и народе, идя как бы навстречу духовно-разлагающему влиянию интеллигенции, вспомните лицемерие светской власти, облеченной в ризу церковности для поддержания (в интересах государства) веры народной; вспомните, наконец, угодничество в ущерб, конечно, интересам церковным, духовных властей пред сильными мира сего, а главное — восстановите в своем сознании почти всеобщее непонимание существенных сторон церковного мировоззрения — теургической и мистической — и вы легко объясните себе, как естественное следствие всеобщего духовного недуга, все то кощунственное, святотатственное и богохульное, что пыльным цветом раскрылось у нас в последние годы. Россия давно начала внутренне отпадать от Церкви: что же удивительного, если государство отвергло, "отделило" церковь и, по естественному и Божескому закону, подвергло ее гонению?

Давнишнее и все углублявшееся многообразное отступление народа от пути Божия должно было вызвать кару Божию, может быть, для спасения от гибели того, что могло быть спасено чрез очистительный огонь испытания. "Остаток"⁹ подлинных верующих христиан не мог отвести от России карающей десницы Господней, как такой же остаток верных иудеев не мог отклонить от своей родины и ее святынь удара, нанесенного ветхозаветным антихристом Антиохом Елифаном, о котором повествует второй литературный документ, упомянутый мною выше, а именно 1-я глава 1-й Маккавейской книги.

Я приведу эту главу полностью, чтобы дать вам понять весь смысл и почувствовать всю значительность событий, о которых эта глава повествует. События эти, несмотря на их отдаленность от нашего времени, очень близки к нему не только по своему внутреннему смыслу, но и по своему конкретному содержанию. Вот это глубоко поучительное повествование, которое и прошу прочитать внимательно и сопоставить с тем, что мы пережили недавно и переживаем ныне.

"1. После того как Александр, сын Филиппа, Македонянин, который вышел из земли Киттим, поразил Дария, царя Персидского и Мидийского, и воцарился вместо него прежде над Елладом, — 2. он произвел много войн и овладел многими укрепленными местами, и убивал царей земли. 3. И прошел до пределов земли и взял добычу от множества народов; и умолкла земля пред ним, и он возвысился, и вознеслось сердце его. 4. Он собрал весьма силь-

ное войско и господствовал над областями и народами и властителями, и они сделались его данниками. 5. После того он слег в постель и, почувствовав, что умирает, 6. призвал знатных из слуг своих, которые были воспитаны с ним от юности, и разделил им свое царство еще при жизни своей. 7. Александр царствовал двенадцать лет и умер. 8. И владычествовали слуги его каждый в своем месте. 9. И по смерти его все они возложили на себя венцы, а после них и сыновья их в течение многих лет; и умножили зло на земле. 10. И вышел от них корень греха — Антиох Епифан, сын царя Антиоха, который был заложником в Риме, и воцарился в сто тридцать седьмом году царства Еллинского. 11. В те дни вышли из Израиля сыны беззаконные и убеждали многих, говоря: пойдем и заключим союз с народами, окружающими нас, ибо с тех пор, как мы отделились от них, постигли нас многие бедствия. 12. И добрым показалось это слово в глазах их. 13. Некоторые из народа изъявили желание и отправились к царю; и он дал им право исполнять установления языческие. 14. Они построили в Иерусалиме училище по обычаю языческому 16. и установили у себя необрезание, и отступили от святого завета, и соединились с язычниками, и продались, чтобы делать зло. 16. Когда Антиох увидел, что царство укрепилось, предпринял воцариться над Египтом, чтобы царствовать над двумя царствами, 17. и вошел он в Египет с сильным ополчением, с колесницами, и слонами, и всадниками, и множеством кораблей; 18. и вступил в сражение с Птолемеем, царем Египетским; и убоялся Птолемея от лица его и обратился в бегство, и много пало раненых. 19. И овладели они укрепленными городами в земле Египетской, и взял он добычу из земли Египетской. 20. После поражения Египта Антиох возвратился в сто сорок третьем году и пошел против Израиля, и вступил в Иерусалим с сильным ополчением; 21. вошел во святилище с надменностью и взял золотой жертвенник, светильник и все сосуды его, 22. и трапезу предложения, и возлияльники, и чаши, и кадиланицы золотые, и завесу, и венцы, и золотое украшение, бывшее снаружи храма, и все обобрал. 23. Взял и серебро, и золото, и драгоценные сосуды, и взял скрытые сокровища, какие отыскал. 24. И, взяв все, отправился в землю свою и совершил убийства, и говорил с великою надменностью. 25. Посему был великий плач в Израиле, во всех местах его. 26. Стенали начальники и старейшины, изнемогали девы и юноши, и изменилась красота женская. 27. Всякий жених предавался плачу, и

сидящая в брачном чертоге была в скорби. 28. Вострепета ла земля за обитающих на ней, и весь дом Иакова облкся стыдом. 29. По прошествии двух лет послал царь начальника податей в города Иуды, и он пришел в Иерусалим с большою толпою; 30. коварно говорил им слова мира, и они поверили ему; но он внезапно напал на город и порази его великим поражением, и погубил множество народа Израильского; 31. взял добычи из города и сожег его огнем, и разрушил дома его и стены его кругом; 32. и увел в плен жен и детей, и овладели скотом. 33. Оградили город Давидов большою и крепкою стеною и крепкими башнями, и сделался он для них крепостью. 34. И поместили там народ нечестивый, людей беззаконных, и они укрепились в ней; 35. запаслись оружием и продовольствием и, собрав добычи Иерусалимские, сложили там, и сделались большою сетью. 36. И было это постоянною засадою для святилища и злым диаволом для Израиля. 37. Они проливали невинную кровь вокруг святилища и оскверняли святилище. 38. Жители же Иерусалима разбежались ради них, и он сделался жилищем чужих и стал чужим для своего рода, и дети его оставили его. 39. Святилище его запустело, как пустыня, праздники его обратились в плач, субботы его — в поношение, честь его — в уничижение. 40. По мере славы его увеличилось бесчестие его, и высота его обратилась в печаль. 41. Царь Антиох написал всему царству своему, чтобы все были одним народом, 42. и чтобы каждый оставил свой закон. И согласились все народы по слову царя. 43. И многие из Израиля приняли идолослужение его и принесли жертвы идолам, и осквернили субботу. 44. Царь послал через вестников грамоты в Иерусалим и в города Иудейские, чтобы они следовали узаконениям, чужим для сей земли, 45. и чтобы не допускались всесожжения и жертвоприношения, и возлияние в святилище, чтобы ругались над субботах и праздниками 46. и оскверняли святилище и святых, 47. чтобы строили жертвенники, храмы и капища идольские, и приносили в жертву свиные мяса и скотов нечистых, 48. и оставляли сыновей своих необрезанными, и оскверняли души их всякою нечистотою и мерзостью, 49. для того, чтобы забыли закон и изменили все постановления. 50. А если кто не сделает по слову царя, да будет предан смерти. 51. Согласно этому писал он всему царству своему и поставил надзирателей над всем народом, и повелел городам Иудейским приносить жертвы во всяком городе. 52. И собрались к ним многие из народа, все, которые оставили закон, — и совершили зло в

земле; 53. и заставили Израиля укрываться во всяком убежище его. 54. В пятнадцатый день Хаслева, сто сорок пятого года, устроили на жертвеннике мерзость запустения, и в городах Иудейских вокруг построили жертвенники, 55. и перед дверями домов и на улицах совершали курения, 56. и книги закона, какие находили, разрывали и сжигали огнем; 57. у кого находили книгу завета, и кто держался закона, того, по повелению царя, предавали смерти. 58. С таким насилием поступали они с Израильтянами, приходившими каждый месяц в города. 59. И в двадцать пятый день месяца, принося жертвы на жертвеннике, который был над алтарем, 60. они, по данному повелению, убивали жен, обрезавших детей своих, 61. а младенцев вешали за шеи их, дома их расхищали и совершавших над ними обрезание убивали. 62. Но многие в Израиле остались твердыми и укрепились, чтобы не есть нечистого, 63. и предпочли умереть, чтобы не оскверниться пищею и не поругать святого завета, — и умирали. 64. И был весьма великий гнев над Израилем" (1 Мак. 1, 1-64).

Хотя для внимательного и вдумчивого читателя едва ли требуется комментарий к сей "повести первоначальных дней"¹⁰, тем не менее, я считаю не лишним сказать нечто по поводу этого библейского рассказа. Опуская довольно поучительное введение (ст. 1-10), я остановлюсь на главной теме рассказа, на личности Антиоха Епифана, которого автор священной летописи именует "корнем греха", и на его отношении к еврейскому народу.

Этот сирийский царь, один из пресмников Александра Македонского, возымел мысль, обратившуюся у него в любимую мечту, ввести во всех своих областях, в числе которых была Палестина, культ Юпитера Олимпийского и, объединяя самого себя с этим богом, хотел, в заключение всего, чтобы ему воздавалась божеская почесть (см. 2 Мак. 6, 2, 7). Он старался истребить всякое другое богопочитание и обнаружил при этом такой горячий фанатизм, что казался нередко сумасшедшим и был прозван в насмешку Епиман (безумный) вместо Епифан (славный). Он отменил в Иерусалиме поклонение Иегове и заменил его идолопоклонством. Этому содействовало то обстоятельство, что среди народа Божия нашлось значительное количество сторонников языческой культуры (см. 1 Мак. 1, 12 и след.; 2 Мак. 4, 9 и след.).

Святому народу и откровенной религии грозила серьезная опасность. Во всем том, что Израиль вынес от язычников до времен Иисуса Христа, не было еще ничего

похожего на преследования Антиоха. Антиох с своей гордостью, приведшею его к самообоготворению, и с своей фанатической ненавистью к Богу и к Его закону есть прообраз антихриста. Все учителя Церкви усматривали в Антиохе этот прообраз. Присмотримся несколько к некоторым частным действиям этого ветхозаветного антихриста по отношению к народу Божию — с одной стороны, и к нравственному состоянию самого избранного народа в эпоху Антиоха Епифана — с другой. Это рассмотрение не будет бесполезно для нас.

Прочитанная вами 1-я глава 1-й Маккавейской книги прежде всего отмечает то обстоятельство, что в указанную эпоху "вышли из Израиля сыны беззаконные", возжелавшие обличения с народами языческими и введения у себя образования и порядков языческих с отвержением святого закона отеческого" (ст. 11 и след.).

Но "Бог поругаем не бывает"¹¹, и плодом этого отступничества от пути истины явилось пленение Антиохом Иерусалима, ограбление храма, похищение святынь его, избиение иудеев и "великий плач в Израиле".

Спустя два года повторилось то же бедствие, но еще более тягостное. Иерусалим подвергся огню, разрушению и ограблению, святилище осквернению, многие жители с семьями были пленены, внутри самого святого града создавалась вражеская крепость, снабженная оружием и провиантом и ставшая "постоянною засадою для святилища и злым диаволом для Израиля".¹² Святилище запустело, праздники обратились в плач, субботы — в поношение, честь — в уничижение".

Но на этом бедствие не остановилось: из внешнего оно обратилось во внутреннее и, таким образом, пустило более глубокие корни в народе израильском. "Царь Антиох написал всему царству своему, чтобы все были одним народом, и чтобы каждый оставил свой закон"¹³ (см. ст. 41 и след.).

Антиох потребовал отречения от веры отцов, от служения Иегове и принятия культа языческого. Введение

¹⁰ Сопоставьте с этим "окно в Европу", прорубленное Петром, и последовавшее за этим привитие русскому народу западноевропейских начал, так существенно изменивших направление магистрали нашей истории (прим. М. Новоселова).

¹¹ Припомните печальную историю московского Кремля в начале большевистской революции" (прим. М. Новоселова).

¹² Не напоминает ли это недавно пережитое и переживаемое нашей родиной? (прим. М. Новоселова).

этого единообразного и человекобожеского культа во всех подвластных Сирии странах Антиох ставил своей главной задачей. Для проведения в жизнь Израиля враждебных существу его религии верований допускалось всякое насилие, а для наблюдения за исполнением безбожных царских предписаний поставлены были особые надзиратели.

"И был весьма великий гнев над Израилем", — заключает первую главу автор 1-й Маккавейской книги.

Сопоставьте со сказанным, друзья мои, наше увлечение гуманитарным просвещением Запада, начиная хотя бы с эпохи Петра I, насаждение соответственных школ для проведения этого просвещения в жизнь русского народа, постепенное введение порядков и новинок этой гуманистической культуры и вытеснение вековых церковных воззрений и обычаев, проследите последовательное, в разных слоях народа, уклонение от идеала богочеловеческого в сторону начал человекобожеских — и вы не удивитесь, что нас постигла та же участь, что и иудеев времен Антиоха, ибо и мы и они погрешили в одном и том же.

Отдаленные духовные потомки ветхозаветного антихриста пришли к нам, по попущению Божию, с тем же, с чем приходил он к изменившим Богу древним иудеям. Поучительно, что не только с внутренней стороны, со стороны назойливо насаждаемой человекобожеской культуры, но и в отношении внешних приемов действия богоборчество наших дней так тесно сближается с богоборчеством ветхозаветным.

Кроме других очень существенных выводов, к которым подводит нас история Антиоха Епифана, как сама по себе, так и при сопоставлении с событиями современными нам, из нее следует и тот вывод, который высказан был, совершенно независимо от этой истории, В. В. Розановым, оперировавшим с фактами недавнего прошлого. Вы помните этот вывод: "Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся".

Вот эту истину и нужно нам твердо помнить и привить ее к нашему сердцу. Оплодотворенное ею сердце получает способность правильного разумения того, что без этого разумения будет неизбежно и бесплодно угнетать нас. Эта истина, усвоенная сердцем, укажет нам и тот путь духовного действия, по которому идти призывает нас наш единственный Вождь и Учитель.

* Не то же ли видим мы теперь на "Святой Руси"?¹³ (прим. М. Новоселова).

Письмо мое, по обыкновению, растянулось сверх желанной меры, а потому я не буду утомлять вас теми домыслами и соображениями, которые толпятся у меня в голове, и закончу беседу с вами краткой выпиской из 6-й главы 2-й Маккавейской книги. После повествования о жестоком религиозном гонении, воздвигнутом против иудеев царем Антиохом, автор названной книги обращается со следующим увещанием к своим читателям:

"Тех, кому случится читать эту книгу, прошу не страшиться напастей и уразуметь, что эти страдания служат не к погублению, а к вразумлению рода нашего... Ибо не так, как к другим народам, продолжает Господь долготерпение, чтобы карать их, когда они достигнут полноты грехов, не так судил Он о нас, чтобы покарать нас после, когда уже достигнем до конца грехов. Он никогда не удаляет от нас Своей милости и, наказывая несчастьями, не оставляет Своего народа" (12, 14-16).

Будем молиться, чтобы эти утешительные слова, сказанные об Израиле, могли быть отнесены и к нашему многострадальному народу в наступившие годы духовных и материальных бедствий.

Вложим также себе в сердце трогательное и ободряющее слово ап. Петра: "Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете" (1 Пет. 4, 12-13).

Прошу молитв. Да хранит всех нас Господь.

Любящий вас брат о Господе.

Р. С. По поводу возмущения и негодования против притеснений, насилий и всяких неправд, чинимых теми, "иже во власти суть"¹⁴, мне вспомнился случай, приключившийся со мною в конце 1918-го или в начале 1919-го года. Прохожу я как-то по улице и вижу большой плакат, какие тогда почти ежедневно появлялись на стенах домов. Крупным и жирным шрифтом возвещалась очередная "тактическая" ложь, глубоко возмущившая меня. У меня готово было сорваться какое-то бранное или, по крайней мере, резкое слово по адресу сочинителей, но вдруг совершенно неожиданно для меня откуда-то из тайников души всплыли на поверхность моего сознания слова ап. Иуды, никогда раньше не прилагавшиеся мною к жизненным явлениям: "Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризнен-

ного (по славянски "хульна") суда, но сказал: "да запретит тебе Господь" (Иуд. 9).

И вместе с тем какой-то внутренний голос явственно сказал мне: "не хули их, они орудие Божие; хуля их, будешь хулить Пославшего их; прими посланное как от руки Божией и терпеливо и уповательно неси крест, кто бы ни был орудием испытания, непрестанно и твердо памятуя о Промышляющем и Действующем во спасение верных".

Я принял и припомнившийся внезапно текст Писания, и тайный голос, как некоторое откровение, коим руководюсь с тех пор, поддерживая мир души своей в самые тяжелые минуты личной, общественной и церковной жизни. И когда дух осуждения, негодования или уныния начинает приступать к моему сердцу, я вспоминаю наставление, полученное при чтении плаката, и смущаемая душа успокаивается, возвергая печаль свою на Господа, поражающего и врачующего¹⁵.

16/29 июня 1925 г.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

6 августа 1923 г.

Преображение Господне

Дорогие друзья мои!

Всегда было и есть теперь не мало людей, которые, стремясь проникнуть в будущее, пытаются определять точные сроки грядущих событий. И как ни многочисленны были самообманы и разочарования искателей сроков, жажда этого искания продолжает жить во многих человеческих душах, которые ни опытом прошлого, ни собственными пережитыми ошибками в этой области не вразумляются и не отрезвляются. Мне совершенно чужда потребность знать времена и сроки. Чужда, так сказать, органически. Я не имею вкуса к этим изысканиям. Но относительно этого предмета мы имеем авторитетнейшие наставления и в Слове Божиим: "Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти", — сказал Господь Иисус апостолам пред Своим Вознесением, в ответ на их вопрос: "не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю" (Деян. 1, 6-7).

"О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братья, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут" (1 Фес. 5, 1-3).

Но тот же Господь, Который воспретил апостолам интересоваться "временами и сроками", сказал однажды фарисеям и саддукеям: "Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете" (Мф. 16, 3).

Значит, одно дело стремиться к определению "сроков", другое — различать "знамения времен". Если первое воспрещается, то второе заповедуется: не внимающие знамениям времен заслуживают суровый упрек от Господа.

И вот, во исполнение заповеди Господней о знамениях, я хочу привести вам ряд пророческих новозаветных глаголов, которые, выявляя "знамения времен", должны заставить нас серьезнее и глубже вдумываться в нашу современную действительность.

Начну с глаголов Господних.

"Когда же сидел Он (Иисус) на горе Елеонской, то

Из века апостольского продвинемся к началу эпохи святоотеческой и прислушаемся к некоторым пророчесвенным голосам великих подвижников этой эпохи, начиная со святого основателя пустынного подвижничества Антония Великого.

Св. Антоний открыл своим ученикам, как от умаления ревности расслабит монашество и померкнет слава его. Некоторые ученики его, видя бесчисленное множество иноков в пустыне, украшенных такими добродетелями и с таким жаром ревнующих о преуспевании в святом житии отшельническом, спросили авву Антония: "Отче, долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, к которым ныне так усердно прилежит все это множество монахов?"

Человек Божий с воздыханием и слезами ответил им: "придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладает; вместо воздержания, умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и, несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах — собственно "уединенник"). Притом они будут величаться, говоря: я Павлов, я Аполлосов (1 Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников: они будут величаться отцами своими, как Иудей — отцом своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, и зло сотворить, и не сотворил (Сир. 31, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании"².

"Настанет некогда время, и человеки вознедугуют, — изрек тот же Антоний Великий³. — Увидев неподверженного общей болезни, восстанут на него, говоря: "ты по преимуществу находишься в недуге, потому что не подо-

бси нам".

Несколько веков спустя после Антония Великого раздается пророчесвенный глагол о грядущих судьбах христианства блаженного Нифонта Цареградского. Некоторый брат спросил его: "Как ныне святые умножились во всем мире, будет ли так же и при кончине века сего". Блаженный сказал ему:

"Сын мой, до самого скончания века сего не оскудеют пророки у Господа Бога, равно как и служители сатаны. Впрочем, в последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в царствии небесном окажутся большими отцов, прославившихся знаменами; потому что тогда никто не будет делать пред глазами человеческими чудес, которые бы воспаляли людей и побуждали их с усердием стремиться на подвиги. Занимающие престолы священства во всем мире будут вовсе неискусны и не будут знать художества добродетели. Таковы же будут и предстоятели монашествующих, ибо все будут низложены чревоугодием и тщеславием и будут служить для людей более соблазном, чем образцом, посему добродетель будет пренебрежена еще более; сребролюбие же будет царствовать тогда, и горе монахам, богатеющим златом, ибо таковые будут поношением для Господа Бога и не узрят лица Бога живаго... Посему, сын мой, как я уже сказал прежде, многие, будучи одержимы неведением, падут в пропасть, заблуждаясь в широте широкого и пространного пути"⁵.

Из отдаленных времен христианского Востока перене-

² К этим словам св. Антония Великого еп. Игнатий Брянчанинов делает такое примечание: "Здесь весьма не лишним будет заметить, что этому одному надо очень остерегаться помыслов ложного смиреномудрия, которые не преминут быть предъявлены ему демонами и человеками — орудиями демонов. Обыкновенно в таких случаях плотское мудрование возражает: "неужели ты один — прав, а все или большая часть людей ошибаются!" Возражение — не имеющее никакого значения! всегда немногие, весьма немногие шествовали по узкому пути; в последние дни мира этот путь до крайности опустеет".

Это разъяснение и предостережение еп. Игнатия следует очень запомнить нам. Разве не испытали мы на себе правды его слов в период недавнего распространения дерзкого живоецерковничества? В будущем несомненно предстоят еще большие искушения подобного рода (прим. М. Новоселова).

семся мыслию к последним векам нашей эры и прислушаемся к духовным глаголам, звучавшим в эти века на Святой Руси.

Великий угодник Божий — святитель Тихон Задонский, смотря проницательно на направление, принимаемое современниками его, сказал: "Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий".

Мягко высказывая это жуткое опасение относительно русского общества, св. Тихон обнаруживает как будто некоторую нерешительность, словно боится испугать своими опасениями русского православного человека. Но, несколько десятилетий спустя, в начале следующего столетия другой великий святой русской церкви ясно и определенно, как откровение Божие, возвещает печальное будущее этой церкви.

"Господь открыл мне, — сказал однажды в глубокой скорби преп. Серафим, — что будет время, когда архиереи земли русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, царствия небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут учить "учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня".

Это грозное пророческое слово "убогого Серафима" начало сбываться давно, а в последнее время правда его сказала с потрясающей очевидностью. Следует ожидать, что впоследствии печальное предсказание преподобного будет находить для себя еще большее оправдание в событиях церковных.

* Почти современный нам писатель-подвижник еп. Игнатий Брянчанинов, из печатных писем которого я заимствовал эти строки святителя Тихона, сам пишет в одном из своих писем: "Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство, как Дух, неприметным образом для суеющейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его" (прим. М. Новоселова).

См. мое первое "Письмо к друзьям", а также мое "Открытое письмо" к А. Г. Куляшеву (прим. М. Новоселова).

От святых Божиих, духоносность которых во всеуслышание засвидетельствована в единой, святой, соборной и апостольской Церкви, обратимся к людям, хотя и не имеющим такого свидетельства, однако несомненно причастным помазанию свыше.

Вот пред вами богатый "внешним любомудрием" и в то же время прошедший строгую школу православного подвижничества, проникновенный епископ Игнатий Брянчанинов (1807-1867), с жизнью и богومудрыми писаниями которого вы, дорогие мои, надеюсь, более или менее знакомы. Недавно я прочитал более трехсот его писем, изданных (в качестве приложения к обширному исследованию о нем) в 1915 г.¹⁰ У меня до пятидесяти выписок из этих назидательных писем. Главные предметы этих выписок — современное еп. Игнатию и прозреваемое им в недалеком будущем состояние Церкви, христианства, монашества и монастырей.

В следующем письме к вам я предполагаю поделиться с вами большей частью этого ценного материала, а пока из писем богопросвещенного пастыря я приведу лишь несколько цитат, имеющих ближайшее отношение к предмету настоящего моего письма.

Как бы в подтверждение того, что печальное пророчество преп. Серафима о духовном падении русского пастырства начинает сбываться, подвижник-епископ пишет своему брату¹¹:

"Знакомство с пр. И. показало и тебе и мне положение Церкви. В высших пастырях ее осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание <христианства> по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство... И. откровеннее других — только. Искать ни в ком нечего!"¹²

В письме к другому лицу еп. Игнатий говорит:

"Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение"¹³.

"Весьма благоразумно делаешь, — пишет еп. Игнатий тому же брату, — что не сводишь близкого знакомства ни с одним духовным лицом: такое знакомство может очень легко послужить ко вреду и <...> весьма редко к пользе. Советуйся с книгами Святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних — Златоуста; говори духовнику грехи Твои — и только. Люди нашего века, в рясе ли они, или во фраке, прежде всего внушают ос-

торожность¹⁴.

"В религиозном отношении, — читаем мы в другом письме пр. Игнатия, — наше время — очень трудно: разное образное отступничество от православной веры приняло обширный размер и начало действовать с необыкновенною энергиею и свободою"¹⁵.

"Отступничество, — заключает одно письмо преосвященный, — предсказано со всею ясностию Св. Писанием и служит свидетельством того, сколько верно и истинно все, сказанное в Писании"¹⁶.

Преосвященного Игнатия сменяет авторитетный современник его, умерший в один год с ним, митрополит московский Филарет (1782-1867). Извлекаю несколько цитат из его писем к его викарию, епископу Иннокентию¹⁷.

"Ах, Преосвященнейший! Как время наше походит на последнее! Соль обуявает¹⁸. Камни святилища падают в грязь на улицу¹⁹. С горем и страхом смотрю я в нынешнюю бытность мою в Синоде на изобилие людей, заслуживающих — лишения сана"²⁰.

"Видно, грехи наши велицы пред Богом. Не от дома ли Божия начинается суд?²¹ Не пора ли от служащих в доме сем начаться покаянию? Между степенями олтаря воскланяться священникам?"²²

"Что за время, Преосвященнейший? Не то ли, в которое ведомо стало диаволу, яко время мало имать?²³ Ибо по людям искушаемым видно, что он имеет ярость великую"²⁴.

"Вообще дни сии кажутся мне днями искушений, и я боюсь еще искушений впереди, потому что люди не хотят видеть искушений окружающих, и ходят между ими, как будто в безопасности"²⁵.

Перехожу к другому, младшему современнику еп. Игнатия и почти нам современному еп. Феофану Затворнику (1815-1894), хорошо нам известному.

"Вот мы часто хвалим себя: святая Русь, православная Русь, — пишет еп. Феофан в 1863 г. — О когда бы навсегда остаться нам святыми и православными, — по крайней мере любящими святость и православие! — Какой верный залог несокрушимости имели б мы в титлах сих! Но осмотритесь кругом! Скорбно не одно развращение нравов, но и отступничество от образа исповедания, предписываемого Православием. — Слышана ли была когда — на русском языке — хула на Бога и Христа Его?! А ныне не думают только, но и говорят, и пишут, и печатают много богоборного. — Думаете, что это останется даром? — Нет, —

Живый на небесах ответит нам гневом Своим, и яростию Своею смятет нас"²⁶.

Следующие мысли высказаны святителем Феофаном в 1871 году:

"Господь много знамений показал в Капернауме, Вифсаиде и Хоразине; между тем число уверовавших не соответствовало силе знамений. Потому-то Он строго и обличил эти города и присудил, что в день суда отраднее будет Тиру и Сидону, Содоме и Гоморре, нежели городам тем"²⁷. По этому образцу надо нам судить и о себе. Сколько знамений показал Господь над Россиею, избавляя ее от врагов сильнейших и покоряя ей народы! Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, — в св. мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И, однако ж, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестанство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм²⁸, и геологические бредни²⁹ с Божественным Откровением. Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образуемся?... Господи! спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и надлежащего прещення!"³⁰

"В школьное воспитание, — пишет в том же 1871 г. еп. Феофан, — <у нас> допущены нехристианские начала, которые портят юношество; в общество вошли нехристианские обычаи, которые развращают его, по выходе из школы. И не дивно, что если, по Слову Божию, и всегда мало избранных, то в наше время оказывается их еще меньше: таков уж дух века противохристианский! Что дальше будет? Если не изменят у нас образа воспитания и обычаев общества, то будет все больше и больше слабеть истинное христианство, а наконец и совсем кончится; останется только имя христианское, а духа христианского не будет. Всех преисполнит дух мира"³¹.

А вот и дальнейшие плоды отступления от пути Христа, усматриваемые и предусматриваемые в будущем еп. Феофаном:

"И будете ненавидими от всех имене Моего ради" (Лк. 21, 17). Кто вдохнет в себя, хоть мало, духа мира, тот становится холодным к христианству и его требованиям. Равнодушные это переходит в неприязнь, когда долго в нем остаются, не опаматываясь, и особенно когда при этом захватят откуда-либо частицу превратных учений. Дух мира с

превратными учениями есть дух неприязненный Христу: он есть антихристов; расширение его есть расширение враждебных отношений к христианскому исповеданию и христианским порядкам жизни.

Кажется, вокруг нас деется что-то подобное. Пока ходит повсюду только глухое рыкание; но не дивно, что скоро начнется и прореченное Господом: *возложат на вы руки... и изженут... предани будете... и умертвят вас* (Лк. 21, 12-16). Дух антихристовский всегда один: что было вначале, то будет и теперь, в другой, может быть, форме, но в том же значении³².

Заслуживают внимания мысли знаменитого оптинского старца Амвросия (1812-1891), высказанные им по поводу одного знаменательного сна. Я затрудняюсь привести целиком и этот интересный, но слишком сложный сон, и пространную попытку разъяснения его, предложенную старцем по просьбе лица, видевшего сон. Я приведу только немногие отрывочные мысли старца, идущие к теме настоящего письма.

"Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей церкви, в которой свет веры едва светится; а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества <...> всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова: 'мы переживаем страшное время' <...> Слова 'мы доживаем седьмое лето' могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада Единой Святой Церкви должны будут укрываться в пещерах <...> Настоящему времени особенно приличны апостольские слова: дети, последняя година есть. И якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша: от сего разумеваем, яко последний час есть (1 Ин. 2, 18)³³.

Продолжая высказывать свои мысли по поводу сновидения, старец Амвросий говорит:

"Если и в России, ради презрения заповедей Божиих и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин, оскудевает благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова"³⁴.

Таково мнение о современном состоянии христианского мира одного из величайших столпов Православной

Церкви, и, как нетрудно видеть, мнение, свидетельствующее о близости "исполнения времен", угрожающего миру пришествием антихриста в не столь уже отдаленном времени.

Как ни отлично "помазание" Владимира Соловьева от духовного устройства предшествующих лиц, тем не менее и его голос, присоединенный к голосам Игнатия, Филарета, Феофана и Амвросия, не расстроит их гармонического хора, а, напротив, усилит его звучность и придаст ему своеобразный колорит. В своем ответе князю С. Н. Трубецкому на его критику "Повести об антихристе" Владимир Сергеевич говорит, между прочим, следующее:

"Что современное человечество есть больной старик, и что всемирная история внутренне *кончилась* — это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лет, ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал:

"Да в этом-то и дело, говорят тебе: когда умирал древний мир, было кому его сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где ты новые народы отыщешь? Те островитяне, что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят? Так их хотя от легального рабства можно было освободить, но переменить их тупые головы так же невозможно, как отмыть их черноту".

А когда я, с увлечением читавший тогда Лассалья, стал говорить, что человечество может обновиться лучшим экономическим строем, что вместо новых народов могут выступить новые общественные классы, четвертое сословие и т. д., то мой отец возражал с особым движением носа, как бы ощутив какое-то крайнее зловоние. Слова его по этому предмету стерлись в моей памяти, но, очевидно, они соответствовали этому жесту, который вижу как сейчас".

"Историческая драма, — заключает свой ответ князю Трубецкому Владимир Сергеевич, — сыграна, и остался еще один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов. Но содержание их в существе дела заранее известно"³⁵.

В. Л. Величко в своей монографии "Владимир Соловьев — жизнь и творения" пишет следующее:

"Приблизительно за месяц до смерти, во второй поло-

вине июня 1900 года, сидя вечером у меня, он <Соловьев> вдруг отвел меня в сторону и высказал, что в последнее время он охвачен особенно напряженным религиозным настроением; что ему хотелось бы при этом помолиться не в одиночестве, а присутствовать с другими людьми на богослужении. Я ему ответил, конечно, что надо радоваться этому приливу высокого чувства — и пойти в церковь. Ответ его мне показался странным в ту минуту:

"Боюсь, что я вынес бы из здешней церкви некоторую нежелательную неудовлетворенность. Мне было бы даже странно видеть беспрепятственный, торжественный чин богослужения. Я чую близость времен, когда христиане будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима, — быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни, но более тонким и жестоким: ложью, насмешкой, подделками, — да мало ли еще чем! Разве ты не видишь, кто надвигается? Я вижу, давно вижу!..."

Еще лет восемь тому назад он говорил о предстоящем пришествии *антихриста*, — сперва коллективного*, а затем воплощенного в отдельном лице, — с тем чисто научным спокойствием, с каким геолог говорил бы о смене формаций, или метеоролог о неизбежных климатических переменах. Он об этом не только говорил, но и писал, причем сперва у него проскальзывали указания на факты, которых он открыто не называл еще антихристовыми; затем он употреблял это слово, как нарицательное для группы характерных явлений, и, наконец, написал в известных "Трех разговорах" прямо уже *"Повесть об антихристе"*...

Для характеристики почившего мыслителя вопрос о конце мира представляет особый интерес. Уже несколько лет тому назад, он высказывал мне глубокое убеждение в том, что последние времена близки. Главным признаком этого он считал современный фазис философской мысли, которой, будто бы, мудрено сказать что-либо действительно новое. В остальном, — в головокружительном техническом прогрессе, наряду с успехами анархии и буржуазным очерствением человечества, он усматривал признаки, предсказанные Апокалипсисом.

Ему возражали, что Евангелие еще не принято всеми народами, а потому человечество, очевидно, не созрело до

*Какое блестящее подтверждение этой мысли проницательного религиозного мыслителя представляет современная русская действительность: коллективный антихрист у всех перед глазами (прим. М. Новоселова).

конца времен. Он отвечал, что условием этого последнего, согласно Писанию, будет не принятие, а лишь *проповедание* Евангелия всем народам, — а это, мол, уже почти завершено, так как нет неизведанных уголков земного шара, где бы не побывали миссионеры. <...>

Мысль о близости всеобщего конца с каждым годом все более охватывала почившего мыслителя, и высказывал он ее все более резко и нервно³⁶.

Заканчивая письмо это, друзья мои, несколькими мыслями величайшего светильника наших дней — о. Иоанна Кронштадтского, который, подобно орлу, парил по поднебесью, уходя в непроглядную заоблачную высь, и, подобно кроту, опускался в земные недра человеческих душ, полных немощей, страстей и пороков. Вот что говорит нам он, созерцавший и горняя и дольняя:

"Талант вселенского Православия мы приняли от Бога для славы Божией и нашего спасения. Как мы этот талант употребляем и умножаем? Как благодарим Господа? Каково наше покаяние? Какие добрые дела творим? Нет делающего добро, нет ни одного. Все уклонились и сделались непотребными (Пс. 13, 1-3). Не относятся ли эти слова Писания и к нам?"

"Ужасно, невообразимо растлена природа человеческая всякими грехами, такими, о которых и говорить стыдно, и больно, и страшно. Мы, священники-духовники, знаем это больше, чем кто-либо другой, особенно те из нас, которые своею близостью и духовною ласковостью и сочувствием, своею горячей верою и искренностью отношений к духовным болячкам своих духовных чад заслужили их доверие... Нет такой греховной нелепости и мерзости греха, в какую бы не впал человек. Иной или иная грешница смешались со всякими близкими, самыми родственными людьми, со своими домашними скотами и животными, с птицами, с кошками, собаками, свиньями, лошадьми, коровами, тельцами. Боже мой! Что же это такое? До чего упал человек!..."

"Люди в смятении, стихии в смятении, воздух, вода, земля, огонь в смятении — по грехам людей стихии сжигаемые разорятся, земля и вся ежа на ней сгорят³⁷. Грехи умножились до края. Нет больше возможности жить спокойно. Церковь Божия, Невеста Христова, — украшайся, чтобы предстать светло Жениху Твоему прекрасному, нетленному, вечному"³⁸.

Пусть это чудное, трогательное, душу пронизывающее обращение боговдохновенного пастыря к Невесте Христо-

вой, которую он возлюбил от юности и которой с изумительным самоотвержением служил до последних дней многолетней (1829-1908) жизни своей, — будет заключительным словом нынешней моей беседы с вами, мои дорогие.

Усердно, как и всегда, прошу молитв ваших, в коих весьма нуждаюсь и пользу которых ощущаю.

Ваш брат о Господе ...

Р. С. Думаю, что разъяснить связь настоящего письма с предыдущим нет надобности: она очевидна или, по крайней мере, легко усматривается при некотором размышлении. Для внимательного очевидна и связь его с современностью.

Письмо это, начатое в августе, пролежало неоконченным вследствие моей болезни, до ноября, и только сегодня, в день св. великомученицы Екатерины³, были написаны последние его строки.

29 октября/12 ноября 1925 г.
г. Петроград

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

2 декабря 1923 г.
День св. пр. Аввакума

Дорогие друзья мои!

Я обещал познакомить вас с мыслями еп. Игнатия Брянчанинова, извлеченными мною из его писем* к разным лицам. Исполняю обещанное.

Мысли эти я расположил в известном порядке, по темам. Но иногда трудно бывает выделить из данного отрывка мысли, относящиеся к одному какому-нибудь предмету, и в таком случае неизбежно смешение тем. Я не хочу приносить ничего своего в мысли автора, чтобы сохранить в целостности его индивидуальность, сквозящую в каждом слове: мне принадлежит только порядок распределения этих мыслей.

Состояние современного еп. Игнатия общества и народа

"Что это значит? Веет от мира какою-то пустынею, или потому, что я сам живу в пустыне, или потому, что и многолюдное общество, когда оно отчуждилось от Слова Божия, получает характер пустыни"¹.

"Из выходящих в свет сочинений видно, что все образованное общество во всех сословиях приняло новое направление, долженствующее иметь соответствующие себе результаты"².

"Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровеннее и сказать, что христианство становится анахронизмом. Смотря на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит христианству, и вступает в отношения к нему самые враждебные"³.

"Напечатанное в "Домашней беседе", что некий мусье обещал сынку своему, ребенку, что ко времени его вступления в супружество попов не будет, произносится многими мусье"⁴.

*Эти письма не вошли в собрание его сочинений (прим. М. Новоселова).

"Печально – современное религиозное и нравственное направление народа. В течение трехлетнего пребывания нашего в Бабаевском монастыре⁵ это несчастное направление подвинулось гигантскими шагами вперед"⁶.

"...Предсказанное в Писании⁷ совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ, и все страны, в которых доселе держалось Православие"⁸.

"Времена чем далее тем тяжелее. Христианство, как Дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Сущии во Иудеи да бежат в горы"⁹.

Отступление от христианства и Церкви

"Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно"¹⁰.

"Переживаем трудное время в духовном отношении! За сто лет до нас Св. Тихон говорил: "Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство"¹¹. Пороки зреют от времени. Ныне лицемерство достигло до неимоверной наглости и бесстыдства. Опытность духовная дорого дается"¹².

"Проскал я довольно пространства, видел людей набожных посреди мира и в монастырях. Эти люди ныне крайне редки и то с весьма малым знанием, а иные со смешанными понятиями <...> Оскудело истинное духовное знание"¹³.

"Скудные вести, приходящие в наш монастырь, о состоянии христианской веры в России, крайне неутешительны. С одной стороны раскол, с другой – решительное отступничество. Общая безнравственность приготавливает отступничество в огромных размерах. Спасая, да спасает свою душу!"¹⁴ Нынешним подвижникам предоставлен путь скорбей, внешних и внутренних, как самый благонадежный"¹⁵.

"Очевидно, что отступление от веры православной всеобщее в народе. Кто открытый безбожник, кто деист"¹⁶, кто протестант, кто индифферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления"¹⁷.

"Отступление начало совершаться с некоторого времени очень быстро, свободно и открыто. Последствия должны быть самые скорбные. Воля Божия да будет! Милость Божия да покроет нас!"¹⁸

Время наше – время тяжелое для истинных христиан

по всеобщему охлаждению народа к вере и благочестию <...> Совершается предсказание Писания об отступлении от христианства народов, перешедших к христианству от язычества"¹⁹.

"Отступничество предсказано со всею ясностью Св. Писанием и служит свидетельством того, сколько верно и истинно все, сказанное в Писании"²⁰.

"Дело православной веры можно признавать приближающимся к решительной развязке... Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию, – остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предсказанному Писанием"²¹.

Состояние Церкви и христианства

"Какое время! Для поддержания Церкви нужно быть во главе управления светскому лицу, потому что обуявшая соль"²² способна только быть попираемою человеками. Впрочем, св. Афанасий Великий говорит, что одним из признаков приблизившегося пришествия антихриста будет переход церковного управления из рук архипастырей в руки светских сановников"²³. Признак очень верный! Это не может состояться иначе, как при утрате духовенством своего существенного духовного значения, своей энергии, порождаемой решительным отречением от мира. Справедливо заметил Граф²⁴, что чиновничеством уничтожено в Церкви существенное значение Иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие, ненасытное стремление к суетным почестям, к накоплению капиталов уничтожило в пастырях христиан, оставило в них лишь презренных ненавистных полицейских"²⁴.

"Кому поддержать Церковь? Для этого нужны люди благодатные, а плотское мудрование способно только повреждать и разрушать, хотя оно в гордости и слепоте своей мечтает и провозглашает о созидании"²⁵.

"Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят. Опять скажу: буди воля Божия! Что посеют, то и пожнут! Что посеяли, то и

¹⁹ Протасов, обер-прокурор Святейшего Синода (прим. М. Новоселова).

жнут! Последнее можно сказать о духовных журналах и о преподавании закона Божия...²⁶

Духовенство, духовное руководство и миряне

"Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей положительности (1 Фес. 5, 3). Есть много ведущих Бога и угодных Богу по свидетельству человеческого, но трудно найти засвидетельствованного Богом Боговедца и Богочтеца. Свидетельство Божие ясно как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетворяться"²⁷.

"Не от кого ожидать восстановления христианству! Сосуды Святого Духа иссякли окончательно повсюду, даже в монастырях, этих сокровищницах благочестия и благодати, а дело Духа Божия может быть поддерживаемо и восстанавливаемо только Его орудиями. Милосердное долготерпение Божие длит время и отсрочивает решительную развязку для небольшого остатка спасающихся, между тем гниющее и почти согнившее достигает полноты тления. Спасающиеся должны понимать это и пользоваться временем, данным для спасения, "яко время сокращено есть"²⁸, и от всякого из нас переход в вечность недалек"²⁹.

"Время страшное! Решительно оскудели живые органы Божественной благодати; в облачении их явились волки: обманывают и губят овец. Это понять необходимо, но понимают немногие"³⁰.

"Весьма благоразумно делаешь, что не сводишь близкого знакомства ни с одним духовным лицом: такое знакомство может очень легко послужить ко вреду и весьма, весьма редко к пользе. Советуйся с книгами Святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних — Златоуста; говори духовнику грехи Твои — и только. Люди нашего века, в рясе ли они, или во фраке, прежде всего внушают осторожность"³¹.

"Когда священник Красноцветов издал "Историю Нового Завета", в которой говорилось, что Божия Матерь по Рождении Богочеловека престала быть Девою, и множество подобных хул, то многие из Петербургского духовенства ужасно рассердились на меня за то, что я в Сергиевой пустыне остановил эту книгу и прспроводил ее к высшему начальству"³².

"Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение. Но это — попущение Божие. Сущие во Иудеи да бежат в горы"³³.

"Знакомство с пр. И.³⁴ показало и тебе и мне положение Церкви. В высших пастырях ее осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание <христианства> по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква. И. откровеннее других — только. Искать ни в ком нечего! Должно бежать в горы — в положения изолированные!"³⁵

Современное монашество и монастыри

"...Положение монастырей в России в нравственном и духовном отношении самое бедственное. За сто лет до нас Святитель Тихон сказал, что истинное благочестие почти исчезло, а заменено оно лицемерством для обмана людей с целью вещественной выгоды"³⁶. Надо понимать дух времени и не признавать прежние пристанища пристанищами, потому что они наиболее превратились в гибельные омуты и пропасти"³⁷.

"...В наше время монастыри находятся в ужаснейшем положении, и многие хорошие люди, вступив в них без должного приготовления, расстроились и погибли"³⁸.

"На монастыри плоха надежда: они внутри выпрели и уничтожились, их еще поддерживает рука Божия ради нескольких благонамеренных иноков, как обетовано было Богом пощадить Содом и Гоморру, если б нашлось в них десять праведных людей"³⁹.

"На монастыри делают нападки извне, но они и внутри себя истлели... Чего требовать от монастырей, когда мир доставляет им людей испорченных, когда они отнюдь окружены безнравственностью, когда сверху гнетет их безнравственность? Язва, которая исцеляется одною смертию"⁴⁰.

"Многие монастыри из пристанищ для нравственности и благочестия обратились в пропасти безнравственности и нечестия... Мнение разгоряченное слепцов, которые все видят в цветущем виде, не должно иметь никакого веса"⁴¹.

"Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значи-

тельных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! во многих обителях совершенно потеряна нравственность. Говорю так, имея под глазами самое печальное зрелище — Черноморскую пустыню, монастырь с весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенном месте⁴². Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие⁴³.

"Положение <монастырей> подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода; она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества — повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ. Весьма часто актерскою наружностью маскируется страшная безнравственность. Истинным монахам нет житья в монастырях от монахов-актеров. За такое жительство, чуждое внутреннего делания, сего единого средства к общению с Богом, человеки делаются непотребными для Бога, как Бог объявил допотопным прогрессистам. Однако Он даровал им 120 лет на покаяние⁴⁴.

"Я принадлежу к ревностнейшим монахам и признаю монашество учреждением Божественным. Что же делать, когда человеки переделали его по своему плотскому мудрованию в карикатуру и истинное монашество захотели заменить в глазах человеческих актерством, мысль о Боге и Его вездесущии и совершенстве, обзирающих все и глубины сердца, оставив в стороне и забвении⁴⁵.

"Монашество есть установление Божественное, при посредстве которого христианство достигает своего высшего развития. В числе правил этого Божественного установления имеется и то, чтоб вступали в монашество люди с истинным произволением и подвергали это произволение прежде принятия обетов строгому рассматриванию и испытанию⁴⁶.

"Лучше выйти из монастыря и проводить в мире жизнь, соответствующую своему расположению, нежели, живя в монастыре с враждебным к нему чувством, проводить жизнь, несколько не сообразную с монашескими правилами, чего неминуемым последствием обыкновенно

бывает самый ужасный разврат⁴⁷.

"Преподобный Нил говорит⁴⁸, что непременно подобает монашествующему жить по преданию Св. Отцов: хотя мы и не можем сравниться с Отцами, но непременно должны житствовать в их направлении и стяжать с ними единение в духе⁴⁹.

"О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок <...> Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духовные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями Отцов, при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, нет <...>

В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной пустыне о. Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено <...>

Удовлетворительнейшее лицо, с которым пришлось встретиться, был монах Никандр, просфирик Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал я в 1847 году⁵⁰. Он достиг высшего преуспевания в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у человек.

Прежде умное делание было очень распространено и между народом, еще не подвергшимся влиянию Запада. Теперь все искоренилось; осталась личина благочестия; сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души <...>

О монашестве о. Никандр понимал так же, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению, данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь... По крайней мере, в избрании монастыря должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным⁵¹.

"Многие ныне жалуются на монашество, видя или отыскивая в нем разные недостатки; но монашество — барометр, который, стоя в уединенной комнате, со всех сторон замкнутой, с точностью показывает состояние погоды на улице. Старые здания должно исправлять с большою осмотрительностью и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение. Буди воля Божия!⁵²

"С сердечным сожалением смотрю на неминуемое па-

дение монашества, что служит признаком падения христианства. Кто приходит в монастырь? Люди из низшего класса почти исключительно; почти все приходящие уже расстроили свою нравственность среди мира. Нет условий в самом народе для того, чтобы существование монашества продлилось; так в высохшем дереве нет условий, чтоб оно давало лист и плод! сверх того бури извне усиливаются сорвать его с лица земли⁵³.

"Ныне не поймешь и не предусмотритишь, что надо делать и как должно поступить. "Не веси, что породит настоящий день", говорит Священное Писание⁵⁴. При нынешнем направлении умов неизвестно, долго ли продержатся монастыри и насколько благонадежен приют в них⁵⁵.

"Монах Авель, предсказавший взятие Москвы французами, говорил, что наступит время, когда монахов сгонят в несколько монастырей, а прочие монастыри уничтожат. Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно. Важность — в христианстве, а не в монашестве; монашество в той степени важно, в какой оно приводит к совершенному христианству. И самые церковные бедствия без попущения Божия совершаться не могут⁵⁶.

"Так назрело в монастырях внутреннее расстройство, что ему необходимо разразиться самыми ужасными заключениями. Общее нравственное расстройство и утрата веры предсказаны в Св. Писании: нам надо внимать себе⁵⁷.

"В разговоре о монашестве то место, которое изменено при напечатании в "Домашней Беседе"⁵⁸, я вовсе выкинул, <...> отказавшись от суждения о приведении монастырей в порядок, хотя недавно, в сочинениях Преподобного Антония Великого, прочитал именно такое предсказание о монастырях и о причине их упадка, какое было написано мною⁵⁹. Не хочу, чтоб от меня выходило подло-уклончивое и колеблющееся свидетельство об истине. Не желают слушать? так лучше молчать. Возгласят события. Заразительная смертоносная болезнь, когда ее не лечат правильно, а только прикрывают, — усиливается и усиливается. Должна ж она и разразиться⁶⁰.

"Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо⁶¹.

"Сколько могу понять: не предвижу по духу времени и вообще по нравственности всего народа, чтоб могло быть восстановление Церкви в древней красоте ее, так же, как и

монашества. И то должно будет счесть великою милостию Божиею, если не последует вскоре какого-либо тяжкого удара на монастыри⁶².

"Оскудело монашество, и еще более должно оскудеть⁶³.

"Подвигов нет, истинного монашества — нет, руководителей — нет: одни скорби заменяют собою все⁶⁴.

Судьбы Божии и христианское отношение к ним

"Очевидно, что христианство — этот таинственный духовный дар Божий человекам — удаляется неприметным образом (для невнимающих своему спасению) из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтоб не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, так как милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись⁶⁵.

"Святые Отцы предвозвестили, что в последние времена спасающиеся скроются от взоров человеческих и пойдут смиренным путем делания, хранясь осуждать отступников, предавая все воле Божией и суду Божию, благоговей пред самими попущениями Божиими⁶⁶.

"Всемогущий Господь печется о Церкви, которою Он невидимо управляет, попуская то, что Ему угодно попускать⁶⁷.

"К положению Церкви должно мирствовать*, хотя вместе должно и понимать его. Это — попущение Свыше... Старец Исаия⁶⁸ говорил мне: "Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено, в частности, спастись людям, желающим спастись⁶⁹.

"Милосердный Господь да покроет останок⁷⁰ верующих в Него! Но останок этот скуден; делается скуднее и скуднее⁷¹.

"Отступление попущено Богом: не покусьись остановить его неможною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтоб по возможности избежать влия-

* Т. е. относиться мирно, спокойно, без смущения, с упованием на милость Божию (прим. М. Новоселова).

Христу — Источнику вечной жизни.

Что касается недоумений, возможность которых я предполагаю, то я имею в виду собственно один недоуменный вопрос, могущий возникнуть при чтении сделанных мною извлечений из писем еп. Игнатия: не слишком ли пессимистичен взгляд епископа-подвижника на судьбы Церкви? Ведь и при нем, и после него были люди в русской Церкви, имевшие несомненное помазание свыше, — хотя бы те, имена коих приведены мною наряду с именем еп. Игнатия в моем предыдущем письме. В оправдание "пессимистического" взгляда еп. Игнатия (если он нуждается в оправдании) я выскажу два соображения.

1. Еп. Игнатий имел пред глазами и основоположников Оптиного старчества (под руководством первого из них Леониды он полагал начало своего подвижничества), и митрополита Филарета, и еп. Феофана, и безызвестного, но исключительно благодатного, по его мнению, бабаевского просфирика Никандра, и других в духовном отношении достойных лиц. Но он не обольщался этими "единицами", а, проникая в глубинное настроение современного ему общества, при свете Писания и отеческих творений, ясно зрел попущенное Богом отступление и не питал себя радужными надеждами, будто какими-то реформами или иначе как можно поднять падшее церковное общество, духовенство и монашество. Его "пессимизм" получил блестящее оправдание в современной нам церковной действительности, и нельзя не дивиться духовной чуткости и исключительной проницательности этого великого служителя Церкви Христовой.

2. Те самые люди, носившие на себе печать "избрания", которые своим существованием как будто опровергали "пессимизм" еп. Игнатия, не обинуясь, высказывали (см. мое предыдущее письмо) такие же пессимистические воззрения на судьбы Церкви и русского народа, жизнь которого теснейшим образом связана с жизнью Церкви, как и еп. Игнатий; только последний высказывался ярче, сильнее, определеннее.

Хочу еще остановить ваше внимание на двух пунктах:

1. Напоминаю вам слова свят. Тихона Задонского, приведенные мною в предыдущем письме: "Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий"⁸².

Эту мысль свят. Тихона Задонского, заимствованную

мною из письма еп. Игнатия, последний сам повторяет неоднократно в очень категорическом тоне. Не раз высказывал и усиленно подчеркивал он и другую мысль свят. Тихона — о губительном распространении в церковном обществе лицемерия. "За сто лет до нас, — пишет еп. Игнатий, — свят. Тихон говорил: "ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство". Пороки зреют от времени. Ныне лицемерство достигло неимоверной наглости и бесстыдства".

Сопоставьте обе эти мысли — об удалении из современного церковного общества христианства, как "жизни, таинства и духа", и о замене подлинного, живого благочестия лицемерством — со словами Господа, обращенными к церкви Сардийской: "Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв" (Откр. 3, 1)^{*}. Не являемся ли мы той церковью, к которой обращен страшный укор Господень?

А смотрите, что далее говорит Господь: "Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти... Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя" (Откр. 3, 2-3). Не свершилось ли это грозное нашествие Господне на нашу Церковь, нашествие, неоднократно и уверенно предсказанное тайнозрителем Игнатием?!

Последуем дальше за Господом в Его беседе с ангелом церкви Сардийской: "Впрочем, — продолжает Господь, — у тебя в Сардисе есть несколько^{**} человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны" (Откр. 3, 4).

Эти немногие, сохранившие верность Господу, навоят меня на мысль о том "останке" верующих в Христа, о котором еп. Игнатий не раз упоминает в своих письмах. И затем мысль моя переходит к словам, которые Господь изрекает ангелу церкви Филадельфийской^{***}.

Эта церковь немногочисленна: "Ты немного имеешь силы, — говорит Господь ангелу этой церкви и ублажает его следующими словами: "Ты сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего" (Откр. 3, 8). За эту верность Господь

^{*} Ср. сказанное ап. Павлом: "имущие образ благочестия, силы же его отвергшиися" (2 Тим. 3, 5) (прим. М. Новоселова).

^{**} По славянски "мало" (прим. М. Новоселова).

^{***} Не входят ли в нее те немногие ("останок") из церкви Сардийской, которые сохранили незапятнанными свои одежды? (прим. М. Новоселова).

далее обещает привлечь к ногам церкви Филадельфийской богоборных иудеев (Откр. 3, 9) и сохранить ее "от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле" (Откр. 3, 10).

"Милосердный Господь да покроет останок верующих в Него", — молитвенно взывает, как вы видели, праведный архипастырь Игнатий, устремляясь духом к Пастыреначальнику Христу.

2. Заслуживает серьезного внимания мысль еп. Игнатия, теснейшим образом связанная с его духовным устроением и очень часто повторяемая им в письмах, — мысль о спасительном значении скорбей вообще, а для нашего и грядущего времени в особенности. Вы помните, как он характеризует нынешнее монашество (а вместе — и современное христианское общество): "подвигов нет, истинного монашества нет, руководителей нет: одни скорби заменяют все", т. е., значит, и подвиги, и духовное руководство.

Эта мысль еп. Игнатия заставляет вспомнить следующее собеседование древних Отцов. Некогда святые Отцы египетского скита пророчески беседовали о последнем роде: "Что сделали мы?" — говорили они. Один из них великий авва Исхирион отвечал: "мы исполнили заповеди Божии". Спросили его: "что сделают те, которые будут после нас?" "Они, — сказал авва, — примут (будут исполнять) делание вполнину против нас". Еще спросили его: "А что сделают те, которые будут после них?" Авва Исхирион отвечал: "Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших"⁸³.

Этим скорбным и вместе утешительным пророческим словом великого Исхириона, имеющим отношение, конечно, не к одним инокам, я и заканчиваю свое письмо к вам, мои дорогие.

Не будьте требовательны ко мне, хотя бы ради недуга моего. Чувствую, что апокалипсический экскурс вышел в письме не так ясен, как он ясен для меня. Ну, додумайте сами. Молитесь о мне.

Ваш брат о Господе...

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

2 января 1924 г. День
пр. Серафима Саровского

"Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете" (1 Пет. 4, 12-13).

Этимися словами апостола закончил, если помните, я свое седьмое письмо к вам, друзья мои. Ими же начинаю теперешнее мое письмо. Там слова эти не являлись итогом и заключением к целому письму, а скорее должны были послужить ободрением в противовес печальной теме письма и естественно грустным выводам из него. Сейчас же вышеприведенное слово апостольское должно ввести вас в самую суть предстоящей беседы, внося вместе с тем и сокрытый в нем дух христианского упования.

Апостол увещивает христиан, внушает им, чтобы они не относились к "огненному испытанию" "как к приключению для них странному", чтобы "не чуждались" его, как чего-то для них неожиданного, им — христианам — не свойственного.

"Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы" (2 Тим. 3, 12), — подтверждает мысль ап. Петра другой первоверховный апостол Павел и добавляет: "злые же люди (по-славянски "лукавые") и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь" (2 Тим. 3, 13).

Но раньше, чем апостолы, Сам Господь изрек непрекращаемое слово о том, что Его последователи будут ненавидимы и преследуемы и что эта тяжелая участь будет их уделом именно за их верность и последование Ему — Христу Господу. Мысль о неизбежности гонений всякого рода за исповедание имени Христова Господь не раз высказывал в течение Своей земной жизни и выяснял причину этого, на первый взгляд многим кажущегося странным, явления.

Посылая двенадцать Своих учеников на проповедь, Господь предупреждает их, что на них "возложат руки и будут гнать их, предавая в синагоги и в темницы, и поведают пред царей и правителей за имя Его" (Лк. 21, 12), что

они будут "преданы родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из них умертвят", что вообще они "будут ненавидимы за имя Его" (Лк. 21, 16-17).

Вот чего, по слову Божественного Учителя, должны ожидать Его ученики от мира, в который Он посылал их с благою вестью спасения.

В чем же причина этой ненависти, которую суждено было встретить благовестникам Христова мира и любви?

Ответ на этот естественный вопрос дает Господь в Своей прощальной беседе с учениками: "Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня" (Ин. 15, 18-21).

Дальнейшее разъяснение этой мысли мы находим в разговоре Иисуса Христа с Пилатом.

Когда Пилат, призвав Иисуса, спросил Его: "Ты Царь Иудейский?" Иисус отвечал ему: "Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда". — Не отсюда, т. е. не от мира сего.

На вторичный вопрос Пилата: Царь ли Он, — Господь отвечает утвердительно и при этом дает характеристику Своего Царства и его граждан: "Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего" (Ин. 18, 33, 36-37).

Итак, причина ненависти мира ко Христу и его верным последователям та, что мир, "весь лежащий во зле" (точнее в диаволе: *en tw povnrow*¹ (1 Ин. 5, 19), не знает Бога (Ин. 15, 21; ср. 17, 25), чужд истины, составляющей существо Царства Христова (18, 38, ср. 1, 17; 14, 6; Еф. 4, 21). "Духа истины... мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его" (Ин. 14, 17).

Беседуя с не веровавшими в Него Своими родственниками (братьями), Господь сказал им: "Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы" (Ин. 7, 7).

Итак, свет истины, обличающий темные дела мира, невыносим для него, и мир естественно проникается злобою к носителям света, начиная с Самого Светодавца

Христа, и пытается изъять их из своей среды.

Если вы, мои дорогие, вчитаетесь в те места Нового Завета, где говорится о взаимоотношении Христова Евангелия и мира, то вы без труда усмотрите их коренную противоположность во всех областях жизни. Эту противоположность непрестанно и неустанно подчеркивают близжайшие ученики Господа, первые провозвестники Его Евангелия. Прислушайтесь к их голосам:

"Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле" (1 Ин. 5, 19), — возвещает великий тайнозритель ап. Иоанн. "Не любите мира, ни того, что в мире, — увещевает тот же Апостол любви, — кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего" (1 Ин. 2, 15-16).

"Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу", — пишет "двенадцати коленам, находящимся в рассеянии", праведный Иаков, брат Господень (Иак. 4, 4).

"Мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго", — так противопоставляет в своем послании к Коринфянам ап. Павел мудрость Христову мудрости века сего (1 Кор. 2, 12-13).

"Никто не обольщай самого себя, — продолжает назидать Коринфян Апостол языков. — Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом" (1 Кор. 3, 18-19).

"Смотрите, братия, — предостерегает Колоссян тот же Апостол, — чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно" (Кол. 2, 8-9).

Как движущей и вдохновенной силой для христиан является "полнота истины" — Христос Господь, властвующий над Царством не от мира сего Духом Истины, так двигателем и вдохновителем жизни мира сего является "лжец и отец лжи"², князь этого мира — диавол, окутывающий мраком лжи область своего царства. Ап. Иаков, возвестив, что "дружба с миром есть вражда против Бога", делает отсюда вывод, вскрывающий внутреннюю сторону этого мира: "Итак, — говорит он, — покоритесь Богу; проти-

возстаньте диаволу, и убежит от вас" (Иак. 4, 4, 7).

К постоянной борьбе с этим миродержцем призывают чад Христовых и другие Апостолы. "Облекитесь во всеоружие Божие, — наставляет Ефесян ап. Павел, — чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань... против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных" (Еф. 6, 11-12).

Что же требуется для победы над этим миродержательным злом? Кто и при каких условиях может надеяться на успех в этой борьбе?

На этот вопрос дает ответ возлюбленный ученик Господа, ап. Иоанн: "Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий... пришедший водою и кровию и Духом" (1 Ин. 5, 4-6).

Облекшийся во Христа и сочетавшийся с Ним в водах крещения, приявший Св. Духа в тайне миропомазания, углубляющий свое общение со Христом в достойном приятии животворящих Тайн Тела и Крови Христовых и делающийся чрез то обителем Св. Троицы, вот кто является победителем мира и князя его. Основывается же эта победа на предварительной победе Икупителя-Христа, изрешенного в прощальной беседе с учениками: "Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего (Ин. 24, 30)... мужайтесь: Я победил мир" (Ин. 16, 33).

Эта победа над миродержательным злом, вполне сказавшаяся после славного Воскресения Христова, сообщилась и тем, кто, отрекшись от отца лжи, сочетался с Победителем Христом и увидел в себе живущим Сына со Отцом и Духом (см. Канон ко св. Причащению, песнь 9, тропарь 2^й, также 1-ю молитву св. Василия Великого ко св. Причащению⁴). "Дети! вы от Бога, и победили их"; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире", — удостоверяет тайнозритель (1 Ин. 4, 4).

Борьба тьмы со Светом, отца лжи с Духом Истины, князя мира сего с Царем небесным, Владыкой царства премирного, началась на земле со времени наших праотцов. Тогда же изречено было Божие Слово, предопределившее на тысячелетия эту борьбу, равно как и течение ее: "И сказал Господь Бог змею: ...вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь

жалить его в пята" (Быт. 3, 14-15).

С особенной яркостью и силой сказалась эта положенная Богом вражда между князем мира сего и семенем жены, когда "тайна беззакония" (2 Фес. 2, 7) столкнулась в мире сем с великой "тайной благочестия": когда "Бог явился во плоти" (1 Тим. 3, 16). Потерпев поражение в этом столкновении с Богочеловеком, князь мира сего обрушился со страшной силой на наследие Сына Божия, на Церковь Святую, "юже стяжа" Христос честною "Кровию Своею" (Деян. 20, 28).

Эта последняя брань, разнообразясь по виду и содержанию, изменяясь в силе и напряжении, стихая в одних местах и разгораясь в других, оставляя одну область и переходя в другую, прошла века и дошла до наших мест и до наших дней, к которым с достаточным основанием приложимы слова Апокалипсиса: "Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени (12, 12)". (См. в 8-м письме мысль митрополита Филарета о наших временах).

Привыкши, в течение многих веков, к "мирному и благоденственному житию"⁵, под покровом православного государства, мы оказались совершенно не подготовленными к той, для большинства христиан неожиданной, духовной борьбе, к которой привела нас промыслительная десница Вождя и Подвигоположника нашего. Глухие к слову Божию и пророческим голосам, вещавшим о близости и неизбежности этой борьбы, слепые относительно событий, которые не то что говорили, а вопияли о надвигающейся грозе, охотно и легко обольщавшиеся грезами лжепророков "научного мировоззрения", которые убаюкивали нас пошлым и нелепым учением об автоматическом прогрессе, забыв слово апостольское, точнее Духа Святого, о том, что истинные христиане "не имут зде пребывающего града, но грядущаго взыскуют" (Евр. 13, 14), мы так уютно и, казалось, прочно засели и устроились в здешнем граде, где со времени падения Адамова утвержден "престол сатаны"⁶, что нам и во сне не снилось того, что свалилось на наши в разных смыслах бедные головы. Когда все говорили: "Мир и безопасность", тогда "внезапно постигла нас пагуба" (1 Фес. 5, 3).

Потрясенные в наших политических и социальных верованиях и чаяниях, мы так растерялись, что подумали,

⁴ Слуг антихристовых (прим. М. Новоселова).

⁵ По-славянски — "утверждение" (прим. М. Новоселова).

будто и Церковь Христова должна сокрушиться под ударами ее врагов, как рушился под этими ударами тот государственный и общественный строй, при котором так недавно и так самоуверенно-покойно жили мы, среди которого и в союзе с которым жила наша Церковь, уподобляясь кораблю, стоящему на якоре в тихой, надежной пристани.

Глубокое и для христианина преступное заблуждение! Заблуждение это изобличает в нем ложное отношение к Церкви — только как к организации, и организации человеческой, и неверие в Церковь, как живой организм Тела Христова. Не говоря уже о том, что здесь сказывается и просто научное невежество в области церковной истории, или, по крайней мере, забвение тех уроков, которыми полна история Церкви и которые надлежит чадам Церкви постоянно носить в душе своей.

Какие же это уроки? Чему они учат нас?

В одну из особенно значительных минут Своей земной жизни, когда злоба иудеев из-за воскрешения Лазаря дошла до решимости убить не только Иисуса, но и воскрешенного Им Лазаря⁷, Господь Иисус Христос изрек ученикам Своим — Андрею и Филиппу, сообщившим Господу о желании пришедших на праздник эллинов видеть Его, следующие знаменательные слова:

"Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, павши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой. Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое.

Тогда пришел с неба глас: "и прославил и еще прославлю". И сказал Иисус народу: "Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе".

"Сие говорил Он, — разъясняет последние слова Господа евангелист Иоанн, — давая разуметь, какою смертью Он умрет" (Ин. 12, 23-28; 31-33).

Господу введома была злоба иудеев против Него, разжигаемая диаволом, детьми коего Он и называл их за их человекоубийственное и враждебное Истине настроение (Ин. 8, 41, 44); Он предвидел близость Богоубийства, задуманного Его врагами, озлобленными растущим с каждым

днем нравственным влиянием Его на народ, — и вот случай с искавшими видеть Его эллинами, могущий вызвать еще большее негодование иудеев, побуждает Господа раскрыть ученикам и народу тайну приближающегося к Нему страдальческого и вместе славного подвига.

Он говорит о предстоящей Ему славе (23) и тут же об отдании Своей жизни (24). Он обязывает Своих последователей принять путь креста и обещает им почет у Отца Небесного и жизнь вечную (25-26); душа Его возмущается в предвидении смерти и страшного преступления, имеющего над Ним совершиться, и в то же время Он молит Отца о прославлении Его имени (27-28); Он зрит позорную казнь, которой подвергнется по воле Отца — и вместе созерцает победу над князем мира сего и спасительное привлечение к Себе людей имснно этой позорной смертью (31-33).

Сколько глубоких, радостных и таинственных для плотского ума истин приоткрывают эти немногие строки Евангелия от Иоанна! Здесь указана Самим Господом безмерная цена нашего спасения в Церкви Христовой, которая созиждется на крови Богочеловека; здесь начертан путь креста, по которому во все века должны идти и пойдут истинные чада Церкви, "взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия" (Евр. 12, 2); здесь возвещается поражение диавола и слава Иисусова, достигнутые крестом.

Итак, крест — вот основа христианства, основа Церкви, сила, побеждающая мир и мироправителей тьмы века сего. Крест — путь Икупителя, он же — путь для Его учеников: Глава Церкви и члены ее неразрывно связаны между собою единством пути — единством страдания и славы, умирания и воскресения.

Тайна креста, тайна страдания за имя Христово, как условие стяжания Царствия Божия, была прежде всего усвоена ближайшими учениками Икупителя, о чем свидетельствуют их писания и жизнь. Но совершилось усвоение этой коренной тайны Христова благовестия не сразу, ибо ветхий человек, вдохновляемый князем мира сего, естественно противится принятию этой тайны, и только Дух Святый изменил в апостолах ветхое самочувствие самоутверждения на новое — самоотречение.

Тот самый Апостол, который, желая отвести Господа от крестного пути, в период своей ветхости говорил Ему: "Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с То-

бою", и который заслужил за это суровый упрек от своего Учителя, сказавшего ему: "Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое" (Мф. 16, 22-23), этот Апостол, озаренный Духом, убеждает, как вы, надеюсь, помните, чад Христовой Церкви "не чуждаться огненного искушения ... как приключения для них странного", "радоваться участию в Христовых страданиях"⁸.

Писания и жизнь другого первоверховного Апостола Павла преисполнены, можно сказать, раскрытием и выявлением тайны и силы крестной, неведомых и чуждых миру. "...Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость... я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого", — пишет он Коринфянам (1 Кор. 1, 23-24; 2, 2). "Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира", — говорит он в послании к Галатам (Гал. 6, 14).

Это устремление ко Христу распятому, сораспятие Ему, ношение язв Его на теле своем (Гал. 6, 17), вообще вседушное и всестороннее приятие крестного пути (см. 2 Кор. 11, 23-29) соделало великого Апостола языков причастником силы Христовой в такой мере, в какой едва ли кому сообщалась эта сила. Приобщившись ей, он мог дерзновенно исповедать в послании к Филиппийцам: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе" (Флп. 4, 13).

И точно, только укрепляемый безмерной силой Христовой, мог святой Апостол переносить все то, что перенес он на своем изумительном жизненном пути. И посмотрите, с какою бодростью и почти радостью говорит он о испытываемых им неисчислимым скорбях:

"Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; излагаемы, но не погибаем" (2 Кор. 4, 8-9).

"Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен" (2 Кор. 12, 10).

Как же относятся к своим обидчикам и гонителям св. ап. Павел и его сподвижники по оружию?

"Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах,

всеми попираемый донныне" (1 Кор. 4, 12-13)*.

Так говорят, так мыслят, так чувствуют, так живут новые граждане того "неотнадающего Царства", которое основан на "честной крови"⁹ Своей Искупителем Христос. Уже здесь, в пределах "мира сего"¹⁰, они таинственно изведены из этого мира и, соделавшись "новою тварью"¹¹, положили начало царству не от мира сего, живущему совсем иною жизнью, управляемому совсем иными законами, чем жизнь и законы мира. И, естественно, мир возненавидел этих новых граждан, как возненавидел он Основателя нового царства — Христа, и словом, и жизнью обличавших неправду этого мира (Ин. 15, 18-19; 8, 9; 7, 7).

Но не страшит граждан нового царства эта идущая по пятам их ненависть. То, чем они живы, что составляет существо их нового бытия, находится за пределами, переступить которые бессилен мир в своей ненависти.

"Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание (Пс. 43, 23). Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8, 35-39).

Такое победный клич граждан "непоколебимого" (Евр. 12, 28) Царства Христова, возлюбивших своего победоносного Вождя "всем сердцем своим, всею душою своею и всем разумением своим" (Мф. 22, 37). Над входом во врата этого нового царства начертаны слова, определяющие сущность этого царства и условия вступления в него: а) "Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе" (Рим. 14, 17) и б) "Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие" (Деян. 14, 22).

За первыми гражданами, вступившими в это царство, Апостолами и мужами Апостольскими, последовал бесчисленный сонм мучеников, в течение почти трех веков заполнявших область царствия Божия, Церкви Христовой. Вместе со своими предшественниками — Апостолами

* С какою верностью выполняют первые ученики Христовы заветы своего Небесного Учителя: "любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Мф. 5, 44) (прим. М. Новоселова).

они легли в основание Церкви, спаявшись своею кровию с краеугольным Камнем Церкви, Христом. И Церковь в своих чинопоследованиях ежедневно прославляет эту красоту свою, этих мужественных исповедников Истины, своею кровью заливших отверзшуюся было на Церковь адскую пасть, своею смертью оправдавших и утвердивших во всем мире благу вест о вечной жизни.

"Мученик Божественный лик, — молитвенно взывают чада Церкви, обращаясь к святым мученикам, — Церкви основание, благовестию скончание, вы делом Спасова глаголения исполните: вами бо врата адова на Церковь отверзшаяся заключишася, крове вашей литие идольския жертвы изсуши, заклание ваше порождает церковное исполнение: безплотных удивисте, Богу венценосцы предстоите: Его же непрестанно молитесь о душах наших"¹².

Такова сила, таково значение крови, проливаемой за Истину! На крови Сына Божия созиждилась Церковь, кровью сынов Божиих укреплялась и расширялась, превозмогая неисчислимые козни исконного врага Божия, князя мира сего.

Обильно орошаемая мученическою кровью в течение трех веков, Церковь из "зерна горчичного"¹⁵ выросла в огромное, многоветвистое дерево, в ветвях которого находили приют многочисленные стаи словесных птиц. Пришло время — милостиво взглянул Господь на страдальцу Церковь и, оградив ее от любого миродержца, даровал ей покой рукою благочестивого императора Константина. Потухли костры, на которых жарились тела христианских мучеников; уничтожены страшные орудия мучений, созданные диавольской злобой; раскрылись темницы, где во множестве томились исповедники имени Христова; опустели каменоломни, где непосильным трудом и жестокостью приставленников измощдались верные рабы Христовы, — мир и благоденствие настали для последователей Распятого.

Милость Божия была вызвана, надо думать, крайним напряжением нравственных и физических сил христианского, церковного общества, очевидно, нуждавшегося, однако, в пережитом им "огненном крещении"¹⁶.

С наступлением, после Миланского эдикта¹⁷, мирного жития для исповедников Христовых, когда сам император

¹² См. также кондак малого повечерия: "Яко начатки естества..."¹³ и тропарь (там же) всем святым: "Иже во всем мире мученик..."¹⁴ (прим. М. Новоселова).

всемирного царства вошел в ограду Церкви, как послушный сын ее, можно было подумать, — и многие думали, — что "царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его" (Откр. 11, 15). Но, увы, думы эти и чаяния не оправдались. Борьба князя мира сего с наследием Христовым не прекратилась, а лишь видоизменилась, — и едва ли к торжеству христианства.

Милостью Божией, создавшей новые условия жизни для Святой Церкви, враг воспользовался, чтобы оразнообразить борьбу и перенести ее с периферии в центр, из внешней сделать внутренней, причем вместо одного бранного фронта образовалось два, которые утвердились в христианском обществе на многие века: в существе своем и видимости они дошли и до нашего времени, хотя и изменились в силе и напряженности борьбы.

Когда христианство объявлено было государственной, т. е. господствующей религией в Римской империи, огромные толпы римских граждан ринулись и заполнили ограду Церкви по мотивам вовсе не религиозным. Это равнодушное к вере, теплохладное¹⁸ стадо корыстных душ, "искавших не Иисуса, а хлеба куса"¹⁹, быстро видоизменило состав церковного общества, внося в него мирские эгоистические начала жизни, наполнив его мирским духом.

Не мир стал царством Божиим, а царство Божие пришло в свое недро мир и вступило на путь обмирщения. Вот тогда-то души, действительно ревновавшие об Истине Христовой, жаждавшие спасения и искренно искавшие его, стали отходить от мира с христианской позолотой или, иначе, от христианства, помазуемого духом мира сего. "Видя беззаконие и пререкание во граде" и "не оскудевающую от стогн его лихву и лесть", эти боголюбивые души "удалились, бегая, и водворились в пустыне, чая Бога, спасающего их от малодушия и от бури" (Пс. 54, 10, 12, 8-9). Чистое христианство устремилось в места безводные и с трудом проходимые, где ранее обитали одни звери дивии, и немного прошло времени, как пустыни процвели, яко крины селений²⁰.

Но глубоко ошибся бы тот, кто подумал бы, что без особых трудов, потов создано это процветание, что уклонившиеся от соблазнов мира уклонились и от борьбы, что с уходом в места тихие, уединенные и безмолвные, они избегли козней диавольских и брани, воздвигаемой князем мира сего.

Кто сколько-нибудь знаком с историей христианского подвижничества, тот, конечно, не подумает этого. Брань,

открывшаяся в пустынях, была продолжением той брани, которую вели мученики на стогах градов: только мученичество в пустыне стало более внутренним и добровольным, менее острым и более продолжительным. Хотя там не было видимого излияния крови (если не говорить о нередких избиениях пустынножителей варварами), производимого руками мучителей-человеков, зато там происходило пожизненное невидимое излияние ее в борьбе с плотью и миродержателями тьмы века сего, нигде не разнообразившими так своих козней и не обнаружившими так своей ненависти к роду христианскому, как среди насельников пустынь.

Известна классическая формула, определяющая существо подвижнического жития: "дай кровь и прими дух"²¹. В ней сказано самое существенное о подвижничестве: указаны путь и цель. И мириады воинов Христовых, разного пола и возраста, незримо излияли кровь свою для стяжания Духа Божия из любви к возлюбившему их Господу Иисусу. На этом фронте, если и бывали поражения в стаде Христовом, то в общем победа целые века оставалась за гражданами Царства Божия, к великому посрамлению главного "мироправителя" и клеветников его, изгоняемых из "безводных мест" (см. Мф. 12, 43 и Лк. 11, 24) силою креста и имени Христовых (преп. Иоанн Кассиан²²). Не то происходило на другом фронте — мирском.

Я не буду касаться страшной и великой эпохи ересей, воздвигнутых и поддерживаемых отцом лжи в течение нескольких столетий. Потрясая иногда весь состав церковного тела богохульными учениями и одерживая нередко крупные частные победы, враг Истины терпел в конечном счете серьезные поражения.

Но одновременно с этой борьбой на почве вероучения шла последовательная брань князя мира сего с носившими имя Христово в области повседневной жизни, личной и общественной. Здесь постепенно, но неуклонно враг захватывал все новые позиции, расширяя и углубляя сферу своего влияния в так называемом христианском обществе, в государственной церкви и христианском государстве.

Сущность борьбы сводилась к подмене подлинного христианства подложным, живого — мертвым, сердечной веры — отвлеченной богословской мыслью, богодействен-

* См. об участии дьявола в порождении ересей интересные указания у преп. Иоанна Кассиана и у св. Симеона Нового Богослова (прим. М. Новоселова).

ных богослужбных таин — внешней культовой помпой, внутреннего подвига — лицемерной внешностью, скромного во имя Христова жития — удобствами жизни, духовного воздействия на тех "иже во власти суть"²⁴ — угодничеством пред ними и т. д., без конца.

Христианство, которое получалось в результате этой борьбы, можно охарактеризовать словами, которыми ап. Павел определяет сущность христиан последнего времени: "имуции образ благочестия, силы же его отвергшиися" (2 Тим. 3, 5). И главное — это повсюдное отступничество покрывалось ("даже до сего дне"²⁵) христианским наименованием, а потому не мозолило глаз и не тревожило "христианской" совести.

Чего враг не мог достигнуть насильем, он с успехом стал достигать путем многообразных подделок, имитаций, фальсификаций и компромиссов.

Церковь не должна забывать, что она все-таки в мире, в мире нечестивом²⁶ и, по существу, ей враждебном, который при всяком случае стремится и может дать ей почувствовать вражду свою. Ей, пока она находится в условиях мира сего, не должно мечтать о покое: она должна непрерывно воинствовать под знаменем креста.

Вступив на путь "мирного" сожительства с государством, стихией мирской, Церковь стала забывать свой сверхмирный характер, и ее дальнейшее существование может быть охарактеризовано словами одного ученого историка и философа, благоговейного почитателя и исследователя библейских пророчеств²⁶. Истолковывая одно место из Апокалипсиса, он говорит по поводу его: "Церковь будет существовать под владычеством земных государств, которые станут покровительствовать ей и вместе поработать ей... И в самом деле, в течение 18-ти веков²⁷ положение, принятое государством относительно Церкви, может быть выражено столько же словом: благоволение, сколько и словом: поработение. Тем не менее Церковь облечена в солнце²⁷, и пусть она никогда не забывает этого. Она есть светильник для мира, а светильник не должен гореть под спудом²⁸. Она призвана просвещать весь мир и приводить к Истине всех, кто есть от Истины. Такова, до времени, единственная задача ее относительно мира"²⁹.

В другом месте того же исследования читаем: "зная

* "Лежащем в дьяволе", см. выше об этом (прим. М. Новоселова).

** Автор писал свое исследование в начале XIX века (прим. М. Новоселова).

даже, что врата адовы не одолеют Церкви, она не должна опочивать в безопасности. Между семенем жены и змием Сам Бог положил вражду³⁰, которая должна продолжаться до конца. И не преследования только, но и все другие способы вражеские употребит теперь сатана. Стало быть, в особенности теперь нужно Церкви облечься "во вся оружия Божия" (Еф. 6, 11), быть в состоянии носить их и с решимостью употреблять. Кровью Агнца верующие победили (Откр. 12, 11), но на завоеванном этой победой поле нужно им одерживать новые победы. Торжеством своего Вождя мы обязываемся к постоянным новым торжествам, точно так же, как умерши раз во Христе, должны "постоянно умерщвлять уды, яже на земли" (Кол. 3, 3, 5; Рим. 6, 2-14)...

В настоящее время Церковь больше всего должна стараться не сообразоваться веку сему. Как опасно для нее, когда она не находится в борьбе с князем мира сего, когда благоденствие и комфорт лишают ее воинственного огня, и она перестает быть странницею на земле! Насилия и угрозы ничего не могли сделать с нею, но враг попытается употребить хитрость и обольщающее коварство — и Церковь падет!.. Апокалипсис (и не один Апокалипсис) предвещает глубокое падение Церкви, предвещает унижение ее даже в уровень с миром³¹.

Итак, и голос науки, не отрекшейся от Единого Источника Истины — Христа, и, что несравненно важнее, голос самой Церкви Христовой, идущий из богослужбных недр ее (см. в середине письма стихиру из "Канона всем святым"), согласно утверждают, что мученичество, как следствие гонений, и самоумерщвление (Кол. 3, 5), как добровольный подвиг, — суть два неизменных с существом пути Христова, неразрывно связанных образа жития христианского. Может не быть в известную эпоху первого образа жития, но тогда необходим второй (но не исключаемый, впрочем, и первым) — для сохранения истинного русла Церкви, для соблюдения чистой веры, непостыждающей надежды и нелицемерной любви. Когда же отсутствуют в церковном обществе или слишком бледнеют тот и другой образы жития, то это печальный признак духовного омер-

³⁰ Меня очень соблазняет желание продолжить выписки из писаний серьезного ученого, вдумчивого мыслителя и религиозного исследователя Слова Божия, но я боюсь расширить этим письмо до неподобающих размеров, а потому побеждаю соблазн, утешая себя мыслью посвятить одно из будущих писем всецело автору вышеприведенных цитат³² (прим. М. Новоселова).

твления общества и его богооставленности.

И я думаю, что пред разразившейся над нашими головами катастрофой, начавшейся с 1914 года и постепенно углубляющейся, наша Церковь находится именно в этом состоянии быстро растущего падения, растления, омертвления. К ней применимо слово Господне, обращенное к ангелу Сардийской церкви: "Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв" (Откр. 3, 1).

И если вы, мои дорогие, не поленитесь хорошенько припомнить то время и попристальнее всмотреться в тогдашнюю жизнь "святой Руси" сверху донизу (в этом отчасти помогут вам мои предыдущие письма), то едва ли вы, положа руку на сердце, по христианской совести, пожалее-те, что "светильник" нашей Церкви был "сдвинут" (Откр. 2, 5) со своего места благодеющею рукою Промысла и от-дан (и доселе отдается) на поправление врагам. Нагар на этом светильнике был так велик, копать поэтому от него была так сильна, что потребовалось Правосудием и милостью Божией бросить его "в великое точило гнева Божия" (Откр. 14, 19; 19, 15), чтобы "истоптанный" в этом то-чиле отстал нагар, очистился светильник и засветил чистым Светом Христовым.

Истинно так, друзья мои: жалеть "церкви прошлого" нечего, — это сожаление свидетельствовало бы только о том, что мы живем "плотским мудрованием", стелемся помыслами по земле, едим пищу "змия" — и забываем Христа, "Божью Премудрость и силу", забываем, что "наше житие на небесех есть" (Флп. 3, 20) (не будет, а есть, должно быть теперь), что мы должны питаться хлебом небесным.

Печальные события церковной жизни последних лет, всем вам хорошо известные, суть прямо непосредственный результат прежнего, давнишнего недуга церкви, результат и обнаружение его. В происходящей разрухе церковной нечего винить "внешних": виноваты неверные чада Церкви, давно гнездившиеся, однако, внутри церковной ограды. Благотельной десницей Промысла (а не сатанинской злобой большевиков) произведен разрез злокачественного нарыва, давно созревшего на церковном теле; удивительно ли, что мы видим и обоняем зловонный гной, заливающий "Святую Русь"? За разрезом последовал процесс выдавливания гноя, который продолжается и до-

³¹ Всюду здесь речь идет о церкви-организации, а не о Церкви-Организме, Теле Христовом (прим. М. Новоселова).

³² См. предыдущие письма, особенно первое (прим. М. Новоселова).

селе. Этот мучительный процесс необходим для очищения и оздоровления тела. Неизбежна боль в месте надавливания, но этою болью покупается здоровье всего организма, предохраняемого ею от заражения.

Оставляя в стороне метафору, скажу прямо. При отвержении церковным обществом второго образа христианского жития (см. выше о нем), необходимо, для спасения верующих, появление первого. Вспомните слова еп. Игнатия Брянчанинова в предыдущем моем письме к вам: "подвигов нет, духовных руководителей нет, — скорби заменяют все".

И скорби, выпавшие на нашу долю, на долю современных чад Церкви, имеют особенно глубокое и спасительное значение: они углубляют ров между верой и неверием; переводят колеблющихся в своем религиозном сознании и жизни между Христом и миром на ту или другую сторону, разрешая богопротивную "теплохладность" или в горячность веры, или в холод неверия; выделяют, выявляют и ставят на свое, свойственное их действительному духовному нутру, место незаконно укрывшихся под кровом православия; они всех заставляют отдать себе отчет в подлинном их уповании (1 Пет. 3, 15), размежевывают области Христа и антихриста, приготавливают настоящих слуг Тому и другому, причем, говоря словами одной церковной молитвы, способствуют "благим во благодати пребывать, средним лучшим быти, согрешающим в исправление приходити"³³.

"Тайна беззакония" (2 Фес. 2, 7), раскрывающаяся в наши дни с исключительной силой и в своеобразных формах, не должна смущать истинных чад Церкви, верующих в несокрушимость "дома Божия" (1 Тим. 3, 15; Евр. 10, 21; Мф. 16, 18). Как грядущий антихрист, так и его мелкие, но многочисленные предтечи и слуги, не страшны чадам Церкви, крепко держащимся за этот "столп и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15). Ухищрения и козни слуг миродержца губительны для тех, которые "не приняли любви истины для своего спасения" (2 Фес. 2, 10). За это неприятие "пошлет им" Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи" (2 Фес. 2, 11). "Ходящие же в истине", которых ублажает возлюбленный ученик Господа (2 Ин. 1, 4; 3 Ин. 1, 3), застрахованы от этого пути гибели Истиною, живущею в них, ибо, по слову того же ученика Христова, "Тот, Кто в них, больше того, кто в мире" (1 Ин. 4, 4).

³³ Уже посылает (прим. М. Новоселова).

Итак, не кручиньтесь, друзья мои, при виде потрясенный, которые переживает наша Церковь: они необходимы для врачевания церковного тела, изъязвленного язвами многими и застарелыми. Истинно, не кручиньтесь, а лучше подивитесь великой мудрости Божией, претворяющей действие "тайны беззакония" в преуспевание "тайны благочестия", — ибо в то время, как враги Церкви Божией дышат сатанинской ненавистью к ней и употребляют все усилия, чтобы истребить на земле память о Невесте Христовой, последняя, страшивая с себя многообразную нечистоту, прилипшую к одежде ее, начинает являть все более проясняющийся светлый лик свой. Таинственно руками нечестивых Господь творит святую и благодетельную волю Свою, омывая исповедническую и мученическую кровию Свою невесту. — Ну, а что же они, эти нечестивцы, которые, по вашим словам, являются орудием благой воли Божией? Они — попирающие святую Русь, святую Церковь Божию, святых Божиих, — торжеством своего нечестия подвергающие тяжкому испытанию христианские души, искушаемые успехом лжи и неправды? Что скажете вы о них, об их судьбе? — слышится мне вопрос из вашей среды, друзья мои.

Ответствую на него приточно словами "ветхозаветного евангелия" великого пророка Исаии.

Когда избранный народ Божий закоснел во всякой неправде, Господь постановил наказать его нашествием языческого Ассирийского царя, и вот что устами пророка изрекает Господь об этом орудии гнева Своего:

"О, Ассур, жезл гнева Моего! и бич в руке его — Мое негодование! Я пошлю его против народа нечестивого", и против народа гнева Моего, дам ему повеление ограбить грабежом и добыть добычу и попить его, как грязь на улицах. Но он не так подумает и не так помыслит сердце его; у него будет на сердце — разорить и истребить немало народов. Ибо он скажет: "не все ли цари князья мои? Хал-не не то же ли, что Кархемис? Емаф не то же ли, что Армад? Самария не то же ли, что Дамаск? Так как рука моя овладела царствами идольскими, в которых кумиров более, нежели в Иерусалиме и Самарии, — то не сделаю ли того же с Иерусалимом и изваяниями его, что сделал с Самариею и идолами ее?" И будет, когда Господь совершит все Свое дело на горе Сионе и в Иерусалиме, скажет: посмотрю на успех надменного сердца царя Ассирийского и

³⁴ Т. е. Израиля, изменившего Господу (прим. М. Новоселова).

Его!" — хочется воскликнуть вместе с богодухновенным Апостолом³⁸.

Простите, друзья мои, если я дерзко присвоил себе не дарованное — и отважился заглянуть в таинственное будущее: опору для этого дерзновения я нахожу в живом и пребывающем вовек слове Божиим (1 Пет. 1, 23), я понуждаюсь к этому "заглядыванию" и внешними событиями, и требованиями верующей совести. "Кто уразумел, что внешние злоключения случаются по правде Божией, тот, ища Господа, нащел ведение с правдою", — сказал преп. Марк Подвижник³⁹. И он же изрек: "Если будешь разуметь согласно Писанию, что *по всей земле судьбы Господни*⁴⁰: то всякий случай будет для тебя учителем Богопознания"⁴¹.

Кольми паче, — добавлю я, грешный, — должны быть блестящими учителями для нас скорбные и вместе радостные события наших дней!.. "Воистину, — писал мне три-четыре года тому назад один из моих давних друзей в ответ на мое письмо к нему, — воистину, давно уже небо не склонялось так низко к земле, как теперь, никогда действие в мире сем сил невидимых из мира иного не проявлялось так осязательно явно, как ныне".

Если в минуты благоденствия истинно христианской душе свойственно памятование о Промысле Божиим, то тем более это памятование естественно и необходимо в дни скорбных испытаний, с коими преимущественно связано откровение явно ощутимого Промысла Господня, верить в который — обязанность христианина, опытно удостовериться в котором — великий дар благодати. Недаром "вселичайший христианский философ" и таковой же подвижник, преп. Исаак Сирин, так часто в своих богомудрых писаниях поучает о Промысле Божиим. "Часто, и не зная сытости, читай в книгах учителей о Промысле Божиим, — увещивает великий наставник, — потому что оне руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих, укрепляют его собою, своею тонкостию приготавливают его к приобретению светозарных мыслей и делают, что в чистоте идет он к уразумению тварей Божиих. Читай Евангелие, заведенное Богом к познанию целой вселенной, чтобы приобрести себе напутствие в силе Промысла Его о всяком роде, и чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии" (Слово 56-е)⁴².

Если внимательное и благоговейное чтение о Про-

мысле Божиим просвещает и располагает ум к уразумению действий Промысла, то опытное, ощутительное познание Промысла дается на пути скорбей. "...Умудриться человеку в духовных бранях, — читаем у того же преп. Исаака, — познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него, невозможно иначе, как только по силе выдержанного им испытания" (Слово 49-е)⁴⁴.

Если многие из нас имели возможность в эти годы испытаний неоднократно убеждаться в ясно ощутимых действиях Промысла Божия в их личной жизни, то эти же испытания призывали и призывают нас увериться в особом Промыслении Божиим о святой Божией Церкви. Хотя внимательные к прошлым судьбам Церкви Христовой имеют всегда в этом прошлом достаточно оснований для веры в неодолимость ее вратами ада⁴⁵, тем не менее и для них не бесполезно воочию удостовериться в истине обетования Господня о сей неодолимости. Разумеется, чтобы зреть свершение этого обетования в наши тяжкие и лукавые дни, нужно трезвением и молитвою изошрять око веры, которое одно способно созерцать тайны чудного домостроительства Божия. Этому изошрению ока веры способствует свет очистительного огня скорбей. Вера, побеждающая мир (1 Ин. 5, 4), необходима и для созерцания победы, которая не сразу становится явной для внешнего ока, ибо действующее в христианстве таинство креста производит благодатию Божиею то, что видимое чувственным глазом поражение есть для духовного зрения победа (Ин. 12, 32-33) (см. также 2 Кор. 1, 5; Рим. 8, 17; Кол. 1, 24; 2 Тим. 2, 12)⁴⁶. Сию победу веры, дорогие друзья мои, и да поможет нам зреть и этим зрением укрепляться к новым победам благодать нашего победоносного Вождя Господа Иисуса Христа!

Не будем дивиться всеобщему оскудению веры и любви: "Сын человеческий, пришед, найдет ли веру на земле?"⁴⁷ — вопрошал Господь 2000 лет тому назад, и Он же тогда предсказал, что "по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь" (Мф. 24, 12).

Не будем удивляться, видя забвение и пренебрежение "образом здравого учения", ибо в первые дни христианства Дух Святой изрек устами великого Апостола языков, что "будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух" (2 Тим. 4, 3-4).

⁴²Выражение И. В. Киреевского (прим. М. Новоселова).

Не будем тревожиться тем, что Церковь Христова из "господствующей" стала гонимой: по Апостолу, огнем испытывается золото, огненными искушениями — наследие Христово (1 Петр. 1, 6-7); или "Делатель и Зиждитель... чистительную же лопату рукою прием, всемирное гумно всеумудре разлучает, неплодие паля, благоплодным вечный живот дарует"⁴⁸; испытаниями очищается и сохраняется "остаток", представленный к вечной жизни (Деян. 13, 48). И потому не будем искать поддержки со стороны мирской власти, ибо не покровительством государства тверда была Церковь: это покровительство часто обессиливало ее, лишало внутренней мощи, в ней живущей, и искажало подлинный лик ее. Не будем падать духом от умаления числа чад Истинной Церкви, ибо не во множестве их, "имевших вид благочестия, силы же его отрехшихся" (2 Тим. 3, 5), обретала Церковь силу свою, — обилие таких не умножало крепости ее: сила и краса Невесты Христовой — в возлюбленном Женихе ее и "избранных" Им "друзьях Его".

Вложим в сердца наши слово Господа: "Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство" (Лк. 12, 32), и другое слово Его, обращенное к Ангелу церкви Филадельфийской: "Ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрелся имени Моего... И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохранию тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле" (Откр. 3, 8, 10).

Не будем смущаться и неверностью множества пастырей и архипастырей, как явлением неожиданным: это не новость для Церкви Божией, нравственные потрясения которой, исходившие всегда от иерархии, а не от верующего народа, бывали так часты и сильны, что дали повод к поучительной остроте: "если епископы не одолели Церкви, то врата адовы не одолеют ее".

Не будем недоумевать и пред тем, что часто простецы иноки и рядовые миряне больше архипастырей обнаруживают не только ревности о деле Божиим, но и разума духовного: и раньше "уши народа оказывались, — по словам св. Илария Пиктавийского⁴⁹, — святее сердец иерархов". Не одними иерархами утверждалась и утверждается крепость Церкви Божией, не ими и не учеными богословами хранится святое достояние ее — Дух Истины, почивший на славных первенцах ее: переноса из века в век свое небесное сокровище, Церковь Христова блюдет его при посредстве тех, имена коих написаны в книге жизни, а не в став-

леннических грамотах и ученых дипломах, ибо подлинное самосознание церковное движется не по пути иерархичности и учености, а по руслу святости.

Итак, не будем дивиться всему вышесказанному и многому другому, совершающемуся на наших глазах, ибо все сие предуказано, и не раз, Духом Святым; и не будем унывать, взирая на потопляющую будто "дом Божий" "тайну беззакония", ибо "деется" она "пред взорами Бога", пекущегося о Церкви Своей и людях Своих несравненно больше, чем печется мать об единственном чаде своем.

Вот в это попечение, милые друзья мои, мы должны верить всем сердцем и всем разумением нашим. А вера в Промышление Божие о Церкви связана неразрывно с правой верой в самую Церковь, Господом Иисусом Христом возглавляемую и руководимую, Духом Истины исполняемую и животворимую, Богом Отцем очищаемую и возращаемую⁵⁰ и всей Святой Троицей к последней цели бытия направляемую.

Об этой правой вере в Церковь мы побеседуем, если Господь благословит, в следующий раз, а теперь прошу не сетовать на меня за крайнее многословие, обнаруженное в настоящем письме: простите, — короче не сумел сказать.

В молитвах не забывайте любящего вас брата о Господе...

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

"Я есмь путь и истина и жизнь" (Ин. 14, 6).

"Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину... Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16, 13-14).

"Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его... и поставил Его (Иисуса Христа)... главою Церкви" (Еф. 1, 17, 22).

"Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15).

"Верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь".

Вот мысли, на которых я хотел бы остановить ваше внимание, друзья мои. Вдумайтесь в них сами, выясните себе связь между ними и сделайте соответствующий вывод. А я поведу с вами беседу издалека, и даже не сам буду беседовать с вами, а познакомлю вас с одним интересным человеком, который расскажет вам о себе поучительную историю и выведет из нее душеполезное заключение.

Человек этот, Юрий Александрович Колемин, был секретарем нашего посольства в Мадриде, а затем состоял секретарем канцелярии министра иностранных дел. В бытность свою в Мадриде он содействовал обращению к Православию из католического раскола начальника отделения генерального штаба в Испанской королевской армии Викентия Гарсия Рюи-Переса.

Интересны подробности совместных богословских занятий Ю. А. Колемина и его ученика. Вместе они проштуривали литургии святых Василия Великого и Иоанна Златоуста, катехизис и сочинения о. Владимира Геттэ¹, сочинения А. С. Хомякова, специально для Викентия переведенные на испанский язык Ю. А. Колеминым, православный молитвослов и многое другое. По возвращении в Россию г. Колемин выпустил крупное (свыше 300 стр.) сочинение под заглавием: "Римский Духовный Цезаризм перед лицом Соборной Православной Церкви" (СПб., 1913 г.).

Но прежде чем вступать в полемику с врагами Православия и чад заблуждения содслывать чадами единой истинной Церкви, Ю. А. должен был сам выдержать нелег-

кую брань с представителями инославия, чуть было не уловившими его в свои искусно расставленные сети. Избыв страшную опасность быть увлеченным в еретический раскол, Ю. А. предостерегает относительно этой опасности своих православных сородичей и дает им оружие на случай борьбы с духовными недругами.

Вот что он говорит:

"Знаете ли вы, какое мучительное посрамление ожидает громадное большинство из нас, православных, когда наталкиваемся на представителей западной инославной дисциплины, веками выработавшей из своего мирозерцания страшное для маловерных наступательное оружие?.. Отступничество многих наших интеллигентов от родного Православия в сторону Рима является прискорбным фактом... Позвольте мне показать вам на примере, взятом из жизни, как совершается это отступничество среди нас, то отступничество совершенно особого свойства, вина за которое падает на всех нас, в котором он, отступник, является зовущим, а мы — не отвергающими, он, отступник просящим, а мы — не дающими. Я вам покажу на примере, взятом из жизни, каким образом наша восточная туманность, несмотря на все широкие порывы к субъективному блаженству, побеждается логическою точностью западного объективизма... и вы поймете тот соблазн, жертвами которого делаются наши интеллигенты, жертвою которого некогда чуть не сделался и ваш покорный слуга, говорящий с вами о том, что сам испытал. Так вот слушайте и любуйтесь следующим, повторяю, взятым из жизни, разговором!

Непогрешимый авторитет в католичестве	К православному человеку подходит иезуит. Я не стану утруждать внимания вашего приведением всего того, что было сказано между ними раньше. Прямо подхожу к примеру. Вот подлинный разговор:
--	---

— Имеется ли у вас в православной Церкви авторитет, хранящий веру вашу в чистоте с апостольских времен? — спрашивает иезуит.

— Имеется, — отвечает православный.

— Кто он такой, этот ваш авторитет?

¹Заемствую рассуждения Ю. А. Колемина из его брошюры "Авторитет в вопросах веры". В статье сделаны небольшие сокращения: выпущены места, не имеющие прямого отношения к основной теме. Оригинал также принадлежит мне (прим. М. Новоселова).

— Наша православная духовная власть.

— Скажите мне: признаете ли вы, что ваша духовная власть гарантирована от всякого заблуждения?

Православный человек немного смущен этим вопросом, что дает иезуиту повод к следующему объяснению:

— Не смущайтесь моим любопытством! Я спрашиваю потому, что вы мне ведь только что говорили, что ваша духовная власть хранит вашу веру в чистоте со времен апостолов. Так как ваша духовная власть, т. е. Российский Правительствующий Синод, существует не с апостольских времен, а только со времен Петра Великого, и так как мы нигде не находим никакого обещания, данного Российскому Синоду, в смысле гарантии его от всякого заблуждения, то я и хотел именно знать, на чем вы основываетесь, когда вы Синоду приписываете какой-нибудь авторитет в вопросах веры?

— Да я ему такого авторитета не придавал, — говорит православный.

— Позвольте, ведь вы мне только что говорили, что для вас авторитет в вопросах веры — это ваша подлежащая духовная власть. Разве Российский Синод не является вашей подлежащей духовной властью?

— Ну да, является-то является, только я не говорил, чтобы он являлся той властью, которая получила бы обещание по текстам Священного Писания.

— Если он не получил обещаний, тогда откуда же вы берете, что он не может ошибаться?

— Да я не говорил, что он не может ошибаться.

— Так что может ошибаться?

— Ну да, может, конечно, — с недовольством отвечает православный, припертый к стене.

— С какой же стати, — продолжает с тонкою улыбкой иезуит, — вы тогда признаете его авторитетом? Ведь авторитет предполагает необходимость подчинения. Но вы ведь сознаетесь, что он может ошибаться. С какой же стати подчиняться вам в вопросах абсолютной истины такому авторитету, который может ошибаться?

Православный чувствует, что что-то неладно, и говорит:

— Да нет. Российский Синод — это, конечно, наша подлежащая духовная власть, но только русская наша власть, поместной русской православной церкви. Поэтому она является только как бы подчиненною властью, а не той, которая имеет обещания и которая никогда заблуждаться не может.

— Ага! Будьте добры, скажите мне, какая же тогда эта ваша высшая власть, которая, по-вашему, имеет эти обещания и которая именно и является тем авторитетом, который хранит вашу веру в чистоте с апостольских времен? Может быть, Константинопольский Патриарх?

Православный молчит. Но иезуит продолжает:

— Не он, значит. Может быть, какой-нибудь другой Патриарх? Или вообще, может быть, каждый православный иерарх? Конечно, нет! Ведь бывали и иерархи еретики. Так, может быть, какой-нибудь синод, если не Российский, то какой-нибудь другой православной церкви? Тоже нет? Ну кто же тогда?

— Да никто... — с недоумением отвечает православный.

— Никто?! Так что у вас каждый православный, ну вот вы сами, например, гарантированы от всякого заблуждения?

— Да нет же.

— Тоже нет? Так что у вас решительно никто, как бы высоко он ни стоял, не гарантирован от заблуждения и не имеет поэтому никакого разумного основания считать себя тою авторитетною подлежащею духовною властью, которая имела бы право на ваше доверие и подчинение в вопросах веры! Одним словом, когда вы мне давеча говорили, что у вас такая подлежащая духовная власть имеется, вы ошибались. И так как вы сами говорили, что ваша вера остается незапятнанною благодаря именно присутствию этого вашего вероисповедного авторитета, то отсюда следует, как дважды два четыре, что вследствие отсутствия такой необходимой власти вы обязательно блуждаете во тьме.

Но православный не сдаётся ещё и отвечает:

— Нет. Такая власть обязательно у нас имеется. Только ни одна из наших поместных духовных властей не является этой высшею над всеми властью.

— Хорошо, — продолжает иезуит. — Вы исключили непогрешимый вероисповедный авторитет всех ваших епархиальных поместных духовных начальств, архиереев, синодов и патриархов. Кто же, благоволите все-таки мне ответить, кто же она тогда, эта ваша высшая власть, хранящая залог Христовой веры у вас в неприкосновенности? Кто он тогда, этот ваш непогрешимый авторитет? Вы ведь не посмеете теперь сказать, что это — ваше священство, то есть те же архиереи, синоды и патриархи, насчет которых вы изволили согласиться, что они могут ошибаться. Ведь

авторитет в вопросах абсолютной истины и одновременная возможность заблуждения — это, изволите ли видеть, только чепуха.

Православный недоумевает. Но он все же находится — и говорит:

— Ну да, я на самом деле выразился не вполне точно. Знаете, мы вообще с точностью не очень-то ладим. Когда вы меня спросили, кто у нас хранит залог православной веры, я немножко скороспешно ответил вам, что подлежащая духовная власть. Но это верно только отчасти. Потому что веру нашу хранит, конечно, тоже каждая духовная власть, но не в отдельности. Хранительницей веры нашей является, собственно говоря, сама Церковь.

— Православная Церковь? Церковь? Кто? Что такое? Церковь? Что такое Церковь?

Православный человек вспоминает единственный ответ своего катихизиса на такой неожиданный вопрос и говорит:

— Общество верующих, соединенных православною верою, священноначалием и таинствами².

— А вы сами, — продолжает иезуит, — имеете православную веру?

— Имею, по милости Божией.

— Священноначалие признаете?

— Признаю.

— В таинствах участвуете?

— Участвую.

— Ошибаться можете?

— Могу.

— Органом церковной непогрешимости не являетесь?

— Боже спаси!

— И все вы, от первого до последнего, находитесь в том же положении?

— Все мы находимся в том же положении.

— Так что в этой вашей Церкви, о которой вы мне говорите, что она является хранительницей вашей веры, никакого решительно органа ее непогрешимого авторитета нигде не имеется?

Опять недоумение православного. Но, спохватившись, он возражает:

— Простите, у нас такой орган имеется. Именуется же он "Вселенским Собором".

— Вселенский Собор? Где же он у вас находится?

— Да нигде... он собирался, когда это являлось необходимым.

— Когда это являлось необходимым! Следует думать, что эта необходимость, на которую вы ссылаетесь, была именно необходимость сохранения веры в чистоте?

— Конечно.

— Так что с девятого века у вас в такой вероохранительной деятельности, полагаем, надобности не было, так как ведь вселенские соборы с тех пор у вас больше не собирались⁴. Неужели у вас за целых 1000 лет не возникало никогда и нигде на Востоке никаких заблуждений?

Новое недоумение православного. Но иезуит продолжает спрашивать и говорит так:

— Хорошо. Положим, что у вас за целые тысячи лет действительно не было уже надобности в проявлении вашего непогрешимого церковного авторитета. Положим, с очевидною натяжкой, что это так. Но скажите мне: ручаетесь ли вы, что такая необходимость уже веками больше не представится?

— Нет. Откуда же мне знать! Но когда представится необходимость, тогда, полагаю, и соберется Собор.

— Собор! Погрешимый или непогрешимый?

— Ну да, тот, о котором идет речь.

— То есть непогрешимый, не так ли, потому что мы ведь говорим о вашей непогрешимой власти, на которую вы изволите ссылаться?

— Ну да.

— Речь, стало быть, идет о Соборе вселенском, а не о поместном, не так ли, потому что вы признаете качество непогрешимости только за первым?

— Конечно, так.

— Хорошо. Стало быть, тогда соберется вселенский Собор. Мы, конечно, видим вашу немощь, которая не позволяет вам добиться не то что вселенского, но даже несчастного вашего русского поместного Собора⁵. Но предположим, хотя бы ради упражнения, что это так. Вот вы, действительно, устроили непогрешимый, т. е. вселенский, Собор. Что же он из себя представляет, этот ваш непогрешимый Собор, и каковым именно он должен явиться по составу своему, чтобы претендовать на непогрешимость своих вероопределений?

— На нем присутствуют верующие, с пастырями во главе, от всех стран, — отвечает православный.

— Да какие именно? — спрашивает иезуит, — ведь полный Собор всех православных людей, живущих на земном шаре, является фактически невозможным; никогда такой Собор не собирался, да и не соберется когда бы то

ни было. Так что вы, пожалуйста, не увертывайтесь, а покажите нам орган вашего непогрешимого церковного учительства и скажите мне, каков именно точный его состав.

— Ну, на нем там присутствуют верующие, иерархи там с духовенством да с мирянами, — лепечет православный.

— Так что всякое собрание иерархов с духовенством да с мирянами есть вселенский Собор?

— Да нет, он отличается известными признаками.

— Да какими?

— Да на нем присутствуют представительства от всех церквей.

— Позвольте! ни на одном из всех ваших семи вселенских Соборов не было налицо этого признака. На втором вселенском Соборе всего присутствовало даже только 150, к тому же исключительно восточных, епископов⁶. Да кроме того, это даже практически совсем не выполнимо. Как же на вселенском Соборе будут присутствовать все иерархи, все духовенство и все миряне, хотя бы даже только в лице их законных представителей! Это ведь предполагает такое социальное устройство, такую дисциплину, такие бесспорные формы законного представительства во всех решительно государствах, церквях и народах, каких не было не только во времена ваших семи вселенских Соборов, но нет и сегодня, да вряд ли и будет когда-либо. Так что все это якобы непогрешимое учительство ваше является не чем иным, как жалкою фикцией, которою вы прикрываете ваше церковное банкротство. Ибо это значит ни что иное как то, что у вас *н е т* уже того необходимого, бесспорного, непогрешимого учительства веры, на которое вы давеча ссылались, когда вы мне говорили, что православная Церковь веру свою хранит в незапятнанной чистоте.

Видите ли, как вы находитесь в противоречии с собою, с вашей теориею православной незапятнанности! Видите ли, что с вами стало с тех пор, как вы отвернулись от того единого, ясного, всегда точного и всегда действительного критерия непогрешимости, который основывается на апостольском престоле святого Петра!.. — Церковь — не фикция. Она действует.

Ваша же церковь мертвою лежит, до такой степени мертвою, что собственное ее непогрешимое учительство бездействует уже 1000 лет, если вообще допустить, что оно могло бы существовать... в чем вы сами сомневаетесь, ибо не ведаете даже его определительных признаков, с тех пор,

как вы отбросили единый истинный критерий. Этот единый истинный критерий имеется в утверждении Соборных решений преемником Петра.

Протестанты, заблуждающиеся по другим соображениям, отличаются от вас только тем, что они имели смелость и последовательность дойти до последних выводов из того же самого положения, которое является основанием и вашего отступничества. Вы же, собственно говоря, верующие христиане, а потому и в страхе остановились на полдороге, вращаясь теперь беспомощно в сфере вашей собственной непоследовательности и ваших церковных фикций, для того чтобы не открывать ваших глаз и чтобы не лишиться душевного спокойствия при виде собственного безумия. Потому всяких логических изысканий вы и боитесь... ибо имеете для этого основание...

Велико недоумение православного. Но беда теперь не в этом, а в том, что из этого тупика выхода никакого нет. Иезуит предъясняет абсолютно точную, логически неопровержимую систему, и сколько бы ни старался наш православный христианин, он из этого своего сомнения никакого логически правильного выхода не найдет, потому что выхода этого *на самом деле* не существует. В этом состоянии внутренней неудовлетворенности его и оставляет иезуит, чтобы приступить к нему потом, когда дело уже достаточно подготовлено, и когда то семя, которое он бросил в душу своей намеченной жертве, успело пустить уже достаточно глубокие корни, чтобы лишить его душевного спокойствия. Тогда он и подходит. Начинаются беседы о Петре, об обещаниях Спасителя, о евангельских текстах, касающихся святого Петра. Попутно речь идет и о неустойчивости церковном на Руси, которым сильно недоволен наш православный христианин, как и многие другие русские, каковое недовольство приходится для иезуита очень кстати. Блестящая его логическая аргументация окончательно сбивает православного собеседника. Ему показывают картину вышлифованного до последних мелочей строения безукоризненной логики; зовущий его призрак, под сладким ликом Христа, открывает ему свои объятия, и он не устоял... он бросается туда... отступничество совершилось!..

Господа, эта картина нарисована с натуры.*

* Попад в крайне затруднительное положение, прижатый к стене иезуитом, Ю. А. Колемин обратился за духовной помощью к одному православному священнику, служившему при русской православной церк-

На одном только примере мы показали опасность, но думаете ли вы, что этот пример не является типичным? Думаете ли вы, что много найдется православных, даже ученых, которые в приведенной беседе с иезуитом не попали бы впросак? Так, именно так совершается отпадение православных душ от родной Церкви в сторону Рима, на что нередко, особенно за последнее время, жалуются наши пастыри. И с этим надо покончить. Надлежит снабдить православного человека⁷ необходимым оружием и дать ему в нескольких словах одно сжатое, категорическое, громадного значения правило, одно правило, благодаря которому мы больше не станем принимать той ложной точки отправления, которая является постоянною причиною наших поражений.

Вот оно, это правило, вот где лежала ошибка: мы, не правда ли, соглашались с иезуитом насчет того, что в нашей Церкви существует авторитет в вопросах веры. Нет! В Церкви Христовой нет того кощунственного, богохульного, противохристианского и безнравственного начала, что называется авторитетом в вопросах совести и веры.

Непогрешимость Церкви в Православии

Вся она, Христова Церковь, является непогрешимой. Она сама берет только то, что согласуется со Христом по союзу взаимной любви⁸ всех христиан между собою. Она сама, в цельности своей, исполняет одно непрерывное учительство... И ею руководит высший Разум, Сам Дух Святой, защищающий ее от всякой заразы, против которой никто из нас в отдельности не гарантируется, против которой не гарантирует даже Собор.

Потому что непогрешимость вовсе не принадлежит Собору, а всей Церкви Христовой, свидетельствующей о себе на Соборе. Каждый же из нас имеет истину лишь в меру своего участия в Церкви. Это же участие дается по мере уничтожения собственной себялюбивой разрозненности, растворением себя в совершенстве Церкви, посредством смиренной любви, ставящей согласие с телом цер-

⁷ Последний посоветовал ему прочесть историю Церкви, а главное — 2-й том сочинений А. С. Хомякова. Давая его Ю. А., священник сказал: "Вы там найдете одно маленькое сочинение под названием "Катехизическое изложение учения о Церкви" и три полемических статьи. Прочтите внимательно!" — Этим, — замечает Ю. А., — добрый пастырь тогда спас поколебленную в вере православную душу (прим. М. Новоселова).

⁸ См. Кол. 2, 2-3 (прим. М. Новоселова).

ковным выше собственного мнения, что именно и есть радикальное отрицание авторитета. Одно лишь помышление о приписании себе такого авторитета кем бы то ни было над совестью и верою других (заметьте, мы все время говорим о вере и совести, т. е. о мире бесконечном, а не о земном конечном мире, который один лишь является надлежащею почвою для всякого авторитета) является поэтому радикальным отказом от Церкви Христовой, пропастью отрицания и себялюбия...⁹ В вопросах совести и веры любовь и авторитет суть два противоположных, исключających друг друга в Церкви, понятия. Между этими двумя началами невозможны никакие компромиссы.

Авторитет в правовом значении

Этот вывод относится к тому именно авторитету, что под этим юридическим термином обыкновенно подразумевается. Авторитет, согласно рассуждениям нашим с иезуитом в показанном выше примере, авторитет в обыкновенном своем правовом значении — это такая власть, такая высшая инстанция, скажем, судебного, чья ли, характера, определения которой считаются суверенными, не подлежащими дальнейшему оспариванию, содержащими в себе, по голому материальному факту провозглашения их именно этим учреждением, всю непреложную и неопровержимую истину, доступную для нас в том круге понятий, в котором хозяйничает эта авторитетная власть. Если этот круг понятий, следовательно, составляется из вопросов абсолютной истины, то, значит, абсолютную истину считают определения именно этой власти. В этой структуре, следовательно, целое зависит от части; оно, целое, должно подчиняться этой части своей, какие бы ни были его собственные мнения. Вот такой-то именно власти Христос Спаситель никому из нас в вопросах бесконечного мира не давал.

⁹ Поэтому наша православная вера не на авторитете зиждется, а на смирении и любви. Без смиренной любви нельзя участвовать в Церкви Соборной, ибо без любви нельзя даже верить в нее... Церковь же Соборная есть объект веры нашей. Мы говорим не так: "верую, т. е. верую Церкви, т. е. верую в то, что Церковь говорит". Нет. Мы говорим: "верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь"... в нее, в самое ее собственное существование мы веруем, потому что оно разумом нашим не постигается, а является откровением Божественного Разума на земле. И в этом Разуме (Он же Дух Святой, Дух Истины) мы участвуем только посредством любви (изливаемой в сердца живых членов Церкви Духом Святым — Рим. 5, 5). Поэтому без любви нельзя верить, нельзя познать никаких истин, ни, тем паче, о неспознанных истинах свидетельствовать авторитетно (прим. М. Новоселова).

В вопросах бесконечного мира не целое зависит от части, а всякая часть от целого. В вопросах бесконечного мира исчезает всякий человеческий авторитет, потому что человеческий авторитет, то есть зависимость целого от части, имеет свою природную почву лишь в мире конечном, то есть, например, во всех чисто земных коллективных организмах, например, в государстве, а в Церкви Христовой только в тех ее функциях, которые именно и относятся к ее организации на земле, то есть, например, в вопросах управления и дисциплины. В мире же бесконечном, к которому со времен Спасителя именно и относится совесть человеческая, там царствует только Он один, великий Первосвященник по чину Мелхиседека¹⁰, Который Своею кровью возвел нашу совесть и нашу веру, освободив их навсегда от всяких человеческих уз, в Свое Божественное бесконечное Царство. Этот великий Первосвященник, о Котором говорит св. Кирилл Иерусалимский: "Христос Первосвященник, имеющий священство беспрерывное и не имеющий никакого другого преемника Своего первосвященства",¹¹ — Он один царствует в Церкви Своей в вопросах совести и веры.

Установлением авторитета в этой области человек отказывается от Христа, чтобы сесть на Его место. Вот этот-то именно авторитет в вопросах совести и веры, он радикально противоречит самому христианству...

**Авторитет
нравственный**

Если же мы под словом "авторитет" подразумеваем, как то иногда бывает, известное чисто фактическое, чисто нравственное значение, благоприобретенное каким-нибудь лицом на пути христианских подвигов и мудрости, т. е. на пути сыновнего отношения к Церкви, а не наоборот, — повторяем, на пути сыновнего послушания Святой Церкви, а не посредством власти над ней, — если мы так определим авторитет, то он, конечно, имеется в Церкви Христовой, источнике всякой мудрости, больше, чем где бы то ни было. Является же он тогда только вопросом факта, а отнюдь не вопросом права.

Но эта мудрость, это ведение никому не дается полностью и никому не дается лично, потому что лично мы ничего собственного, своего, не имеем, кроме греха. Дается ведение только по мере участия в Церкви, потому что ведение само принадлежит только ей одной, Церкви Христовой, получившей с самого начала все в полноте.

И если бы на это наш иезуит в приведенном примере ответил бы вопросом: "Да каким же образом вы можете

разузнать, участвует ли кто в Церкви, и правду ли он вам говорит, когда вы к нему обращаетесь, чтобы удостовериться в истине тех религиозных суждений, которые занимают вашу совесть?" — то мы ему на это отвечаем: "Мы это всегда можем знать точно и подлинно, но не по мере нашего мозгового разума, который воспринимал бы от юридического авторитета диалектические вероопределения, а по мере нашей сердечной веры и нашей сердечной любви. Молитесь! и сами имейте веру и любовь, тогда и учения неправильного не примете от самозванного учителя! Никакой другой гарантии не требуется".

**Причастность Церкви —
условие причастности
Истине**

Церковь Христова является по сущности своей союзом взаимной любви, и непогрешимость, повторяем точнее, и принадлежит одному только

союзу взаимной любви (Кол. 2, 2-3). И это прямо значит, что познание истины отнимается у всякого, который себя из этого союза исключает, т. е. ставит себя выше его, навязывая свое мнение, на основании собственного своего авторитета, всем другим. Познание истины отнимается у всякого, который совершает такое святотатство. Если его совершает одно отдельное лицо, тогда познание истины отнимается у этого лица, и если его совершает собрание лиц, тогда познание истины отнимается у этого собрания, каким бы титулом себя собрание это ни украшало, хотя бы и титулом Вселенского Собора. Потому что истинный Вселенский Собор — это такое собрание, которое свидетельствует о вере не от себя, а от Церкви. Ибо в Церкви Христовой, повторяем, никто не имеет никакой благодати собственной веры или собственного ведения, данного ему лично или полностью, а лишь по мере участия в Церкви. И не Собор важен, а важна соборность, которая проявляется всячески, на Соборе ли, или не на Соборе. И по тому, что Церковь в определенные исторические периоды созывает Соборы, или по тому, что она их не созывает, отнюдь нельзя заключить, что в таком-то периоде существует непогрешимое учительство, а в таком-то периоде не существует.

Это просто значит, что в таком-то периоде обстоятельства требовали, чтобы учительство проявляло себя таким образом, в другом же периоде обстоятельства этого именно способа проявления не требовали. От этого ни собор-

* Иначе: непогрешимое учительство (прим. М. Новоселова).

ность, ни учительство ничуть не изменяются в своем благодатном и непрерывном существовании.

Сказали мы, что не Собор важен, а важна соборность! Что такое соборность?

**Основы соборности,
иначе —
непогрешимости**

По православному, католическому, христианскому учению соборность действует в той взаимной любви, которая связывает все множество отдельных членов Церкви. Святой апостол Павел говорит, что сердца христиан соединены в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2, 2-3).

Так что по учению святого Апостола, по учению Церкви, эта взаимная любовь, л ю б о в ь, а не что-либо иное, является для нас гарантией познания Христовых истин. И эта взаимная любовь, познающая тайны Божественной премудрости, выражается в согласии христиан между собою.

Это согласие является действием Духа, и Дух сей ведет всю земную часть Христовой Церкви, неизвестными для пытливого разума способами, к цели Своего пути. Этот Дух — Сам Дух Святой. И какие бы ни были препятствия, лежащие на этом пути, какие бы ни были злые страсти отдельных членов Церкви, противящихся Христовой благодати и восстающих против этого соборного единения, любовь Христова, действующая в сердцах, иначе — Сам Дух Святой, всегда в конце концов побеждает эти страсти и не допустит никогда, чтобы земное существование Церкви было уничтожено нами. Ибо Христос пребывает с нами по конец дней.

Итак, соборность в Христовой Церкви проявляется в согласии всех членов между собою. Это согласие не приурочивается к какой-либо поместной церкви, к какому-ни-

* При такой логической аргументации один за другим рушатся все вышеприведенные доводы иезуита, и он из нападающего превращается в преследуемого... Стойте твердо только на одном: "В Христовой Церкви нет никакого выше ее самой стоящего авторитета в вопросах совести и веры".

И хранение Христовой Церкви залогом веры, в неизменной чистоте, предполагает именно как *conditio sine qua non* (как необходимое условие) отсутствие этого авторитета, а не присутствие его. Присутствие же такого авторитета имело бы, напротив, основанием то предположение, что Церковь перестала быть хранительницей веры Господней (прим. М. Новоселова).

будь географическому пункту, к какому-нибудь иерарху или собранию иерархов, а связывает всех причастных к Церкви членов и не нуждается ни в каких юридических регламентациях, так как самобытная его сила действует вне постижимых для разума наших правил. Оно просто существует и само определяет все остальные явления церковности, вместо того, чтобы быть определяемым ими. Одно из этих явлений — вселенские соборы.

Что же представляют собою вселенские соборы, и каковы их отличительные признаки?

**Отличительные
признаки
вселенских Соборов**

Не всякое собрание иерархов и верных есть вселенский Собор. Потому что истинным, вселенским, непогрешимым Собором является только такое собрание, в котором имеются налицо два фактора, а именно: один — материальный, и другой — духовный.

Материальный фактор имеется в лицах, участвующих на Соборе, во внешних условиях их совместной работы и в количестве и характере решаемых дел. Духовный же фактор лежит в тождественности соборных свидетельств с верою всего тела Церкви. Вот эта-то самая тождественность именно и есть не что иное, как сама соборность, выражаемая на Соборе. И она, только она определяет собою вселенскость и соборную непогрешимость, заключающиеся всецело в ней*. Ибо соборность, вселенскость, непогрешимость, все это равнозначные термины, определяющие собою только различные виды одного и того же целого, имя коего Дух Святой, руководящий Церковью.

И этот Дух является мерою для всех материальных факторов церковности, а не материальные факторы церковности являются мерою для Духа.

Вот оно коренное, отличительное свойство Православной, Соборной, Апостольской Церкви, разделяющее ее непроходимую пропастью от всех решительно религий, толков и расколов, когда-либо появлявшихся на поверхности времен. Итак, Собор является непогрешимым лишь при наличности этого с в о е г о духовно-определяющего фактора. Потому что вселенская непогрешимость принадлежит, как мы видели, не Собору самому по себе, а всей Церкви Христовой, свидетельствующей о себе на Соборе.

* Т. е. в вышеуказанной тождественности (прим. М. Новоселова).

**Критерий
непогрешимости
данного собора**

его соборности?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно строго различать два тезиса. Первый — тезис церковный; второй — научно-богословский. Оба тезиса гласят неодинаково.

**Критерий
церковный**

Тезис церковный, по которому в Церкви, для Церкви и для всех живых ее членов Церковью самой определяется, применительно к Собору, критерий его соборности, гласит просто-напросто так: *Церковь Христова сама является критерием и мерилом соборности для самой себя.*

Этот тезис никакими силами человеческого ограниченного разума не постигается. Он лежит за пределами не только всякой науки, но за пределами даже всякого логического мышления, и осязается одною только благодатною верою. В нем выражается принцип абсолютной, безграничной свободы, принадлежащей всем чадам Христовой Церкви по мере участия в ней. И так как участие в Церкви дается смиренным отказом от себя в пользу всех других; то отсюда неизбежно следует, что в Христовой Церкви абсолютная личная свобода и абсолютный самоотказ от себя совпадают. Пожертвовавший собою самим находит себя же и личность свою во всеильном выражении.

**Критерий
рациональный**

Но поскольку человек является разумным обитателем мира сего — относительно к тому, принадлежит ли он к Церкви, или нет, — он имеет тоже рациональные опоры, чтобы формально удостоверяться в соборности даваемых Соборами свидетельств. И вот вырабатывается на этот счет другой критерий, рациональный или научно-богословский, являющийся продуктом анализирующего умственного наблюдения. Этот тезис является, в науке и для науки — отнюдь не для Церкви, масштабом проверки соборности Соборов. По этому тезису соборность каждого Собора усматривается только из последующего материального исторического явления: фактического принятия его самого и данных им свидетельств всем телом Церкви, как свидетельств собственных. Так что вопрос этот разрешается на основании факта, а не на основании

Теперь: где лежит критерий наличности этого духовно-определяющего фактора соборной непогрешимости? Короче: где лежит, применительно к какому-нибудь Собору, критерий

права*.

Итак: если все церковное тело фактически принимает состоявшийся Собор, то, значит, Собор и был Вселенским; если его отбрасывает, то, значит, для Церкви он был ничтожен.

Собор сам по себе ничего не значит. Важна только соборность, которая зависит не от какого-нибудь собрания лиц, ни тем паче от одного какого-нибудь лица, а от всей Церкви. Все это доказывается исторически. Вселенское значение какого-нибудь Собора познавалось вовсе не сейчас <же>, а лишь по истечении некоторого времени, необходимого для выяснения этого вопроса.

К о н е ч н о, Церковь сама и все ее живые члены, по мере своего участия в Ней, в рациональном критерии соборности собственных своих Соборов, для себя, вовсе не нуждаются. Но по адресу заблуждения и в смысле рациональной опоры для нуждающихся в таковой Церковь на Соборе рационально же обосновывает свои свидетельства, придерживаясь общедоступного критерия. И поэтому она и ссылается на такие факты, которые воспринимаются разумом всех, даже посторонних.

Вывод из предыдущего Мы считаем теперь необходимым настоятельно указать на один особенный вывод, который точно объясняет собою отношение православия к этому вопросу.

Вывод — вот именно какой: *вера Церкви противится такой-то или такой-то ереси не потому, что эта ересь была осуждена таким-то или таким-то вселенским Собором, а как раз наоборот: такой-то вселенский Собор осудил такую-то ересь потому, что она противится вере Церкви.* Этим положением заграждаются пути для всяких дальнейших полемик, потому что всякие дальнейшие полемик делаются беспредметными.

Заключение Итак, что касается соборной непогрешимости, то она лежит, как мы видели, в тождественности даваемых Собором свидетельств с верою всего церковного тела. Характер этой соборной непогрешимости, т. е. этого непогрешимого

* Малейшее отступление от этого начала, малейший компромисс с какими-нибудь другими предположениями, юридическими или какими бы то ни было иными, является горьким заблуждением, которое, как мы это наглядно показали на примере, выдает себя собственно логическою несостоятельностью до тех самых пор, пока оно не разрешится единым правильным, логическим своим завершением: **п а п с т в о м** (прим. М. Новоселова).

соборного согласия, отнюдь не изменяется от разнообразия тех материальных способов, которыми оно удостоверяется. Конечно, наиболее целесообразный способ удостоверения для посторонних имеется в том материальном съезде известного числа физических лиц, который именуется Собором. Но соборное согласие может также одухотворить какое угодно другое свидетельство, которое является поэтому свидетельством соборным по факту этой тождественности с мнением всего церковного тела. Потому что соборность является единым неизменным духом, свидетельствуя же подлежат закону материального разнообразия внешних форм. Из этого следует, что вселенскость, непогрешимость, соборность имеются везде, в каждом подлинном, тождественном с церковною верою свидетельстве, даваемом по участию в Святой Церкви кем бы то ни было: Собором, великим или малым, или отдельным лицом, хотя бы даже юродивым или ребенком.

И отсюда вытекает церковный тезис полной, абсолютной отрешенности соборного начала от каких бы то ни было формально-юридических правил его проявления. Дух свидетельствует о Себе в Христовой Церкви когда хочет, где хочет и как хочет, потому что не мы являемся мерою для Духа, а Дух является мерою для нас.

Вот православный ответ на вопрос, кто именно в каждом случае является непогрешимым органом Святого Духа в Церкви. Дух Сам Его в каждом случае Себе выбирает. Потому что не орган, по праву своему, преподает себя Духу, а Дух, по милости Своей, преподает Себя органу. Этим раз навсегда устраняются все приемы юридического определения соборности, доступной только вере и любви, а не разуму.

Вот оно, непоколебимое православное учение вселенской Апостольской Церкви.

Вселенская апостольская Церковь — это не церковь русская, или греческая, или какая бы то ни было поместная иная. Ибо ею спасается весь род человеческий, и святится вся земля, Север и Юг, Восток и Запад. Но мы, русские, имеем неизреченное счастье принадлежать к этому великому Целому, коим мы держимся. Этого забывать не следует. Не вселенская Церковь держится нами, а мы, русские, с нашею поместною церковью держимся ею. Не о русской, не о греческой или какой бы то ни было иной поместной церкви сказано, что она пребудет до конца времен, а Вселенская Христова Церковь — бессмертна. Вселенская вера хороша не потому, что она является верою русского народа, а русский народ хорош лишь до тех пор, пока он будет исповедовать вселенскую веру (прим. М. Новоселова).

Я извлек из статьи Ю. А. Колемина все существенное. Может быть, некоторым из вас, друзья мои, иные места покажутся слишком отвлеченными и трудными. Что делать? — надо превозмочь эту трудность. Тема настоящего письма слишком важна, чтобы относиться к ней поверхностно. Она имеет огромное значение не только богословско-догматическое, но и церковно-практическое, и особенно в наше время, время видимой церковной разрухи.

При переживаемых Русской Церковью обстоятельствах, о которых я не буду распространяться, так как они у всех на глазах¹², чрезвычайно важно, даже больше — необходимо осознать и усвоить основную мысль, развиваемую Ю. А. Колеминым, — мысль об отсутствии в Церкви обязательного внешнего авторитета в вопросах веры и совести и о непогрешимости самой Церкви, этого "столпа и утверждения истины". Мы, православные, как паства, так и пастыри, усвоили, к сожалению, ложный взгляд католиков на значение авторитета в сфере Церкви. Наша иерархия привыкла смотреть на себя (и привила этот взгляд пастве) глазами римского католика, видящего в своем первоиерархе непогрешимого судью в области веры. Этот взгляд на себя нашей иерархии очень ярко выражен в Синодном Послании 1913-го года, посвященном рассмотрению вопроса об Имени Божием и обращении ко "всечестным братьям, во иночестве подвижающимся"¹³. Изрекая строгий, беспелляционный приговор афонитам-имяславцам¹⁴, Синод исходил из сознания иерархической непогрешимости. Вот что читаем мы в этом Послании:

"Теперь, когда высказались и Константинопольская и Российская церковная власть, их (имяславцев) дальнейшее настаивание на своем будет уже противоборством истине"¹⁵.

Оставляя сейчас в стороне вопрос о том, которая из споривших сторон была права *по существу*, я обращаю ваше внимание лишь на ясно выраженное в вышеприведенных словах Послания убеждение Синода в непогрешимом авторитете иерархии.

Следующее, а, может быть, и два следующих письма я предполагаю посвятить тому же вопросу об авторитете в Церкви и иллюстрировать довольно отвлеченно развиваемую Ю. А. Колеминым тему историческими примерами, а сейчас укажу в немногих словах практический вред от усвоения ложного воззрения на иерархию как на хранительницу и возвестительницу безусловной истины или, иначе, как на непогрешимый авторитет. Из этого ложного взгляда

да вытекают два противоположных и одинаково неправильных по существу вывода.

Если церковная власть изрекает суждение, не согласное с религиозным сознанием паствы или некоторой части ее, то последняя вынуждается: или, жертвуя собственным разумением истины, принять решение иерархов (как это сделал, например, в Афонском споре о. Алексий затворник, отказавшись, из послушания Синоду, от своего первоначального взгляда на имяславие), или, в силу своего религиозного сознания, отвернуться от Церкви, "непогрешимый орган" которой не оправдал притязаний на безошибочность своих суждений.

За последнее время нередко приходится слышать голоса скорбного недоумения по поводу того обстоятельства, что наша иерархия запуталась в вопросе о стиле¹⁶, а равно и в способах разрешения живоцерковного вопроса¹⁷, — в то время как верующий народ обнаружил больше и ясности взгляда и стойкости убеждения. Проскальзывает, а иногда открыто высказывается мысль, что "церковь заблудилась".

Это нелепое и во многих отношениях крайне вредное отождествление иерархии с Церковью — обычное, к сожалению, явление в нашем обществе, и верующем, и неверующем. На этом нелепом, повторяю, отождествлении Лев Толстой в свое время построил свою злостную критику Церкви¹⁸, а его яростный противник, зосимовский старец Алексий¹⁹, отрекся от собственных убеждений, боясь непослушанием церковной власти нарушить свой союз с Церковью.

Если вы, мои дорогие, вчитаетесь в рассуждения Ю. А. Колемина, то, надеюсь, не будете искушаться недоумениями и впадать в безнадежное уныние ни по поводу измены Православию многих десятков живоцерковных архиереев и сотен иереев, ни из-за духовной неустойчивости канонически законных иерархов. Отщепляясь в разной мере сами от "столпа и утверждения истины" и соблазняя этим "малых сих"²⁰, "стражи Израилевы"²¹ несколько не задевают Церковь как хранительницу Истины Христовой. Вдумайтесь в сказанное Ю. А. Колеминым и просмотрите из моих писем 2-е, 5-е и конец 10-го: там вы найдете достаточную, надеюсь, охрану от неправильных и наводящих уныние умозаключений относительно Церкви. Но разумная и твердая вера в Церковь не исключает, конечно, спасительного беспокойства за братьев по вере, соблазненных теми, кто по своему сану призван утверждать в вере. Эта братская тревога подскажет нам и наши обязанности

относительно искушаемых, кои суть уды того же Тела, к которому принадлежим и мы.

Мир вам, возлюбленные! Не откажите в молитвах брату вашему о Господе и о единой, святой, соборной, апостольской Церкви.

1924 г. 29 февраля, день
преп. Иоанна Кассиана

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Пасха Христова, 1924 г.

Христос Воскресе!

С светлым Праздником поздравляю вас, дорогие друзья мои. Непредвиденные обстоятельства долго отвлекали меня от беседы с вами: прошло ровно полтора месяца со времени последнего моего письма к вам, в котором шла речь об авторитете в вопросах веры, иначе — о критерии истины в Церкви.

Настоящее письмо, являясь прямым продолжением и дополнением предыдущего, будет заключать в себе, с одной стороны, суждения на ту же тему некоторых небезизвестных вам лиц, с другой, церковно-исторические иллюстрации к этим суждениям, как и к суждениям Ю. А. Колемина, изложенным в предшествующей беседе.

Прежде всего предлагаю вашему вниманию замечательное письмо Ю. Ф. Самарина к баронессе Раден. Несмотря на свою краткость, оно представляется чрезвычайно ценным в смысле уяснения занимающего нас вопроса. Привожу его почти целиком.

"В вашем последнем письме, — писал Юрий Федорович своей корреспондентке, — есть место, на котором я хотел бы остановить ваше внимание: "Думаете ли вы, что Хомяков, сын и поборник Церкви *видимой и непогрешимой*, мог бы и т. д."

Предлагаю вам не опровержение, но анализ двух подчеркнутых выражений. Знаете ли вы, почему вы их отвергаете, как противоположность вашему исповеданию веры? Это потому, что вы и все протестанты устанавливаете между ними такое отношение, какого на самом деле не существует. Ничто из *видимого* в Церкви не есть *непогрешимое* само по себе <...> и ничто *непогрешимое* в Церкви не различается *видимым* образом.

Для большей ясности попробую выразить это иначе: то, что по справедливости возмущает ваши инстинкты христианской свободы, — это какой бы то ни было *внешний* знак, как пребывающее указание, связанное со всяким проявлением непогрешимости, или как критерий истины. У вас есть чувство (и в этом, на мой взгляд, великая заслуга протестантства), что всякий внешний знак можно отобрать и извратить в пользу заблуждения.

Совесть ваша говорит вам, что Господь требует от нас не только большего, но *совсем иного*, нежели акт внешнего принятия или подчинения известному знамени, вождю, собранию, даже книге. Еще раз, — в этом вы правы и принадлежите к Церкви, сами того не зная.

Помимо знака, с которым ее предполагают связанную, что такое непогрешимость? Это внутреннее чувство истины, всегда тождественное с собою, как сила, пребывающая в состоянии скрытом или деятельном. Отрицать эту силу значило бы признать, что врата адовы могли бы одолеть Церковь Божию¹, или, другими словами, это значило бы предать на произвол случая будущность христианского человечества.

Слово "деятельное" предполагает способность проявляться каким-либо образом, и я сомневаюсь, чтобы в этом смысле она могла стеснять свободу. Слова Писания: "Дух Божий дышит, где хочет"² — не означают, чтобы Он сам существовал только под условием не проявляться; они не означают также, что всякий предмет, подлежащий чувствам, есть в одинаковой степени прямое проявление Духа; они означают, напротив, что Дух проявляется, и что Он это делает со всею свободой, — или, другими словами, что всякая форма, всякое действие, всякое слово может по Его избранию служить Ему орудием. Почему же, — возвращаясь к Церкви, — предположим мы, что она не может быть иною, как невидимую, т. е. лишенную способности проявляться, или же, напротив, привязанною в применении этой способности к *одной* осязательной и видимой форме с исключением всякой другой?

Между тем вопрос всегда сводится именно к этим двум терминам: Церковь как отвлеченность или Церковь как авторитет, распознаваемый по внешнему знаку. Признаете же вы, однако, *одно* произведение Церкви, как нравственного существа, всегда тождественного с собою, или, другими словами, непогрешимого — одно единственное, именно известный изборник летописей, проповедей, стихотворений и посланий, которому вы даете название Писания. Почему же одно это проявление с исключением всякого другого? Почему автор Писания, который не есть ни Моисей, ни св. Лука, ни св. Павел³, а Церковь⁴(?), потерял бы слово, как только книга окончена?

¹Ю. Ф. хочет сказать, что приняв в свой канон и санкционировав своим авторитетом то или иное писание, Церковь является, в известном смысле, как бы автором данного произведения (прим. М. Новоселова).

Я не настаиваю на этой стороне вопроса, которую считаю достаточно выясненной, но я должен объяснить вам причины, заставляющие меня отвергать внешний знак во имя Церкви... Предполагают вообще, что между латинскою церковью и нашею разногласие здесь состоит в том, что одна принимает за орган божественного вдохновения (?) особу преемника св. Петра, тогда как другая приписывает ту же силу совокупности епископов, соединенных во вселенский собор. Таким образом, с обеих сторон было бы признание внешнего знака в принципе и разногласие лишь относительно факта.

Признаюсь, что я сам долгое время держался этого учения, но по зрелом размышлении оставил его. Что меня сначала поразило, это то, что на этой почве мы всегда были побиваемы папистами. Если только допустить этот принцип, — они одни последовательны, предлагая в качестве знака определенную *личность*, видимый характер которой бесспорен.

Приглядываясь ближе, я заметил, что никогда Церковь не усвоила заранее никакому собору характера вселенскости. Никогда она не говорила: такое-то учение истинно, потому что его провозгласил такой-то вселенский собор; напротив, только признавши учение истинным, она усвояла формулировавшему его собранию титул вселенского. Если понадобится, я берусь доказать, что не существует никакого юридического указания, по которому можно было бы различить вселенский собор, как орган непогрешимости, от всякого другого собрания епископов. Этого указания — никто его даже не искал, и в этом отношении нельзя не признать огромной важности Флорентийского собора.

Мы его отвергаем, и однако же торжественность созвания, число присутствовавших епископов, громадное большинство принявших постановления, исчезающее меньшинство протестовавших, все это, казалось бы, оправдывало притязания на абсолютный авторитет. Провидению как будто было угодно, чтобы в этом достопамятном собрании все внешние знаки отсутствовали у истины и поставили бы себя в услужение заблуждению.

Дух Божий не отвлеченность. Он существует и проявляется; Он говорит и действует. Ищите Его добросовестно, ищите Его всегда, и вы узнаете Его между всем (что не

* Правильнее сказать: "за безусловно-авторитетного выразителя религиозной истины" (прим. М. Новоселова).

есть Он). Если же, в утомлении, вы возмните актом внешнего подчинения удовлетворить гласу вашей совести, которая хочет, чтобы все ваше существо прониклось истинной, Дух Божий уклонится от вас, и вы очутитесь перед каким-нибудь идолом. Вот, кажется мне, поучение, которое вытекает из всей истории Церкви.

Усердно прошу вас, дорогие мои, тщательно продумать это небольшое, но многосодержательное письмо, подтверждающее, как вы легко, полагаю, заметили, рассуждения Ю. А. Колемина, с которыми вы познакомились в предыдущем моем письме к вам. Оба автора, очевидно, стоят на одном основании, которое, нужно думать, положено было третьим поборником православия, Алексеем Степановичем Хомяковым. Уместно вспомнить здесь следующие строки этого славного борца с римским еретическим расколом:

"Бывали соборы еретические, каковы, например, те, на которых составлен был полуарианский символ⁷; соборы, на которых подписавшихся епископов насчитывалось вдвое более, чем на Никейском, соборы, на которых императоры принимали ересь, патриархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси⁸. Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющие никаких наружных отличий от соборов вселенских? Потому единственно, что их решения не были признаны за голос Церкви *всем церковным народом*, тем народом и в той среде, где в вопросах веры нет различия между ученым и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия⁹."

Наконец, мысль об отсутствии в Церкви общеобязательного иерархического авторитета в вопросах веры мы

⁷ Я заимствовал это письмо из 5-го тома соч. В. С. Соловьева. Включив его в одну из своих статей, В. С. делает по поводу его следующее, не лишнее значения, замечание: "Несмотря на некоторые ошибки, проследившие, быть может, от недосмотра, извинительного в частном письме (я отметил их вопросительными знаками), это рассуждение в общей своей связи не может быть серьезно оспариваемо, и ту дилемму, к которой оно приходит: *папизм или духовная свобода*, — можно обойти только путем недостойных и бесплодных сделок с совестью" (прим. М. Новоселова).

встречаем в известном послании восточных патриархов от 6-го января 1848 года¹⁰. Вот что провозглашено было вслух всего мира высшими иерархами Востока:

"У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель веры у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ"¹¹.

Отвергая, в частности, горделивые претензии римского епископа на непогрешимость, восточные патриархи полагают: "он (т. е. римский епископ. — М. Н.) не Апостольским исповеданием своим украшает свой престол, но апостольским престолом старается доказать свое достоинство, а на самом деле это иначе <...> Научают нас св. Отцы, чтобы мы судили не о Православии по святому престолу, но о самом престоле и сидящем на нем по соборным постановлениям и определениям и по исповеданию веры, т. е. по Православию неизменно содержимого учения"¹².

Перехожу к церковно-историческим примерам, которые должны подтвердить и уяснить вышеизложенные рассуждения и умозаключения (настоящего письма и предыдущего).

Основное положение, развиваемое в обоих письмах, это — отсутствие в Православии внешнего (юридического) общеобязательного авторитета в вопросах веры, отсутствие *видимого* знака истины. Но с этим основным положением тесно связаны другие, хотя и второстепенные, тем не менее чрезвычайно важные вопросы. Если в Церкви не имеется видимого знака истины, то где и как искать разрешения религиозных недоумений и затруднений, к кому обращаться за этим разрешением и т. д.?

Прислушаемся к нескольким урокам истории, которые я распределяю в двух письмах, так как поместить их в одном письме значило бы сделать его непомерно длинным.

Начну с события, о котором упоминает в своем письме к баронессе Раден Ю. Ф. Самарин, — с Флорентийского собора.

Я не имею возможности, да и не вижу надобности, говорить подробно об этом соборе: достаточно напомнить основные моменты этого церковно-исторического события.

Флорентийский собор был созван в начале 1438 года по инициативе Константинопольского двора, возглавляе-

мого императором Иоанном Палеологом, и римского папы Евгения*. Целью собора было воссоединение православного Востока с католическим Западом. Главным побуждением к этому воссоединению для императора служило давнишнее печальное политическое положение Византийской империи вообще и, в частности, Константинополя, угрожаемых со стороны турок. Ища союза с папой, император надеялся на военную помощь западноевропейских государей; папе уния с Востоком была нужна вследствие крайней, также давнишней запутанности церковно-политических дел на Западе, когда, независимо от папы и даже в противовес ему, созван был собор в Базеле¹³, грозивший отторгнуть от римского престола значительную часть Запады. Объединившись с православным Востоком, папа надеялся укрепить свое положение на Западе. После немалых трений и споров собор созван был сначала в Ферраре, а затем, в начале 1439 года, перенес свои заседания во Флоренцию, почему и получил наименование Флорентийского.

Византийский император, Константинопольский патриарх, представители других патриархов, митрополиты, епископы и клирики, видные сановники, выдающиеся богословы и церковные витии — с одной стороны, римский первосвященник, кардиналы, ученейшие теологи и представители западного клира — с другой, — сошлись, чтобы общими усилиями прекратить многовековое разъединение между Римом и церквами Востока. В частных заседаниях и общих собраниях рассматривались и обсуждались все спорные вопросы христианской веры, разделявшие Восток и Запад на два духовно-враждебных лагеря¹⁴. Лучшие богословские силы выступали в этих спорах с той и другой стороны. При этом со стороны императора (внутренне, может быть, и не очень сочувствовавшего унии, а действовавшего по мотивам внешнего характера) оказывалось значительное давление на представителей Православия, с целью сделать их более уступчивыми и склонить к унии с Римом, от которой император ожидал для своей империи значительных политических выгод. Со своей стороны папа соблазнял противников разными посулами и одновременно вынуждал к соглашению материальными стеснениями, так как средства на содержание членов собора шли от папского двора.

*Посильный ответ на эти вопросы я постараюсь дать в следующих письмах (прим. М. Новоселова).

*Задуман и подготовлялся собор гораздо раньше (прим. М. Новоселова).

Близкое ознакомление с "деяниями" этого собора может, правду сказать, смутить и не очень маловерного человека: так много было в этих деяниях чисто человеческого, чтобы не сказать — низко-человеческого.

Обоюдные воздействия императора и папы видимо достигли своей цели: выдающиеся представители Востока, даровитейшие богословы, блестящие ораторы склонились в сторону унии и увлекли других. Но один человек, все время неутомимо боровшийся за святую истину Православия, разивший противников и глубиной богословской мысли, и силой красноречия, и воодушевлением веры, оставленный по корыстным, низменным побуждениям своими бывшими единомышленниками и соратниками, перешедшими на римскую сторону, один человек до конца не склонился перед римской курией: ни прещения императора, ни уговоры и соблазны со стороны папы, ни хитросплетенная, отточенная аргументация римских богословов, ни гнусная измена самых видных собратий не возымели ни малейшего влияния на бесстрашного, неподкупного, имевшего ум Христов и апостольскую ревность поборника Православия, митрополита Ефесского, Марка Евгеника.

На фоне властолюбия, малодушия, всяческой корысти, хитрости, предательства и иных страстей, насыщавших атмосферу собора, блаженный Марк явил себя тем, "кто среди всех опасных преткновений, как мраморный колосс, незыблемо стоял, стезею правды шел, сражался с каждым злом, сражаясь — побеждал"¹⁵. Вот что читаем мы о нем в кратком предисловии к русскому переводу одного небольшого его сочинения, озаглавленного: "Изъяснение церковного последования".

"...Святитель Ефесский был непобедимым противоборцем латин на Флорентийском соборе, когда происки римских пап и малодушие Константинопольского двора подготовили было насильственное соединение Церкви восточной с погрязшим в нововведениях Римом. С непреодолимой силою ревности по истине, с непоколебимой решимостью — стоять за Православие до последнего издыхания, выступив на бессмертный подвиг защиты Православия, блаженный Марк твердо устоял против льстивых увещаний и угроз двора Константинопольского и победоносно отразил все лежеухищрения проповедников и защитников латинства. Доказательства истины и опровержение лживых мнений и догматов папских были так у него неотразимы, красноречие так пламенно, что латины,

которых он прямо называл еретиками, и ненавидели его, и прямо боялись, как единственного в то время, страшного для них, врага своего. Святитель остался верен своему долгу и призванию до конца и — один не подписал незаконного акта собора, незаконно составленного.

Один... но недостаток подписи этого одного епископа, бывшего, впрочем, представителем патриархов антиохийского и иерусалимского, — сделал безуспешными все усилия папства, ничтожными все действия собора. "Итак, мы ничего не сделали", — воскликнул папа Евгений, когда узнал, что подписи митрополита Марка под актами собора нет.

Не считаем нужным усиливать объяснять, какую прекрасную похвалу святителю Марку и какой жестокий суд над своим собором высказал папа в этих немногих, невольно вырвавшихся у него, словах"¹⁷.

Пессимистическое восклицание папы оправдалось в ближайшее по закрытии собора время. Уния не была признана и принята православным народом и той частью клира, которая шла по стопам славного Марка Ефесского.

Как видите, друзья мои, само олицетворение юридического начала в "христианстве" (я ставлю в кавычках это слово, так как в подлинном своем значении оно неприложимо к католицизму) — папа инстинктивно признал неизмеримое превосходство в Церкви нравственного авторитета над юридическим: в неподписании блаженным Марком почти всеми членами собора подписанного акта римский епископ прочел смертный приговор фальшивому соединению, а между тем, как справедливо говорит о Флорентийском соборе Ю. Ф. Самарин, "торжественность созвония, число присутствовавших епископов, громадное большинство принявших постановления, исчезающее меньшинство протестовавших, все это, казалось бы, оправдывало притязания на абсолютный авторитет". — Да, скажем опять словами Самарина, "провидению как будто было угодно, чтобы в этом достопамятном собрании все внешние знаки отсутствовали у истины и поставили бы себя в услужение заблуждению".

¹⁵ Марку, зная его твердость, и не предлагали подписываться, но "большая часть епископов греческих, уступая желанию папы и воле императора, дали письменное, хотя и невольное, согласие на незаконное соединение. Освободились от подписи только те, кто или не дождал до конца собора, как-то патриарх Иосиф и митрополит Сардинский, или кто успел скрыться из Флоренции, как сие известно об Исаии Ставропольском и об Иверском епископе"¹⁶ (прим. М. Новоселова).

Не признал этого "абсолютного авторитета" за Флорентийским собором православный Восток, сначала в лице Марка Ефесского и горсти его единомышленников, а вскоре и в лице всего церковного тела; отвергла этот авторитет и русская церковь, показавшая себя по отношению к Флорентийской унии достойной дочерью Православной Восточной Церкви. И здесь, в России, начало решительному отвержению незаконной унии положено было одним человеком, и даже не принадлежащим к клиру. Дело было так:

Бывший на Флорентийском соборе представитель русской церкви митрополит Исидор вернулся в Россию "с именем Легата Апостольского для всех земель северных <...>".

Весною 1441 г. Исидор прибыл <...> в Москву с учтивым посланием от Папы к Великому Князю. Духовенство и народ с нетерпением ожидали Митрополита в Успенском Соборе. Исидор явился, окруженный многими сановниками; пред ним несли крест Латинский¹⁸. Митрополит <...> надеясь на простоту и малообразованность своей паствы¹⁹, поступил решительнее, нежели его собратия в Константинополе²⁰. На первой Литургии уже возносимо было имя Папы Евгения, а по окончании службы Архидиакон Исидоров с амвона прочитал определение Флорентийского Собора. Все сии новости, неслыханные в Церкви Русской, сильно изумили и духовных и мирян. Никто не знал, что и думать о виденном и слышанном.

Но Великий Князь Василий Васильевич, одушевляясь ревностью к чистому учению Церкви²¹, торжественно в храме стал обличать изменника Исидора²², называл его лжепастырем, губителем душ, еретиком, наконец, велел низвести недостойного Митрополита с престола и, посадив под стражу в Чудове монастыре, созвал на Собор Епископов и знатнейшее духовенство для рассмотрения Флорентийской соборной грамоты. Когда сие определение признано было противным древнему православному учению и от спутника Исидорова Авраамия узнали весь ход

¹⁸ Симеон пресвитер, бывший на соборе, пишет: "Сидор рече Евгению Папе, яко в моей руке вси Князи и Епископи; ни один со мною не может глаголати; сам Князь Великий млад есть и в моей воли есть; а инии князи и бояре бояться меня; а Епископи не книжны" (прим. М. Новоселова).

²¹ Тот же Симеон пишет: "в та бо времена Великому Князю младу бывшу, но умом благоразумну и богобоязливу, и ни книжну, но теплою верою горящу" (прим. М. Новоселова).

дел на Соборе Флорентийском, тогда Великий Князь повелел склонять Исидора к раскаянию и исправлению. — Но все было напрасно <...>.

Так Флорентийский собор, вместо того, чтобы сблизить Великороссийскую Церковь с Римом или отклонить ее от Православия, подал только случай сей Церкви показать свое отвращение от Латинства²⁴.

Обратите внимание, что лицом, авторитетно протестовавшим против унии, оказался мирянин, правда — великий князь, но сила его протеста определялась не его великокняжеским титулом, а тем, что его религиозное самосознание совпало с церковным самосознанием верующего православного народа, — и он явился лишь первым ярким и ревностным выразителем этого самосознания. Мы легко можем представить на его месте ревнителем веры отеческой и обличителем еретического нечестия и рядового боярина, и скромного инока, и юродивого простолюдина. Раздайся в соборе их убежденный протест против церковного осуждения с еретическим Западом, — этот протест был бы услышан и принят всем церковным телом, как неподкупный голос подлинного Православия.

Предоставляя вам, дорогие мои, продумать все вышесказанное в связи с основной темой нашей беседы, я перехожу к другому церковно-историческому событию, подтверждающему, как и Флорентийский собор, отсутствие в Православии внешнего авторитета в вопросах веры. Событие, о котором я кратко хочу сказать, имело место в Константинополе, за 100 лет до Флорентийской унии. Я разумею Константинопольский собор, созданный против св. Григория Паламы его высокопоставленными противниками.

Я не буду излагать вам учения св. отца, за которое он был привлечен к ответу и подвергся суровой каре²⁵, так как для нас важна не догматическая сторона в этом деле, а каноническая, ясно показывающая, что критерием истины владеет Церковь, а не собор²⁶. Вот что читаем мы в сочи-

²⁴ Пробыв в заключении все лето, осенью лжемитрополит бежал из Москвы в Тверь <...>, но и здесь его приняли не лучше: по распоряжению тамошнего князя, он был посажен под стражу. Бежав и оттуда, Исидор явился в Рим "с печальной вестию о неудавшемся замысле" (прим. М. Новоселова).

²⁵ Желая ознакомиться с житием и основными воззрениями св. Григория, навлекшими на него гонения, я предлагаю прочесть в Пестной Троице синаксарь во вторую неделю Четыредесятницы (прим. М. Новоселова).

нении магистра-игумена Модеста, посвященном св. Григорию Паламе.

"Несмотря на то, что св. Палама, оставив Константинополь, около двух лет спокойно подвизался в одной из обителей Гераклии и нисколько не вмешивался в дела политики, Патриарх, конечно, по наветам Акиндина, вызвал его в 1343 году в Константинополь и заключил в темницу, будто за распространение учения о многобожии и за связь с Кантакузеном. Впрочем, чтобы дать законный вид осуждению Паламы, Калека просил Антиохийского Патриарха Игнатия рассмотреть его учение. Игнатий прибыл в Византию 1344 года и, переговорив с Калекою, без всякого суда написал обвинительное сочинение против Паламы и вручил оное Калеке. Патриарх обнародовал это сочинение того же года, а в следующем 1345 году составил в Византии собор против св. Паламы. Приведенный из темницы на соборный суд, св. Палама с прискорбием увидел, что и те, которые некогда вместе с ним подвизались за Православие против Варлаама, как то Никифор Григорас, теперь сделали его обвинителями и врагами, что все против него, и никто за него, или, лучше, за Православие. Долго он защищался и спорил со своими обвинителями; наконец, увидев, что они желают только осудить его, за лучшее счел не отвечать более на обвинения. Тогда Патриарх Калека обвинил св. Паламу в многобожии, отлучил от Церкви и снова отослал в темницу"²⁷.

Так порешили дело с Григорием Паламой два патриарха и собор. На чьей же стороне была правда?

Если бы мы и не знали, что "в заключение соборных деяний Калека признал догматы Римской церкви и главенство папы"²⁸, то и тогда без колебания признали бы, — как и признали и патриархов, и собор служителями лжи, а скромного, одинокого среди врагов инока — богомудрым и богоугодным провозвестником небесной истины: ибо такой приговор о великом тайнозрителе, св. Григории, изрекла святая Церковь, этот "столп и утверждение истины". Оправданный еще при жизни людьми, исповедник Христов спустя сравнительно немного лет после своей кончины (в том же столетии) был причислен Церковью к лику святых: его память празднуется дважды в году — 14-го ноября и во вторую неделю четырехдесятницы. Вот как ублажает Церковь этого ревностного стоятеля за Христову истину: "Православия светильниче, Церкви ут-

²⁷ Калека (прим. М. Новоселова).

верждение и учителю, монахов доброты, богословов поборниче непреборимый, Григорие чудотворче, фессалонитская похвало, проповедниче благодати, молися выну спастися душам нашим"²⁹.

Этот светильник Православия и доселе озаряет души верующих красотою подвижнического и исповеднического жития своего и благодатным светом своих тайнозрений, коими запечатлены его писания. Память его в род и род³¹, а судившие и осудившие его патриархи и соборяне с шумом погибли.

Внемлите, друзья мои, сей истории, не менее, может быть, назидательной, чем история Флорентийского собора, хотя последняя более или менее известна всякому и не очень образованному человеку, а о первой могут не слышать и люди солидного образования.

Не входя в ближайшее обсуждение этих двух церковно-исторических событий, я предлагаю вам применить к ним и сличить с ними уже известные вам рассуждения Ю. А. Колемина, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова и восточных иерархов. В следующем письме я предполагаю познакомить вас еще с двумя чрезвычайно поучительными повествованиями из церковной истории, имеющими ближайшее отношение к основному предмету нашей теперешней беседы, а сейчас, в заключение письма, я хочу поставить в связь приведенные мною рассуждения и церковно-исторические иллюстрации к ним с современной нам церковной действительностью.

Я указывал в предыдущем письме на роль православного народа в борьбе с "Живою церковью", на то, что святыню истинной Церкви против живоцерковного нечестия отстаивал главным образом народ — миряне и иноки, гораздо менее — пастыри. Народу пришлось решать глубоко жизненный и увя! для многих архипастырей и пастырей оказавшийся неясным вопрос: "где истинная Церковь?" И народ своим духовным чутьем избрал истинный путь и пошел за истинными Христовыми пастырями, полагавшими души свои за стадо Христово, а не за самочинным сборищем волков в овечьей шкуре.

Труднее оказалось положение русских православных людей, когда пришлось решать другой вопрос — о введении в богослужебную практику нового стиля. В вопросе живоцерковном все-таки видны были не запорошенным

³⁰ Рекомендую прочесть в Постной Триоди весь канон св. Григорию (прим. М. Новоселова).

пылью глазам веки в лице некоторых архипастырей и пастырей, поднявших и высоко державших знамя истинной Церкви, из которых многие запечатлели свое стояние за святыню Церкви тяжкими страданиями. С выходом же на свободу Святейшего Патриарха³², заявившего о своем отношении к "Живой Церкви" и ясно показавшего ее неканоничность, вопрос о ней перестал быть вопросом: для людей, не потерявших совесть и имеющих хотя в минимальной мере страх Божий, стал непререкаем раскольнический характер обновленческого движения вообще и "Живой церкви", в частности.

Иначе обстояло дело, когда возник вопрос о новом стиле. Не говоря о том, что вопрос этот был для весьма многих не ясен по существу и не представлялся столь важным*, как вопрос обновленческий, трудность отношения к нему усугублялась тем обстоятельством, что инициатива введения нового стиля исходила от канонически законного Высшего Церковного Управления, возглавляемого патриархом, к тому же недавно — на радость православных людей — освобожденным из заключения. Вопрос осложнился колебаниями самой церковной власти, которая в своих распоряжениях то переходила на новый стиль, то возвращалась к старому³³. Наконец, противоречивые вести с православного Востока и его отношении к вопросу о стилях увеличивали трудность его решения (не говоря уже об отдельных местностях, как например, Тверская епархия, где самовластие и бесцеремонность епископа, не гнушавшегося и обманом для введения нового стиля³⁴, окончательно сбивали с толку словесных овец). И вот, несмотря на исключительную сложность и запутанность вопроса, народ с достоинством вышел из трудного положения и оправдал знакомые вам слова восточных патриархов: "У нас ни патриархи, ни соборы не могли никогда ввести что-нибудь новое, потому что хранитель веры у нас — самое тело Церкви, т. е. самый народ".

И у нас народ, отвергший обновленчество *в согласии с законной церковной властью* и *новый стиль — вопреки распоряжениям этой власти*, явил себя и в том и в другом случае "хранителем веры", действуя и там и тут одинаково *православно*: порукой этому и живым свидетельством является то, что вы, мои дорогие, прочитали в этих двух последних моих письмах к вам.

* Следует, однако, заметить, что он очень затронул народное религиозное чувство (прим. М. Новоселова).

Умолкаю в надежде на скорое возобновление беседы с вами в следующем письме.

Как и всегда, усердно прошу молитв ваших о неизменно любящем вас брате о Господе...

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

5 июля 1924 года,
день пр. Сергия Радонежского

Как только отправил вам, друзья мои, двенадцатое письмо, тотчас же начал писать и следующее, но неожиданно заболел и заболел надолго: вот уже третий месяц не оставляет меня неопасный для жизни, но изнурительный недуг. Последние дни я чувствую себя несколько лучше и берусь за перо, чтобы заново начать прерванную болезнью беседу.

На этот раз она будет очень проста: я приведу вам из жизни великого угодника Божия, преп. Феодора Студита, два эпизода, которые должны послужить дальнейшим уяснением вопроса об авторитете в Церкви. Чтобы не растягивать чрезмерно письма, я не буду излагать подробно житие преп. Феодора, а остановлюсь лишь на тех двух эпизодах из его жизни, о которых только что упомянул. Но я усиленно рекомендую вам познакомиться с жизнью и деятельностью этого святого, или по Четьям Минеям св. Дмитрия Ростовского (ноябрь, 11), или, еще лучше, по тем биографическим данным, которыми предваряются "Творения" преп. Феодора, изданные в 1907 году Санкт-Петербургской Духовной Академией. Там помещены: 1) исторический очерк жизни и деятельности преподобного (106 стр.) и 2) два жития его (одно 66 стр., другое — 52 стр.).

Первый из упомянутых мною эпизодов, который я изложу подлинными словами "Жития", относится к тому времени, когда пр. Феодор, имея 35 лет от роду, был настоятелем скромного Саккудионского монастыря, находившегося в Малой Азии, "в пределах вифино-лидийской горы Олимпа" и насчитывавшего в своих стенах около сотни иноков. Начало этому монастырю положено было совместной деятельностью пр. Феодора и его знаменитого наставника пр. Платона. Вот что читаем мы в "Житии".

"В то время единоподвизнично царствовал Константин, сын христорожливой Ирины, который, имея юношескую невоздержанность и необузданность и предавшись пламенным плотским влечениям, отверг свою прежнюю законную супругу¹ и, насильно заставив ее постричься, прелюбодейным образом, подобно древнему Ироду², бесстыдно

взял другую, по имени Феодоту, произведя, несчастный, величайший соблазн не только для Церкви Божией, но и для всех начальников народов и наместников. Божественный патриарх Тарасий, не соизволяя на такое сожительство, отказывается возложить на них брачные венцы и не одобряет беззаконной связи; ибо преступным душам непричастен Христос, как сказал некто из бывших прежде нас отцов.

Но один пресвитер и эконо́м той же святейшей великой церкви, Иосиф, бывший близким к прелюбодеям, дерзновенно принимает на себя это дело и венчает беззаконников, преступив божественные и человеческие законы. И это зло распространяется не только в столице, но и в отдаленнейших странах; так царь Лонгобардский, так Готфский, так и топарх (наместник) Босфорский, основываясь на этом нарушении заповеди, предались прелюбодейным связям и необузданным похотям, находя благовидное оправдание в поступке Римского императора, как будто бы, когда он поступил так, то последовало одобрение и от патриарха и находящихся при нем архиереев.

Узнав об этих беззакониях, муж (Феодор), уподоблявшийся Иисусу Христу и, сколько возможно, всегда явно исполнявший всякую правду и заботившийся об единоплеменном народе с отеческим сочувствием, скорбел, негодовал в себе и оплакивал всеобщую погибель настоящих и будущих людей; ибо он справедливо опасался, что безумие властителя, будучи принято неразумными в закон, у последующих поколений обратится в неисправимую практику. Поэтому он не оставляет зла без обличения, но тотчас вместе с отцом своим (Платоном) прерывает общение с ними. Такое богоугодное отвращение их от прелюбодеяния доходит до слуха императора, который сначала равнодушно принимает это, не выражая негодования против неприятного известия, но потом, узнав об этом еще от других и от самой прелюбодейцы, и некоторым образом боясь отлучения от блаженных мужей, пользовавшихся несравненно и обширною славою в монашеской жизни, он старается всячески склонить непреклонных к одобрению его гнусного дела, особенно надеясь на то, что принятая во дворец была их родственницею; ибо повенчанная с Константином была двоюродной сестрой отца нашего Феодора. Поэтому он внушил ей послать им золота, с надлежащим приветствием от них; но так как он обманулся в своей надежде, узнав, что богоносные мужи выше его лести, то предпринимает борьбу с ними иным образом. Притворно

вздумав купаться в теплой воде, которая сама собою вытекает из земли*, он устроит царское путешествие в Прусу, думая, что приснопамятные непременно придут к нему изъяснить вместе с другими обычное почтение. Но, не достигши исполнения ни одного из своих предположений, воспламеняется гневом в душе своей и, как можно скорее, возвращается во дворец, сильно негодуя против невинных.

Итак, он, призвав к себе начальника придворной стражи, посылает с ним и стратига Опсикийского к преподобным, чтобы подвергнуть их истязаниям. Те, прибыв в монастырь, вдоволь быют ремнями (Феодора), который давно желал этого ради Христа, и других троих из первенствующих братий; затем ссылают его с другими десятью из известнейших членов братства в Фессалонику, приказав отводившим их тщательно стеречь их и заключить не вместе всех, но каждого отдельно и вдали друг от друга в различных помещениях, чтобы нельзя было кому-нибудь из них приходить к другому; блаженного же Платона отправляют в обитель святого Сергия, не допуская к нему никого и приказав ему оставаться там.

Но какой и сколь великий результат для всей вселенной имел подвиг богоносного отца нашего, это сейчас можно видеть: жившие в странах области Херсонской и Босфорской епископы и пресвитеры, равно как и благочестивейшие из монахов, услышав о деянии святого отца нашего и нашедши его согласным с Божественным Евангелием, подражают его дерзновению в добре, так что и здесь исполняются слова: *яже от вас ревность раздражи множайших на доброе* (2 Кор. 9, 2); и тогда же они перестают принимать дары, приносимые церквам Божиим от тех, которые совершали одинаковые дела с младшим Константином, отлучают их от священных и Пречистых Таин Христовых и согласно с священномудрым Феодором говорят унижавшим христианское предание: "непозволительно вам иметь жен вопреки постановленным от Христа законам". Наконец, и они изгоняются из своих церквей и обителей, подвергаются и другим страданиям, вымышляемым гонителями, ибо когда руководит ярость, тогда особенно налегает насильственная рука лютого воина.

Вследствие этого почти во всей римской империи нападает страх на совершающих такие дела; гонение на бла-

*Теплые ванны близ Прусы, возле Саккудионского монастыря (прим. М. Новоселова).

гочестивых становится уздою для невоздержных, и вследствие этого поток зла удерживается от дальнейшего распространения; ибо страсти, оставляемые без наказания, постоянно стремятся к худшему, подобно ехидне, овладевают сердцем и умом и доводят до совершенной гибели предавшегося им. А дабы этого не случилось, благодать всесвятого Духа, воссияв в вышеупомянутых подвижниках, явно обличила дело беззакония.

Таким образом, великий Феодор становится еще более знаменитым, являясь подражателем Предтечи и Илии Фесвитянина³, не только в соседних странах, но и по всей вселенной; ибо, оставаясь под стражею в городе Фессалонике во все время царствования Константина, он в самых отдаленных странах распространил славу своих подвигов. Писал он и к папе древнего Рима⁴, извещая его о событиях чрез своих учеников, и тот принял это с великим уважением, как от такого мужа, который не преминул возвестить угодное Богу; получил и сам от него ответные письма, в которых восхвалялись его ревность, восстание на защиту добра и подвиг, достойно уподобляемый дерзновению божественного Предтечи.

Но так как, по словам Писания, *царь дерзостен впадает в злая* (Притч. 13, 38), и *пути нечестивых темны, не ведут, како претыкаются* (Притч. 4, 19), то, спустя немного времени, Константин, против которого возмутилось собственное его войско, лишается обоих глаз и низлагается с царского престола, как ненавистное и невыносимое бремя. Тогда опять возвышается его мать, христолюбивая Ирина, которую прежде он, предавшись разврату, удалил из царского двора. Эта боголюбивейшая жена, как скоро приняла кормило царства, вызывает из ссылки великого Феодора и вводит его в общение со святейшим патриархом Тарасием, между тем как Иосиф, по низложении Константина, лишен был священного сана. Оба они, говорила царица, поступили хорошо и богоугодно: один, как явившийся защитником евангельских догматов до крови и мучений и чрез это имеющий доставить потомкам чистое спасение душ, а другой, как с пользою применявшийся к обстоятельствам (οικονομία⁵) и отклонивший злобное намерение неистового царя, угрожавшего причинить Церкви Христовой зло хуже царствовавших прежде него, если бы он встретил препятствие своим пожеланиям. Это подтвердил и святейший Тарасий, вступив в общение с отцом нашим, как писал сам подвижник Спасителя Феодор. С ними согласимся и мы и не будем осуждать ни одной из

сторон; но, одобряя того и другого, не перестанем однако повиноваться евангельским заповедям; ибо то, что делается применительно, не есть закон, и не все отличается безукоризненностью⁶.

Этот отрывок из жития преп. Феодора я восполню некоторыми данными, заимствованными из более подробного очерка жизни и деятельности св. Феодора. В этом очерке, приложенном, как я сказал раньше, к "Творениям" св. отца, с большою обстоятельностью изложено это церковно-историческое событие, связанное с великими личностями св. патриарха Тарасия и св. игумена Феодора Студита. Вот что, между прочим, мы там находим.

Не имея законных оснований для развода со своей супругой, император обвинил ее в том, будто она злоумышляла на его жизнь, и на этом основании "в январе 795 года сделал распоряжение о насильственном ее заключении в одном из византийских монастырей. Вслед за тем Константин VI возбудил пред константинопольским патриархом Тарасием дело о формальном разводе с Марией и о разрешении ему повенчаться с <фрейлиной императрицы> Феодотой. Но для патриарха Тарасия были вполне ясны тайные мотивы незаконного поступка василевса, он глубоко скорбел о беспутстве и прелюбодеянии императора, навлекших на него тягчайший позор не только в Византии, но и за пределами ее, среди варварских народов, — для благочестивого патриарха не было сомнения и в искусственности и фальши взведенного на императрицу Марию обвинения, которое лишь компрометировало василевса, поэтому он, в ответ на все ходатайства Константина о признании за ним права на вступление во второй брак, категорически отрицал это право, отказывался подчиниться его непохвальному решению и предпочитал перенести тяжелые наказания и даже смерть, чем исполнить его волю о заключении брака с Феодотой.

Когда увещания патриарха не достигли цели, и император по-прежнему настаивал на вторичном его браке, то патриарх Тарасий пригрозил ему отлучением от святого причастия. Встретив достойное противодействие со стороны патриарха, император в гнев заявил ему, что он восстановит в церкви иконоборческую смуту и вновь воздвигнет гонение на святые иконы, если патриарх не подчинится его воле. Но и эта угроза оказалась напрасной, так как патриарх опять отказал императору в церковном благословении его брака. При таких условиях император Константин VI обратился к помощи рядового византийского

духовенства. Его единомышленником в этом деле оказался эконоом великой константинопольской церкви (Святой Софии), иеромонах Иосиф, который, вопреки распоряжению патриарха Тарасия, но по воле василевса, и совершил его брак с Феодотой 4 сентября 796 г. в придворном храме св. Маманта⁷.

Как же отнесся к этому факту патриарх Тарасий?

"Бесспорно, он принципиально осуждал поступок василевса, признавал его с канонической точки зрения незаконным, считал царя нарушителем церковных правил, заслуживающим отлучения от церковного общения, — но дальше этого теоретического осуждения Тарасий не шел, встречая в принципе экономии^{*}, которым он руководился, препятствие к фактическому принятию против царя мер, согласных со всею строгостью канонов... Ослабив строгость церковных правил, патриарх этим самым удержал обезумевшего императора от большего зла, так как, в противном случае, Константин VI грозил сделаться врагом божественных икон и опять воздвигнуть в церкви лютое гонение на иконопочитателей. Мир в церкви и спокойствие ее верных чад были тем высшим благом, ради которого патриарх Тарасий допустил в деле императора Константина VI временное прекращение акривии^{***} — строгого применения канонов и, руководясь экономией^{***}, не подвергал наказанию ни василевса, ни совершителя прелюбодейного брака эконома Иосифа, хранил полное молчание относительно преступного факта и вообще избегал обострять отношения между царским двором и вселенской патриархией. Политике патриарха Тарасия следовали и все многочисленные по составу и разнообразные по общественному положению сторонники спасительной экономии <...>.

Совершенно иное отношение к незаконному браку императора было со стороны преподобного Феодора вместе с Платоном и всем братством Саккудионского монастыря⁸.

Каково было их отношение, вы видели из приведенного мною житийного отрывка, который достаточно выясняет начало, течение и конец всего дела. Чтобы подчеркнуть главную цель, ради которой я познакомил вас с этой блес-

^{*} Современная транскрипция греческого слова *οικονομία* в богословской литературе: "икономия"; см. также прим. XIII, 5 (прим. ред.).

^{**} От греч. *ακριβεία* — точность, тщательность (прим. ред.).

^{***} Принципом приспособляемости (прим. М. Новоселова).

тящей страницей из жизни великого исповедника Христова Феодора, скажу нечто в связи с тем, что говорено было в двух предыдущих моих письмах.

Из истории Флорентийского собора и Константинопольского, созванного против св. Григория Паламы, мы видели, как в вопросах веры нравственная сила одиноких личностей (Марка, митрополита Ефесского и св. Григория Паламы, архиепископа Солунского), являвшихся орудием таинственного Промысла Божия, преодолевала в конце концов канонический авторитет иерархии и давление высшей государственной власти, стоявших на стороне заблуждения и противившихся вселенскому сознанию Церкви. Подтверждая эту истину о господственном значении в Церкви *нравственного* авторитета, вышеприведенное событие из жизни преп. Феодора Студита имеет и свои отличительные черты сравнительно с тем, что мы видели в борьбе за истину Православия Марка Ефесского и Григория Паламы.

Во-первых, преп. Феодора никто не призывал на защиту поруганной правды Евангелия и Церкви. Он сам, по собственной инициативе, взялся за оружие и с горстью единомышленников своего монастыря обнажил духовный меч против владыки мира, византийского императора.

Другое обстоятельство, для нас особенно поучительное, это то, что в то время как в первых двух случаях были две противостоящие друг другу стороны, в последнем, связанном с Феодором Студитом, наблюдаются как бы три центра: совершивший преступление император, резко отличающий его и отлучающий от общения с собой игумен Феодор с братией и молчаливо (а сначала и гласно) не одобряющий и протестующий, но и церковно не карающий императора патриарх Тарасий со своими единомышленниками. Таким образом, выступая против преступного царя, преп. Феодор затрагивал и св. мужа Тарасия, хотя и порицавшего поведение императора, но не оказывавшего ему сопротивления до конца, не отлучавшего его от Церкви.

Если вы, дорогие мои, со вниманием прочитали предложенный вам мною отрывок из жития преп. Феодора, то обратили внимание на положение, которое заняла царица Ирина по отношению к патриарху Тарасию и игумену Феодору: она усмотрела нравственную целесообразность действий за тем и за другим.

Что касается разности действия этих лиц, то, по-

мимо разницы личных характеров, она объясняется разностью положения в Церкви патриарха и игумена. Если игумену небольшого монастыря можно было действовать, не принимая в соображение угрозы императора возобновить иконоборческие гонения, в случае решительного сопротивления со стороны патриарха, то патриарх, по самому положению своему ответственный за "тихое и безмолвное житие" всего православного народа, естественно чувствовал себя связанным этой угрозой, памятуя все ужасы иконоборчества.

Несомненно, героем этой церковно-исторической драмы, разыгравшейся в Византии, является преп. Феодор, возбудивший в недрах Церкви огромное моральное движение, но блестящая роль игумена студийского не должна закрывать от наших глаз не яркого, но, может быть, не менее трудного подвига патриарха Константинопольского, взявшего на себя всю тяжесть подрывавшей, вероятно, к нему доверие многих верующих примирительной, "икономической" политики, и взявшего, приметьте это, не из-за страха за себя, не из угодничества перед властью, а ради ограждения множества чад Церкви от величайших испытаний.

Не видна ли и за святейшим патриархом Тарасием, и за преп. Феодором Студитом направляющая все это дело рука Господня, которая уступчивостью патриарха сохранила тишину Церкви, а дерзновением инока лишила покаяния преступного царя и очистила атмосферу Церкви от нравственной заразы, внесенной в нее императором?!

Та же десница Господня не замедлила тяжко поразить высокопоставленного оскорбителя святыни Церкви: вступивший в незаконный брак 4 сентября 796 года император был низвержен 16 июля 797 года, ослеплен и отправлен в ссылку. Нравственный удар, нанесенный ему ревностным иноком, был как бы санкционирован и оправдан судом Неба.

Святая Церковь причла к лику святых мужественного и нравственно-строгого, хотя ради мира церковного и умерившего свою строгость, патриарха Тарасия; она же включила в число преподобных мужей и дерзновенного обличителя неправды царской игумена Феодора, засвидетельствовав этим богоугодность обоих служителей Христовых.

Есть в деле преп. Феодора и третья характерная черта. Тогда как Марк Ефесский и св. Григорий Палама защищали главным образом догматическую истину Православия, преп. Феодор выступил на защиту поруганной прав-

ды нравственно-канонической. Это важно отметить, чтобы видеть, как широка сфера *нравственного* авторитета в Церкви и как ограничена область *самодовлеющего* авторитета *иерархического*. А видеть это нам нужно очень и очень...

Почему — это выяснится дальше, а теперь я изложу кратко второй эпизод из жизни преп. Феодора, который, как и первый, несмотря на свою хронологическую отдаленность от наших дней, имеет внутреннее отношение к переживаемым нами событиям и может, в известной степени, осветить нам то положение, в котором, конечно, не без воли Божией, поставляется наша Церковь.

Недолго правила византийским царством благочестивая царица Ирина (797-802). В 802 году она была низложена государственным казначеем Византии Никифором, который и занял византийский престол. Пока жив был патриарх Тарасий, новый император относился более или менее сдержанно к Церкви и не вторгался в область церковной жизни. Но когда скончался св. Тарасий (806 г.) и на патриарший престол собором епископов и при участии царя был избран государственный секретарь Никифор, церковная политика императора резко изменилась. Самое избрание нового патриарха сопровождалось нарушением церковных обычаев и правил¹⁰ и поэтому вызвало недовольство таких ревнителей Православия, как св. Феодор, авва Платон и все студийские монахи. Они протестовали настолько громко, что голос их достиг дворца. Раздраженный протестом, император приказал заключить преподобных Феодора и Платона в тюрьму на 24 дня. Это еще более обострило их отношения.

Между тем император пошел дальше в деле нарушения церковных канонов. Лишенный покойным патриархом, св. Тарасием, сана пресвитер Иосиф, пользуясь сменой как гражданской, так и церковной власти, стал добиваться восстановления его в правах священства. Так как еще в 803 году, во время восстания полководца Вардана, Иосиф оказал императору Никифору важную услугу, склонив этого претендента на византийскую корону отказаться от нее, то император обещал Иосифу ходатайствовать перед церковной властью о снятии с него отлучения.

Опасаясь со стороны императора действий, направленных ко вреду Церкви, новый патриарх пошел на уступки. Однако он один не взял на себя решения вопроса об Иосифе и предложил его на обсуждение собора из пятнадцати епископов, явившихся в Константинополь частью

для избрания нового патриарха (т. е. его, Никифора), частью для заседания в постоянном патриаршем синоде. Епископы, не желая ставить в затруднительное положение вновь избранного патриарха, постановили снять с Иосифа запрещение в священнослужении и принять в клир великой Христовой Церкви.

Преп. Феодор вместе с ипсиками студийского монастыря и многими другими <своими> сторонниками заявил протест против незаконного дела, мотивируя его не только прежней аргументацией своих воззрений по вопросу о михии¹¹, но и тем соображением, что восстановление Иосифа в сане предпринято по почину некомпетентной в деле гражданской власти и за услуги Иосифа вовсе не церковного характера¹². Протестовавшие убеждали и умоляли патриарха Никифора "лишить священства того, кто низвержен и канонами, и прежним патриархом, был отрешен в течение целых девяти лет и противозаконно вторгся..."¹².

Патриарх уклонялся от переговоров с преп. Феодором по этому делу. "Тогда Феодор, авва Платон и студиты *отложились*" от него. Вместе с ними отделилось от патриарха и немало народа, преимущественно лучшие по своей жизни люди. <...>

Одновременно св. Феодор своими письмами заинтересовал в возобновленном церковном движении¹³ не только всю Византию, но и Рим. В этих письмах преп. Феодор доказывал, что его уклонение от общения с царем и патриархом вызывается исключительно религиозно-нравственными мотивами и не включает <в себе> никакого политического элемента, вопреки аргументации его врагов, а затем он стремился лишь к церковному миру и, лично ничего не имея ни против царя, ни против патриарха, всегда готов возобновить с ними церковное общение, под тем незыблемым и единственным условием, если эконо́м Иосиф будет лишен священства, в силу состоявшегося над ним законного суда патриарха Тарасия¹³.

Оставляя в стороне многообразные перипетии этого дела, осложненные вмешательством императора (с которыми вы можете познакомиться по указанным мною раньше источникам), перехожу к его заключительному моменту. Стойкость св. Феодора, энергично продолжавше-

¹⁰ Прелюбодеянии (греч.) (прим. ред.).

¹¹ Курсив М. Новоселова (прим. ред.).

¹² В цит. источнике — "михианском движении" (прим. ред.).

го борьбу с великими мира сего, привела, несмотря на насилие гражданской власти по отношению к исповедникам истины, к полной победе правды над беззаконием. Как и в столкновении с императором Константином, так и теперь, в борьбе с императором Никифором, Божий Промысл выступил на защиту гонимых служителей Божиих и для восстановления попираемой правды.

25 июня 811 года император Никифор был убит на войне с болгарами, а его сын, занявший византийский престол, открыто стал на сторону св. Феодора¹⁴. Патриарх Никифор исполнил то, чего домогались ревнители церковных канонов – и опять лишил Иосифа священного сана, восстановив приговор патриарха Тарасия. Возвращенный из ссылки (811 г.) преп. Феодор водворился в Студийском монастыре, а в церкви византийской "опять наступил мир, которого здесь, по вине императора Никифора, не было свыше пяти лет"¹⁵.

Таково, в общих чертах, то второе событие в жизни преп. Феодора, с которым я хотел познакомить вас, друзья мои. Подобно первому, оно является иллюстрацией и вместе подтверждением основного положения, развиваемого в последних моих письмах. Но оно содержит в себе и некоторое особое обстоятельство, отличающее его от первого эпизода из жизни преп. Феодора, когда он, разрывая церковное общение с императором Константином и действуя не в согласии с патр. Тарасием, а скорее вопреки ему, *не порывал*, однако, канонической связи с последним.

Не то теперь: считая незаконным принятие патриархом Никифором в церковное общение эконома Иосифа, отлученного св. Тарасием, св. Феодор со своим монастырем *отлагается* от патриарха. Обращаю ваше внимание на эту сторону дела и вот, главным образом, почему. Когда я в первый раз, до болезни, начал писать вам это письмо, мы переживали жуткое в церковном отношении время.

Святейший Патриарх готовился вступить в каноническое общение с главой живоцерковников Красницким, причем обстоятельства сложились так, что это, выражаясь мягко, рискованное предприятие Патриарх брал почти на единоличную свою ответственность. Мне ясно было, что мы, православные, дорожающие чистотой нашей веры и Церкви, стоим перед надвинувшейся к нам вплотную дилеммой: или, попирая свою религиозную совесть, оскверниться общением с нераскаянным (это было очевидно для всех) еретиком и раскольником, или с болью в сердце отложиться от патриарха. Когда в тревоге и скорби я раз-

мышлял о создавшемся, воистину ужасном, положении и просил Господа направить стопы мои и друзей моих по пути правды, мне "случайно" попался в руки первый том "Творений" преп. Феодора Студита. Хорошо помня историю Преподобного со св. Тарасием, я не знал или забыл о его столкновении с патриархом Никифором. Просматривая очерк жизни великого исповедника, я дошел и до этого столкновения.

Эпизод с патр. Никифором являлся прямым и живым ответом на скорбный вопрос, перед которым стояли православные люди, прислушиваясь к тревожным, смущающим душу слухам, шедшим из Донского монастыря¹⁶, усердно и успешно поддерживавшимся газетными сообщениями¹⁷. Этот поучительный эпизод восполнял то, чего недоставало в истории патриарха Тарасия, и ясно указывал нам путь в случае церковного осуждения Святейшего Патриарха Тихона с христопродавцем Красницким и его гнуснейшими приспешниками и единомышленниками...

Что такое – проступок эконома Иосифа по сравнению с долговременной, преступнейшей деятельностью изверга наших дней Красницкого, религиозно смутившего тысячи душ еретической пропагандой (см. журнал "Живая церковь") и коварно задуманным и путем наглой лжи, жестоких насилий и угроз осуществленным расколом, заключившего в тюрьмы и отправившего в отдаленные ссылки сотни служителей Церкви Христовой и доселе продолжающего, совместно с явными и тайными врагами Церкви, подкапываться под этот "столп и утверждение Истины"? И, однако – Иосифа патриарх Никифор принял в общение по постановлению и с согласия собора епископов, не осмелившись взять на одного себя решение дела, а еретика и душегуба Красницкого Святейший Патриарх готовился единолично принять и почти принял в Высшее Церковное Управление, должноствовавшее вести дела русской православной Церкви!..

Говоря все это, я не осуждаю Патриарха: его положение настолько трудно, крест, который он несет уже несколько лет, настолько тяжок, силы его настолько подорваны, что едва ли у кого из чад Церкви явится по отношению к нему другое чувство, кроме чувства сострадания и желания помочь ему молитвой, советом и делом. Нель-

¹⁸ Ибо нельзя серьезно говорить о навязанных ему совне членах синода, готовых почти всегда творить волю пославших их (прим. М. Новоселова).

зя не признать, и даже следует подчеркнуть, что глава нашей Церкви очень чутко прислушивается к голосу не только архипастырей, но и паствы, точнее — *всего церковного народа*. Раздваиваясь в своих циркулярных распоряжениях относительно стилей¹⁹, поддаваясь (не страха ради иудейска²⁰, а вполне бескорыстно — так верю я) коварным воздействиям окружающих его со всех сторон искусителей в деле воссоединения с живоцерковниками, Святейший Патриарх, как будто, нарочно тянул то и другое дело, держался, по выражению некоторых, "татарской политики", чтобы вызвать и услышать из среды православного народа живой голос его подлинной веры. И голос этот раздался, был услышан и явился для Патриарха твердой нравственной опорой для правильного решения затруднявших его вопросов²¹.

Православный народ совместно с верными Церкви архипастырями и пастырями охранил, по милости Божией, Святейшего Патриарха от губительных для него и вредных для Церкви шагов. И в таком именно течении событий я вижу особое промышление Божие: очень важно и утешительно, что не Высшее Церковное Управление, отъединенное от верующего народа, устраняло соблазны и опасности, угрожавшие Церкви Божией, а *все тело церковное*, содрогаясь от соприкосновения с искушениями лжи и обмана, посрамляло врага, обнаруживая этим свою жизненность, сохранившуюся, несмотря на множество крайне неблагоприятных и в прошлом, и в настоящем обстоятельств. Слава, честь, поклонение и благодарение Тебе, Христе, чудесно врачующему немощные члены Тела Твоего!

Простите, дорогие, если что переговаривал или чего не договорил. Первое покройте любовью, а второе — собственным размышлением. Надеюсь вскоре возобновить беседу с вами.

Прошу молитв. Недужность моя продолжается, хотя и в меньшей мере, чем было раньше.

Милосердие Божие да покроеет нас грешных!

Любящий вас брат о Господе.

¹⁹Поскольку он был отъединен от остатка святой Руси и окружен христопродавцами разного рода (прим. М. Новоселова).

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

1 октября 1924 г.

Покров Пресвятыя Богородицы

Прошло уже почти три месяца со времени нашей последней беседы с вами, дорогие друзья мои. И немощи, и непредвиденные хлопоты, и переезды с одного места на другое, и, наконец, лень, — все это соединилось, чтобы отвлечь меня от всегда утешительного для меня общения с вами.

Берясь за перо в этот раз, я особенно желал бы иметь дар художественного изображения людей и жизни, чтобы живописать пред вами исключительный по духовной красоте образ одного из величайших отцов Церкви, славного исповедника истины Христовой и просвещеннейшего, во истину богомудрого защитника ее. Я говорю о преподобном Максиме, жизнь и деяния которого способны умиротворить и восхитить и каменное сердце. Сколько раз перечитывал я житие этого стойкого страдальца за истинную Христову веру, и каждый раз с неослабным интересом и душевным волнением, доходящим иногда до восторга.

Этот великий муж, требующий, чтобы изобразить его во всем его действительном величии, — пера великого и даже богодухновенного художника, представляет в своей личности и жизни блестящее подтверждение той истины, уяснению которой посвящены три предыдущие письма мои, а именно, что в недрах Церкви ни количество лиц, ни высота их иерархического положения не имеют значения в деле раскрытия и утверждения религиозных учений. Количеству и высокому внешнему положению людей Дух Святой нередко противопоставляет нравственный авторитет одиноких не сановных личностей, которые и являются верными выразителями и истолкователями Божественных истин в противоположность (как это вы видели в предшествующих письмах) заблуждающимся и упорствующим в заблуждениях многочисленным сановникам, духовным и светским. Ярким примером такой богоизбранной личности и является св. Максим Исповедник.

Будучи не в силах художественно изобразить духовный облик этого поистине удивительного человека, я предложу вам довольно сухую схему его жития, заимствованную мною из изданной в 1916 г. Московской Духовной

Академией книги, озаглавленной "Творения святого отца нашего Максима Исповедника. Часть первая". Там помещено обширное житие его в греческом подлиннике и русском переводе, а предшествуют этому житию "предварительные краткие сведения" о св. Максиме. Их я и предлагаю вашему вниманию, чтобы те из вас, кто не знаком с жизнью преподобного, получили хотя бы некоторые общие сведения о нем¹. Но я очень прошу вас познакомиться с личностью и деяниями этого великого человека, если не по упомянутой выше книге (ее теперь найти трудно), то по Четьям Минеям св. Димитрия Ростовского². Вы не пожалеете, исполнив мою просьбу, так как, уверен, получите высокое духовное наслаждение при чтении этого жития, из которого я в настоящем письме буду пользоваться лишь краткими выдержками, идущими непосредственно к основной теме письма.

"Родился св. Максим около 580-го года, в знатной константинопольской семье. Получил широкое образование: его многочисленные сочинения проявляют в нем не только сильный природный ум и незаурядный талант, но и высокоразвитое формально-логическое мышление и обширное знакомство как с церковными писаниями — священными и отеческими, так и с языческими, особенно философскими, творениями Платона, Аристотеля и др.

Из мирской жизни св. Максима имеется известие, что при императоре Ираклии (610-641 гг.) он был "первым секретарем царским". <...> Стало быть, первая молодость, а может быть, и половина жизни св. Максима прошла на придворной службе. Из приказа Констанса, внука Ираклия, видно, что Максим стоял к Ираклию в очень близких отношениях, быть может, даже родственных, — пользовался у него большим почетом. <...>

Но, судя по созерцательно-мистическому характеру творений св. Максима и проявленному в них обширному знакомству с греко-философской и церковной литературой, надо думать, что ему были не по душе постоянные интриги, политиканство с церковью и вообще нравственная муть тогдашнего византийского двора. Желание "по мере сил преуспевать в добродетели и божественной философии, пренебрежение ко всему земному и стремление к высшей жизни духовной, — предпочтение низшего места у Бога (<...> св. Максим не имел иерархической степени) пред первыми должностями у царя земного" <...> побудили византийского царедворца почетную службу при Ираклии переменить на созерцательно-подвижническую жизнь

скромного монаха в уединенной обители Хрисополя, на другом берегу Босфора (теперешний Скутари).

Славившаяся подвижничеством и любовью к богословию братия монастыря скоро сделала св. Максима настоятелем или аввою, каковым он оставался всю жизнь.

Но подвижническое уединение св. Максима прервано было монофелитским движением: в постоянной и напряженной борьбе с этою ересью протекла вся дальнейшая жизнь святого.

Вместе с иерусалимским патриархом Софронием, учеником своим Анастасием и папою римским Мартином Максим является оплотом православия и главным борцом против монофелитства^{*}.

Своими многочисленными писаниями, рассылавшимися по всем странам, — а также личным влиянием на Софрония, африканских епископов и особенно на Мартина, — св. Максим мужественно отстоял православно-церковное учение о лице Спасителя. В этом главное значение Максима в церковной истории. Его заслуга увеличивается тем, что стороню монофелитов держал византийский двор, в лице императоров Ираклия и Констанса, — и константинопольский патриархат, в лице Сергия, Пирра и Петра <, и александрийский в лице Кира >.

В июле 645-го года мы находим св. Максима в проконсульской (северной) Африке, где он, вероятно, в Карфагене, в присутствии наместника Григория (или Георгия), ведет победоносный спор с константинопольским экс-патриархом Пирром, письменно, — но, как оказалось потом, притворно, — отрекшимся от монофелитства. По непосредственному влиянию св. Максима африканские епископы составляют потом соборные осуждения ереси.

^{*}Ересь монофелитская возникла в начале VII в. и была продолжением монофизитской ереси. Монофелиты признавали во Христе одну волю и одно действие Божеское и, таким образом, искажали догмат вочеловечения Бога Слова. По учению же православному, воля есть принадлежность естества, а не лица, а потому и Господь Иисус Христос, как естеством Бог и естеством человек, имел и Божескую и человеческую волю. Без этой последней Он не был бы совершенным по естеству человеком. Защитниками и распространителями ереси монофелитов были вначале: Кир — патриарх александрийский (630-640), Сергий Константинопольский (610-638) и даже сам царь Ираклий, увлеченный ими в эту ересь. Созвав поместные соборы, Кир — в Александрии, а Сергий в Константинополе, они утвердили эту ересь, повсюду разослали свое постановление и совратили весь Восток. Один только св. Софроний, патриарх иерусалимский, противился ереси, не принимая лжеучения (прим. М. Новоселова).

В 649-м году св. Максим принимает деятельное, хотя и не официальное (как простой монах) участие на Латеранском соборе³ в Риме: по его внушению папа Мартин собрал этот собор и анафематствовал на нем как императорские эдикты — Экфесис Ираклия (638 г.) и Типос Констанса (648 г.)⁴, изданные с целью ввести монофелитское лжеучение, — так и вообще все монофелитство и его приверженцев.

Арестованный в Риме вместе с двумя своими учениками — Анастасием монахом и Анастасием пресвитером и апокрисиарием⁵, св. Максим и его ученики подверглись в Константинополе продолжительному суду, кончившемуся (19 мая 655-го года) ссылкой старца (Максиму тогда было 75 лет) в Бизию, крепость во Фракии (?), а его ученика Анастасия в Перберис, отдаленнейшую местность империи (св. Мартин был сослан ранее, в 654-м году, в Херсон).

24 августа 656-го года к св. Максиму являлось не имевшее успеха посольство от императора и патриарха с целью склонить его к монофелитству. Вскоре потом, по приказу императорскому, Максим был переведен в монастырь св. Феодора, близ Региума. Вторичное посольство сюда от императора и патриарха также не повлияло на непреклонного старца, и 14-го сентября 656-го года его осуждают на ссылку в Перберис, где находился его ученик Анастасий.

Но влияние св. Максима было так велико и православие в народе так сильно, что по прошествии некоторого времени (около 662 г.?) учитель и ученик опять вызываются в Константинополь на новые увещания и на последний суд. Кончилось тем, что Максиму и Анастасию, после бичевания, отрезают языки и правые руки. В таком искалеченном виде их проводят по всему Константинополю и отправляют на пожизненную ссылку в Лазику, на восточном берегу Черного моря. Здесь осужденных разделили: Анастасий был сослан в страну Авасгов, а Максим в Схимарис, отделенную крепость Алапии.

Пред смертью св. Максиму было откровение о дне ее: она последовала 13 августа 662 или 663 года на 82 году жизни его. Один из учеников — Анастасий монах умер в том же году несколько ранее, 24-го июня, на дороге в ссылку, — а другой Анастасий, апокрисиарий — позднее, 11-го октября 666 года. Над могилой св. Максима в монастыре св. Арсения ночью являлись три чудесные светильника и были многочисленные чудеса исцелений.

Гонитель св. Максима император Констанс, преследу-

емый народною ненавистью за монофелитство и за св. Максима, погиб вдали от Константинополя насильственной смертью. А его сын Константин, боясь участи отца, не пошел его дорогою. Напротив, он был предан православию и в 680-м году созвал шестой вселенский собор, осудивший монофелитство и окончательно утвердивший двуволие и двуприродность во Христе.

Несмотря на то, что жизнь св. Максима мало благоприятствовала литературной деятельности, ему принадлежат многочисленные и разнообразные сочинения: догматико-полемические, богословско-экзегетические, нравственно-аскетические, мистико-литургические, частные письма и гимны...

Воззрения св. Максима представляют своеобразное соединение философии, богословия и мистики. Широта философского синтеза, высота богословского созерцания, глубина мистических переживаний и тонкость диалектики открывали св. Максиму возможность стремиться к объединению греческой философии (Платона и Аристотеля) с христианским богословием прежних великих отцов (Афанасия, Григория Богослова и Григория Нисского) и мистикой Дионисия Ареопагита и Египетских аскетов⁶.

Таково, в схематическом виде, житие преп. Максима. Наполнить эту схему полнотой содержания поможет вам святитель Димитрий Ростовский, к январской книге Минеи которого я вас и отсылаю. Нечто из этой книги я возьму и для настоящего письма, а пока остановлю ваше внимание на некоторых пунктах вышеприведенной житейской схемы, которые имеют отношение к главной теме письма.

Прежде всего обратите внимание на то, что "св. Максим не имел иерархической степени", — значит был простым монахом. Несмотря на это он "своими многочисленными писаниями, рассылавшимися по всем странам, — а также личным влиянием на Софрония⁷, африканских епископов и особенно на Мартина⁸ — мужественно отстаивал православно-церковное учение о лице Спасителя". "По непосредственному влиянию св. Максима африканские епископы составляют соборные осуждения ереси". "По его внушению папа Мартин собрал (Латеранский) собор (в Риме) и анафематствовал на нем как императорские эдикты..., изданные с целью ввести монофелитское лжеучение, — так

³ Патриарх иерусалимский (прим. М. Новоселова).

⁴ Папа Римский (прим. М. Новоселова).

и вообще все монофелитство и его приверженцев".

И этих немногих цитат было бы, пожалуй, достаточно, чтобы преп. Максим занял видное место наряду с теми свидетелями истины, о которых шла речь в предыдущих письмах, и которые своей жизнью и деятельностью утверждали господственное значение нравственного авторитета в Церкви. В самом деле, простой монах является центром напряженнейшей борьбы православия с монофелитской ересью. Не имея иерархического сана, он укрепляет на эту борьбу: на востоке — иерусалимского патриарха Софрония, на западе — папу Мартина, на юге, между восточными и западными патриархатами, африканских епископов.

Но мне хочется более яркими чертами обрисовать то положение, которое занимал в эту страдную эпоху жизни Церкви св. Максим, и ту полную потрясающего драматизма роль, которая выпала на его долю по воле руководившего им православия. Настаивая на том, чтобы вы, мои дорогие, с благоговейным вниманием прочитали у св. Димитрия Ростовского подробное повествование о преп. Максиме (января 21), я приведу сейчас ряд фактов из мнимого жития его, относящихся к последним годам жизни преподобного, когда он был многократно вызываем на суд высокопоставленных особ, духовных и светских, и подвергался настойчивым допросам.

К преп. Максиму, посаженному в темницу, пришли некоторые люди, заявившие, что они посланы патриархом, и стали спрашивать его:

"— Какой ты церкви: Византийской, или Римской, Антиохийской, Александрийской, или Иерусалимской. Ибо все эти церкви с подчиненными им областями находятся в единении. Посему, если и ты принадлежишь к кафолической церкви, то немедленно вступи в общение с нами, — если только не желаешь подвергнуться тяжкому изгнанию и испытать то, чего не ожидаешь.

На это праведный муж <...> ответил им:

— Христос Господь назвал кафолическою Церковью ту, которая содержит истинное и спасительное исповедание веры. За это исповедание он и Петра назвал блаженным и на нем обещал основать вселенскую церковь (Мф. 16, 17-18). Однако я хочу узнать содержание вашего исповедания, на основании которого все церкви, как вы говорите, вступили в общение. Если оно не противно истине, то и я не отступлю от него".

Услышав неправое их учение о волях в Господе Иисусе Христе, он указал на их заблуждение и заключил свой

ответ словами:

"— Этого я признать не могу и не научился от святых отцов так веровать. Вы же, как имеющие власть, сделайте со мною, что вам угодно".

В другой раз допрашивающий св. Максима епископ Феодосий сказал:

"— Император и патриарх прежде всего желают узнать от тебя: почему ты удаляешься от общения с Константинопольским престолом?

Святой Максим ответил:

— Вы знаете нововведения, принятые шестого индикта* истекшего круга. Они начались в Александрии чрез обнародование Киrom, бывшим там патриархом, девяти глав, одобренных и утвержденных Константинопольским престолом. Были и иные изменения и дополнения (экфесис и типос), искажающие соборные определения. Эти нововведения были сделаны первыми представителями Византийской церкви — Сергием, Пирром и Павлом, — и известны всем церквам. Вот причина, по которой я, раб ваш, не вступаю в общение с Константинопольскою церковью. Пусть будут уничтожены в Церкви эти соблазны, введенные упомянутыми выше мужами, — пусть будут устранены введшие их и — очистится путь спасения от преград, и вы пойдете тогда гладким путем Евангелия, очищенным от всякой ереси! Когда же я увижу Константинопольскую церковь такою, какою она была прежде, тогда и я обращусь к ней, как был и раньше ее сыном, и вступлю в общение с нею без всякого увещания человеческого. *Пока же в ней будут еретические соблазны и еретики архиереи, никакое слово или дело не убедит меня, чтобы я когда-либо вступил в общение с ними*".

Когда в той же беседе вспомнили о поместном соборе, который, по инициативе преп. Максима, созван был в Риме блаженным папою Мартином для осуждения монофелитов, еп. Феодосий сказал:

"— Не имеет значения этот собор, потому что он был созван не по царскому повелению.

Преподобный ответил:

— *Если утверждаются только постановления соборов, созываемых по царскому повелению, то не может быть*

*Индикт — по римскому календарю означает промежуток или круг времени в 15 лет. Первый год в этом круге — "первый индикт" (прим. М. Новоселова).

*9 лет тому назад, т. е. в 648 г. (прим. М. Новоселова).

православной веры. Вспомните о соборах, созываемых по царскому повелению против еднотелства, на которых установлено богохульное учение, что Сын Божий не еднотелен Богу Отцу. Таковы соборы: первый в Тире, второй — в Антиохии, третий в Селевкии, четвертый в Константинополе при Евдоксии арианине, пятый в Никее, шестой в Сирмии, а спустя много времени — седьмой в Ефесе под председательством Диоскора¹¹. *Все эти соборы созывались по царским повелениям; однако все они отвергнуты и преданы анафеме, так как на них были составлены вероопределения безбожные и богопротивные. Притом, почему вы не отвергаете того собора, который осудил Павла Самосатского и предал его анафеме?*¹² Ведь во главе этого собора стояли: Дионисий, папа Римский, Дионисий Александрийский и Григорий Чудотворец, который и председательствовал на этом соборе. Этот собор происходил без царского повеления, однако он тверд и неопровержим. *Православная Церковь признает истинными и святыми только те соборы, на которых установлены истинные и непреложные догматы. И подлинно, как знает это и твоя святость и других поучает тому же, каноны повелевают — в каждой христианской стране созывать поместные соборы дважды в год — как для защищения спасительной веры нашей, так и для исправления того, что требует исправления; однако, церковные правила не говорят о царских повелениях*¹³.

Когда от преп. Максима требовали однажды именем царя, чтобы он заранее обещал исполнить волю государя, которую имели ему объявить, он сказал:

— Так как вы не хотите сказать мне, рабу вашему, что угодно господину нашему, царю, то объявляю вам, пред лицом Самого Бога и Его святых ангелов, следующее: *если царь повелит мне что-либо такое, что имеет временное и преходящее значение, притом не противное Богу и безвредное для вечного спасения души, то я охотно исполню*¹⁴.

Воля государя была объявлена преп. Максиму патрицием Епифанием в следующем виде:

— Вот что царь приказывает объявить тебе: так как весь Восток и те на Западе, которые увлечены в соблазн, взирая на тебя, производят смуты и волнения, являясь отступниками от веры и строя козни, причем не хотят в деле веры иметь с нами общения, то да смягчит Господь кротостью твое сердце, чтобы ты вступил в общение с нами, приняв изданный нами типос. Мы же, приняв тебя с любовью, с великой честью и славою введем тебя в церковь и

поставим рядом с нами, где обычно стоят цари, и приобщимся вместе с тобою Пречистых и Животворящих Таин Тела и Крови Христовых. Потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только во всем христолобивом граде нашем, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение со святою Константинопольскою церковью, то присоединятся к нам и все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения с нами.

Святой авва Максим, обратившись к епископу Феодосию, со слезами сказал:

— Все мы, владыко, ожидаем великого дня судного. Ты помнишь, что было недавно говорено и обещано пред святым Евангелием, животворящим Крестом и святыми иконами Спасителя нашего Иисуса Христа и Пренепорочной Его Матери, Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии.

Епископ, с потупленным вниз взором, кротко сказал:

— Что же могу я сделать, когда благочестивый царь хочет иного.

Авва Максим отвечал ему:

— Зачем же ты и бывшие с тобою касались святого Евангелия¹⁵, когда у вас не было твердого намерения исполнить обещанное? Поистине, *все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете*. Ибо какой ответ дам я, не говорю — Богу, но моей совести, если из-за пустой славы и мнения людского, ничего не стоящего, отвергну правую веру, которая спасает любящих ее?¹⁵

Когда Епифаний во время этой беседы заметил, что "типос написан ради улажения не совсем понятных истин, чтобы не впал в заблуждение народ вследствие особенной тонкости их выражения"¹⁶, авва Максим сказал:

— Это противно вере, а между тем *всякий человек освящается правильным исповеданием веры*.

Тогда патриций Троил возразил:

— Типос не отрицает двух волей во Христе, а только заставляет молчать о них ради мира Церкви.

Авва Максим сказал на это:

— *Замалчивать слово значит отрицать его*, как об этом говорит Дух Святый чрез пророка: "не суть речи, ни же словеса, их же не слышатся гласи их" (Пс. 18, 4). Поэтому

¹¹ В прежде бывшее свидание еп. Феодосия с преп. Максимом (прим. М. Новоселова).

¹² То же (прим. М. Новоселова).

му, если какое-либо слово не высказывается, то это вовсе не есть слово".

Тогда Троил сказал:

— Имей в сердце своем какую угодно веру; никто тебе не запрещает.

Святой Максим возразил:

— Но полное спасение зависит не от одной сердечной веры, а и от исповедания ее, ибо Господь говорит: "иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех" (Мф. 10, 33). Равно и Божественный апостол учит: "сердцем веруется в правду, усты же исповедуется во спасение" (Рим. X, 10). Если же Бог и Божественные пророки и апостолы повелевают исповедовать словом и языком таинство веры, которое приносит всему миру спасение, то нельзя принуждать к молчанию относительно исповедания, чтобы не умалялось спасение людей"¹⁷.

В другой раз царский казнохранитель, с раздражением в голосе, обратился к преп. Максиму:

"— Христианин ли ты?

Старец отвечал:

— По благодати Христа, Бога всяческих, я — христианин.

Казнохранитель исполнился гнева и сказал:

— Ты говоришь неправду.

Святой отвечал:

— Ты говоришь, что я не христианин, а Бог говорит, что я неизменно пребываю христианином"¹⁸.

На другой день преподобному был предложен вопрос:

"— Скажи нам, авва, какую беседу вел ты в Африке и в Риме с Пирром и какими доводами убедил ты его отказаться от его собственного догмата и принять твой догмат?"¹⁹

Ответив на него, преп. Максим в заключение прибавил:

"— Я никакого собственного догмата не имею, а только *общий всей католической Церкви*; я не внес в свое исповедание ни одного нового слова, по которому оно могло бы называться моим собственным.

Затем посланные спросили его:

— Что же ты не вступишь в общение с Константинопольским престолом?

— Нет, — ответил святой.

— Почему же? — спросили они.

— Потому, — ответил святой, — что предстоятели сей

церкви отвергли постановления четырех святых соборов, приняв за правило "девять глав", изданных в Александрии"²⁰, а затем приняли экфесис, составленный Сергием, Константинопольским патриархом, и, наконец, типос, в недавнее время обнародованный. С другой стороны, все, утвержденное в экфесисе, они отвергли в типосе и *много раз сами себя отлучили от Церкви* и изобличили в неправомыслии. Мало того, сами себя отлучив от Церкви, они *низложены* и лишены священства на поместном соборе, бывшем недавно в Риме. *Какое же тайнодействие они могут совершать?* Или какой Дух снизойдет на тех, которые ими рукополагаются?

— Значит, ты один спасешься, — возразили ему, — а все прочие погибнут?

Святой ответил на это:

— Когда все люди поклонялись в Вавилоне золотому истукану, три святые отрока никого не осуждали на погибель. Они не о том заботились, что делали другие, а только о самих себе, чтобы не отпасть от истинного благочестия (Дан. 3). Точно также и Даниил, брошенный в ров, не осуждал никого из тех, которые, исполняя закон Дария, не хотели молиться Богу, а имел в виду свой долг и желал лучше умереть, чем согрешить и казниться пред своею совестью за преступление Закона Божия (Дан. 14, 31 и далее). И мне не дай Бог осуждать кого-либо или говорить, что я один спасусь. Однако же я *соглашусь скорее умереть, чем, отступив в чем-либо от правой веры, терпеть муки совести*.

— Но что ты будешь делать, — сказали ему посланные, — когда римляне соединятся с византийцами? Вчера ведь пришли из Рима два апокрисиария и завтра, в день воскресный, будут причащаться с патриархом Пречистых Таин.

Преподобный ответил:

— Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним. Ибо я знаю из писаний святого апостола Павла, что Дух Святый предаст анафеме даже Ангелов, если бы они стали благовествовать иначе, внося что-либо новое (Гал. 1, 8).

Тогда посланные спросили:

— Неужели совершенно необходимо исповедовать во Христе две воли и двоякого рода деятельность?

— Совершенно необходимо, — отвечал святой, — если мы хотим благочестиво мыслить, ибо никакое существо не лишено природной деятельности. Святые отцы ясно

говорят, что ни одно существо не может ни существовать, ни быть познаваемым без сродного ему действия. Если этого нет и если естество не обнаруживается в действовании, то каким образом можно признавать Христа истинным Богом по естеству и истинным человеком?

На это ему сказали:

— Мы видим, что это — истинная правда, однако, — не огорчай царя, который ради мира Церкви, составил типос не для того, чтобы отрицать что-либо из признаваемых во Христе свойств, но ради спокойствия Церкви, повелевая молчать о тех вещах, которые порождают разногласие.

Тогда человек Божий, простершись на земле, отвечал со слезами:

— Не следовало бы огорчаться доброму и боголюбивому царю по поводу моего недостойнства, ибо я не хочу прогневать Бога, умалчивая о том, что Он повелел признавать и исповедовать. Ибо если, по слову Божественного Апостола, Сам Он положил "в Церкви первое апостолов, второе пророков, третье учителей"²¹, то ясно, что Сам Он и говорит чрез них. Из всего же Священного Писания, из творений святых учителей и из постановлений соборных мы научаемся, что воплотившийся Иисус Христос, Господь и Бог наш, имеет силу хотеть и действовать по Божеству и по человечеству. Ибо у Него вовсе нет недостатка в тех свойствах, по которым Он познается, как Бог или как человек, кроме греха. Если же Он совершен по обоим естествам и не лишен ничего, свойственного им, то поистине тот совершенно извращает тайну Его вочеловечения, кто не признает в Нем самого существа обоих естеств с соответствующими им свойствами, — естеств, чрез которые и в которых Он пребывает.

Когда святой изложил это и многое другое, пришедшие похвалили его мудрость и не нашли, что возразить ему. Сергей же сказал:

— Один ты огорчаешь всех, — именно тем, что из-за тебя многие не хотят иметь общения со здешнею Церковью.

Преподобный Максим возразил:

— Но кто может утверждать, что я кому-нибудь повелевал не иметь общения с Византийскою церковью?

На это Сергей отвечал:

— То самое, что ты не сообщаешься с этою церковью, сильнее всего отвращает многих от общения с нею.

²¹ Начальник царской трапезы (прим. М. Новоселова).

Человек Божий сказал на это:

— Нет ничего тягостнее и печальнее того состояния, когда совесть в чем-либо обличает нас, и нет ничего дороже спокойствия и одобрения совести²².

Через неделю патриций Троил спрашивает преподобного:

"— Но разве ты не анафематствовал типоса?

Старец отвечал:

— Несколько раз уже я говорил, что анафематствовал.

— Но если ты, — сказал Троил, — анафематствовал "типос", то, следовательно, и царя?

— Царя я не анафематствовал, — ответил преподобный, — а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру.

— Где же ты анафематствовал? — спросил Троил.

— На поместном соборе, в Риме, — отвечал святой Максим, — в церкви Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Тогда обратился к нему председатель:

— Вступишь ли ты в общение с нашею церковью или нет?

— Нет, не вступлю, — отвечал святой²³.

Этимися немногими выдержками из жития преп. Максима я и ограничусь. Предоставляя вам самим, мои дорогие, продумать все мысли св. Максима, высказанные им в вышеприведенных диалогах его с судьями и гонителями, я отмечу лишь некоторые из этих мыслей, существенно связанные с основной задачей моих последних (начиная с 11-го) писем.

Прежде всего вы видите, что преп. Максим, будучи простым иноком, совершенно не считается в религиозных спорах с авторитетом иерархии, как таковой, равно и с авторитетом государственной власти, власти христианского царя. Из жития видно, как это уже указано было мною раньше, что и римский папа Мартин не являлся в его глазах решающим дело авторитетом. Напротив, папа как бы опирался на св. Максима, побудившего его созвать собор и анафематствовать ересь.

И это положение, занятое в Церкви св. исповедником, было отнюдь не плодом самочиния, "восхищением недарованного", а лишь выявлением его подлинной, свыше данной, нравственной силы, возвышавшей его над всем тогдашним церковным миром.

Помимо своей воли св. Максим становится центром, вокруг которого разгорается ожесточенная борьба ереси с

православием. Он является как бы фокусом этой борьбы. Ни еретические патриархи и епископы, ни византийский двор с императором во главе, поддерживавший ересь, не считаются ни с иерусалимским патриархом Софронием ни даже с римским папой Мартином^{*}, которого они, ничтоже сумняшеся, отправляют в ссылку, нимало не тревожась его несогласием с ними.

Один инок Максим сосредоточивает на себе их внимание и ненависть. Они не только про себя знают, но и во всеуслышание исповедуют (см. вышеприведенные мною их признания), что все дело за ним, Максимом: воссоединись он с ними, и дело будет сделано: умирится "вся вселенная". Ибо она пристально, напряженно следит, по какому пути идет угодник Божий Максим: ему она верит, в нем видит неподкупного служителя Божия и верного носителя и исповедника истины.

И, действительно, св. Максим не поддался ни увещаниям, ни соблазнам, ни угрозам. Почти 80-летний старец, измученный допросами, побоями, ссылками, он не обнаруживает ни малейшего колебания в борьбе с многочисленными, жестокими и сильными мирскою силою врагами. Мутные волны богоборной ереси вдребезги разбиваются о несокрушимую твердыню духа богоносного старца, с величайшим дерзновением и с таковым же смирением (заметьте это чудное соединение), отмечающего всякие компромиссы, могущие замутить чистоту Христовой веры. Какая несокрушимая уверенность в правоте своего дела, какая изумительная твердость, какая вера в собственную причастность Телу Христову, какое ясное ведение истины среди окружающего мрака заблуждений сказались в потрясающих душу словах св. исповедника, которыми он ответил на коварно-лживое сообщение об осуждении Рима с еретической Византией: "Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним. Ибо я знаю из писаний святого апостола Павла, что Дух Святой предаст анафеме даже Ангелов, если бы они стали благовествовать иначе, внося что-либо новое" (Гал. 1, 8).

Этим приводящим душу в священный трепет ответом я и закончу свое письмо, хотя желал и предполагал сказать гораздо больше в объяснение слов и деяний блаженного Максима. Но, с одной стороны, я надеюсь, что вы сами задумаетесь над ними и сделаете нужные из них выводы (в частности, для настоящего времени), с другой — я

^{*} Оба они признаны Церковью святыми (прим. М. Новоселова).

предполагаю вернуться к ним в следующем письме.

Молитесь обо мне. Мир вам.

Любящий вас ваш брат о Господе.

Р. С. Пришло мне на память одно сказание из "Древнего патерика", которое привести здесь не будет неуместным, так как, несмотря на свою краткость, оно проливает довольно яркий свет на значение иерархического и нравственного авторитетов в Церкви. Причем оба эти авторитета выявляются в этом сказании по отношению к вопросу не столько догматического, сколько морального характера. Вот это сказание.

"Некие два мирянина были благочестивы и, согласившись между собою, вышли и сделались монахами: возбуждаемые ревностью по Евангельскому слову, не зная же^{*} оскостили самих себя, то есть, ради Царствия Небесного (Мф. 19, 12). Архиепископ^{**}, услышавши о сем, отлучил их. Они же, думая, что хорошо сделали, вознегодовали на него, говоря: мы сделались скопцами ради Царствия Небесного, и он отлучил нас. Пойдем и принесем на него жалобу архиепископу Иерусалимскому. И пошедши, рассказали ему обо всем. Архиепископ говорит им: и я отлучаю вас. Затем снова опечаленные пошли к архиепископу в Антиохию и рассказали ему все о самих себе. Сей также отлучил их.

И они говорят между собою: пойдем в Рим к патриарху; он защитит нас от всех их. Пришедши к великому архиепископу Римскому, рассказали ему, что сделали с нами архиепископы. Мы, говорят, пришли к тебе, потому что ты глава^{***} всех. И сей сказал им: и я отлучаю вас, — и вы находитесь в отлучении.

После сего, недоумевая, сказал один другому: сии угождают один другому, потому что сходятся вместе на соборах; пойдем к святому Божию Епифанию, епископу Кипрскому; ибо он пророк есть и не зрит на лице человека. Когда же они приблизились ко граду его, то ему было открыто о них. И он, пославши навстречу им, сказал: не

^{*} Его настоящего смысла (прим. М. Новоселова).

^{**} Из последующего видно, что речь идет об архиепископе Александрийском (прим. М. Новоселова).

^{***} Глава, конечно, не в том смысле, какой придают этому слову современные католики: это явствует как из действий иноков, обратившихся после сношения с римским папой к епископу Кипрскому Епифанию, так и из деяний самого "пророка Божия" Епифания (прим. М. Новоселова).

входите в град сей.

Тогда они, пришедши в самих себя, сказали: поистине мы согрешили. Итак, зачем же мы оправдываем самих себя, будто они несправедливо отлучили нас, когда (отлучает) также и сей пророк? ибо Бог открыл ему об нас. И много обвиняли себя за дело, которое сделали.

Тогда сердцеведец Бог, зная, что они поистине обвиняли себя, открыл об этом авве Елифанию. Пославши за ними, привел их к себе и, утешивши, принял в общение (церковное) и написал архиепископу Александрийскому так: приими чад твоих, ибо они искренно раскаялись²⁴.

Сколько поучительного для нас содержит в себе это бесхитростное повествование христианской древности! Им подтверждается великая и для нашего времени, может быть, особенно важная истина, — как опасно самочинное, отрешенное от святоотеческого (иначе — церковного) разума толкование св. Писания. Оно знакомит нас с трогательной простотой отношений между рядовыми христианами и высшими представителями иерархии того времени. Оно показывает нам живую связь, которая существовала тогда между различными православными церквями. В нем же мы находим простодушное свидетельство иноков о первенствующем положении среди тогдашних предстоятелей церквей — римского епископа, что, конечно, нимало не говорит как о его господстве над ними, так, тем более, о его непогрешимости.

Но для нашей теперешней беседы особенно ценно в этом рассказе выявление, как я сказал раньше, двоякого рода авторитетов, нравственного и иерархического, причем оба эти авторитета оказались здесь, в противоположность церковно-историческим примерам, не в оппозиции один к другому, а в единомыслии друг с другом. Они не сталкиваются во взаимной борьбе, а согласно разрешают жизненную задачу. Однако и тут явно превосходство и господствующее значение нравственной силы.

В самом деле: два инока, ложно поняв одно место Св. Писания и практически применив к себе это ложное понимание, совершают недобрый поступок. Предстоятель Александрийской Церкви, к которой принадлежали иноки, лишает их церковного общения. Огорченные этим, но не вразумленные, они приносят жалобу на своего архипастыря предстоятелю церкви иерусалимской. Тот подтверждает решение архиепископа александрийского. То же повторяется при попытках обращения иноков к предстоятелям церквей антиохийской и римской. И эти согласно

подтверждают решения своих предшественников по этому делу, но не убеждают в истинности своих приговоров виновных иноков.

Итак, дело прошло по всем инстанциям, восходило к первоепископу римскому, и одно и то же решение изшло из уст всех иерархов. По-видимому, виновным некуда было податься, и оставалось только подчиниться согласному приговору высших епископов и вместе с тем носить неисцельную рану в своей совести, которая не могла примириться с этими приговорами, не соответствовавшими, как казалось инокам, искренности их убеждения, приведшего их к осуждаемому и караемому иерархами поступку.

Но милость Божия не оставила их в этом тяжком и, казалось, безвыходном положении: их посетила благодатная мысль обратиться к "святому Божию", к "пророку" Елифанию, епископу кипрскому. Осужденные иерархами, предстоятелями великих церквей, но не примирившиеся внутренне с их приговорами, иноки простирают руки к явному носителю духовно-нравственного начала, к живому сосуду благодати Божией.

Но, увы! и здесь они встречают решительное осуждение своему поступку. Однако это осуждение, произнесенное явно по откровению свыше, убеждает страдальцев-иноков в их неправде, приводит к раскаянию и душевному исцелению. Носитель высшего, духовно-нравственного авторитета, исцелив души преступников закона, властно приемлет их в церковное общение с собой и предлагает сделать то же первому судье, инициатору отлучения — архиепископу Александрийскому.

Здесь мы еще раз наблюдаем верховное значение духовно-нравственного начала в Церкви, которое в данном случае действовало в согласии с началом иерархическим, не противореча, а восполняя его.

Излишне говорить, что такого рода согласие и есть желательная норма церковной жизни, но норма эта является, к сожалению, чаще желаемым идеалом, чем живой действительностью.

... Очень прошу вас, друзья мои, сопоставить церковно-исторические примеры, приведенные мною в последних письмах, с рассуждениями Ю. А. Колемина (письмо 11-е) и других единомысленных с ним лиц (письмо 12-е).

24 сентября/7 октября 1925 г.
г. Петроград.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

7 декабря 1924 г.
День св. Амвросия Медиоланского.

Ровно два года тому назад, 7-го декабря, в день св. Амвросия Медиоланского, я отослал вам, мои дорогие, первое свое письмо. Сегодня приступаю к пятнадцатому. Неоднократно выражавшееся вами сочувствие, по поводу моих писем к Вам, служит для меня ободрением и побуждением к продолжению бесед с вами. Молитвы великого Святителя Медиоланского да сопутствуют нашему общению в наступающую третью годину.

Признав в последних письмах *непогрешимость Церкви* и отвергнув *непогрешимый авторитет в Церкви*, на котором, как вы помните, упорно настаивал иезуит в разговоре с православным (см. 11-е письмо), мы отгородились от католицизма, исказившего догмат о Церкви.

Но, минуя Сциллу католицизма, не попадаем ли мы в Харибду протестантизма? Отвергнув "камень Петров"¹, своеобразно отшлифованный в мастерской Рима, не рискуем ли мы очутиться среди моря песчинок, рассеянных по всему миру смелой рукой Виттенбергского реформатора², софистически связывавшего себя и свое дело с именем другого первоверховного апостола, Павла? Отстраняя непререкаемый авторитет и верховную власть римского первосвященника, не вступаем ли мы в безбрежное море того субъективизма и лжесвободы, которые, с роковой необходимостью, привели протестантов к распылению на множество сект и, в конечном счете, к неверию и материализму?

Возвращаясь к преп. Максиму Исповеднику*, спросим: "чем отличается от пути отщепенца Лютера путь, по которому шел верный сын Церкви Максим, подобно Лютеру не считавшийся с авторитетом иерархии, ни с требованием императоров, и смело противопоставлявший свое религиозное сознание "всей вселенной"?"

При некотором формальном сходстве действий, сближающих как будто основоположника реформации с великим исповедником Православия, внутреннее, духовное самочувствие и религиозное самосознание *того и другого*

* См. предыдущее мое письмо (прим. М. Новоселова).

были несходны до противоположности, почему и места, занятые ими в христианском мире, так далеки одно от другого.

Я позволю себе предложить вашему вниманию некий фантастический "диалог" между Мартином Лютером и преп. Максимом, давно мною набросанный под влиянием помысла, сопоставившего жизненные пути этих двух личностей.

— "Я — альфа и омега нового религиозного сознания, освобождающего христианское человечество от многовековых уз духовного рабства и ставящего его лицом к лицу перед живым Богом — через личную веру, личную совесть и Божественное слово, приемлемое личным же разумением", — вещал Лютер.

— "Я — один из многочисленных членов непрестанно растущего Тела Истины, незаметное звено золотой цепи, тянущейся изначала, переходящей из века в век и скрепляющей несокрушимой связью причастников Христова Благовестия, единого и неизменного; я — малая отрасль великого, благосеннолиственного Древа, имже покрывается мир", — таково сознание святого Исповедника.

— "Я один воспел песнь новую и не нуждаюсь в поддержке и сочувствии старых певцов. Пусть новые примыкают ко мне в согласии с моей песнью".

— "Я — один из многочисленных участников великого хора, единодушно воссылающего хвалу Духу Истины, и всеусильно стараюсь, чтобы голос мой не нарушал стройной гармонии поющих небесную песнь. Я стремлюсь слиться в этой гармонии с другими, искуснейшими певцами, на которых взираю, как на своих учителей".

— "Я смело пускаюсь в открытое море на одиноком челне моем, не страшась бурь и ненастия".

— "Я страшусь отступить от судов, идущих в стройном порядке и держащих единый путь вслед за передовым кораблем, Кормчий которого Сам Господь".

— "Дух Божий удостоверяет правильность моего пути, и мне не нужно другого руководства в моей жизни и борьбе с изменившим Христу Римским престолом".

— "Господь говорит мне, что я неизменно пребываю христианином, но я не перестаю проверять себя теми, кто уже совершил путь свой в Боге и чья богоугодная жизнь засвидетельствована Господом во святой Церкви Его. Я стою твердо только в союзе друг-другоприимательной веры, непостыждающей надежды и нелицемерной любви,

иначе — в живом союзе с Телом Христовым и святейшими членами Его. Лишь этот союз служит основанием, оправданием, освящением и залогом успешности моей борьбы с уклонившимися в ересь иерархами и царями".

— "Только благодатию, по вере своей, спасаюсь я", — исповедует Лютер.

— "И мой путь спасения указывается и совершается верой и благодатию, но вера моя — и по содержанию, и по внутреннему характеру — есть та, которую содержит и сообщает чадам своим единая, святая вселенская Церковь Христова, и благодать спасения я почерпаю в таинственных недрах той же Матери Церкви".

— "Я отвергаю заблудившуюся историческую Церковь и существовавшую до меня церковную организацию — и остаюсь при церкви невидимой. Я и все мои единоверцы — священники Бога Вышнего, "царственное священство", по Апостолу³".

— "Я решительно отказываюсь от общения с еретиками-иерархами, но неуклонно держусь истинного руслу Церкви видимой, — Христовой, Апостольской, Соборно-отеческой, ибо отпадающий от церкви видимой отлучает себя и от невидимой, которая неразрывно сочетана с первой. Чистая, не имеющая пятна и порока, непогрешимая Невеста Христова растет лишь в недрах церкви исторической с ее богоустановленной иерархией и благодатными таинствами".

Простите мне, друзья мои, этот аляповатый "диалог", который все-таки, думаю, проливает свет на суть вопроса, проводя заметную, надеюсь, грань между путем и настроем протестантизма, с одной стороны, и стезей и духом православия — с другой.

Лютера искушал голос змия, шептавшего ему: "будешь превыше вселенского сознания". Несмотря на законность протеста, направление, самочинно и самонадеянно принятое Лютером, привело его к окончательному разрыву с истинным христианством. Он отклонился еще дальше от ствола Вселенской Церкви, чем Рим, от которого он отпал.

Между тем путь, по которому с самоотвержением, смирением и подлинной богопреданностью ступал первый сын Вселенской Церкви, Максим, возвел его в славное достоинство отца ее. Максим явил собою потомству назидательнейший пример безусловной верности Церкви и спасительного противления законной власти, не сохра-

нившей этой верности.

Верность Церкви! Вот тема, требующая к себе усиленного внимания после всего вышесказанного не только в этом письме, но и в предшествующих, по крайней мере, начиная с 11-го.

Ведь если Церковь есть "столп и утверждение Истины", то верность Церкви необходима, чтобы быть нам в согласии с Истиной. Что же значит быть верным Церкви? Как быть верным ей?

Для протестанта — собственно, не существует вопроса о верности Церкви. Во всяком случае, он без особого труда может обойти его.

У католика этот вопрос подменяется другим — вопросом о верности папе: на место непогрешимой Церкви ставится "святейший отец", как "непогрешимый глава Церкви". Этим подлогом вопрос весьма упрощается³, и совесть католика легко успокаивается на папском авторитете, на этом видимом знаке Истины.

Не так просто разрешается этот вопрос в Православии⁴, т. е. в единой святой, соборной и апостольской Церкви, которая, с одной стороны, отвергает, как мы видели, внешний авторитет в вопросах веры, с другой — не мирится с протестантским свободомыслием, разрушающим единство религиозного сознания и жизни.

Отрицая внешний авторитет, а вместе и материальный критерий в области веры, православное сознание, чтобы не попасть в русло протестантизма, дробящего целостный образ Христовой Истины на сотни осколков, призывается к отысканию и указанию критерия внутреннего, духовного. А духовное, как известно, не доказывается, а будучи воспринимается актом живой веры, "обличающей невидимое" (Евр. 11, 1), по существу показывается лишь в религиозном опыте этой веры. Поэтому вопрос о верности Церкви, как посетительнице абсолютной духовной Истины, сводится к следующим вопросам: каким путем, по каким вехам нужно идти к "Дому Божию" (1 Тим. 3, 15)? Как войти внутрь его? Как стать живым членом Тела Истины и благодаря этому внутренним ухом слышать голос Исти-

³ См. в 11-м письме беседу иезуита с православным (прим. М. Новоселова).

⁴ См. в 12-м письме письмо Ю. Ф. Самарина к баронессе Раден (прим. М. Новоселова).

⁵ Советую припомнить содержание всего 11-го письма, к которому тесно примыкает настоящее (прим. М. Новоселова).

ны, в Церкви глаголющий, т. е. голос Христа ("полноты Истины" — преп. Исаак Сирин⁴), ее возглавляющего, и Духа Истины, ее исполняющего?

За разрешением этих вопросов обратимся к многовековому опыту самой Церкви и спросим излюбленных чад ее, святых Божиих: как они мыслили о верности Церкви и как действовали согласно этой своей мысли?

Прежде всего заглянем еще раз в житие преп. Максима Исповедника и поищем там вех, указующих путь к Истине, хранимой Церковью для спасения людей.

Такие вехи не раз указывал св. Исповедник в своих беседах с уклонившимися от Истины представителями монофелитства. Услышав неправое учение о волях в Господе Иисусе Христе, он указал на их заблуждение и заключил свой ответ им словами: "этого я признать не могу и не научился от святых Отцов так веровать"⁵. В другой раз преподобный изрек: "Из всего Священного Писания, из творений святых учителей и из постановлений соборных" мы научаемся, что воплотившийся Иисус Христос, Господь и Бог наш, имеет силу хотеть и действовать по Божеству и по человечеству⁶.

Ту же мысль о необходимости сохранять единомыслие не только с евангельским и апостольским, но и со святоотеческим учением — высказывал и сподвижник преп. Максима по борьбе с монофелитством, св. папа Мартин, выражавший готовность умереть за верность "преданиям святых отцов"⁷.

Выяснению значения святых Отцов, как самых видных вех на пути Православия, я предполагаю посвятить, может быть, не одно письмо, но сейчас я не буду останавливаться на этом предмете. Подчеркиваю лишь, что для мудрых и непреклонных борцов за истину Православия, преп. Максима и св. Мартина, святые Отцы, их предшественники, служили светочами, озарявшими путь их религиозной мысли и, таким образом, утверждавшими их в правом исповедании. Едва ли нужно прибавлять, что если святые Отцы служили опорой для свв. Максима и Мартина (впоследствии мы увидим, что они служили опорой и для соборных определений), то кольми паче мы с вами, друзья мои, должны искать прибежище в стране Отцов! Что они указуют верный путь к Церкви, т. е. в область аб-

⁴ Эти постановления неразрывно связаны с именами свв. Отцов, бывших на том или ином соборе, и их предшественников (прим. М. Новоселова).

солютной Истины, об этом свидетельствует сама Церковь, наименовавшая их "святыми Отцами" и этим самым призывающая нас идти по стопам их. Последуем этому призыву и поищем ответа на вопрос: "как быть чаду церковному, если оно смущается каким-нибудь недоумением или сомнением в области веры?" Сказания о святых отцах приходят нам на помощь. Есть чудесная книга — "Древний Патерик" (по-русски — "Отечник"), повествующая о многообразных речениях и действиях угодников Божиих. Из этой книги я и хочу извлечь нечто на пользу душ наших и для уяснения занимающего нас вопроса.

Начну с сравнительно малого заблуждения, в которое впал, впрочем, великий христианин, имевший дар чудотворения. Посмотрим, как он преодолел это заблуждение. Вот что сообщает нам святая книга.

"Авва Даниила рассказывал об одном великом старце, жившем в нижних странах Египта, что говорил он по простоте, будто Мелхиседек есть самый Сын Божий. И возведено было о нем блаженному Кириллу, архиепископу Александрийскому, и он послал за ним. Зная же, что этот старец чудотворец, и все, о чем он ни попросит, Бог открывает ему, и что от простоты говорил он сие слово, он употребил такое мудрое средство, говоря: авва, у меня есть к тебе просьба. Помысл говорит мне, что Мелхиседек есть Сын Божий, а другой помысл говорит: нет, но человек, первосвященник Божий есть он. Поелику я недоумеваю о сем, то послал за тобою, чтобы ты умолил Бога, дабы Он открыл тебе и узнаем истину. Старец, упова на свою жизнь, сказал с уверенностью: дай мне три дня, и я вопрошу Бога о сем и возведу тебе, кто он. Ушедши в свою келью, он молился о сем Богу и пришедши чрез три дня <...> говорит блаженному, что Мелхиседек есть человек. И сказал ему архиепископ: как узнал ты, авва? Он же сказал: Бог показал мне всех патриархов, так что каждый из них проходил предо мною, начиная с Адама до Мелхиседека, и ангел сказал мне: вот это Мелхиседек, и потому будь уверен, что это так. Уходя, старец и сам проповедывал уже, что Мелхиседек человек. И возрадовался весьма блаженный Кирилл"⁸.

Многому учит нас этот правдивый рассказ. Он показывает нам и поучительную заботливость архипастыря о душе, вверенной ему, как епископу страны, где жил старец; свидетельствует и о мудрости архипастыря, который не прибег ни к логическим убеждениям, ни к прещениям со ссылками на веру Церкви относительно данного пред-

мета, а употребил средство вразумления, которое должно было расположить простеца старца с "ровным помыслом" и готовностью пойти навстречу истине, которой протворечила закоренелая его мысль; научает нас эта повесть и тому, что люди, стяжавшие и дар чудотворения, и великое дерзновение к Богу (обратите внимание на слова старца: "дай мне три дня" и след.) могут погрешать мыслью, — правда, погрешать "по простоте" или по доверию к воспринятой ими со стороны мысли, не проверенной должным, им доступным (как увидим ниже) опытом*. Оставляя в стороне прочие уроки, скажем, наконец, что мы учимся тут за разрешением недоуменных вопросов обращаться прежде всего к Первоисточнику Истины, к Самой Живой и Животворящей Истине, с мольбой об "отвержении ума" нашего (Лк. 24, 45). И мы видим, что давнишнее, надо думать, закоснение в неверной мысли разрешается в три дня ясным откровением Божиим, приводящим заблуждающегося к вере Церкви. Конечно, такое дивное откровение вызвано было той действительной молитвой, которая обычно приобретает многолетним жизненным подвигом, о чем свидетельствует и наименование старца *великим и чудотворцем*. Но и мы, немощные и нерадивые, научаемся святой Церковью ежедневно прибегать к этому молитвенному средству просвещения себя истиной, ибо Церковь внушает нам ежедневно, и не раз, взывать об этом просвещении к Духу Истины: "Царю Небесный, Утешителю, Душе истины... прииди и вселися в ны..."¹⁰

Тот же священный Патерик показывает нам, что люди и не столь, по-видимому, молитвенно-дерзновенные, как упомянутый старец, привлекали молитвою просвещающую их религиозное сознание благодать, причем требовавшее врачевания заблуждение касалось вещи гораздо более существенной, чем та, о которую преткнулся старец. Один инок, по вражьему внушению, усомнился в самом существовании христианской веры, в таинстве Евхаристии. Закоснение в этом сомнении грозило гибелью душе инока и требовало скорейшего исцеления. Впрочем, послушаем самого авву Даниила, которому принадлежит и предыдущий рассказ.

"Сказал же и о другом некоем брате: когда было молитвословие в день воскресный и встал он по обыкнове-

нию идти в церковь, посмеялся над ним диавол, говоря: куда идешь? в церковь? и зачем? или затем, чтобы получить хлеба и вина? И скажут тебе, что это Тело и Кровь Господа; не подвергай себя посмеянию. Брат поверил помыслу и не пошел в церковь. Братия же ожидали его, ибо такой был обычай, чтобы не начинать молитвословия, пока не соберутся все. Он же медлил; и пришли к нему, говоря: может быть, занемог брат, и найдя его в келлии, спросили у него о причине, почему он не идет в церковь. Он же, хотя и стыдясь, сказал о причине, однако же говорит им: простите меня, братия: я встал по обыкновению и приготовился идти в церковь, и сказал мне помысл, что не есть Тело и Кровь Христовы то, что ты идешь принять, но (простой) хлеб и вино. Итак если хотите, чтобы я шел с вами, уврачуйте помысл мой о св. приношении. Они же сказали ему: вставай, пойдем с нами, и мы будем просить Бога, чтобы Он открыл тебе Божественную силу, во святой Церкви присутствующую. И вставши, пошел с ними в церковь. И много помолвившись о брате Богу, чтобы явлена была ему сила Божественных Таинств, начали совершать службу, а брата поставили среди церкви. И до отпуста¹¹ не преставал он слезами орошать и обливать лицо свое. После же службы, приступивши, спросили его: если что открыл тебе Бог, расскажи нам, чтобы и мы получили пользу. Он же с плачем начал говорить им: когда был канон псалмопения <...> и прочитано было учение Апостольское и вышел диакон читать Евангелие, я видел, что кровля церкви раскрылась и видно было небо, и каждое слово Евангелия было как огонь и восходило до небес. Когда же было окончено святое Евангелие и вышли клирики из диаконника¹², имея святых Таин причастие, я видел, что опять отверзлись небеса и сходил огонь и со огнем множество святых ангелов, и среди них другие два чудные лица, красоты которых нельзя и рассказать. И было сияние их, как молния, и среди двух лиц малый отрок. И святые ангелы стали вокруг святой Трапезы, а два лица над нею, и отрок в середине их. И когда были окончены святые молитвы и приблизились клирики раздробить хлебы причащения, я видел, что два лица стали держать младенца за руки и ноги, и взяли нож и закололи его и источили кровь его в потир¹³, и, рассекши тело его, положили на верху хлебов, и сделались хлебы телом. Когда подходили братия принимать, давалось им тело, и когда взывали они, говоря: аминь, становилось оно хлебом в руках их. Когда и я пришел принять, дано мне было тело, и я не мог вкусить его,

* См. подробное объяснение таких случаев у преп. Отцов Варсануфия Великого и Иоанна, в их "Руководстве к духовной жизни" (вопросы 610, 611 и др.) (прим. М. Новоселова).

и услышал голос, говорящий мне: что не принимаешь? не то ли это, чего ты искал? а я сказал: милостив будь ко мне, Господи! Тела не могу я вкусить. И сказал мне: если бы мог человек вкушать тело, тело и обреталось бы, как ты видел, но поелику никто не может вкушать мясо, посему учредил Господь хлеба для причастия. Итак, с верою ли примешь то, что держишь в руке твоей? И я сказал: верую, Господи. И когда я сказал сие, тело, которое держал я в руке моей, стало хлебом, и, возблагодарив Бога, принял я святую просфору. Когда же окончилась служба и пошли клирики в свое место, я видел опять младенца среди двух животных, и когда клирики потребили Святые Дары, я видел, что опять открылась кровля церкви и Божественные Силы вознеслись на небеса. Услышав сие, братия вспомнили Апостола, говорящего: Пасха наша за ны пожрен бысть Христос¹⁴. И в умилении пошли в келлии свои, прославляя и хваля Бога, творящего великие чудеса¹⁵.

Обращаю ваше внимание, друзья мои, на следующие обстоятельства: 1) неверие или, точнее, сомнение только что вошло в душу, искушаемую врагом; 2) искушаемый поддавался диавольскому внушению, но не утвердился в нем и охотно пошел навстречу братии, озабоченной его духовным состоянием; 3) братия усиленно о нем молилась, но и он с сокрушением молил Господа о вразумлении, как бы чувствуя, что он не прав в своем сомнении; 4) *соборная* молитва их перед и во время литургии была услышана, и Господь чудесным образом, за литургией же, ответил на нее откровением истины, вразумив искушаемого и укрепив, конечно, истинную веру братии.

Вы сами, мои дорогие, можете сопоставить оба приведенные мною полностью повествования и сделать какие-либо дополнительные выводы. Ради этого отчасти я и привел эти рассказы целиком, хотя и мог бы передать сущность дела в немногих словах; но тогда утратились бы необходимые оттенки, им присущие, и изъят был бы духовный аромат, которым преисполнены эти сказания христианской древности.

Несмотря на желание не растягивать излишне своего письма, я не могу удержаться, чтобы не привести еще одного рассказа из Патерика. Хотя рассказ этот имеет большое сходство с предыдущим, но в нем есть некоторая особенность, которую мне хотелось бы подчеркнуть в Вашем сознании. Итак, не поленитесь еще послушать древнего повествователя.

"Рассказал <...> авва Даниил, говоря: сказал отец наш

авва Арсений о некотором скитянине, который велик был по жизни, но прост в вере, заблуждался же по своему невежеству и говорил, что не по существу бывает Телом Христовым хлеб, который принимаем мы, но что он только образ. И слышали два старца, что он говорит такие слова, и зная, что он велик по жизни, рассудили, что он говорит в незлобии и простоте, и пришли к нему и говорят ему: авва! слышали мы речь некоего неверного, который говорит, что хлеб, который принимаем мы, не есть по существу Тело Христово, а только образ его. Старец же сказал: это я говорю. Они же увещевали его, говоря: не так держи, авва, а как предала вселенская Церковь. Ибо мы веруем, что самый хлеб есть Тело Христово, и самая чаша есть Кровь Христова поистине, а не образно. Но как в начале взяв персть от земли, образовал (Бог) человека по образу Своему, и никто не может сказать, чтобы он не был образом Божиим, хотя и непостижимо, так и о хлебе, о котором сказал Он: Это Тело Мое¹⁶, веруем, что оно поистине Тело Христово. Старец же сказал: если не буду убежден делом, не уверюсь. Они же сказали ему: помолимся Богу в сию седмицу о сем Таинстве и веруем, что Бог откроет нам. Старец с радостию принял слово сие, и молился Богу, говоря: Ты, Господи, знаешь, что я не по злобе не верую, но чтобы не заблуждаться мне от истины, открой мне, Господи Иисусе Христе, что истинно. Но и старцы, удалясь в келлии свои, молили Бога, говоря: Господи Иисусе Христе, открой старцу, что есть сие Таинство, чтобы он уверовал и не погубил труда своего. И услышал Бог обоих, и когда кончилась седмица, пришли они в воскресный день в церковь, и отдельно одни сели на рогоже, в середине же был старец. Отверзлись же умные очи их, и когда был положен хлеб на святую Трапезу, только они трое увидели как бы младенца. И когда протер пресвитер руку раздробить хлеб, вот ангел Господень сошел с неба, имея нож, и заклал младенца и источил кровь его в чашу. Когда же пресвитер раздроблял хлеб на малые части, и ангел отсекал от младенца небольшие части. Когда же подошли принять святое приобщение, дана была старцу одному только плоть окровавленная. И увидев сие, он ужаснулся и воззвал, говоря: верую, Господи, что хлеб, предлагаемый на Престоле, есть Тело Твое и Чаша есть Кровь Твоя. И тотчас плоть в руке его сделалась хлебом, как бывает в Таинстве, и принял он, благодаря Бога. И сказали старцы: Бог знает человеческую природу, что не может она есть сырую плоть, и потому предлагает Тело Свое в

хлеб и Кровь Свою в вино, для приемлющих сие с верою. И благодарили Бога о старце том, что не попустил Бог погибнуть трудам его, и все трое с радостию пошли в келлии свои¹⁷.

Особенность этого сказания, сравнительно с предыдущим (на которую я хотел обратить Ваше внимание), та, что мнение о св. Евхаристии "великого по жизни, но простого по вере" скитянина было, очевидно, не результатом недавнего вражьего смущения, не налетевшим только что сомнением, а глубоким, давнишним убеждением. Поэтому на совет старцев, встревоженных опасным заблуждением собрата, совет, чтобы он держался учения вселенской Церкви, он решительно ответил: "если не буду убежден делом, не уверюсь". Правда, он охотно принял предложение старцев искать разрешения вопроса соборной молитвой, однако для снискания от Господа должного вразумления потребовалась целая седмица, в течение которой молились и старцы, и скитяне, чтобы Господь открыл истину о св. Евхаристии. Большая закоренелость в заблуждении понуждала и к более длительному молитвенному подвигу.

От неизвестных нам по имени подвижников перейдем к лицам, хорошо нам знакомым, и удостоверимся чрез их собственный опыт в том, что первым средством, к которому следует обращаться для разрешения недоуменных вопросов веры — есть молитва.

"Некоторые братья, — повествует одно древнее сказание, — предложили св. Антонию Великому слова из книги Левит. Антоний пошел в пустыню, и за ним тайно последовал Аммон, знавший его обыкновение. Отошел далеко Антоний, стал на молитву и громким голосом воззвал: "Боже! Пошли Моисея изъяснить мне слова сии". И Аммон слышал, что голос стал говорить с ним, а силы слов не понял¹⁸.

Итак, по словам Аммона, человека очень близкого к преп. Антонию, последний имел *обыкновение* искать в молитве вразумления Божия в случае приключавшихся недоумений, когда последние, как видите, относились и к частному, может быть, не очень существенному, вопросу веры.

А вот еще два в высшей степени поучительных примера, призывающих нас к признанию молитвы, этой, по общецерковному сознанию, — "царицы добродетелей"¹⁹, главным путем к истине среди тьмы заблуждений, окутывающих нас и вплетающихся в нашу жизнь.

Вы слышали, надеюсь, мои дорогие, о св. Пахомии

Великом, современнике св. Антония Великого (св. Антоний родился в 251 г., а св. Пахомий около 292 г.). Он положил начало общежительному иночеству, за что был весьма восхваляем св. Антонием, основателем и представителем отшельничества. У св. Пахомия был удивительный по жизни и необычайным духовным дарованиям ученик — преп. Феодор, о котором много поразительных вещей сообщает достоверный свидетель его деяний, живший с ним много лет, Аммон, впоследствии епископ. Феодил, папа Александрийский, просил названного Аммона сообщить, что известно ему о жизни преп. Феодора, и Аммон епископ написал папе большое письмо "о житии и делах Пахомия и Феодора". Небольшую, но поучительную и душеполезную выдержку из этого письма я и предложу вам сейчас, друзья мои. Внимайте же!

"...Когда Пахомий посещал другие монастыри, Феодор в монастыре, называемом Вав²⁰, исполнял некоторое препоручение св. Пахомия. Здесь, узнав от некоторых людей, пришедших из Александрии, о том, что говорят Ариане о Единородном Сыне Божиим, молил Бога об избавлении рода человеческого от заблуждения и во время своей молитвы увидел три светлые столпа, которые имели совершенное сходство между собою, и слышал голос, который говорил ему: *"не обращай внимания ни на взаимное расстояние сих столпов, ни на величину, но только на совершенное сходство их; ибо нет в мире ни одного предмета, который мог бы представлять собою совершенно Отца, и Сына, и Святого Духа"*. Пахомий, услышав о сем от Феодора, сказал ему: "Поселику ты способен был видеть и слышать откровение: потому оно тебе показано и изъяснено. Я сам вскоре после того, как избрал уединенную жизнь, был убеждаем сперва последователями Мелетия Ликополитанского, и потом Маркионом, чтобы принадлежать к ним и иметь одинакие с ними мысли. Я был в недоумении, а наипаче, когда узнал, что есть и другие ереси, из которых каждая утверждает, что в ней находится истина. Посему со слезами молил я Бога, чтобы Он открыл мне, где находится истина: ибо я приведен был в совершенное недоумение. В продолжение молитвы я пришел в иступление, видел, что вся поднебесная покрыта как бы ночным мраком, и слышал с различных сторон слова: "здесь истина".

Я примечал, что на каждый голос, произносивший слова сии, шли многие люди, которые взаимно вели друг друга во тьме. На восточной стороне вселенной на возвышенном месте видел я светильник, сияющий подобно ут-

ренней звезде, и отсюда слышал голос, который говорил мне: *"не обманывайся теми голосами, которые зовут тебя во тьму, но последуй сему свету, потому что в нем находится истина"*. Вскоре после сего я слышал еще голос, который говорил мне: *"сей светильник, который видишь ты сияющим подобно утренней звезде, будет некогда сиять светлее солнца. Ибо он означает проповедь Евангелия Христова, возвещаемого во святой Его Церкви, в которой ты крещен. Голос, отсюда выходящий, есть голос Христов. Он зовет чрез Александра, Епископа Александрийской церкви. Прочие голоса, которые слышишь из мрака ересей, происходят от диавола. Он зовет к себе чрез начальника каждой ереси и многих увлекает в заблуждение"*. Потом, увидевши, что многие в светлой одежде идут к светильнику, я благословил Бога, и, оставивши тех, которые хотели увлечь меня в заблуждение, вознамерился жить вместе с человеком Божиим Палемоном, подражателем святых мужей, и жил с ним, доколе не пришел ко мне Ангел Господень и не сказал: *"согревай приходящих к тебе тем огнем, который возжен в тебе Богом"*. При руководстве сего Ангела и при содействии Божиим я устроил сии монастыри".

"Знай, Аммон", что и Афанасий, Епископ Александрийской Церкви²⁰, исполнен Святого Духа; ибо Пахомий рассказывал нам: "Когда Афанасий возведен был на степень Епископа, и некоторые неблагонамеренные люди, видя молодость его²¹, осуждали определение Божие о нем, и хотели произвести раскол в Церкви Божией, Дух Святый сказал мне: *"Я поставил его столпом и светильником Церкви, и он из любви ко Христу будет переносить многие скорби и клеветы от людей, но, при содействии Христа победивши все искушения, будет проповедывать Церквам истину Евангелия"*²².

Минуя полтора тысячелетия, перенесемся в 19-й век и попросим почти нашего современника засвидетельствовать перед нами, как горячая и самоотверженная молитва к "Отцу светов"²³ извела боголюбивую душу из мрака окружавших ее многообразных заблуждений в "чудный свет"

²⁰ Это говорит то же лицо (старец Елурин или монах Авзоний. — прим. ред.), которое передавало и все предыдущее Аммону, жившему еще тогда в монастыре, а теперь воспроизводящему в своем письме к папе Феофилу все там слышанное и виденное (прим. М. Новоселова).

²¹ Преемник по епископской кафедре вышеупомянутого епископа Александра (прим. М. Новоселова).

²² Св. Афанасий поставлен епископом Александрийской Церкви, имея 30 лет от рождения (прим. М. Новоселова).

Христовой истины и утвердила в ограде Церкви, яже есть "столп и утверждение Истины"²⁴.

Из трогательного и местами потрясающей душу исповеди даровитейшего и в высокой степени духовно-благоустроенного епископа Игнатия Брянчанинова я извлеку небольшой сравнительно отрывок, относящийся к тому периоду жизни юного богоискателя, когда совершился благодатный, спасительный перелом в его религиозном сознании, определивший собою навсегда его дальнейшую духовно-прекрасную судьбу.

"... Когда я был пятнадцатилетним юношею, несказанная тишина возвела в уме и сердце моем, — пишет на со роковом году своей жизни Брянчанинов, будучи архимандритом и настоятелем Сергиевой пустыни²⁵. — Но я не понимал ее, я полагал, что это — обыкновенное состояние всех человеков. Таким вступил я в военную и вместе ученую службу, не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, не умел желать ничего: потому что не нашел еще Истины, еще не увидел Ее ясно, чтобы пожелать Ее. Науки человеческие, изобретения падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая, — по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно — это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей — Бога...

<...> Понятия мои были уже зреее; я искал в религии определенности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли; я хотел видеть верное, ясное, Истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу северную, препирались, боролись между собою²⁶. Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их.

<...> Мой ум был весь погружен в науки, и вместе с тем горел желанием узнать — где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических и нравственных.

Между тем предстали взорам уже грани знаний чело-

веческих в высших, окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: "Что вы даёте в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собой за пределы гроба! Доселе я вижу только знания, даваемые, так сказать, на поддержание, оканчивающиеся землею, не могущие существовать по разлучении души с телом".

Допросив в отдельности каждую науку — математику, физику, химию и философию, упомянув мельком о географии, геодезии, языкознании, литературе и искусстве, Брянчанинов пришел к заключению, что "все они для земли; потребность в них для человека оканчивается с окончанием земной жизни, — большею частью гораздо ранее". "Если все время земной жизни употреблю для снискания знаний, оканчивающихся с жизнью земною — что возьму с собою за пределы грубого вещества?.." — спрашивал юноша. "Науки! — восклицал он, — дайте мне, если можете дать, что-либо вечное, положительное, дайте ничем неотъемлемое и верное, достойное назваться собственностью человека! — Науки молчали!.."

"За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере, — продолжает Брянчанинов. — Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен Евангельскою кротостью: он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой, истинной веры христианской, чрез восемнадцать столетий по воплощении Бога Слова. Ах, в каком тяжком недоумении плавала душа моя! Как она томилась ужасно! Какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от недоверчивости к себе, от недоверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня, — от незнания, невидения истины!"²⁷

Куда же обратился, наконец, юный ревнитель Истины в своих поисках "веры истинной и святой"? Каким путем обрел он скрытую жемчужину, по которой так тосковала душа его?

"И начал я, — говорит он, — часто, со слезами, умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждению,

²⁷ Речь идет о разных религиозных течениях, распространявшихся в Петербурге в начале 20-х годов прошлого столетия (прим. М. Новоселова).
206

чтобы указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль... сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушила изучить веру в источниках — в писаниях Св. Отцов. "Их святость", говорила она мне — "ручается за их верность: их избери себе в руководители". Повинуясь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих; с жаждою начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? — Это — их согласие, согласие чудное, величественное. Осьмнадцать веков, в устах их, свидетельствуют единогласно единое учение, учение Божественное"²⁸.

Это поразившее Брянчанинова единство святоотеческого учения он художественно изображает в следующих словах: "Когда в осеннюю, ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами, столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распушенными парусами, подобными белым лебединым крыльям, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в изящной гармонии поют единую песнь Божественную, тогда говорю себе: таковы писания Отцов".

"Какое между прочим учение нахожу в них?" — задает себе вопрос Брянчанинов, — и отвечает: "Нахожу учение, повторенное всеми Отцами, учение, что единственный путь к спасению, — последование неуклонное наставлениям святых Отцов". "Видел ли ты, говорят они, — кого прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов — знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению Отцов"²⁹, из которого составляется догматическое и нравственное предание Церкви. Им она, как бесценным имуществом, препитывает чад своих".

"Мысль эта" послана Богом, от Которого всякое даяние благо³⁰, от Которого и мысль благая, — начало всякого блага, — заключает Брянчанинов. — Так утверждают Отцы,

²⁸ Мысль обратиться к изучению свв. Отцов (прим. М. Новоселова).

так явствует из самой сущности дела^{*}.

Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая, спасительная! Мысль — дар бесценный всеблагото Бога, хотящего всем человекам спастись и... прийти в познание истины! Эта мысль соделалась камнем основным для духовного созидания души моей. Эта мысль соделалась моею звездой путеводительницею! Она начала постоянно освещать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу. Взглянул на религиозный мир из этой мысли, и увидел: причина всех заблуждений состоит в неведении, в забвении, в отсутствии этой мысли^{**}.

Много написал я вам, друзья мои, но многого не сказал из того, что предполагал сказать в этом письме, а между тем письмо достигло таких размеров, что пора подумать и о конце его. Итак, отлагая недосказанное до следующей беседы, постараюсь сделать некоторые выводы из предыдущего. Буду по возможности краток.

Во-первых, обращаю ваше внимание на то, как разнообразны (и по содержанию, и по значению) духовные нужды и недоумения тех лиц, о которых шла речь в приведенных мною сказаниях.

Во-вторых, все их духовные затруднения разрешались одним средством — *молитвой*, но молитвой, не возникшей в душе внезапно под влиянием известного факта^{***}, а такой, которая и раньше жила в душе, питаемая религиозным подвигом. Представившаяся духовная нужда лишь направила молитвенную силу на известный предмет, к известной цели.

В-третьих, заметьте, как многообразны способы, которыми Небо отвечает на молитвенные вопли жителей земли, впрочем, большею частью, таких, подлинное "жительство" которых "на небесах" (Флп. 3, 20). Вы встречаетесь тут с видениями, откровениями, потусторонними гласами, наконец, — с мысленным озарением, которое, просвещая сознание человека, направляет его на путь истины. Последнее мы наблюдали, например, в жизни еп. Игнатия Брянчанинова. То же благодатное озарение имело, конеч-

но, место и у таких ярких выразителей православного учения в борьбе с еретиками, каким был, например, преп. Максим Исповедник. В то время как преп. Пахомию указывалось голосом свыше, что он просто должен следовать за епископом Александрийским Александром, известным ратоборцем против Ария и ариан, преп. Максим являлся столь духовно-просвещенным благодатию^{*} в мысленной области, что сам, непосредственно, отстаивал с блестящим успехом истину Церкви против еретического суетумудрия, опираясь при этом (нелишне припомнить) на предшествовавших ему столпов православия, свв. Отцов.

В-четвертых, следует отметить, что упоминаемые в повестях лица находились в ограде Церкви, более или менее питаясь ее соками, дыша ее благодатным воздухом, соприкасаясь, иногда очень тесно, с братьями по вере, носителями вселенской Христовой Истины, живя в атмосфере взаимной духовной заботливости, словом — в общении с Телом Христовым. Обращаю особенно ваше внимание на эту сторону дела, о которой нам предстоит еще беседовать впоследствии.

Наконец, знаменательно, что благодатная мысль, как плод и дар горячей, слезной молитвы, озарившая почти современную нам юную душу духовно-одинокого богоискателя — раба Божия Димитрия (Брянчанинова, впоследствии епископа Игнатия), была той мыслью, которая составляла основное, в известном смысле, ядро верований славных, древних исповедников Православия, преп. Максима и св. папы Мартина, не раз упоминавшихся мною в этом письме. Эта мысль есть — как было указано выше и как будет показано, надеюсь, в следующих письмах — неотъемлемая мысль Церкви, а именно, что святые Отцы, это — стержень Церкви, за который должны крепко держаться чада ее, если хотят сохранить верность Телу Истины и не выпасть из спасительного русла единой, святой, соборной и апостольской Церкви.

На этом я и закончу настоящую беседу, в надежде продолжить ее в ближайшем будущем.

Прошу молитв ваших, друзья мои, и снисхождения к обычному многословию моему.

Ваш брат о Господе.

^{*} Св. Иоанн Златоуст, 7-я молитва на сон, грядущим, 2-я половина, прошение 4-е: "Господи, даждь ми мысль благу"¹ (прим. М. Новоселова).

^{**} Не исключается действительность иногда и такой молитвы (прим. М. Новоселова).

^{*} Я не говорю о естественных его дарованиях и широкой образованности, которые, будучи не меньшими, если не большими, у Оригена, не охранили последнего от гибельных заблуждений (прим. М. Новоселова).

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

День Свв. Первоверховных
Апостолов Петра и Павла
29 июня 1925 г.

Высказанная в конце моего последнего письма надежда возобновить "в ближайшем будущем" беседу с вами, друзья мои, не оправдалась. Никогда еще не было такого продолжительного перерыва в моих письмах, как на этот раз: прошло более шести месяцев со времени нашей последней беседы. Так, в течение всего этого времени, сложились обстоятельства, что мне трудно было взяться за перо. Сейчас я нахожусь в условиях внешне довольно благоприятных для письменного общения с Вами, мои дорогие, но зато встречаю внутренние затруднения для продолжения его. За эти месяцы, по не зависящим от меня причинам, я несколько отошел от русла тех мыслей и настроений, которые составляли содержание моих последних писем: душа была занята другим. Правда, я иногда заносил в свою записную книжку или на клочке бумаги то, что представлялось мне естественным продолжением предыдущих бесед, но все это было довольно отрывочно. Поэтому я заранее прошу простить меня, если настоящее письмо будет, может быть, конспективно и не в тон предшествующему.

Итак, продолжаю то, о чем беседовал с вами в конце прошлого (1924) года.

Мы видели силу и значение молитвы для выведения христианина из тьмы недоумений и заблуждений в светлую область Христовой Истины. Но молитва имеет *одно* значение *в Церкви и другое — вне Церкви*. Полноценная молитва, истинная — только в Теле Истины, с Которым сочетается человек существенно таинствами, являющимися одновременно и орудием спасения, и путем к Истине (путем Богопознания).

Искренняя, самоотверженная молитва *вне Церкви* может и должна приводить молящегося прежде всего к Церкви. Стоит вспомнить о сотнике Корнилии, "благочестивом и боящемся Бога со всем домом своим, творившем много милостыни народу и всегда молившемся Богу". Явившийся Ангел Божий возвестил ему радостную весть, что молитвы его и милостыни "пришли на память пред Богом" и что Господь определил чрез Апостола Петра приобщить

его со всем его домом к "части спасаемых"¹, т. е. к Церкви Христовой (Деян. 10, 1-6).

Если молитвы чад Церкви, о которых шла у нас речь в предыдущем письме, избавляли их от облежавших их недоумений и спасали от частных, так сказать, уклонений от Истины, то естественно, что молитвенные обращения богобоязненных душ, тянувшихся к Богу, но обретавшихся вне Ковчега спасения и Тела Истины, прежде всего приводили к "дому Божию, Церкви Бога живаго, столпу и утверждению истины" (1 Тим. 3, 15).

Когда в день Пятидесятницы "люди набожные, из всякого народа под небом" (Деян. 2, 5) "умилились сердцем" (37) под влиянием боговдохновенной проповеди Ап. Петра и спросили Апостолов, что им делать, то Петр за весь Лик Апостольский дал им такой ответ: "покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа" (37-38).

Сами только что приявши Духа Истины в виде огненных языков² и образовав собою непоколебимое основание Церкви, сущу краеугольну камню Христу³, святые Апостолы тотчас начали церковное строительство, возложив поверх себя около 3000 живых камней (41).

Как же удерживались эти души в доме Божием, в Теле Христовом? "Они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах" (42 и след.). Итак, таинства (покаяние, крещение, евхаристия), молитвы, пребывание в истинном учении и, как видно из следующих стихов той же второй главы Деяний, в братском общении любви и добродетели — вот что созидает и содействует неодолимым союз верующих, вот что связывает неразрывными узами уверовавшие души с Тем, Кто есть Ипостасная Истина, увенчивающая собою "столп истины".

Я предложу теперь вам несколько мыслей богомудрых Отцов касательно действенности вышеуказанных орудий спасения и просвещения. Вы без труда усмотрите в них тот духовный путь к обретению и хранению истины, который утверждается не на внешнем авторитете, а на внутреннем приобщении Первоисточнику истины.

Первым да возглаголет нам богоносный Марк Подвижник, принадлежащий к числу знаменитейших Отцов Египетских. "Жизнь его продолжалась более ста лет: он был современником и тех из святых Отцов, которые жили в конце IV-го столетия, и тех, которые были в начале V-го века. <...> О великой святости его и совершенстве духов-

ном свидетельствует преп. Макарий Александрийский, бывший пресвитером Церкви Нитрийских келлиотов, в которую приходил из пустыни преп. Марк для приобщения Святых Таин. — Никогда же подах, — говорит св. Макарий, — Божественныя Тайны Марку Подвижнику аз; но Ангел от алтаря подаваше ему невидимо, аз же точию персты руки подающего видех⁴. Уже этого одного свидетельства преп. Макария достаточно, чтобы с благоговейным вниманием прислушиваться к духовным вещаниям великого пустынножителя. Вот что изрекает сей служитель Божий о святом таинстве крещения, вводящем человека в ограду Церкви Христовой, соделывающем его членом Тела Истины.

"Крестившимся во Христа таинственно дарована благодать; действует же она по мере исполнения заповедей и не престаит вспомоществовать нам тайно. Но в нашей власти состоит делать или не делать доброе по силе своей.

Во-первых, она (благодать) боголепно возбуждает совесть: отчего и зло делавшие покаются и благоугодили Богу.

Она также скрывается (иногда) в учении ближнего; иногда же и во время чтения последует (какой-либо) мысли и естественным порядком научает ум своей истине⁵.

"Итак, человек крещенный во Христа, ты только покажи делание, силу которого получил, и уготовь себя к явлению Живущего в тебе; и тогда Господь, по обетованию Своему, явит тебе Себя духовно, как Он Сам знает⁶.

"...Царственный ум каждого из тайного сердечного храма приемлет добрые и благие советы от внутри живущего Христа⁷.

"Итак, познаем, что нам дарована совершенная благодать Духа к исполнению всех заповедей⁸, не приемлющая от нас приложения, но нам подающая приложение возрастания во Христе, и укрепляющая до смерти своих делателей; "дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13)"⁹.

Из многого поистине великого, что сказано преп. Марком о таинстве Крещения и по поводу его, я извлек, как видите, чрезвычайно мало, но и это малое может научить

⁴ Будь уверен, что ко всякому доброму делу, совершаемому в тебе сознательно или бессознательно, "посредниками для тебя <...> были крещение и вера; в них призван ты Господом нашим Иисусом Христом на дела Его благие" (прим. М. Новоселова).

многому внимательного и благоговейного читателя. Я не буду вдаваться в подробное рассмотрение мудрых речений богоносного созерцателя тайн, скрытых в таинстве Крещения, предоставляя сделать это вам, мои дорогие. Я надеюсь, что вы без особенного труда усмотрите, какой благодатный, яркий и вместе таинственный свет льется из богоглаголивых уст великого отшельника на вопрос о познании Христовой истины. Со своей стороны, я отмечу только одну мысль преп. Марка, которая послужит для нас переходом к наставлению другого славного учителя той же Божественной истины, преп. Макария Египетского.

Из приведенных мною слов преп. Марка явствует, что христианин, молящийся об откровении или уяснении ему истины, просит и вопрошает, в сущности, живущего в нем Христа, Ипостасную Истину. Вопрошает о Нем Самом, и Христос таинственно скажет ему истину о Себе¹⁰. Это даруется таинством Крещения, которое восстанавливает в человеке прежний, первозданный образ, а вместе утраченное в падении преискреннее общение с Богом и внутреннее, существенное, спасительное познание Его. И это все свершается по Крещении, при условии соблюдения заповедей, или, иначе, "духовного закона"¹⁰, "закона свободы"¹¹. "Всякая истина обретается, — по словам Марка Подвижника, — соразмерно с деланием заповедей"¹².

В согласии со своим младшим современником преп. Марком, св. Макарий говорит нам о том же внутреннем Учителе и устанавливает те же нравственные условия познания Небесной Истины.

"Пока в Адаме пребывали Слово Божие и заповедь, — читаем мы в 12-й "Беседе" преп. Макария, — имел он все... Само пребывающее в нем Слово было для него всем: и ведением, и ощущением, и наследием, и учением"¹³.

Это пренебесное богатство было утрачено первозданными людьми, обольщенными диаволом, и возвращено роду человеческому пришествием на землю Богочеловека Искупителя. Во Христа крещающиеся во Христа облачаются¹⁴. Но раскрывается очистительная и просветительная благодать Христова, даруемая в Крещении, если облеченные во Христа творят Его заповеди (ср. Мф. 28, 19-20), силу на что дарует то же Крещение. "И ныне, — говорит в той же 12-й "Беседе" преп. Макарий, — любящие

¹⁰ Иногда ответ получается от Христа через ближнего (см. 3-ю цитату из Преп. Марка) (прим. М. Новоселова).

Господа, оставившие все и постоянно пребывающие в молитве, втайне научаются тому, чего не ведали. Сама Истина по их произволению открывается им и учит их: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6)¹⁵.

"Сама Истина являет Себя в душах верных, и Небесный Человек приходит к человеку твоему, и бывает между ними единое общение. Посему, тех, которые пребывают в служении и усердно все делают из ревности по вере, из любви к Богу, со временем сие самое приводит к ведению самой Истины; потому что Господь открывается душам их и учит их сопребыванию Духа Святаго"¹⁶.

Я позволю себе присоединить к словам великих Отцов несколько слов одного глубоко-просвещенного и благоговейного богослова 13-го века, Георгия Пахимера (1242-1310). Весьма ученый и образованный, он состоял в клире Константинопольской Церкви и известен своими литературными трудами. Горячий обличитель латинского суемудрия, он оставил после себя ценные церковно-исторические очерки и толкование на замечательное произведение, приписываемое св. Дионисию Ареопажиту, "О церковной иерархии". Из этого толкования я и заимствую нижеследующие строки.

"Начало и путеводство к соединению с Богом и небесному наследию есть Божественное Крещение. *Аще кто, сказано, не родится водою и Духом, не узрит царствия Божия* (Ин. 3, 5). Им (крещением) внешний человек преобразуется в лучшее и спасительное состояние и (делается способным) к изучению Божественных слов и дел. Каким же образом Божественное Крещение преобразует наше естественное состояние? Оно вообще вносит преобразующую силу воссоздания, — (силу) стремления, но стремления только к небесным благам, — преуспеяния, но преуспеяния во всяком деле благом, — размышления, но размышления о том, чего око не видело и ухо не слышало, — хотения, но хотения лучшего"¹⁷.

Купель, по словам Богомудрого Николая Кавасилы (14 в.), влагает в крещаемых опытное познание Бога, ощущение Его¹⁸. "Это всего яснее открылось над многими из святых, которых, когда они ни из слов не могли познать истину, ни из чудес не уразумели силы возвещаемого, вдруг показала ревностными Христианами принятая ими

купель"¹⁹,* которая "делает известным твари Творца, уму истину, желанию — единого Вожденного"²⁰.

Многое можно было бы еще сказать в разъяснение данного предмета, но во избежание многословия, хотя и не бесполезного, заключу рассуждения о Крещении напоминанием уже однажды приведенных мною слов преп. Марка: "Человек, крещенный во Христа, ты только покажи делание, силу которого получил", и уготовь себя к явлению Живущего в тебе; и тогда Господь, по обетованию Своему, явит тебе Себя духовно, как Он Сам знает"²¹.

Но увь, осиявающая небесными лучами душу сила Крещения обычно покрывается у нас густым мраком страстей, благоухание благодати, приносимой внутрь нас Самим Жизнодавцем-Христом, заглушается смрадным вонем грехов и немощей, и это грустное, чтобы не сказать — ужасное, явление стало столь обычным в наше время, что нам трудно даже поверить словам Духоносных Отцов о значении и возможной (и должной) действительности святого Таинства, несущего нам с собою новое бытие, просвещающего нас новым знанием^{***} мира Божественного и вводящего в организм вечной жизни, в Тело Истины, Церковь Христову.

Дарование людям новой, вечной жизни (Ин. 6, 40 и др.) — главная цель пришествия на землю Сына Божия, а жизнь вечная в знании Истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа (Ин. 17, 3). Отец же открывается в Сыне (Мф. 11, 27), и потому *знание Сына есть основа христианского Богопознания*. А так как Сын Божий, Христос, есть Глава Церкви и не отделим от Своего Тела, которое Он наполняет Собою, Своею жизнью и истиной, то верующий приобщается Божественной Христовой Истины и жизни в меру своего вхождения в Церковь. Входит человек в Церковь верою, чрез Крещение, и утверждает в Теле Истины верностью заповедям; когда же не соблюдает оных, ослабляется его союз с Телом Христовым, и утрачивает он общение с Истиной. И погрузились бы мы в непрогляд-

* Далее автор приводит несколько примеров из жизни святых (прим. М. Новоселова).

** В Крещении (прим. М. Новоселова).

*** "Крещение потому есть просвещение (σφαιρα), что, доставляя истинное бытие, содействует ведомыми Богу и, руководя к оному свету, удаляет от темного зла... оно ... позволяет свету сообщаться непосредственно, когда всякую нечистоту, которая застеняет от душ наших Божественный луч, уничтожает как бы некое средостение"²² (прим. М. Новоселова).

¹⁸ На это произведение имеются также толкования пр. Максима Исповедника (прим. М. Новоселова).

ную тьму греха и неведения, если бы не даровано было нам, по милости Божией, другое, так сказать — дополнительное орудие спасения. "Как благодать на благодать людям по Крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение от Бога... Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим его; сею дверью входим в Божию милость; кроме этого входа не обретаем милости... Покаяние есть вторая благодать"²³. Покаяние, снискивающее милость Божию, восстанавливает силу таинства Крещения, погашенную нашей неверностью "закону духовному"²⁴, и снова укрепляет в ограде Церкви, связывает с телом церковным. Об этом ясно свидетельствует иерейская молитва, читаемая над кающимся после исповеди. Эту молитву я уже имел случай приводить вам во втором письме моем. Вот эта молитва: "Подождь ему <кающемуся> образ покаяния, прощение грехов и отпущение... примири и соедини его Святей Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем"²⁵.

Наконец (забегая несколько вперед), теснейшим образом соединяет верующего с Телом Церкви таинство Тела и Крови Христовых, которое, совместно с предшествующим таинством покаяния, очищает и освящает души верующих, этим содейывая их способными к приятию, точнее — к раскрытию в них Божественной истины, ибо, с одной стороны, по слову Писания "в злохудожну душу не внидет премудрость" (Прем. 1, 4), с другой — "чистии сердцем Бога узрят" (Мф. 5, 8). Сердце очищается, и душа перестает быть злохудожной именно через истинное покаяние и достойное причащение, почему оба таинства и делают (каждое по своему и в своей мере) человека причастником Ипостасной Премудрости и Божественной Истины — Христа, а вместе всей Пресвятой Троицы.

Возвращаясь к таинству покаяния, остановимся вниманием на значении этого таинства в деле Богопознания. Наставником в сем предмете да будет для нас всехвальный Симеон Новый Богослов. Вот чему поучает он нас в своих священнолепных творениях:

"Если и ты, — говорит Преподобный, — от всей души и от всего сердца имеешь себя скуднейшим и ничтожнейшим паче всех людей, — с каковым расположением в неразрывной связи всегдашнее сокрушение и радостотворные слезы, от которых и с которыми ревностному подвижнику прибывают очищение души и познание таин Божиих, — то берись говорить о божеских и человеческих делах, и я уверен, что все ощутят силу словес твоих... ска-

занное мною есть дело и плод покаяния; и оно-то разгоняет неведение наше и приводит нас сначала к познанию человеческих вещей, самих себя и своего состояния, а потом к познанию и того, что выше нас, — вещей божеских, тайн веры нашей, незримых и неведомых для не кающихся. Этого познания никто не может стяжать, не исправив наперед сказанных мною добродетелей, хотя бы был первым философом в мире. А кто не стяжет такого познания, тот всю жизнь свою проведет в глубочайшей тьме неведения. Ибо хотя о божеских вещах писано в книгах Писания и все о том читают, но не всем то открывается, а только тем, кои покаются от всей души и добре очистились чистым и бесхитростным покаянием. В силу покаяния и по мере стяжаемого ими очищения, получают они откровение, и им явны бывают даже глубины Духа. От таковых-то источается слово ведения и премудрости Божией и потопляет мудрования противных врагов, как какая-нибудь многоводная река. Другим же всем это остается неведомым и сокровенным, не бывая открываемо им от Того, Кто разверзает умы верных к постижению Божественных Писаний. Они же между тем, не видя, думают, что видят, и не слыша внятно, думают, что слышат, и не понимая читаемого, воображают, что понимают, неразумные... Почитая себя мудрыми, они воистину сделались безумными, как бы из ума вышедшими, и проводят, бедные, дни жизни своей, не зная, как должно, ни одной из тайн Христовых" (слово 60-е)²⁶.

В том же 60-м слове Преп. Симеон так изобличает ложность и призрачность знания, отрешенного от очистительного пути покаяния и доброделания: "Как денница или после него и Адам вышли из пределов своих и, возгордившись пред Творцом своим Богом, восхотели и сами стать богами: так — увы! — поступил и он, вышел из пределов естества своего, возжелал того, что выше меры его, не захотел восходить на высоту духовного ведения путем смирения и хриstopодражательного жития, но с великою гордостью набрал отсюда и отсюда, как кирпичей, словес лжеименного знания, затвердил их частым повторением и стал износить пред другими со славолубием, человекоугодием и великим самомнением, мечтая, что стяжал столп богословия и духовного ведения, и воображая, что находится на небесах или даже выше еще небес, стоит там и разглагольствует о Творце неба и земли и всего, что в них"²⁷.

Сурово обличает Преп. Отец тех, кто пытается про-

никнуть в тайны богословия и учить о них, прежде очищения себя от скверны греха от дел вражиих.

"Иоанн Богослов (читаем мы в 10-м слове св. Симеона) говорит: "сего ради явился Сын Божий, да разрушит дела диавола" (1 Ин. 3, 8)... Сын Божий и Бог Слово не для того соделался человеком, чтоб только веровали во Святую Троицу, прославляли Ее и богословствовали о Ней, а для того, чтобы разрушить дела диавола. В ком из принявших веру Христову разрушены будут дела диавола, тому можно верить и тайны богословия и православных догматов. Те же, в коих не разрушены такие дела, и кои оказываются опутанными в них... те по существу дела стоят еще на одной линии с язычниками, которым воспрещено и возбранено даже входить в храм Господень и молиться в нем Богу, а не только читать Божественные Писания и изъяснять их... Таковой забыл Бога и достоин приять большее наказание, чем безбожники, совсем Бога не ведающие. Ибо познавши Бога, как говорит Апостол, он не как Бога славит Его²⁸, но паче поносит Его, делая дела диавола. Почему есть враг Божий, хотя и кажется вернейшим учителем Божественных догматов и православного богословия. Впрочем, и это, чтоб таковой верно возвещал Божественные догматы и богословствовал, невозможно. Ибо как возможно, чтобы право и чисто умствовал тот ум, который омрачен оскверненною совестью? Только тот, кто разрешился от дел диаволих и всегда содержит в памяти Бога, может верно возвещать тайны Божии, как не вяжемый более делами диавола..."²⁹

Лишь очистившись и *подлинно возродившись от Бога* в трудолюбном покаянии, человек получает свыше силу, просвещающую и научающую его о Боге и вещах Божественных. Без этой силы тщетны и вредны потуги ума человеческого проникнуть в сокровенные области жизни Божественной.

"Удивляюсь я, — читаем у того же богомудрого Отца (Слово 61), — тем немалочисленным людям, которые прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая божеских вещей, философствуют о них и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся, — без благодати Св. Духа, дающего смысл и разум, — трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что тогда как Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что пред очами

нашими, с дерзостью и бесстрашием Божиим приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Св. Духа, просвещающего и научающего всему. Грешим мы даже тем самым, что допускаем при таком положении своем желание говорить что-либо о Боге. Ибо если трудно познать самого себя, и в настоящее время, в роде сем, весьма и весьма немногие знают себя и могут потому философствовать, — так как любовь к истинной философии иссякла по причине нерадения, овладевшего нами, и по причине мирских забот, господствующих в нас, предпочитающих небесному и вечному земное, привременное и ничтожное, и даже совсем не сущее, т. е. грехи, — если, говорю, трудно познать себя самого, не тем ли паче трудно познать Бога?"³⁰

"Нам надобно, — заключает Преподобный, — прежде прейти от смерти в живот, приять в себя свыше семя Бога Живаго, родиться от Него духовно, стать чадами Ему, восприять в души свои благодать Святаго Духа, — и тогда уже, под действием просвещения от Святаго Духа, приступать беседовать о том, что касается Бога, сколько то доступно для нас и сколько просвещаемы будем от Самого Бога"³¹.

"...Ум наш, — пишет в другом месте преп. Симеон, — всеконечно имеет нужду в ином некоем, кто бы возвел его на небеса, показал тамошние виды и открыл тайны Божии. Ибо как птице нельзя летать без крыльев, так и уму нашему невозможно востечь в те области, из коих он ниспал, если не имеет Духа Святаго, Который бы возвел его туда и шествовал ему" (Слово 60)³². И "кто сподобился мало некак узреть Бога тем способом, о коем мы сказали прежде, не имеет нужды в научении от другого, потому что имеет всего Бога, Который обитает, движется и глаголет внутри его и научает его неизреченным Своим тайнам, по святейшему слову Самого Бога, Который говорит: "тайна Моя Мне и моим" (Слово 61)³³.

"Итак, если ты почтишь <Владыку>, приимешь Его и дашь Ему место и упокоение в себе, то ведай добре, что услышишь из сокровищ Духа Его неизреченные тайны. Не припадая к персям Владыки Христа, как припал некогда возлюбленный ученик Его Иоанн, но имея внутри персей своих все слово Божие, будешь ты богословствовать богословие новое и ветхое и добре поймешь все богословия, какие изречены и написаны были доселе, и соделаешься органом Духа dobroгласным, издающим мелодии, приятнейшие паче всякой музыки" (Слово 82)³⁴.

Так увенчивается подвиг *люботрудного* покаяния.

"Имеющий ведение истины знает, что он имеет нужду и в покаянии; ибо каждое из них одно в другом совершается" (Преп. Марк Подвижник. Слово 3-е "О покаянии")³⁵.

Из всего вышесказанного ясно, какое неизмеримо-великое значение имеют в деле познания Божественных истин таинства Крещения (совместно с миропомазанием) и покаяния ("второго крещения"³⁶), вводящие приемлющего их человека в мир Божественной жизни или, иначе, сообщаящие ему эту жизнь, которая внедряется в человека крещаемого и кающегося.

Естественно теперь поставить вопрос о значении в той же области Богопознания — таинства Тела и Крови Христовых, уже собственным наименованием (Причащение) показывающего, в какое тесное единение с Богом составляет оно человека и какое, следовательно, существенное познание Истины сообщает оно ему.

"Что Евхаристией дается истинное разумение Христа, это доказывается повествованием об Эммаусских путниках. Они долго не узнавали беседовавшего с ними Незнакомца: "очи же его держастся, да Его не познает" (Лк. 24, 16). Не открылся Он им и в некротком собеседовании. И что замечательно, в них "горело сердце" (ст. 32), то сердце, которым, по Апостолу (Рим. 10, 10), "веруется в правду", — и, однако, требовалось еще одно условие для узнания учениками своего Учителя. *"Когда Господь, взяв хлеб, благословил, преломил и подал его им"*, — тогда *"онема отверзостся очи"*, замечает св. Лука, *"и познаста Его"* (ст. 31). Возвратившись в Иерусалим, путники рассказали друг-другу Апостолам о всем, происшедшем с ними на пути, о встрече и собеседовании с Воскресшим, о том, — полагать надо, — как они вначале не узнали Его и как, наконец, Он *"познася има в преломлении хлеба"* (ст. 35). Если только одно евхаристийное действие — преломление хлеба — "отверзло очи" Апостолам, то как же нам не зреть Господа очами сердца в *самом Таинстве Евхаристии?*"³⁷

Достаточно заглянуть в изумительные по своей силе, глубине, красоте, прямее сказать, — по своей боговдохновенности, предпричастные молитвы, исходившие из уст богоспросвещеннейших мужей, чтобы с несомненностью убедиться в существовании-просветительном значении таинства Св. Причащения.

Предлагаю вашему вниманию немногие, краткие извлечения из этих чудных молитвословий.

"Слове Божий и Боже, угль Тела Твоего да будет мне помраченному в просвещение, и очищение оскверненной

души моей Кровь Твоя" (Канон ко св. Причащению, песнь 5-я, троп. 2-й)³⁸.

"Душею и телом да освящуся, Владыко, да просвещуся, да спасуся, да буду дом Твой причащением священных Таин, живущаго Тя имея в себе со Отцем и Духом, Благотелю Многомилостиве" (песнь 9-я, тропарь 2)³⁹.

"Якоже огонь да будет ми, и яко свет, Тело Твое, и Кровь, Спасе Мой, Пречестная, опалия греховное вещество, сжигая же страстей терние, и всего мя просвещая, покланяйся Божеству Твоему (тропарь 3)⁴⁰.

"...Яко да чистым сведением совести моея, святых Твоих часть приемля, соединюся Святому Телу Твоему и Крови, и имею Тебе во мне живу и пребывающую, со Отцем, и Святым Твоим Духом" (молитва 1-я Св. Василия Великого)⁴¹.

"Снитием Утешителя Твоего Духа сосуды честны священных Твоя ученики соделавый, приятелище и мене покажи Того пришествия" (молитва 3-я Симеона Метафраста)⁴².

"...Да будут ми Святая Сия во ... просвещение ..., в возрастание добродетели и совершенства; во исполнение заповедей, в Духа Святаго общение (мол. 6-я)⁴³.

"...Милостию сострастия тепле кающихся, и чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего соделоваый независтно. И странное и Ангелом, и человеческим мыслом: беседуеши им многжды, якоже другом Твоим истинным" (молитва 7-я Св. Симеона Нового Богослова)⁴⁴.

"...Внидеши и просвещаеши помраченный мой помысл. Верую, яко сие сотвориши" (молитва 9-я Св. Иоанна Златоуста)⁴⁵.

"Божественное тело и обожает мя и питает: обожает дух, ум же питает странно" (стихи после молитв пред Св. Причащением)⁴⁶.

О том же говорят и благодарственные послепричастные молитвы:

"Даждь быти сим <животворящим Таинствам> и мне... в просвещение очию сердца моего... во исполнение премудрости" (1-я молитва)⁴⁷.

"...Пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце... душу очисти, освяти помышления... чувств просвети простую пятерицу... удобри, вразуми, и просвети мя" (3-я молитва)⁴⁸.

Нужно ли говорить, что Св. Отцы и учителя, испрашивавшие себе пред священной Трапезой и после нее сре-

что по непреложному слову Господню (Ин. 16, 13), Дух Святый, Дух Истины, действительно наставляет Своих причастников на всякую истину.

"Потому-то Св. Церковь, не слишком надеясь на земных учителей, — кто бы ни были они, — постоянно указывает нам на Учителя Небесного... Как часто возводит она... умиленный взор свой горе и оттуда ждет света ведения, необходимого для жизни и просвещения детей ее! Есть ли хотя одно утро, полдень и вечер, в которые бы не вопияла она к Духу Святому, Господу Животворящему и Просвещающему, да придет и вселится Он Всемогущий и в сердца и в дома Христиан? И не о том ли большая часть молений и крепких воплей ее ко Престолу Божию, чтобы Дух Святый постоянно озарял умы Христиан светом Богоразумия, прогонял тьму невежествий людских, обращал заблуждающих, освящал нечистых? И каких великих успехов не обещает она от животворящего учительства Небесного Учителя, Бога Духа Святаго? — Какой род знаний нужен вам или приятен для вас? Хотите быть великими художниками? Церковь уверяет вас истинным словом Господним, что великими художниками творит людей Дух Божий, Веселеила и Элиава⁵⁶, о коих сказано: *и наполни их Духа Божия, премудрости разума и умений всех* (Исх. 31, 1-6; 35, 30-35; 36, 1-2). Ищите разуметь тайны природы? Она указывает на Соломона, который так умудрен был Духом Божиим, что знал все от кедра до иссопа. Желаете быть священными песнотворцами? Она приводит вам Давида, которого Дух Святый сделал величайшим из всех певцов. Желаете ли постигнуть науку Боговедения? Здесь и по простому соображению вы никогда ничего не постигнете, если Сам Дух Святый не даст вам разумения. "Вся подает Дух Святый, — говорит св. Церковь, — точит пророчества, священники совершает, книжные мудрости научи, рыбаки Богословцы покажи..."⁵⁷. — Ибо Он есть "свет и живот, и живой источник умный: Дух премудрости, Дух разума, благий, правый, умный: обладая, очищая прегрешения: Бог и Боготворяй, огонь от огня исходяй: глаголай, дей, разделяя дарования..."⁵⁸ (Служба на Пятидесятницу, стихиры)⁵⁹.

"Сей благий Дух нисходит в душу посредством таинств, коих хранительница — Церковь"⁶⁰.

Этимися немногими словами славного архипастыря Херсонского, Иннокентия, я и закончу свое, без меры растянувшееся письмо. Начатое — при сравнительно благоприятных условиях жизни — летом, оно затем писалось

при иной, худшей обстановке, писалось урывками и закончилось осенью, при совершенно новых обстоятельствах моего жития, которые и содействовали тому, что я могу наконец удовлетворить вашему и своему желанию видеть это письмо написанным. Хотелось бы возобновить беседу с вами, мои дорогие, возможно скорее, так как предмет требует дальнейшего рассмотрения, но имея перед глазами печальный опыт недавнего прошлого, я боюсь надеяться и, тем более, обещать. Воля Божия да будет! А я, как и всегда, очень прошу Ваших молитв, мои дорогие.

Господь да будет посреди нас!

Любящий вас о Господе брат.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Крещение Господне. 1926 г.

На этот раз я начинаю беседу с вами, мои дорогие, спустя лишь несколько дней по окончании предыдущей. Да благословит ее Господь Дух Святой!

Прошу вас припомнить сказанное мною в прошлом письме, а особенно в конце его, и тогда вам понятно будет начало настоящей беседы.

"Если любите Меня, — сказал Сын Божий Своим ученикам в прощальном слове Своем к ним, — соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины... Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам" (Ин. 14, 15-17, 26).

"При наступлении дня Пятидесятницы, — читаем мы в Деяниях (2, 1 и след.), — все они <ученики> были единомысленно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать".

Так исполнилось обетование Христово, так открылось действие Духа истины, посланного Отцом во имя Сына, так зачалась "Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15). И мы тут же слышим (и будем слышать в течение всех грядущих веков бытия Церкви) ясное и твердое, в слух всего мира, исповедание Божественных действий просвещающего Духа небесного блаженными причастниками Его. "Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме!" — возгласил ап. Петр пред лицом огромной толпы, с удивлением взиравшей на исполненных Духом Божиим учеников Христовых и заподозрившей их в том, "яко вином исполнены суть". — "Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предсказанное пророком Иоилем: И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

226

И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать" (Иоил. 2, 28-29; Деян. 2, 14-18).

Та же книга Деяний повествует, как принявший — чрез возложение рук Апостолов — Духа Святого архидиакон "Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе", и как некоторые представители синагоги "вступили в спор с Стефаном; но не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил" (6, 8-10). Сейчас же "Стефан... будучи исполнен Духа Святого, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога" (7, 55), а побиваемый богоборными иудеями, одобряемыми Савлом, "воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего" (7, 60).

Прошло немного времени — и лютый гонитель христиан и соучастник убийства Первомученика Стефана Савл становится ревностнейшим последователем Распятого, приняв Духа Святого чрез св. Крещение и возложение рук св. Анании (9, 17-18). Вся изумительнейшая по многообразнейшим трудам и неисчислимым духовным плодам жизнь великого Апостола языков свидетельствует непрерываемо о потрясающих своей чудесностью и непреодолимостью действиях Духа истины, ниспущенного в мир в день Пятидесятницы. Что касается писаний св. Апостола, то все они, главным образом, свидетельствуют в Духе Святом о Его силе, значении, действительности и о необходимости для всех христиан быть причастниками Духа. Нужно ли приводить примеры в доказательство этой неопоримой истины? Уверен, что они вам известны. Впрочем, в утешение себе я вам укажу некоторые.

"Павел, пройдя верхние страны <Римской Азии>, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святого Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать" (Деян. 19, 1-6).

Сам Апостол и присные его сотрудники в деле благовестия постоянно руководятся Духом Святым, "наставляющим" их "на всякую истину" и всегда указующим путь

жизни. "В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринейянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл. Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их. Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр; и, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских" (Деян. 13, 1-5).

Содействуя Апостолам в их евангельской проповеди, раскрывая сердца слушателей к приятию семени Слова Божия, Дух истины вместе с тем заграждал чудесным образом уста противников, служителей отца лжи. "Пройдя весь остров <Кипр> до Пафа, нашли они некоторого волхва, лжепророка, Иудеянина, именем Вариисуса, который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие. А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры. Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святаго и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню" (Деян. 13, 6-12).

Так действенно было со стороны Духа истины содействие проповеди слова, утвердившегося "последующими знамениями" (Мк. 16, 20).

Я не вспоминаю здесь о чудеснейшем и поучительнейшем событии — обращении к вере сотника Корнилия, так как о нем кратко уже говорилось в предыдущем письме, да и служителем Духа Святаго был там другой первоверховный Апостол — Петр, а не Павел, о котором идет у нас речь теперь. Но все-таки я советую вам, мои дорогие, внимательно прочитать все повествование о святом сот-

¹Ср. повествование об Анании и Сапфире (Деян. 5, 1-11), получивших такое страшное и быстрое возмездие от Господа за попытку "солгать Духу Святому" (5, 3), за соглашение "искусить Духа Господня" (прим. М. Новоселова).

нике, чтобы лишний раз запечатлеть в своей душе чудные действия Духа истины.

Словно за руку, как мать дитя, водит по стропотным путям¹ жизни Своих причастников Дух Святый, указывая, что, где и когда нужно делать им, предостерегая от угрожающих им опасностей, утешая в скорбях, просвещая иставляя во всех обстоятельствах многотрудного жития их, осиявая верные души чудным Своим светом и промыслительно, в иные минуты, отъемя его... Сии и многие иные благодатные животворящие действия Духа истины, Духа Утешителя, вы легко сами усмотрите, друзья мои, читая Деяния и Послания Апостольские, а потому я, в дополнение к приведенным выше примерам, приведу еще лишь два-три, чтобы соутешиться вместе с вами погружением в светлую область явлений Духа.

Как не подивиться чудному водительству Его, когда читаешь эти изумительные строки св. Луки, повествующую с эпической простотой о великих делах Утешителя. "Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, — читаем в 16-й главе Деяний, — они <ап. Павел и иже с ним> не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Азии. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их. Миновав же Мисию, сошли они в Троаду. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам. После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там" (16, 6-10).

Дальнейшие события (зри ту же главу Деяний) ясно показали, что святыми благовестниками руководил Дух Святый, изобильным благословением благословивший их труды в стране Македонской.

Ведет великий Апостол трогательное пастырское собеседование с Ефесскими "пресвитерами церковными", навсегда прощаясь с ними перед отъездом своим в Иерусалим, — и опять слышится боговдохновенное слово о Духе Святом. "Внимайте себе и всему стаду, — увещевает Апостол окружавших его пресвитеров, — в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею" (Деян. 20, 28). "Вот, ныне я, — возвещает славный благовестник, — по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам <обратите внимание, дорогие, на это "по всем городам"> свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня". "Но

я, — продолжает верный слуга Духа, Духом укрепляемый и утешаемый, — но я ни на что незираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю*, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие" (20, 22-25).

Когда, приближаясь к Иерусалиму, ап. Павел остановился на несколько дней в Кесарии, в доме Филиппа благовестника, то снова раздался голос Духа в устах пророка Агава. "Войдя к нам, — повествует тот же св. Лука, — взял <Агав> пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников" (21, 11).

Излишне говорить, что эти предсказания Духа оправдались во всей полноте.

Я не буду утомлять вас, друзья мои, указаниями на другие события, в "Деяниях апостольских", где сказывалось руководство, учительство и иные силы Духа Святого. Полагаю, что и приведенных примеров вполне достаточно для намеченной нами цели.

От событий в жизни духоносного Апостола и его сподвижников, событий, связанных с явлениями Духа, перейдем к учению Апостола о Духе Святом, как *существенной стихии* в жизни Церкви и отдельного члена ее, как *основном Источнике освящения, просвещения, научения*.

"Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном, — наставляет Римлян Апостол. — Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас" (Рим. 8, 5-11).

Хотел я ограничиться только вышеприведенными стихами из восьмой главы послания к Римлянам, но, за-

*Конечно, на основании повсюдных откровений Духа истины (прим. М. Новоселова).

глянув в дальнейшее содержание этой главы, увидел, что остановиться на начале ее нельзя: она вся исполнена свидетельств о Духе. В самом деле, внимайте следующим словам Апостола: "Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!" Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться" (8, 14-17).

Видите, друзья мои, каковы действия и силы Духа. Ясно, что в Нем, в стяжании Его — вся жизнь христианина. Недаром преп. Серафим наставлял своего духовного друга Н. А. Мотовилова, что цель жизни христианина не в чем другом, как именно в *стяжании Святого Духа Божьего*.

Св. Дух не дает нам удовлетворяться тварным, временным, преходящим: "имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего" (8, 23). Сей Святой Дух не чужд и всей твари вообще, ибо и в ней живет, по Апостолу, чаяние лучшей, нетленной жизни, и она не примиряется с суетою мира сего: "тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, — утверждает боговдохновенный тайнозритель, — что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне" (8, 19-22).

"Дух подкрепляет нас в немощах наших" (8, 26), а так как *"сами мы не знаем, о чем молиться, как должно"*, то "Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией" (8, 26-27).

Наставник в молитве, поддержка в немощах наших, Утешитель является стражем и хранителем совести нашей, что исповедует тот же Апостол: "Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом" (9, 1).

И нужно ли удивляться этому, когда св. Апостол, увещавая Коринфских христиан избегать блуда и жить в чистоте, так определяет достоинство и внутреннее содержание людей крещеных: "Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бо-

га?" (1 Кор. 6, 19). Этим сказано все, и мне, может быть, следовало бы покончить с писаниями Апостола языков, но не могу удержаться, чтобы не привести вам, мои дорогие, еще нескольких боговдохновенных строк из того же послания к Коринфянам, тем более, что строки эти как нельзя больше отвечают основной теме нашей беседы, указуя на глубочайшее просвещение, даруемое Духом истины Своим причастникам и содействующее их зрителями тайн Божиих, сокрытых от людей, Духу Святому не причастных, как бы ни пытались они своими силами проникнуть в эти неведомые человеческому уму тайны.

"Слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, — пишет Апостол поклонникам таковой мудрости, — но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: "не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" <Ис. 64, 4>. А нам, — продолжает Апостол, — Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, — заключает Апостол свое слово о духовном и душевном ведении (о чем пространно и глубоко пишет преп. Исаак Сирийский), — чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов" (1 Кор. 2, 4-16).

Из моря свидетельств о Духе Святом, как основном источнике истины, премудрости и всякой благодати, свидетельств, коими полно Писание (будучи в целом само произведением Духа) вообще и писания апостольские, в частности, я почерпнул одну каплю. Но и этой капли дос-

таточно, чтобы удостоверить нас о всесторонней действительности Духа в жизни Его причастников, особенно таких, как первые ученики Христовы, которые преизобильно прияли посланного им их Учителем Духа Истины.

Казалось бы, на этом можно остановиться — куда нам идти? Ты, Душе Святой, имали глаголы божественной истины³ и вещаешь их миру и просвещаешь ими взыскующих Истины. — И действительно, мы видим и в ап. Павле, и в апостолах Петре и Иоанне и других полную и непоколебимую уверенность в безусловной правде тех откровений, которые, согласно обетованию Господа, они должны были получить — и получили — от пришедшего к ним Утешителя. Однако тот же изобиловавший множайшими дарованиями духовными Апостол языков идет к самовидцам Слова, Петру, Иакову и Иоанну, проверить свое благовестие. "Ходил я, — пишет он Галатам, — в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил там, и особо <слав. "наедине"> знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался" (Гал. 2, 1-2). О результатах этого нарочитого свидания апостолов св. ап. Павел так сообщает в том же своем послании к Галатам: "...увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников), и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным" (2, 7-9).

Правда, согласно большинству авторитетных толкователей Свящ. Писания и как явствует непосредственно из самого текста Писания (см. 1-ю и 2-ю главы послания к Галатам), св. ап. Павел ходил в Иерусалим не ради себя, не для того, чтобы самому увериться в истинности своего благовестия, которому он ревностно, самоотверженно и с большим успехом служил до этого путешествия в течение четырнадцати лет, "не советуясь с плотью и кровью" (Гал. 1, 16), а руководясь одним откровением, — но это обстоятельство несколько не ослабляет той мысли, что откровение Духа требует для себя *соборной проверки*. Дух Святой не только не отвергает этого способа утверждения в истине, но и ведет к нему, ибо ап. Павел ходил к самовидцам Слова "по откровению", о чем, как вы, надеюсь, заметили, он и сообщает Галатам (2, 2). Пусть сам он, в данном случае, лично не нуждался в проверке себя старейшими

Апостолами, так как не сомневался в истине своей проповеди; но их духовная помощь все-таки нужна была ему для *большого успеха* этой проповеди. Получить санкцию своему благовестию со стороны "почитаемых столпами" (2, 9) было существенно важно для Апостола языков: их авторитетное в глазах всех верующих одобрение благовестнических трудов Апостола должно было, с одной стороны, обезоружить многочисленных врагов его, с другой — укрепить верных, но немощных учеников, которые могли иногда приходить в сомнение и смущение под влиянием враждебных Апостолу голосов.

Соборное действие потребовалось и для санкционирования значительнейшего явления в жизни первохристианской церкви — принятия в лице сотника Корнилия с его присными язычников в недра Церкви Христовой. "Услышали Апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними" (Деян. 11, 1-3). Ап. Петр, подобно ап. Павлу, дает обстоятельный отчет в своих действиях, явно продиктованных Духом Святым (Деян. гл. 10 и 11). Смущенные общением Апостола с язычниками, верующие из иудеев, выслушав апостольское объяснение, "успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь" (11, 18).

Тот же Дух истины побуждает Своих причастников к соборным действиям и иного характера, когда слышится не мирное повествование о трудах благовестия и обсуждаются — может быть, и горячо — связанные с ним вопросы, а раздается резкое обличение неправды, хотя бы она исходила от "почитаемых столпами". "Когда же Петр пришел в Антиохию, — пишет в том же послании к Галатам ап. Павел, — то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?" (2, 11-14). Сходятся два величайших духовосца, два "первоверховных" апостола, и один корректируется другим в своей апостольской деятельности и, может быть, в разумении Евангельской истины, содержимой *все-*

цело лишь в соборности Тела Церкви.

Поучительно взглянуть на отношения "столпов" веры Христовой к тем, кого можно назвать "рядовыми христианами", к таким, однако, не в пример нам, нынешним "рядовым" христианам, которые, имея обильное помазание Духа Святого, "возгревали" его "добрым подвигом" жития своего. Первое послание свое "пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии", св. Петр заключает такими словами: "Сие кратко написал я вам... чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите" (5, 12). Как великий духоносец, он, с одной стороны, *удостоверяет*, что те, кому он пишет, стоят в истинной благодати; с другой — *подкрепляет* в них уверенность, что они — в истине.

Св. апостол Иоанн Богослов в первом своем послании пишет: "Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом" (5, 10), и: "Вы имеете помазание от Святого и знаете все" (2, 20). Казалось бы, зачем писать имеющим помазание от Духа истины и знающим все? Между тем новозаветный таиннозритель считает нужным писать — и объясняет, почему он это делает: "Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее" (2, 21).

Подобно ап. Петру, он своим духоносным авторитетом утверждает братию в том, что им открыто помазанием того же Духа. Он хочет укрепить в них веру в это помазание и верность ему: "Помазание, которое вы получили от Него <Сына Божия>, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте" (2, 27). Помазание, пребывавшее в современных ап. Иоанну христианах, "учило их всему", но заботливый наставник, возлежавший на персях Господа⁵ и больше всех ведавший тайны Господни, считает необходимым авторитетно подтвердить, что это помазание "истинно и неложно". Это свидетельство, исходившее от возлюбленного ученика Господа, от почетнейшего члена Тела Христова, изобильно приявшего благодать Духа Святого, было, конечно, и полезно, и утешительно для братии.

Наконц, наиболее целостное соборное действо наблюдаем мы, когда апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения дела о способах и условиях принятия язычников в недра Церкви Христовой, и когда, всесторонне обсудив этот важнейший и насущнейший вопрос того време-

служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е. *взящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго*".

"Так желал бы я, Ваше Боголюбие, — внушает своему собеседнику Преподобный, — чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божиим вы обретаетесь или нет... Если... нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и снова будет с нами Своею благодатию"¹⁵.

Со скорбью отмечает великий Духоносец утрату нами водительства Духа Божия, столь обычного в прежние времена, столь необходимого и естественного для истинных христиан. Указывает Преподобный и причины этой горестной утраты.

"Мы в настоящее время, — поучает в той же беседе Угодник Божий, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно-христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: "И виде Адам Господа, ходяща в раи"¹⁶, или когда читаем у апостола Павла: "Идохом во Асию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами"¹⁷. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеку"¹⁸.

Приведя несколько таких мест, Преподобный продолжает:

"Некоторые <...> говорят: "Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?" А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простора первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние <...> ясно разумели".

"А все потому, — заключает преп. Серафим, — что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией"¹⁹.

Замкнуть ряд духоносных свидетельств я предоставляю авторитетному церковному учителю почти наших дней, епископу Феофану Затворнику.

"Всякий христианин — причастник Духа, — пишет этот мудрый воспитанник свв. Отцов. — Это так необходимо, что кто Духа не имеет, тот и не Христов" ("Мысли на каждый день года")²⁰. И в другом месте тех же "Мыслей" читаем: *Егда же придет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину* (Ин. 16, 13). Почему же в логиках не упоминается об этом источнике познания? Не удивительно, что в языческих логиках нет этого пункта, но почему нет его в христианских? Ужели христианин, когда начинает умствовать, должен перестать быть христианином и забыть о всех данных ему обетованиях, верных и несомненных?"²¹

Итак, "лучшее и вернейшее познание Бога — не то, которое выработано усилиями рассудка и выпотением мозга, но то, которое *возгорается от небесного огня в сердцах наших* и вносит в душу Божественный свет, более ясный и убедительный, чем все рассудочные доказательства"²². "Искать же Боговедения лишь в книгах и писаниях — значит искать живого между мертвыми"²³. Внутри себя ищи Бога! Он лучше всего распознается, так сказать, духовным *осязанием*. Мы должны стремиться *видеть* Его своими глазами, *слышать* своими ушами, и наши руки должны *осязать* Слово жизни. Ведь душа наша, как и тело, имеет свое чувство: *"вкусите* и видите, яко благ Господь!"²⁴

Недаром святитель Тихон Задонский учит нас молиться Иисусу, Сыну Божию: "Дажь ми очи видети Тя! Дажь ми вкус вкусити Тя! Дажь ми ухание благоухати Тя!"²⁵... А "величайший христианский философ"²⁶, преп. Исаак Сирин утверждает, что "желать посредством *исследования и расспросов* уразумевать тайны — есть *неразумие души*", которая "видит истину Божию *по силе жития*", ибо "за *сохранение заповедей* ум сподобляется *благодати таинственного созерцания и откровения духовного ведения*"²⁷.

Простите, мои дорогие, что я несколько уклонился в подробности — и, говоря о коренном Источнике истинного ведения, заговорил и о путях к Нему.

Обращаясь к главной теме настоящего рассуждения, следует сказать, что все приведенные нами согласные свидетельства свв. Отцов и учителей церковных на протяжении всей истории Церкви непрерываемо удостоверяют, что *Божественное внутреннее откровение Духа* есть основной

*Т. е. подаваемого Духом (прим. М. Новоселова).

источник Богопознания, и потому они настаивают на необходимости и общеобязательности этого забытого нами пути Боговедения. В этом Отцы совпадают с апостолами — самовидцами Слова. Но совпадают ли они в другом пункте: в признании соборности, обязательности взаимной проверки воспринимаемых ими откровений, в искании духовного согласия друг с другом, что мы наблюдали в Апостолах и их ближайших учениках?

Этот вопрос подводит нас к предмету величайшей важности, ибо так называемое "consensus patrum" ("согласие отцов") определяет собою русло православия. Я позволю себе употребить другое наименование этой существенной черты Православия: я называю ее *святоотечностью*. Сему предмету я предполагаю посвятить следующее письмо целиком. Да и другие письма, если им суждено появиться на свет, будут теснейшим образом связаны с этим предметом, т. е. святоотечностью. Настоящее же письмо я закончу краткими суждениями трех Отцов Церкви, дающих положительный и авторитетный ответ на поставленный нами вопрос. Имена этих Отцов вам уже известны: это — преп. Максим Исповедник, св. Мартин, папа Римский и св. Симеон, Новый Богослов.

Возражая монофелитам на их исправное учение о волях в Господе Иисусе Христе, преп. Максим заключил свой ответ им такими словами: "этого я признать не могу, и не научился от святых Отцов так веровать". В другой раз преподобный изрек: "из всего же Священного Писания, из творений святых учителей и из постановлений соборных" мы научаемся, что воплотившийся Иисус Христос, Господь и Бог наш, имеет силу хотеть и действовать по Божеству и по человечеству²⁸. Подобные ссылки на святых Отцов мы нередко встречаем у святого Исповедника, несмотря на великую собственную мудрость (а вернее — благодаря ей) всегда опиравшегося в своих мудрованиях на святых своих предшественников.

Тем же убеждением в необходимости сохранять единомыслие не только с евангельским и апостольским, но и с *святоотеческим* учением, был проникнут и соратник преп. Максима в борьбе с монофелитской ересью св. папа Мартин, высказавший готовность умереть за верность "преданиям святых Отцов"²⁹.

Те же святоотеческие вехи Православия устанавливает и богомудрый Симеон, со свойственной ему яркостью

выражая свою мысль. "Если слова и дела несогласны с учением св. Отец, — поучает Новый Богослов, — то не следует принимать его, а напротив отвращаться от него, хотя бы он воскрешал мертвых и иные многие творил чудеса"... "Богодуховенному учению мы от начала научены Апостолами Христовыми и Божественными Отцами нашими", — поясняет и подтверждает свою мысль св. Отец³⁰.

Закончить эту беседу с вами, милые друзья мои, меня потянуло в великий праздник Крещения Господня, а предыдущее письмо мое к вам я начал, если помните, в день славной памяти первоверховных Апостолов Петра и Павла: таким образом, за полгода я написал вам всего два письма. Не припишите моего малоплодия одной лености, хотя я в ней и очень повинен: так слагались внешние обстоятельства жизни, что отвлекали от беседы с вами...

Молитесь обо мне, родные!

Любящий вас брат ваш о Господе.

²⁸ См. примечание к этим словам в письме 15-м (прим. М. Новоселова).

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

16 мая 1926 г.

Преп. Феодора Освященного

Я осуетился, и заленился я очень, мои дорогие. Сколько прошло времени от последнего моего письма к вам! А ведь иногда очень тянуло перекинуться словечком, и все-таки не мог взяться за перо, хотя мысленно не раз беседовал с вами. На днях я очутился в желанном и давно искомом сельском уединении, и ничто не возбраняет теперь мне возобновить общение с вами. Сегодня я отстоял утреню и литургию, после которой молился за молебном преподобному Серафиму, Михаилу и Феодору, решив под их молитвенным покровом начать так давно прерванную беседу с милыми друзьями. Кстати: преп. Феодор был выдающийся духоносец, воистину "бог по благодати"¹; читая о нем замечательное письмо епископа Аммона к папе александрийскому Феофилу², испытываешь не только величайшее благоговение, а изумление и священный трепет перед этим "избранным сосудом"³, вмещающим невыразимое обилие благодати. Если Господь благословит, я когда-нибудь познакомлю вас с этим письмом епископа Аммона, ярко рисующим чудный образ избранника Божия. Кое-что вы уже знаете об этом писании Аммона и преподобном Феодоре из моего пятнадцатого письма к вам.

Итак да почиет благословение трех великих Отцов на нашей беседе, которая, согласно моему обещанию, должна иметь своим предметом то, что я назвал святоотечностью.

Кому приходилось присутствовать при совершении так называемого чина Православия в первую неделю Великого поста, тот должен был слышать следующие велегласно изрекаемые слова, относящиеся к нашей православной вере: "Сия вера Апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди"⁴.

Итак, вера Христова именуется не только верой Апостольской, но и верой отеческой. И это не напрасно. Есть много людей, которые стремятся замкнуть веру Христову Евангелием и писаниями Апостольскими и этим исказить подлинный лик ее, исказить, истолковывая и слово Евангельское, и слова духоносных Апостолов Христовых сво-

им плотским умом и отвергая благодатные толкования богоносных Отцов наших. Между тем для нас, верных чад Церкви Христовой, согласие со святыми Отцами совершенно необходимо, если мы хотим *воистину* не изменять матери Церкви и не лишиться ее благодатного покровя.

Вселенские Соборы, когда нужно было составлять вероопределения, после Священного Писания всегда обращались к отеческому учению, делали более или менее обширные выписки из отеческих писаний и в основание своих вероопределений всегда поставляли отеческое предание. Знакомые с деяниями Соборов знают, что выражения: "последующе божественным Отцем вси единогласно поучаем", или: "по учению святых Отцев", или: "последующе богоглаголивому учению святых Отцев" — эти выражения — одни из самых обычных и употребительных, как на поместных, так и на Вселенских Соборах⁵.

В деяниях 3-го Вселенского Собора, созванного в 431-м году для суждения относительно ереси патриарха Нестория⁶, мы читаем: "Дабы нынешние определения относительно кафолической веры сохранили всегдашнюю твердость, нужно, в пример потомству, оставить неизменным и неприкосновенным все то, что в прежние времена утверждено святыми Отцами. Ибо, если кто хочет своим определениям относительно кафолической веры сообщить всегдашнюю твердость, то он должен подтверждать свое мнение судом древних Отцев, а не основываться на собственном авторитете, дабы таким образом видно было, что он, подтверждая свое мнение определениями частию древних, частию новейших, утверждает, проповедует и содержит единую истину Церкви, хранимую от начала до настоящего времени в простоте и чистоте, с непоколебимою твердостью и достоинством"⁷.

В деяниях 5-го Вселенского Собора, созванного в 553-м году, читаем такое исповедание силы и значения святоотеческих писаний: "мы во всем следуем святым Отцам и учителям Церкви, Афанасию, Иларию, Василию, Григорию Богослову, Григорию Нисскому, Амвросию, Августину, Феофилу, Иоанну Константинопольскому, Кириллу, Льву, Проклу, и приемлем все, что они изложили о правой вере и об осуждении еретиков. Приемлем также и прочих святых Отцев, которые безукоризненно до конца жизни своей проповедывали правую веру в святой Церкви Божией.

Итак, поелику в святой Кафолической и Апостольской Церкви Божией должно быть сохраняемо и проповедуемо

это правое исповедание, то если кто-либо удаляет себя самого от него, мудрствуя противное ему, такой человек, как удаляющий себя самого от правой веры и вступающий в общение с еретиками, справедливо осуждается и анафематствуется святою Церковию Божиею"⁸.

Согласно 19-му правилу 6-го Вселенского Собора, "предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественнаго Писания разумения и разсуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания богоносных Отцев: и аще будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях"⁹.

А вот свидетельства, утверждающие авторитет святых Отцов, идущие от 7-го Вселенского Собора:

"В десяти своих посланиях ты, как и следовало императору-христианину, — читаем в послании св. Григория, папы римского, к императору Льву Исаврянину, — давал доброе и благочестивое обещание постоянно соблюдать и хранить все наставления наших святых Отцов и учителей... Но ты отрекся от святых Отцов и учителей наших, хотя и дал собственноручное письменное обещание повиноваться и следовать им. Наше писание, наш свет и спасительная сила наша, это — святые и богоносные Отцы и учителя наши; об этом засвидетельствовали нам и шесть бывших о Христе Соборов, но ты не принял их свидетельств"¹⁰.

"Феодор, святейший епископ Мирский, сказал: "все мы, слыша учение Отцов наших, умилились душою и оплакали прошедшие годы; возблагодарим же Бога, что, благодаря учению святых Отцов, мы пришли в познание истины"¹¹.

Святейший патриарх (Тарасий) изрек: "стражи кафолической Церкви, святые Отцы наши, постоянно бодрствующие над мысленными стенами ее, провозгласили (свое мнение об этом предмете). Они отогнали всякое нестроение и пустословие и, сохранивши ее нерассеянною, прогнали все полчища неприятелей и мечем духа уничтожили как древние ереси, так и заблуждение новой лжи"¹².

"Святой Собор провозгласил: "да исправят нас учения богоглаголивых Отцов. Почерпая из них, мы напоились истиною; следуя им, мы прогнали ложь; быв научены ими, мы с любовью приемлем честные иконы. Отцы проповедуют, а мы остаемся послушными чадами и хвалим-

ся пред лицом матери преданием кафолической Церкви... Мы следуем древнему законоположению кафолической Церкви. Мы соблюдаем заповеди Отцов <...>.

Святые Отцы наши, исполняя божественное повеление Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, не скрывали под сосудом дарованного им (И. Хр.) светильника божественного знания, но ставили его на подсвечнике самого полезного дела — учительства, чтобы он светил всем находящимся в дому, то есть рожденным в кафолической Церкви, дабы кто-либо из благочестиво исповедующих Господа не наткнул когда-либо своей ноги на камень еретического злословия. Они изгоняют всякое заблуждение еретическое, а всякий гнилой член, если он заболит неизлечимо, отсекают. Имея веялку, они очищают гумно; при этом пшеницу, то есть, питательное слово, укрепляющее сердца человеческие, они складывают в кладовой кафолической Церкви, а плевелы еретического злословия, сожигают огнем неугасимым... Мы же, во всем держась учения этих богоносных Отцов наших, проповедуем это учение едиными устами и единым сердцем, ничего не прибавляя и ничего не убавляя из того, что предано нам; а, напротив, утверждаемся и укрепляемся в нем"¹³.

В согласии со святыми Вселенскими Соборами, Православная Церковь и теперь не перестает вместе с древними церковными песнописцами именовать святых Отцов самыми возвышенными, самыми многозначительными именованиями:

"Храм всесветел трисолнечный зари", "таинник неизреченных" (св. Василий Великий)¹⁴;

"Светильник многосветлый Божественный зари", "источник догматов высоких", "цвнице Боговещанная", "Троицы обителище" (св. Григорий Нисский)¹⁵;

"Трость скорописца наострена Духом", "православия наставниче", "вселенный светильник", "отеческого предания Божественное семя" (св. Максим Исповедник)¹⁶;

"Таинник Боговидцев", "Богословия источник", "премудрости реко", "струя Божественного разума", "звезда светлейшая", "благочестия поборниче", "нечестия прогонителю", "столп Церкви", "таинник Триипостаснаго Единначалия" (св. Григорий Богослов)¹⁷;

"Мысленный светильник всемирный", "храм Троицы", "храм Духа", "Церкви основание незыблемое" (св. Ефрем Сирин)¹⁸;

"Богодохновенный орган", "догматов пучина неисчерпаемая", "ум Небесный", "Христовы уста", "премудрости

глубина" (св. Иоанн Златоуст)¹⁹;

"Орган Святого Духа", "пламень молнии, попадающий демонов полки", (св. Антоний Великий)²⁰;

"Столпе света", "богословия труба златая" (св. Афанасий Великий)²¹;

"Проповедник истинной и непорочной веры Христовой" (св. Макарий Великий)²²;

"Око благочестия", "православия наставниче", "учителю благочестия и чистоты", "светильниче вселенная" (св. Лев Великий)²³;

"Божественного сияния светоприемник"²⁴, "песнописец и честный Богоглагольник", "Церкве учитель", "врагов со-противоборец" (св. Иоанн Дамаскин)²⁵ (взято из месячной минеи).

Призывая нас к молитве за архипастырей и пастырей и весь причет церковный, святая Церковь влагает в наши уста следующее прошение: "Спаси, Господи, и помилуй святейших вселенских патриархи со всеми благочестивыми архиереи, и весь освященный чин и причет церковный, и даруй им цело, безмятежно, благоверно, право, по преданию святых Апостол и святых Отец, на Вселенских Соборах Духом Святым узаконенному, исправляти слово Твоея истины" (Иерейский молитвослов, акафист Иисусу Сладчайшему, молитва ко Господу нашему Иисусу Христу)²⁶.

У меня под руками оказались давнишние краткие выдержки из статьи, посвященной выяснению значения святых Отцов и оправданию их вселенского авторитета. По недосмотру я не отметил в свое время ни заглавия статьи, ни имени ее автора. Если не изменяет мне память, статья принадлежит перу архимандрита Порфирия Успенского²⁷. Считаю уместным предложить упомянутые выдержки вашему вниманию.

"Спаситель, посылая Апостолов на проповедь, заповедал им возвещать Евангелие, но не возложил на них обязанности написать такую полную богословскую систему, которую бы не нужно было ни объяснять, ни дополнять никому из их преемников. Посему нельзя сказать, чтобы в писаниях апостольских были прямые, ясные и полные ответы совершенно на все вопросы, имеющие отношение к делу нашего спасения. Отсюда следует, что в деле религии необходимо руководство предания; и при пособии Писания невозможно созидать догматы веры на одном основании собственных рассуждений и соображений, без свидетельства апостольского предания. А если так, то никто не

мог быть более способен и ревностен в сохранении чистоты апостольского предания, как святые Отцы"²⁸.

Эту мысль архим. Порфирий объясняет сперва со стороны более внешней, со стороны исторических условий, которые способствовали свв. Отцам быть наилучшими хранителями и истолкователями Христовой истины, а затем освещает дело по существу, объясняя те внутренние данные христианской жизни, которые делают святых Отцов всех веков единственными верными блюстителями, истолкователями и выразителями вечных истин христианства.

Близость святых Отцов к Апостолам

"Верному сохранению и сообщению другим по преданию принятого от Апостолов учения много могла содействовать и одна близость св. Отцов к Апостолам по времени жизни. Мужья апостольские были учениками и сотрудниками св. Апостолов. А Отцы второго века были учениками мужей апостольских. Кому же после сего лучше знать тайны веры с постижимой их стороны, как не сим Отцам, ближайшим преемникам Апостолов? Здесь невольно приходят на память слова св. Ириней: "Апостолы, если имели некие сокровенные тайны, то особенно преподавали сии тайны тем, кому вверяли самые церкви: ибо будущих своих преемников желали сделать совершенными и во всем неукоризненными"²⁹. Затем и Отцы всех последующих веков, по самому преемству апостольского служения, величайшую свою славу и честь поставляли не в изобретении своеобразных воззрений на учение веры и предания, но в точном сохранении всех тех постановлений и преданий, которые сообщены им были ближайшими преемниками Апостолов, в объяснении Христова учения из тех оснований и начал, какие заключены в писанном слове Божиим. При этом они не позволяли себе без нужды и по произволу делать изменения и в тех учреждениях церковных, которые преданы древними уважаемыми пастырями Церкви в примере и практике церковной. "Кто отступает от единодушного согласия Отцов, — говорит блаженный Августин, — тот отступает от всей Церкви". "Все, имеющие здравый смысл, — писал еще св. Кирилл Александрийский, — стараются следовать учению свв. Отцов"³⁰.

"Для верности сохранения и сообщения другим преданного Апостолами учения нужно и образование <...>, и большая часть св. Отцов Церкви <...> обладали всеми возможными в их время средствами к полному образованию и действительно имели такие обширные сведения в науках, что изумляли современников. Св. Климент Римский, св. Иннокентий Портуанский, св. Григорий Двоеслов, св. Павлин Ноланский прежде призвания к служению церковному были сенаторами; а этого звания никто не мог достигнуть без образования³¹. Св. Иустин Философ не без причины, как известно, почтен именем философа³². Григорий Чудотворец имел такого учителя, обширности сведений которого равно удивлялись ученые во все времена³³. Василий Великий, Григорий Богослов, Златоустый, блаженный Августин и блаженный Иероним получили образование в лучших училищах своего времени³⁴ и с равною основательностью изучали все преподаваемые в их время науки, так что заслужили высокие похвалы и от таких наставников, для которых небезопасно было хвалить их по самому различию религиозных верований. Для <язычника> Ливания, конечно, не было никакой выгоды льстить Василию Великому, между тем он не усомнился сказать о Василии: "Это Гомер, это Платон, это Аристотель, который все знает". <...> И ко многим другим Отцам, как нельзя более, идут слова блаженного Иеронима: "не знаешь, чему более дивиться в них: глубокому ли постижению слова Божия, или светской учености"³⁵.

Святость жизни

Обращаясь затем к тому, что было для дела и мысли свв. Отцов определяющим — к их святости (благодатности), архим. Порфирий говорит: "Это такое пособие в деле религиозного знания, которое часто заменяет самых лучших талантливых наставников и наделяет с избытком такими сведениями, которых вовсе нельзя сыскать даже в пресловутых училищах современной мудрости. Не напрасно сказано: *в злохудожну душу не внидет премудрость* (Прем. Солом. 1, 4), и: *чистиши сердцем Бога узрят* (Мф. 5, 8). Не напрасна вера³⁶, что усердною молитвою испраши-

³¹Вернее: может способствовать (прим. М. Новоселова).

³²Вернее: редко кто достигал (прим. М. Новоселова).

ваются все дары благодати. Несомненно, что истина существенно открывается и познается лишь теми, кто, учащаясь в законе Господнем день и ночь, сообразует с нею всю свою жизнь, вплоть до готовности на самые тяжелые жертвы, что мы и находим у Отцов Церкви, нередко полагавших жизнь свою за опознанную истину.

Неоспоримо и то, что тайны духовной жизни, сладость сокровенного о Христе подвижничества всего лучше может изобразить тот, кто узнал это собственным опытом. И мудрые советы для борьбы со врагом спасения или с греховными помыслами, конечно, успешнее и надежнее могут преподавать те, которые много лет провели в подвигах спасения, чем те, которые рассуждают о сем только по теории и которые вовсе чужды заботливости об искоренении в себе порочных помыслов и суетных желаний. Поэтому даже не получившие школьного образования свв. Отцы и учителя Церкви должны быть признаны наиболее надежными путеводителями к истине и руководителями в духовной жизни³⁷.

Благодатные дарования свв. Отцов

"В связи со святостью Отцов стоят их сверхъестественные благодатные дарования, которые представляют сильнейшее ручательство за их способность верно понять и передать богооткровенное учение. Многие из них обладали даром прозорливости и предведения будущего и силою чудотворений; тем менее возможно, чтобы они лишены были Духа премудрости и разума, как такого дара, который всего более необходим был для защищения веры против дерзости, бесстыдства и ухищрений врагов Церкви. Сильнейшее подтверждение сим словам можно находить в известных всем свидетельствах древности о том, что некоторые из Отцов были удостоены особых благодатных дарований и наставлений. Так св. Григорий Чудотворец от самих Апостолов в сонном видении удостоился получить символ веры³⁸, как надежнейшее пособие для отличения истинного апостольского учения от распространенных в это время лжеучений еретических. Есть свидетельство очевидца, и, следовательно, первостепенного свидетеля, и о том, что преп. Антоний в случае недоумений о каком-нибудь месте Писания, обращался с молитвой к Богу и получал чудесное разрешение своих недоумений. Так, например, когда братия его просила объяснить для них какие-то слова из книги Левит, Антоний, по свидетельству Аммона,

отошел на далекое от них расстояние и, став на молитву, воззвал громким голосом: "Боже! пошли Моисея, и он объяснит мне слова сии". Ответом на это был голос, вразумивший его³⁹.

Недаром, конечно, и *св. Ефрему Сирину* усвоено было современниками название "пророка сирского". О нем было видение одному старцу, что Ангел, блистающий небесным светом, однажды вложил в уста его таинственную книгу, сказав притом, что никто из известных старцу сирских подвижников не был достоин принять сей дар, как *св. Ефрем*⁴⁰.

Известно еще сказание *св. Прокла* о видении апостола Павла при *Златоусте*, во время составления им толкований на Павловы послания⁴¹.

Неоспоримо также и то, что диакон Петр, друг и сослужитель *св. Григория Двоеслова*, видел голубя, как бы внушающего что-то *св. Григорию* в то время, как сей святой изъяснял с церковной кафедры пророка Иезекииля⁴².

Нельзя отвергнуть достоверности переданного диаконом Павлином, жизнеописателем *св. Амвросия Медиоланского*, повествования о том, что он видел огонь, исходящий из уст *св. Амвросия* при объяснении 43-го псалма⁴³.

Такие видения должны, конечно, иметь соответственный им таинственный смысл.

Все это показывает, что церковные песнотворцы в <созданных ими> церковных канонах не без основания именovali свв. Отцов "богоглаголивymi", "богомудрыми", "гуслями Св. Духа" и даже "богодухновенными"⁴⁴. Такие наименования усвоены были Отцам Церкви <...> и на Вселенских Соборах⁴⁵. Отцы Церкви силою своего живого и письменного слова обратили ко Христу многие тысячи душ, а сего не могло бы быть, если бы благодать Св. Духа не была присуща их словам. <...>

Озарения Духа Божия особенно просвещали свв. Отцов, по требованию нужды, при борьбе со врагами спасительной веры.

Итак, <...> с уверенностью можно сказать, что <Отцы Церкви>, как *богопросвещенные* учителя веры и благочестия, обладали *исключительным даром разуметь дух Евангельского учения*⁴⁶.

Эта их богопросвещенность, которую они обильно сообщали другим, ищущим спасения, и, таким образом, *раждали* последних к новой во Христе жизни, и давала им право именоваться *Отцами*. Великий Апостол языков писал коринфянам: "Хотя у вас тысячи наставников во

Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием" (1 Кор. 4, 15). Эти слова Апостола могли бы повторить и свв. Отцы, обращаясь к многочисленным чадам своим духовным, и не только к тем, которых они родили при жизни своей, но и к тем, которые рождались по кончине их и рождаются доселе под могучим влиянием благодатных писаний отеческих и таинственного молитвенного воздействия, исходящего из одного мира, куда преселились души этих праведников, достигших совершенства (Евр. 12, 23).

Вместе с Апостолами святые Отцы являются как бы стержнем тела церковного, и к ним, как и к Апостолам, относятся следующие глубокомысленные рассуждения священномученика Мефодия, отца Церкви III-го века.

"*Совершеннейшие* по степени преуспевания составляют как бы *одно лице и тело Церкви*. И подлинно лучшие и ясные усвоившие истину, как избавившиеся от плотских похотей чрез совершенное очищение и веру, *делаются Церковью* и помощницею Христа, как бы девою, по словам Апостола⁴⁷, соединяясь с Ним и уневещиваясь Ему, чтобы, приняв чистое и плодотворное семя учения, с пользою содействовать проповеди для спасения других. А несовершенные и еще начинающие спасительное учение *возрастают и образуются*, как бы в материнском чреве, *от более совершенных*, пока они, достигнув зрелости возрождения, приобретут величие и красоту добродетели, и потом по преуспевании сами, *сделавшись Церковью*, будут содействовать рождению и воспитанию других детей, во едином лице души, как бы в утробе, непреложно осуществляя волю Слова"⁴⁸.

Эту мысль свою св. епископ-мученик поясняет примером ап. Павла.

"Так следует рассуждать, — пишет он, — и о бывшем с приснопамятным Павлом. Когда он еще не был совершенным во Христе, то наперед раждается и питается млеко от Анании, который проповедал ему и обновил его крещением, как говорится в Деяниях (9, 7-19). А когда он возмужал и благоустроился, достигнув духовного совершенства, и сделался помощником и невестою Слова, восприняв и возрастав в себе семена жизни, тогда, бывший прежде младенцем, стал церковью и матерью, раждая и сам уверовавших чрез него во Христа, доколе в них не родился, изобразившись, Христос: "*дети мои, — говорит он, — для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос*" (Гал. 4, 19)⁴⁹.

Итак, усовершенствовавшиеся, по слову священномученика Мефодия, "делаются церковью и помощницею Христа", "невестою Слова", составляют как бы одно лицо и тело Церкви", — и "сделавшись Церковью, содействуют рождению и воспитанию других детей".

Эти глубокие и для многих необычайные (а, может быть, и странные) мысли святого Отца приводят нас к следующим вопросам: 1) что такое представляет собою та церковь, которую делают христиане, "подлинно лучшие и яснее усвоившие истину"? Ведь и до этого совершительного момента в их жизни они были членами Церкви, как и все во Христа крестившиеся? 2) какое место занимают и какое значение имеют в деле разума, утверждения и распространения истины Христовой преемники Апостолов, предстоятели Церкви, "которых, — по слову Божию, — Дух Святой поставил... пасти Церковь Господа и Бога" (Деян. 20, 28)? Как должны мы относиться к ним в поисках церковной истины? 3) Наконец, где и по каким признакам искать русло Церкви и как идти по этому руслу, чтобы не выпасть из него?

Вопросы эти для нас не новы. Они с разных сторон рассматривались и в предыдущих письмах. Сейчас — лишь продолжается их уяснение. Что касается первого вопроса, то я просил бы вас вспомнить о том, что говорилось мною во втором и особенно в пятом письме относительно Церкви-Организма и церкви-организации. Если вы хорошо помните сказанное там по этому предмету, то, может быть, и не требуется дальнейших рассуждений для уяснения смысла слов св. Мефодия. Считаю, впрочем, не лишним поделиться с вами, мои дорогие, несколькими краткими выписками из моей записной книжки, могущими содействовать большему углублению и раскрытию вопроса. Вот что занесено было мною в нее 21-23 февраля:

"Следует различать Церковь-Организм и церковь-организацию. Только к Церкви-Организму применимы такие именованья Церкви, какие мы встречаем в Слове Божием, например: "славная, святая, беспорочная" (Еф. 1, 4), "не имеющая пятна или порока" (5, 27), "Жена Агнца" (Откр. 19, 7; 21, 9), "Тело Христово" (Еф. 1, 23; Кол. 1, 24 и др.), "столп и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15) и многие другие. К церкви-организации эти понятия неприменимы (или приложимы с большими ограничениями) и законно приводят людей в недоумение и отвергаются ими.

Церковь-Организм одна и та же во все века, ибо она вечна по существу, а церковь-организация зависит от ис-

торических условий своего существования.

Церковь-Организм — чистая "невеста" Христова, "украшенная для мужа своего" (Откр. 21, 2), а церковь-организация имеет все недостатки человеческого общества и носит всегда отпечаток немощей человеческих.

В Церковь-Организм не входит ничто нечистое, а в церковь-организации пшеница и плевелы растут рядом — и должны расти, по слову Господню, до скончания века сего⁵⁰.

Церковь-организация нередко преследует *святых Божиих*, а Церковь-Организм воспринимает их в свою сердцевину. Насколько не совпадают церковь-организация и Церковь-Организм, видно из множества примеров: св. Афанасия Великого, св. Иоанна Златоуста, св. Максима Исповедника, св. Григория Паламы⁵¹ и др. Церковь-организация извергает их из своей среды, лишает епископских кафедр и т. д., а в церковном организме они являются и вечно пребывают славнейшими членами.

Если бы кто сказал, что гнали этих святых стоятелей за истину Христову еретики, а не церковь, то на это следует заметить, что Златоуста, например, *явно* преследовала *православная* церковная организация. Но и в других вышеуказанных случаях — *не сразу внешне* определялось и *явно* отделялось от ствола православия еретическое общество: оно *до времени являлось* как законная церковная организация, преследовавшая однако святых членов Тела Христова.

Церковь-Организм есть "столп и утверждение истины", а церковь-организация подвержена заблуждениям, преисполняется ересями. И бывает, как это видно и из предыдущих писем, что малая часть церкви-организации удерживается при Церкви-Организме, при Теле Истины, а большая часть ее отщепляется, и истина продолжает жить в меньшей части.

В видимой церкви (организации) находятся, по словам митрополита московского Филарета, невидимое Тело Христово, или невидимая Церковь, Церковь "славная, не имущая скверны, или порока, или нечто от таковых" (Еф. 5, 27), которой "вся слава... внутри" (Пс. 44, 14) и которой, поэтому, мы чисто и раздельно не видим... Облекающая же невидимую, видимая Церковь частью открывает чистоту невидимой, дабы все могли обрести и сию, и соединиться с нею, частью сокрывает ее славу⁵².

К церкви видимой (организации) можно принадлежать внешне, а к Телу Христову (Организму) — непременно

но внутренне, и мера принадлежности, определяемая мерою святости, обуславливает степень причастности человека Истине — Христу.

Только в тесном благодатном союзе с Телом Христа, Который, по слову преп. Исаака Сирина, есть "полнота Истины"⁵³, мы естественно становимся *причастниками Истины*, и чем теснее этот союз, тем яснее ощущается и открывается для христианина Истина Церкви, иначе — Сам Христос, вечная Истина и Жизнь.

Таким образом, Церковь — Тело Христово и Церковь — столп и утверждение истины, — сливаются в живом духовном опыте: Христос, возглавляющий Тело Церкви, будучи само-Истиной, сообщает Себя истинным членам Своего Тела.

Отсюда религиозный авторитет отдельной личности покоится в Православии — на ее мистической связи с телом Церкви: чем глубже и подлиннее эта связь, тем сильнее и благонадежнее авторитет".

К этим выпискам из записной книжки следует прибавить следующее. Хотя в земной жизни христианского человечества церковь-организация и Церковь-Организм и являются нередко противоположными друг другу и как будто себя взаимно исключают, однако в действительности они неотделимы друг от друга: о них можно сказать, что они неслиянны и нераздельны⁵⁴. Их неслиянность видна, как показано было выше, из: а) неприложимости к церковной организации многих терминов, прилагаемых Словом Божиим и Отцами к Церкви-Организму, б) из отвержения организацией многих почетнейших членов Организма⁵⁵. С другой стороны, о их нераздельности свидетельствует то обстоятельство, что достойнейшие члены Тела Христова, являющиеся стержнем Церкви, ядром Организма, все вышли из церковной организации, которой неуклонно держались всю свою жизнь, и отщепление от которой считали величайшим грехом, несчастием и гибелью.

Вот вам, мои дорогие, ответ на первый поставленный нами вопрос. Полагаю, что теперь ясно для вас, о какой церкви говорит св. Мефодий, раскрывая свою мысль о усовершенствовавшихся на пути Господнем, которые "делаются церковью".

Второй вопрос, возникший при чтении ранее приве-

⁵³ Выше указаны и другие доказательства неслиянности (прим. М. Новоселова).

денных слов св. Мефодия, это — вопрос о иерархии, о тех, "которых Дух Святой поставил... пасти церковь Господа и Бога"⁵⁵. Какое место они занимают и какое значение имеют в Церкви, частнее сказать — в церкви-организации и в Церкви-Организме? Подобно всем православным христианам, они непременно принадлежат к церкви-организации, даже больше — составляют в известном смысле стержень ее; но это несколько не обеспечивает их принадлежности к Церкви-Организму. Что касается этой принадлежности, то она обеспечена им не больше, чем прочим членам церковной организации: на иконах Страшного Суда духовные лица одними из первых направляются в область гееннскую. "Не мною многих во исерях спасающих — изрек Златословесный учитель, — но множайших погибающих"⁵⁶. Достаточно вспомнить о печальной роли иерархии в деле порождения и распространения ересей, чтобы не удивляться словам св. Златоуста.

Иначе обстоит дело по отношению к церкви-организации: здесь иерархия является, как сказано, стержнем, без коего немислима Церковь. А так как Церковь-Организм рождается, живет и возрастает в церкви-организации, то отсюда с несомненностью вытекает бесспорное, неизмеримо-важное, можно сказать — абсолютное значение иерархии.

Об этом значении много, ярко и сильно говорит священный мученик Игнатий († 20 дек. 106 г.), епископ Антиохийский, ученик св. Апостола Иоанна Богослова и слушатель св. Апостола Петра. Он является первым по времени и авторитетнейшим по своей близости к Апостолам разъяснителем церковного учения о епископе, как вершине священноначалия и центре церковной организации⁵⁷. Уяснение и установка иерархического начала в Церкви — центральная, можно сказать, тема посланий св. Богоносца. Настойчивость и непререкаемость, с которыми он развивает эту тему, поистине изумительны — и свидетельствуют о важности предмета, многократно и многообразно трактуемого славным мужем апостольским.

Можно было бы изложить в некоторой системе интересующие нас мысли священномученика Игнатия, но я предпочитаю, чтобы эти сделали вы сами, а я предложу

⁵⁴ Я не говорю о Дионисии Ареопагите, с именем которого связывается замечательное сочинение "О церковной иерархии", не говорю ввиду споров, которые доселе ведутся около ареопагитских писаний (прим. М. Новоселова).

их вам в том порядке, в каком они извлечены были мною из творений св. Игнатия, с указанием посланий и глав, откуда заимствованы цитаты. Начинаю с послания к Ефессянам.

"Вот я, во имя Божие, принял многочисленное общество ваше в лице Онисима, мужа несказанной любви, вашего во плоти епископа" (гл. I).

"Следует всячески славить Иисуса Христа, Который прославил вас, для того, чтоб вы в единодушном повиновении были утверждены в одном духе и в одних мыслях, и все вы говорили одно, чтобы, повинувшись епископу и пресвитерству, вы были освящены во всем" (гл. II).

"Иисус Христос, общая наша жизнь, есть мысль Отца, как и епископы, поставленные по концам земли, находятся в мысли Иисуса Христа" (гл. III).

"Посему и вам надлежит согласоваться с мыслию епископа, что вы и делаете" (гл. IV).

"Если я в короткое время возымел такое дружество с вашим епископом — не человеческое, а духовное, то сколько, думаю, блаженнее вы, которые соединены с ним *так же*, как Церковь с Иисусом Христом и как Иисус Христос с Отцем, дабы все было согласно чрез единение. Никто да не обольщается! Кто не внутри жертвенника, тот лишает себя хлеба Божия. Если молитва двоих имеет великую силу (Мф. 18, 19), то сколько сильнее молитва епископа и целой Церкви? Поэтому кто не ходит в общее собрание, тот уже возгордился и сам осудил себя; ибо написано: Бог гордым противится (Притч. 3, 34; Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 4). Постараемся же не противиться епископу, чтобы нам быть покорными Богу" (гл. V).

"И чем более кто видит епископа молчащим^{*}, тем более должен бояться его. Ибо всякого, кого посылает домовладыка для управления своим домом, нам должно принимать так же, как самого пославшего (см. Мф. 24, 25). Поэтому ясно, что и на епископа должно смотреть, как на Самого Господа" (гл. VI).

"Если Иисус Христос, по вашей молитве, удостоит меня и будет воля Его, то я в другом послании, которое намерен написать к вам, раскрою только что начатое мною домостроительство Божие относительно нового человека,

^{*}Т.е. епископа видимого, представляющего власть невидимого епископа — Христа (прим. М. Новоселова).

^{**}Т.е. видит его не вступающим за оскорбление или пренебрежение его достоинства (прим. М. Новоселова).

Иисуса Христа, по вере в Него и по Любви к Нему, чрез Его страдание и воскресение, — особенно, если Господь мне откроет, что все вы до единого, без исключения, по благодати Божией соединены в одной вере и в Иисусе Христе, происшедшем по плоти от рода Давидова, сыне человеческом и сыне Божиим, так что повинуетесь епископу и пресвитерству в совершенном единомыслии, преломляя один хлеб, это врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее вечную жизнь во Иисусе Христе" (гл. XX).

"Я удостоился видеть вас, — пишет св. Игнатий магнийцам, — в лице богодостойного епископа вашего Дамаса, и достойных пресвитеров Васса и Аполлония, и сотрудника моего, диакона Соттиона, которого я желал бы иметь при себе, потому что он повинуется епископу, как благодати Божией, и пресвитерству, как закону Иисуса Христа" (гл. II).

"Как Господь без Отца, по Своему единению с Ним, ничего не делал ни Сам Собою, ни чрез апостолов, так и вы ничего не делайте без епископа и пресвитеров" (гл. VII).

"Повинуйтесь епископу и друг другу, как Иисус Христос повиновался по плоти Отцу и апостолы Христу, Отцу и Духу, дабы единение было вместе телесное и духовное" (гл. XIII).

"Каждому из вас, — назидает Траллийцев священномученик, — особенно же пресвитерам, следует покоить епископа, в честь Отца, Иисуса Христа и апостолов" (гл. XII).

"Укрепляйтесь во Христе Иисусе, и будьте покорны епископу, как заповеди Божией, равно и пресвитерству" (гл. XIII).

"Приветствую ее <церковь Филадельфийскую> крону Иисуса Христа, которая есть вечная и непрестающая радость для верующих, особенно если они находятся в единении с епископом и его пресвитерами и диаконами, поставленными изволением Иисуса Христа, которых по благоволению Своему Он утвердил непоколебимо Святым Духом Своим" (Вступление).

"Которые суть Божии и Иисус-Христовы, те с епископом" (К Филад. гл. III).

"Старайтесь иметь одну Евхаристию. Ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша в единение крови Его, один жертвенник, как и один епископ с пресвитерством и диаконами, сослужителями моими, дабы все,

что делаете, делали вы о Боге (гл. IV).

"Находясь между вами, я громко возвещал, сильным голосом говорил: "внимайте епископу, пресвитерству и диаконам" (гл. VII).

"Дух возвестил мне, говоря так: "без епископа ничего не делайте, блюдите плоть свою, как храм Божий, любите единение, бегайте разделений, будьте подражателями Иисусу Христу, как и Он — Отцу Своему" (гл. VII).

"Всем кающимся Господь прощает, если они возвращаются к единению Божью и к собору епископа" (гл. VIII).

"Все последуйте епископу, как Иисус Христос — Отцу, — увещевает св. Игнатий Смирнян, — а пресвитерству, как апостолам. Диаконов же почитайте как заповедь Божию" (гл. VIII).

"Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви" (гл. VIII).

"Только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это" (гл. VIII).

"Где будет Иисус Христос, там должен быть и народ, так же как где Иисус Христос, там и католическая церковь" (гл. VIII).

"Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви; напротив, что одобрит он, то и Богу приятно, чтобы всякое дело было твердо и несомненно" (гл. VIII).

"Прекрасное дело — знать Бога и епископа. Почитающий епископа — почтен Богом; делающий что-нибудь без ведома епископа — служит диаволу" (гл. IX).

"Ничего не должно быть без твоей воли, — поучает Игнатий своего ближайшего ученика, еп. Поликарпа (впоследствии священномученика), — но и ты ничего не делай без воли Божией" (послание к Поликарпу, гл. IV).

"Кто может в честь Господа плоти пребывать в чистоте, пусть пребывает без тщеславия. Если же станет тщеславиться, то погиб; а если будет почитать себя больше епископа, то пропал совершенно" (гл. V).

"Те, которые женятся и выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти" (гл. V).

"Внимайте епископу, дабы и Бог внимал вам. Я — жертва за тех, которые повинуются епископу, пресвитерам и диаконам. И пусть часть моя в Боге будет одинаковая с ними" (гл. VI).

"Желаю вам всегда укрепляться о Боге нашем Иисусе

Христе. Пребывайте чрез Него в единении с Богом и епископом" (гл. VIII)⁵⁸.

Выписал я мысли св. Игнатия, и мне очень захотелось свести их к некоему духовному единству, к тому мистико-догматическому основанию, на котором они покоятся, но это слишком бы удлинит мое письмо, об окончании которого пора уже подумывать, а потому я предоставляю вам самим, мои дорогие, внимательно вдуматься в слова великого Святителя, чтобы уяснить себе их глубокий внутренний смысл. Со своей стороны я отмечу в них лишь те черты, которые имеют ближайшее отношение к нашей беседе.

Бегло читая то, что св. Игнатий говорит о значении иерархии вообще и епископа в особенности, можно подумать, что в сознании священномученика значение это имеет абсолютный характер, что епископ является каким-то автократом в Церкви, что вера его непогрешима и повиновение ему безусловно: "где епископ, там должен быть и народ", — утверждает Богоносец (гл. VIII к Смирнянам)⁵⁹. Эта мысль красной нитью проходит, как мы видели, во всех писаниях еп. Игнатия. Такая категоричность в суждениях св. Отца объясняется, с одной стороны, тем, что авторитет епископа в Церкви, в известном смысле (как показано было раньше в этом письме), действительно безусловен, с другой — св. Игнатий, так похваляющий *современных* ему епископов (см. вышеприведенные цитаты), видел в них утешительное совпадение канонического авторитета с духовным, что и является идеалом епископского служения. Этот идеал св. Игнатий ясно выражает в нескольких словах, обращенных к еп. Поликарпу: "ничего не должно быть без твоей воли, — пишет он своему ученику и другу, — но и ты ничего не делай без воли Божией" (см. выше). Сим кратким начертанием идеала епископского служения св. Богоносец пролагает путь к другому священномученику, еп. Иринею Лионскому, жившему век спустя после св. Игнатия.

Если задачей священномученика Игнатия было, главным образом, раскрытие и установка верховного авторитета епископа в созидавшейся юной Церкви Христовой, если он утверждал и укреплял иерархическое основание Церкви, без коего она не может существовать, поскольку каноническое достоинство и тайноводственное значение епископа в принципе необходимы и неоспоримы, а охрана и передача истинного благовестия Христова составляют его прямую обязанность и дело благодатных даров, ему

подаваемых, то у св. Ириней эта задача осложнялась тем, что он жил в то время, когда Церковь, осознавая себя и свою структуру, была обуреваема всякого рода лжеучениями⁶⁰, которые исхищали овец из огады церковной и носителями коих были нередко лица, принадлежавшие к священноначалию. Справедливые и существенно-важные мысли св. Игнатия о епископском авторитете необходимо было восполнить некоторыми соображениями и указаниями, которые и оставил нам в назидание и руководство епископ Лионский.

В согласии с основоположником учения о занимающих престолы апостольские, св. Игнатием, св. Ириней утверждает их *преемственный* авторитет, но ограничивает следование за ними, отличая пастырей от волков (носящих личину каноничности) и этим утверждая *духовно-нравственный* авторитет в недрах самого священноначалия. Кроме того он указывает на апостольское *предание* и на хранителя его — *целокупный* состав верующих, а не на один епископат, ибо сам епископ таинственно связан (обручен) в этом составе и вне его не мыслится. Словом, у Ириней мы находим подтверждение тем мыслям, которые развиваются нами на протяжении почти всех писем. Послушаем теперь подлинную речь самого св. Отца.

"Не должно, — пишет он, — искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо Апостолы, как богат в сокровищницу, вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни (Откр. 22, 17). Она именно есть дверь жизни, а все прочие (учители) суть воры и разбойники. Посему должно избегать последних, но с величайшим тщанием избирать то, что относится к Церкви, и принимать предание истины. Что же? Если бы возник спор о каком-нибудь важном вопросе, то не надлежало ль бы обратиться к древнейшим церквам, в которых обращались Апостолы, и от них получить, что есть достоверного и ясного относительно настоящего вопроса? Что если бы Апостолы не оставили нам писаний? Не должно ли было следовать порядку предания, преданного тем, кому они вверили церкви?"

Этому порядку следуют и многие племена варваров, верующих во Христа, которые имеют спасение свое без хартии или чернил, написанное в сердцах своих Духом, и тщательно блюдут древнее предание... Таким-то образом, вследствие того древнего апостольского предания, они даже не допускают в ум свой чудовищной речи еретиков, так как у них <еретиков> не было ни (церковного) собрания,

ни установленного учения"⁶¹.

Указав на значение церкви-организации и ее предстоятелей, как хранителей "всего, что относится к истине", св. Ириней не останавливается на вышеприведенных суждениях, а продолжает развивать свою мысль так:

"Надлежит следовать пресвитерам" в Церкви тем, которые <...> имеют преемство от Апостолов и *вместе с преемством епископства* по благоволению Отца получили известное дарование истины, прочих же, которые уклоняются от первоначального преемства и где бы то ни было собираются, имеют в подозрении или как еретиков и лжеучителей, или как раскольников, гордых и самоугодников, или же как лицемеров, поступающих так ради корысти и тщеславия. Все эти отпали от истины <...>

А те, которые почитаются многими за пресвитеров <см. предыдущее примечание>, но служат своим удовольствиям и не предпоставляют страха Божия в сердцах своих, а ведут себя с презрением к прочим и гордятся своим председательством, и делают втайне злое, говоря: "никто нас не видит"⁶², будут обличены Словом, Которое судит не по видимости и смотрит не на лицо, а на сердце <...>

От всех таковых надлежит удаляться; держаться же тех, которые, как я выше сказал, и хранят учение Апостолов, и вместе с чином пресвитерства <см. предыдущее примечание> ведут здравую речь и бессоблазненную жизнь к утверждению и исправлению прочих <...> Таковых пресвитеров <см. предыдущее примечание> питает Церковь" <...>

"Итак, — заключает св. Ириней, — где находятся дарования Господни, там надлежит учиться истине у тех, которые имеют преемство церковное от Апостолов, здравую и неукоризненную жизнь и неискаженное и неповрежденное учение"⁶³.

В религиозном сознании великого Отца Церкви смыкаются, как мы видим, Церковь-Организм и церковь-организация в их нераздельности и неслиянности. С одной стороны, русло православия строго определяется у него линией канонического преемства иерархии, определяется, так сказать, механически и юридически, видимо для внешнего глаза, с другой — им выдвигается духовный момент: "дарования Господни" с "неукоризненной жизнью и

⁶¹ Под пресвитерами здесь понимаются, как видно из следующей фразы, епископы (прим. М. Новоселова).

неповрежденным учением⁸⁷.

Итак, преемники Духа Святого чрез Апостолов являются и богопоставленными хранителями преподанной Духом истины, но это — не простое (организационное) *преемство кафедр*, а именно *преемство Духа*, о чем говорили почти все Апостолы перед своей кончиной, предостерегая верующих от волков в овечьей шкуре, вносящих в Церковь Христову всяческое нечестие⁸⁸ (см. Деян. 20, 29 и послания Апостольские⁸⁹).

Если мы под Церковью будем разумеать лишь иерархию вообще и фактическое церковное общество, то история Церкви, по мысли св. Златоуста, может предстать перед нами заполненной мертвыми телами. В беседе 27-й на 2 Кор. Святитель говорит: "я вижу, что многочисленные чада Церкви повержены ныне долу, подобно мертвому телу. И как в теле, недавно умершем, хотя можно еще видеть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни один член не исправляет своего дела, так и здесь"⁹⁰. Излишне говорить, что эти страшные, но справедливые слова великого святителя относятся не только к мирянам, но и к представителям иерархии.

Ясно, что русло Церкви, как живого, богочеловеческого организма, указывается и определяется, как сказано, не простым лишь преемством епископских кафедр (как ни существенна эта преемственность), не только видимой плотскими очами исторической церковной организацией (как ни необходима последняя для роста Тела Христова), не, тем более, линией соприкосновения этой организации с государством (линией, изменяющейся в зависимости и от церковной организации, и от государства), а "золотой це-

⁸⁷ "Надлежит нам, возлюбленные, жизнь святых Отцов, исполненную добрых дел и назидания, приводить на память, чтобы утвердить мудрость нашу"⁸⁷ (прим. М. Новоселова).

⁸⁸ Если следовать за простым преемством кафедр, то в 4-м веке мы, вместе с папой Либерием и подавляющим большинством преемников апостольских, преклонились бы пред арианством. В VII-м веке мы вместе с патриархом Сергием, папой Гонорием и патриархом Киром не разобрались бы в монофелитстве, а в эпоху иконоборчества иконоборчествовали бы с огромным большинством иерархии. Чтобы не преткнуться, необходим был выбор: следовало идти за Афанасием Александрийским и Антонием Великим, Патриархом Софронием и Максимом Исповедником и т. д. Этим не отрицается значение соборного голоса епископов, утверждающих своим иерархическим авторитетом опознанную истину, которая, чтобы получить зрелость и полноту, вселенскую завершенность, должна найти для себя завершительное выражение чрез тот орган, которому Бог вверил ее закрепление (прим. М. Новоселова).

пью", звенья которой составляют духоносцы, друг-друго-приимательно получающие и передающие сокровища Духа Истины, не всегда члены церковной иерархии, но всегда и непременно причастники Тела Христова — благодатные насельники таинственного "дома Божия, который есть церковь Бога живаго, столп и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15).

Вот что говорит об этой богочеловеческой "цепи", связующей небо с землею, Главу Церкви с ее членами, начало Церкви с концом ее — богоносный отец наш Симеон Новый Богослов:

"Христос есть начало, середина и конец. Он есть и в первых, и в средних, и в последних, — и как есть в первых, так и во всех. Для Него нет разности между сими, как нет у Него ни варвар, ни скиф, ни Еллин, ни Иудей, но всяческая и во всех Христос (Гал. 3, 28).

Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетавает, сцепляет, связывает и единит, и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одною и тою же. Она есть Бог, с Коем и последние бывают первыми, и первые как последние.

Как мысленные чины небесных Сил освещаются Богом по порядку, так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье и так во все: так и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святого Духа, делаются равночестными с ними и подобными им. Затем святые, — которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, — посредством исполнения заповедей Божиих прицепляются к ним, — к тем прежним и, получая благодать Божию, осияются подобно им, — все же последовательно составляют таким образом некую золотую цепь, каждый будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, — цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть.

Кто не изволяет со всею любовью и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он

⁸⁹ По времени (прим. М. Новоселова).

будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом¹⁰.

О звеньях сей таинственной золотой цепи, смыкающей в духовном единстве прошлое, настоящее и будущее св. Церкви, побеседуем, если Господь благословит, в следующем письме.

К сожалению, настоящее письмо писалось с большими перерывами и очень запоздало выходом в свет, а главное — писалось при весьма разнообразной обстановке и таких же настроениях: естественно вытекающие отсюда недостатки его. Простите великодушно и помолитесь о недостойном друге и брате вашем...

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Неделя Всех Святых 1927 года.

Хотел было конкретно представить вам, друзья мои, "золотую цепь", о которой говорит преп. Симеон Новый Богослов, т. е. наименовать живые духоносные звенья этой цепи, которые, сопрягаясь преемственно друг с другом, несли и донесли до нашего времени подлинную богочеловеческую жизнь, принесенную на землю Сыном Божиим и засемененную в человечестве Духом Святым в день Пятидесятницы. Хотел, но раздумал и решил на этот раз поделиться с вами, мои дорогие, суждениями известного вам епископа Игнатия о великом значении богоносных Отцов наших. Не знаю, говорил ли кто другой о святоотеческом пути с такой убежденностью, яркостью, свежестью мысли и силой, как еп. Игнатий, сам на глубоком опыте личной жизни познавший всю неизмеримо-ценную правду и спасительность этого пути (см. мое 15-е письмо в конце).

Суждения епископа Игнатия о святых Отцах заимствованы мною почти исключительно из его писем, помещенных в IV т. его творений. Привожу лишь часть, правда, более значительную и существенную, извлеченного мною материала. Заглавия (кроме 2-го) принадлежат мне. Прошу не смущаться решительностью некоторых суждений епископа-подвижника, памятуя, что, с одной стороны, человек этот строго относился к слову, с другой — имел не только глубокое общее и богословское (хотя в Духовной Академии и не учился) образование, но и в высшей степени редкий для современного епископа духовный опыт.

Дух святой и духоносцы

Дух Святой — истинный наставник христиан. Его органами были пророки, апостолы и другие угодники Божии: Он говорил ими. Он да будет руководителем вашим и "да наставит вас на всякую истину"¹. Вы поступите под это блаженное руководство, когда будете почерпать наставления для жизни вашей единственно из Священного Писания и писаний святых Отцов Восточной Церкви, единой истинной².

Учение святых Отцов Восточной Церкви — верно: оно — учение Святого Духа. Умоляю вас: держитесь этого

учения! оно будет руководить вас к блаженной вечности.

Возжен блистающий светильник в Святой Христовой Церкви — учение Святого Духа: не устремляйте взоров ваших к другим светильникам, светящим на различных путях. Один путь святой истины ведет во спасение; прочие пути все ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, но увенчаны будут только *подвизающиеся законно*³. Истинный, законный подвиг во Христе Иисусе и Святом Духе, в ограде Святой Восточной Церкви⁴.

О чтении Святых Отцов

Беседа и общество ближних очень действуют на человека. Беседа и знакомство с ученым сообщает много сведений, с поэтом — много возвышенных мыслей и чувствований, с путешественником — много познаний о странах, о нравах и обычаях народных. Очевидно: беседа и знакомство со святыми сообщают святость. *С преподобным преподобен будешь, и с мужем неповинным неповинен будешь, и со избранным избран будешь* (Пс. 17, 26-27).

Отныне, во время краткой земной жизни, которую Писание не назвало даже жизнью, а странствованием⁵, познакомься со святыми. Ты хочешь принадлежать на небе к их обществу, хочешь быть участником их блаженства? отныне поступи в общение с ними. Когда выйдешь из храма тела, — они примут тебя к себе, как своего знакомого, как своего друга (Лк. 16, 9).

Нет ближе знакомства, нет теснее связи, как связь единством мыслей, единством чувствований, единством цели (1 Кор. 1, 10).

Где единомыслие, там непременно и единодушие, там непременно одна цель, одинаковый успех в достижении цели.

Усвой себе мысли и дух святых Отцов чтением их писаний. Святые Отцы достигли цели: спасения; и ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей. Как единомысленный и единодушный святым Отцам, ты спасешься.

Небо приняло в свое блаженное недро святых Отцов. Этим оно засвидетельствовало, что мысли, чувствования, деяния святых Отцов благоугодны ему. Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к небу, засвидетельствованное самим небом, — писания Отцов!

Писания святых Отцов все составлены по внушению или под влиянием Святого Духа. Чудное в них согласие, чудное помазание! Руководствующий ими имеет, без всякого сомнения, руководителем Святого Духа.

Все воды земли стекаются в океан, и, может быть, океан служит началом для всех вод земных. Писания Отцов соединяются все в Евангелии; все клонятся к тому, чтоб научить нас точному исполнению заповедей Господа нашего Иисуса Христа; всех их источник и конец — святое Евангелие.

Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует к уразумению его. И потому сначала более занимайся чтением святых Отцов. Когда же они научат тебя читать Евангелие: тогда уже преимущественно читай Евангелие.

Не сочти для себя достаточным чтение одного Евангелия, без чтения святых Отцов! Это — мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведут тебя к Евангелию святые Отцы, как возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитание и образование посредством их писаний.

Многие, все, отвергшие безумно, кичливо святых Отцов, приступившие непосредственно, со степою дерзости, с нечистым умом и сердцем к Евангелию, впали в губительное заблуждение. Их отвергнуло Евангелие: потому что оно допускает к себе одних смиренных.

Чтение писаний отеческих — родитель и царь всех добродетелей. Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жительству по заповедям евангельским, глубокому уважению, которое должно иметь к евангельским заповедям, словом сказать — спасению и христианскому совершенству.

Чтение отеческих писаний, по умалении Духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства (Преп. Нил Сорский. Правила⁶).

Книги святых Отцов, по выражению одного из них, подобны зеркалу⁷: смотрясь в них внимательно и часто, душа может увидеть все свои недостатки.

Опять — эти книги подобны богатому собранию врачебных средств: в нем душа может приискать для каждого из своих недугов спасительное врачевство.

Говорил святой Елифанич Кипрский: "Один взор на

священные книги возбуждает к благочестивой жизни⁸.

Чтение святых Отцов должно быть тщательное, внимательное и постоянное: потому что невидимый враг наш, ненавидящий глас утверждения (Притч. 11, 15), ненавидит в особенности, когда этот глас исходит от святых Отцов. Этот глас обличает козни нашего врага, его лукавство, открывает его сети, его образ действий: и потому враг вооружается против чтения Отцов различными гордыми и хульными помыслами, старается ввергнуть подвижника в суетные попечения, чтоб отвлечь его от спасительного чтения, борет его унынием, скукою, забывчивостию. Из этой брани против чтения святых Отцов мы должны заключить, как спасительно для нас оружие, столько ненавидимое врагом, усиленно заботящимся о том, чтоб исторгнуть его из рук наших.

Каждый избери себе чтение Отцов, соответствующее своему образу жизни. Отшельник пусть читает Отцов, писавших о безмолвии; инок, живущий в общежитии — Отцов, написавших наставления для монашеских общежитий; христианин, живущий посреди мира — святых Отцов, произнесших свои поучения вообще для всего христианства. Каждый, в каком бы звании ни был, почерпай обильное наставление в писаниях Отцов.

Непрерывно нужно чтение, соответствующее образу жизни. Иначе будешь наполняться мыслями хотя и святыми, но неисполнимыми самим делом, возбуждающими бесплодную деятельность только в воображении и желании; дела благочестия, приличествующие твоему образу жизни, будут ускользать из рук твоих. Мало того, что ты сделаешься бесплодным мечтателем, — мысли твои, находясь в беспрестанном противоречии с кругом действий, будут непременно рождать в твоём сердце смущение, а в поведении неопределительность, тягостные, вредные для тебя и для ближних. При неправильном чтении Священного Писания и святых Отцов легко можно уклониться со спасительного пути в непроходимые дебри и глубокие пропасти, что и случилось со многими ("О чтении святых Отцов")⁹.

P. S. Неоднократно и настойчиво повторяемое еп. Игнатием требование, чтобы каждый христианин занимался чтением отеческих писаний, соответствующих его образу жизни, предполагает в читающем всецелое и неуклонное руководство этими писаниями. Но есть предметы и мысли, общие для всех христиан, и, конечно, рассудитель-

ное ознакомление с ними может быть рекомендовано независимо от того, какого рода житие по преимуществу имел в виду Святой писатель. Сам еп. Игнатий в пятом томе своих сочинений, восхваляя творения святителя Тихона Задонского, предлагает их к пользованию христианам всякого образа жизни, начиная от мирян и кончая отшельниками¹⁰.

Свящ. Писание и свв. Отцы

Вы спрашиваете, почему необходимо чтение святых Отцов? Не довольно ли будет руководствоваться одним священным Писанием, — чистым словом Божиим, в котором нет примеси слова человеческого?

Отвечаю: непременно нужно при чтении Писания чтение святых Отцов Восточной Церкви. Вот что говорит святой апостол Петр о священном Писании: *"Всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает"* (русский перевод: "никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою") "Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаемии глаголаша святии Божии человецы" (2 Пет. 1, 20-21). Как же вы хотите произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование себя. Дух произнес священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи, пророки и апостолы, написали его; вдохновенные Богом мужи, святые Отцы, истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание священного Писания, необходимо чтение святых Отцов. Если ж вы ограничитесь чтением одного священного Писания, то по необходимости должны понимать и объяснять его произвольно. По той же необходимости невозможно вам будет избегнуть заблуждения, потому что *"душевен... человек не приемлет яже Духа Божия... и не может разумети, зане духовне востязуется"* (русский перевод: "душевный человек не принимает того, что от Духа Божия... и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно"). *"Божия никтоже весть, точию Дух Божий"* (1 Кор. 2, 14, 11).

Особенно ненавидят отеческие писания еретики всех времен: писания Отцов открывают прямой смысл священного Писания, который враги Истины хотели бы указать для утверждения своих лжеумствований... Вселенская церковь, напротив того, всегда питала особенное ува-

жение к Отческим писаниям: этими писаниями сохранилось единение церковное, для которого необходимо всеми принятое, истинное, благодатное изъяснение Писания. Вселенские соборы всегда начинались с чтения тех отеческих писаний, в которых с особенной подробностью излагались догмат или предание, рассмотрение которых составляло предмет совещаний собора. И, опираясь на отеческие писания, собор обличал ересь, произносил православное учение и исповедание. Точно так же и в частной жизни святые подвижники первоначально воспитывались отеческими писаниями, только тогда они переходили к чтению преимущественно священного Писания, когда уже достигали особенного духовного преуспеяния. "Глубоко море Писания, — сказал св. Иоанн Лествичник, — и не безбедственно носится по нему ум безмолвника: опасно плавать в одежде, и касаться богословия страстному" (Слово 27-е. О безмолвии)¹¹. Эта опасность, это бедствие, очевидно, заключается в произвольном толковании, в ложном понятии Писания...

Напрасно еретики выставляют свое мнимое уважение к священному Писанию, коварно намекают, что Православная Церковь мало его уважает, излишне уважая святых Отцов, которых они отвергают, которых они осыпают клеветами и ругательствами бесстыдными и бессовестными. Уважение еретиков к священному Писанию — ложное, лицемерное: что за уважение к слову Божию, когда представлено каждому, как бы он порочен ни был, понимать и толковать его произвольно? святая Церковь, принимая благодатное толкование священного Писания святыми Отцами, этим самым доказывает свое глубокое уважение к священному Писанию: она чтит его, как должно чтить слово Божие. Она научает чад своих не быть дерзкими относительно слова Божия, удерживает их от гордого своеволия и бесчиния, повелевает воспитываться чтением святых Отцов и при руководстве их проникать в чудный свет слова Божия, поражающий слепотой тех, которые осмеливаются воззреть на него без должного приготовления, умом нечистым и сердцем грехолюбивым...

Имейте благоговение к священному Писанию, благоговение, должное для истинного сына истинной Церкви; имейте должную доверенность и благоговение к писаниям отеческим. Тот же самый Дух Божий, который действовал в пророках и апостолах, — действовал в святых учителях и пастырях церковных: свидетель этого догмата святой апостол: *"положи Бог, — говорит он, — в Церкви перее*

апостолов, второе пророков, третье учителей" (1 Кор. 12, 28).

Сообразно словам апостола, словам священного Писания и указанию Церкви — первое место в благочестивом чтении вашем должны занимать писания апостолов. Между писаниями апостолов первое место занимает Евангелие. Чтоб правильно понимать Новый Завет, читайте святых учителей церковных, читайте и псалтирь и прочие книги Ветхого Завета. Очищайте себя евангельскими заповедями и благочестивыми подвигами. Сообразно чистоте души является ей Бог, открывается ей Божие слово, для плотских очей прикрытое непроницаемого завескою слова человеческого¹².

Отцы Церкви и западные подвижники

Ныне занимаюсь чтением книги, имеющейся у меня на славянском, русском и других языках, заключающей в себе "собрание изречений святых пустынножителей Египта"¹³. Эти изречения — "бесценные перлы"! Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину: и святые Отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные, духовные перлы: христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрашие, рассуждение и мудрость духовные, — словом сказать, находили Евангелие.

Сегодня я прочитал то изречение великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: "я нахожусь в непрестанном памятовании Бога". Преподобный Сисой отвечал ему: "это — не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари"¹⁴.

Высокое занятие — непрестанное памятование Бога! но эта высота очень опасна, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения.

Смотрите — как Писание согласно с Отцами! Писание говорит: *"Всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит"*¹⁵. Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, на чувстве покаяния. Без этого они отвергаются Богом.

Также мне очень нравится изречение Великого Пимена: "Если всегда и во всем будем обвинять себя, — сказал он, — то везде найдем покой"¹⁶. Другой отец сказал: "Мы ос-

тавили легкое бремя, состоящее в обвинении себя, и взялись за тяжкое, состоящее в обвинении других"¹⁷. Такие изречения стоят целых книг! Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самою жизнью, самыми помышлениями и чувствами своими. Отличительною чертою их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным их занятием был плач о грехах своих.

Другое направление получили подвижники Западной Церкви и писатели ее о подвижничестве со времени разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси. Преподобный Венедикт, святой папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новонаначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто исступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию. <...>

Святые Отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на высоты видений, — приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые Отцы заботятся об исправлении сердца, об изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко отбрасывает старую, легко усвоит себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным, это — труд, это — усиленная, продолжительная работа, это — борьба неимоверная. Лютость этой борьбы Отцы выражают так: "дай кровь и прими дух"¹⁸. Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа. Кровь и

нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей, за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения <...> Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг. На них-то с жадностию кидается, их-то исповедует преимущественно святыми и духовными, достойными стоять возле св. Писания, слепотствующий и гордый мир, признающий себя просвещенным в высшей степени и потому не нуждающимся держаться неотступно преданий Восточной Церкви.

В святых Отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови <...> Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святого Духа, мертвящее страсти. От этого благоухания бегут прочь сыны мира, как осы улетают прочь от курящегося фимиама. "Мир любит свое", — сказал Господь¹⁹. Сочинения западных писателей, написавших из состояния самообольщения, находят многочисленных читателей, переводятся не раз на русский язык, печатаются, перепечатываются; им произносятся, пишутся и печатаются громкие похвалы; то, что исполнено смертоносного яда, одобряется и утверждается. Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен приняты святою Церковью, признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение. Их сочинения критикуют, находят в них несообразности, противоречие священному Писанию. Все это — причиною, что святые Отцы наставлены были Духом Святым, что они отвергли премудрость мира для стяжания премудрости Духа. Тщетны покушения тех, которые, вопреки учению апостола, вопреки учению Церкви покушаются войти в премудрость Духа премудростию мира. И "запинаются премудрые в коварстве их" (1 Кор. 3, 19), преткнулись, пали падением страшным. Они захотели "духовное" объяснить темным душевным разумом — и это "ду-

ховное" в писаниях святых Отцов показалось им странным, противоречащим священному Писанию. "Духовная духовными сразуждающе, — сказал св. апостол Павел. — Душевен же человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется" (1 Кор. 2, 13-14). Последние слова в русском переводе Нового Завета читаются так: "потому что о сем <о духовном> надобно судить духовно"²⁰.

Верность Церкви и учению свв. Отцов

"Сердцем... веруется в правду, — сказал апостол, — усты же исповедуется во спасение"²¹. Нужно исповедание правды устами и, когда можно, самими делами. Правда, исповеданная словами и делами, как бы осуществляется, делается принадлежностью человека. И потому, что она существенна — она верный залог спасения.

Вы убедились, что единственный непогрешительный путь ко спасению — неуклонное следование учению святых Отцов при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самих своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного — духовным. Признав умом и сердцем эту правду, исповедуйте ее устами: дайте обет Богу, что вы будете руководствоваться учением святых Отцов, уклоняясь от всякого учения, не засвидетельствованного Святым Духом, не принятого святою Восточною Церковью. Исповедав правду Божию устами, исповедуйте и делами: дав обет, исполняйте его.

Не уstraшитесь этого обета! его обязан дать каждый православный сын Церкви, должен его истребовать у каждого сына православной Церкви его духовный отец при совершении таинства исповеди. Между вопросами, которые именно положено делать исповедующемуся, первое место занимают следующие: "1) Рцы ми, чадо: аще веруеши, яко церковь кафолическая, апостольская, на востоце насажденая и возвращеная, и от востока по всей вселенней разсеяная, и на востоце и доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи? — 2) Аще не сумнишися в коем предании? — 3) рцы ми, чадо: не был ли еси еретик или отступник? — 4) Не держался ли еси с ними, их капища посещая, поучения слушая, или книги их прочитывая?"²² Чтение еретических книг и внимание их поучениям — тяжкий грех против веры, грех ума, недугующего гордостю и потому свергающего иго послушания Церкви, достига

ищущего вольности безумной, греховной. А ныне этот грех уже не ставят в грех! ныне позволяют себе безразборчиво читать всевозможных еретических писателей. Против них Церковь прогремела анафемой! но ослепленные грешники не внемлют грому церковному, или внемлют ему, но только для того, чтоб посмеяться над предостерегающим от погибели голосом Церкви, чтоб ее суд и определение несмысленно назвать суеверием и варварством...

Истинные христиане всех времен со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они неотступно держались догматического и нравственного предания Церкви. Не только веровали православно в Святую Троицу, но и жизнь свою, и подвиги свои, и нравы направляли по преданию Церкви. Отличительною чертою всех святых Отцов было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви, и они заповедали такого только духовного наставника считать истинным, который следует во всем учению Отцов Восточной Церкви и их писаниями свидетельствует и запечатлевает свое учение. Кто ж думает руководить ближних из начал премудрости земной, из начал падшего разума, как бы он ни был блестящ, тот сам находится в самообольщении и последователей своих приводит к самообольщению. Святые Отцы постановили неперменным правилом для желающего спастись — последование нравственному преданию Церкви. Для этого они заповедают желающему жить благочестиво и благоутодно руководство наставлениями истинного учителя или руководство писаниями отеческими, соответствующими образу жизни каждого. По прошествии восьми столетий по Рождестве Христовом начинают церковные святые писатели жаловаться на оскудение духовных наставников, на появление множества лжеучителей. Они заповедают по причине недостатка в наставниках обращаться к чтению отеческих писаний, удаляться от чтения книг, написанных вне недра православной Церкви. Чем далее времена отклонялись от явления на земле Божественного Света, тем усиливался недостаток в истинных святых наставниках, усиливалось обилие в лжеучителях; они со времен открытия книгопечатания наводнили землю, как потоп, как горькие апокалипсические воды, от которых умерло множество людей душевною смертию²³...

С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует,

чтобы предмет ее был истинный и духовный: тогда она приводит к Богу*. Вера в человека приводит к иступленному фанатизму. Руководство писаниями святых Отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги — человека. Чудная книга — ум и сердце, исписанные Святым Духом! так и дышит из нее жизнь! так и сообщается эта жизнь слушающим с верою. Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим²⁵.

В одном из своих писем еп. Игнатий рекомендует "христианину, которого жребий — проводить и окончить жизнь среди мира" — читать, главным образом, творения св. Иоанна Златоуста, св. Димитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского, Георгия Затворника²⁶. "Обильное духовное пастбище, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!"²⁷ В другом письме он особенно останавливается на св. Златоусте: "Примите мой искреннейший совет: займитесь глубоко чтением всех сочинений святого Иоанна Златоустого... займитесь на свободе определительным воспитанием вашего духа. Предлагаю вам того церковного писателя, который необыкновенною чистотою, ясностью, силою христианского учения возносит читателя превыше всего земного; на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает землю питомцу своему"²⁸.

Разногласица в христианском мире. Необходимость единства. Где оно?

Ныне во многом люди дерзнули в установления Святого Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления небесные земными, духовные плотскими, святые греховными, мудрые нелепыми. Видят несообразность, видят текущее из нее разрушение; но не видят начала, из которого текут бедствия: потому что смотрят

* Послушание основывается на признании разума человеческого падшим и на отвержении его буйством веры. От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения — духовный разум (прим. М. Новоселова).

при свете собственного падшего разума, а не при свете Божиим. Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святого Духа, в замене их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройства, причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство. Есть в частности христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялись в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она; никто ее не останавливает, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат — так отяжелел слух их — спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его святой Церкви, который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспевания. *Прильпе земли душа их*²⁹, неспособна к восприятию впечатлений духовных.

Но некоторые избранники доселе слышат голос истинного Пастыря, Господа нашего Иисуса Христа. На этот голос идут они, пробиваясь с величайшим усилием и трудом сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую. Доселе эти избранники отдают справедливость на земле небесной правде. Очень мало число их! но Господь ободряет их: *«Не бойся, — говорит Он, — малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам царство»*³⁰.

Какой признак этих овец, по которому тотчас можно было <бы> узнать их? Этот признак — точное послушание святой Церкви, верность святой Истине и Святому Духу. Водимые истинным смирением, они отрекаются от разумений своего падшего естественного разума и от всех разумений человеческих, как бы они по наружности ни казались возвышенными и привлекательными. Чтoб сохранить верность Богу, они не стыдятся, что мир называет их безумными. Не только терпят они великодушно гонения от мира, но и сами себя подвергают различным лишениям и тем сохраняют в себе "мертвость Иисусову и живот Его"³¹. Это значит: "погублять душу свою в веке сем, чтоб

приобрести ее для вечности чрез оживание Духом³².

Пребудем в верности Святому Духу. Он Пресвят и Пречист — поживает в одних чистых и святых, любит смиренных, доказывающих свое смирение не чем-нибудь наружным, но повиновением ума Евангелию и Церкви. Он отвращается от своеразумных, отделяющихся от единства Церкви для какой-нибудь мысли, льстящей уму и сердцу. Он удаляется от них — и приступает к ним темный дух прелести. "Одна мысль ложная, — сказал некоторый святой отец, — может низвести в ад"³³.

Легче думают омраченные сыны мира сего о мыслях о Боге; по их мнению мыслить о Боге так или иначе — не большая беда. Несчастные! они не знают, как важны мысли о Боге, как важна в них Истина и ей всегда сопresentствующий и содействующий Дух. От взаимного их действия — оживание человека во спасение, которое состоит в причастии естества человеческого Божественному естеству. Напротив того, мыслям ложным всегда сопresentствует и содействует темный и лукавый дух обольщения. *Отец лжи — диавол*³⁴, так говорит Евангелие; ложь — диавольское свойство. Усвоивший себе мысли ложные усвоил себе свойства диавола, вступил в сродство с отверженными ангелами, сделал для себя соединение с Богом несродным, неестественным. Чуждый Бога — чужд спасения и жизни духовной.

Будем сохранять себя от мыслей ложных и истекающих от них сердечных ощущений. Из таковых ложных мыслей и ощущений составляется так называемая "прелесть"³⁵, или самообольщение, имеющие бесчисленные разнообразные виды, по степени, по роду принятых человеком ложных мыслей и ощущений за истинные. Стяжем истинное познание о Боге, чуждое заблуждений и умствований; оно сияет из священного Писания и писаний святых Отцов, как свет из солнца, ярко блестящего в час полуденный с лазоревого безоблачного неба³⁶.

В заключение позволю себе повторить небольшую выдержку из творений святителя Игнатия, однажды уже приведенную мною в 15-м письме. Вот что она гласит:

"Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами, столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распушенными парусами, подобными белым лебединым крылам, судов, бегущих под одним ветром, к одной

цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов. Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в изящной гармонии поют единую песнь Божественную, тогда говорю себе: таковы писания Отцов"³⁷.

"Аминь", — скажем мы святителю, в единомыслии с ним склоняясь перед "торжествующим собором"³⁸ праведников, достигших совершенства.

Их молитвами да умудрит и да укрепит нас Господь наш Иисус Христос! Простите! Не забывайте поминать брата вашего, во отшествии сущего.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

31 декабря 1927 г.
После всенощной и новогоднего
молебна

Со святыми днями Рождества Христова, Обрезания Господня и памятьми святых Василия Великого и Преподобного Серафима, Саровского чудотворца (2 января), поздравляю вас, друзья мои.

Святые дни дорогих нам воспоминаний совпадают ныне с особенно значительными событиями церковными. Не ошиблись те, кто год тому назад предсказывал, что 1927-й год будет чрезвычайно тяжок для Церкви Божией. Из множества ударов, нанесенных ей в этом году, достаточно указать два, чтобы признать правильными эти предсказания: кошунственный разгром Сарова и жестокое опустошение Дивеева¹. Нужно ли разъяснять, что потеряли православные русские люди с уничтожением этих обителей? Кто хоть однажды побывал там и в прилегавшей к ним, также опустошенной, обители Понетаевской, тот сердцем чувствует, какого источника религиозного воодушевления, духовной бодрости, особенно необходимых в наше тяжелое время, он лишился.

Насколько мне известно, лица, предрекавшие исключительную бедственность для Церкви Христовой в 1927-м году, разумели бедствия именно подобные указанным. Но нас постигло в истекшем году испытание значительно, можно сказать — несравненно тягчайшее: накренился и повис над бездной весь церковный корабль². Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией. Новые сеты раскинул князь мира сего — и уже уловил множество душ человеческих. Я не буду распространяться об этих новых кознях вражиих, т. к. вы многократно и многообразно были предуведомлены относительно их. Я хочу предложить вам, мои родные, нечто иное. Года два-три тому назад я прочел одну замечательную статью анонимного автора, помещенную в "Трудах Киевской Духовной Академии" за 1860 г. Я искал в книжках этого журнала другую статью и наткнулся на эту. Приписываю сие особой милости Божией, т. к. не часто доводилось мне читать что-либо из писаний человеческих с таким интересом и, могу сказать, с такой пользой для ума и сердца, как названную

статью. Конечно, я поспешил поделиться своей находкой с некоторыми лицами, интересующимися вопросами веры и Церкви — и все они получили такое же удовлетворение, как и я. Тщетно в течение двух лет я добивался узнать имя автора, чтобы молитвенным памятованием о нем воздать ему за доставленное им духовное утешение мне и присным моим. Наконец, в конце прошлого года я узнал, что статья принадлежит перу профессора Киевской Духовной Академии Никифора Ивановича Щеголева, родившегося 28 февраля 1821 г. и скончавшегося 26 января 1884 г. На могиле раба Божия Никифора начертаны слова (2 Тим. 4, 3-5): "Будет время, егда здравого учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешими слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся. Ты же трезвися о всем, злопостражди, дело сотвори благовестника, служение твое известно сотвори".

Как эти слова идут к нашему времени. Каким глубоким и своевременным назиданием являются они для нас и, может быть, именно в настоящую минуту.

Предложить вам, мои дорогие, всю статью целиком, я, разумеется, не могу, т. к. в ней 180 страниц, но, по моему указанию, один близкий мне человек³ составил краткий конспект ее, который я и предлагаю вам в качестве моего последнего (20-го) письма к вам. Конечно, такой конспект может дать лишь приблизительное представление о труде иудумчивого созерцателя судеб Церкви Божией на земле, но и в таком виде мысли Никифора Ивановича способны осветить путь Церкви Божией и исполнить сердца чтущих их утешением и упованием, столь потребными в переживаемые нами дни скорбных испытаний. Если же кому из нас представится возможность прочесть статью полностью, то не пропустите этой возможности. Надеюсь, и автора, писавшего статью, и меня, рекомендовавшего вам ее, помяните добрым словом.

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ БОЖИЕЙ НА ЗЕМЛЕ

Церковь и
естественная жизнь
человечества

Всякая конечная жизнь, как и жизнь целого человечества, не имеет сама в себе независимого начала своего, потому что она не сама от себя существует; это начало, естественно, должно заключаться в Виновнике конечной жизни, в Существо Самосущем, в Котором Одном неиссякаемый источник живота для всякой твари. Следовательно, человечество,

чтобы жить разумною, Богоподобною жизнью, достойною существ бессмертных, должно находиться в непосредственном, непрерывном и живом общении с Богом, как Источником жизни. Но человечество в самом начале своей жизни отпало от такого единения с Богом, следовательно, отпало и от Источника жизни своей. После этого оно не может уже жить тою жизнью, которая свойственна ему по существу и назначению его⁴. Поскольку человечество в падшем состоянии своем, *отчужденное от жизни Божией* (Еф. 4, 18), не имеет в себе ни духа, ни силы Божественной жизни, то скудная и омертвевшая жизнь его сама по себе не может развиваться в Богоподобных совершенствах, не может уже и по этому одному приближаться к Богу и достигать в соединении с Ним вечной и блаженной жизни⁵. Но когда человечество как бы висело над бездной гибели, готовое глубже и глубже удалиться от Источника жизни в область смерти, тогда бесконечная Любовь Божия останавливает его на пути дальнейшего падения чрезвычайным средством Своего милосердия, и Сама опять, так сказать, приблизила к нему Самосущий Источник жизни в Единородном Сыне Своем, благоволившем принять на Себя естество человеческое, умереть на земле *за живот мира*⁶, и чрез то открыть в Себе орган соединения умирающего человечества с Источником жизни⁷.

Поэтому, если мир остался жить и живет человеческою жизнью, то возможно это только потому, что животворящий Дух Божий, нисходящий в мир чрез *Ходатая Бога и человеков*⁸, не перестал пребывать в человечестве и в таинственном Своем присутствии животворить Божественною жизнью оскудевшую жизнь человечества. Это Божественное Начало человеческой жизни, низводимое в самую жизнь человека благочестием и верою в Исккупителя мира, сокровенное и содержащееся древле преимущественно в Церкви ветхозаветной, как хранительнице обетованного Сокровища жизни для всего мира, по планам Премудрости Божией должно было сообщиться и раскрыться и действительно раскрывается в Церкви новозаветной, основанной на земле пришедшим во плоти Иисусом Христом, Которая, как таинственное Тело Его, находится чрез Главу Свою в непосредственном и живом общении с Самосущим Источником Жизни. Таким образом, теперь Церковь Христова содержит в себе то Божественное Начало жизни, Которое лежит в основании существования всего мира и естественной жизни всего человечества: *семя свято*, то есть Христос со Своею Церковию, *стояние его*⁹ (Ис. 6, 13);

Господь наш Иисус Христос воцарися в мире со времени обетования падшему человеку благодати Искупления, и утверди вселенную, яже не подвижится (Пс. 92, 1) под тяжестью своих беззаконий и проклятия Правды Божией. Поэтому человечество должно привить свою естественную жизнь к Господу Иисусу Христу, как иссыхающую ветвь к лозе (Ин. 15, 5) и, следовательно, должно войти в Церковь Его, чтобы, восполнив тут естественную жизнь благодатною, достигнуть конечной своей цели¹⁰.

Церковь и история

Внутренний смысл всего хода событий в жизни человечества, все временные судьбы в истории царств и народов определяются и объясняются отношением их к Церкви и судьбам Ее на земле, как самой высшей и последней цели их движений и перемен; здесь разрешается главный и конечный узел всех важных и великих событий и в истории человечества вообще, и в судьбах частных народов¹¹. Как поле для Царствия Божия, мир и возделывается непрерывно различными действиями Небесного Домовладыки для того же Царствия. Различными тайными и явными путями Бог располагает сердца частных людей к принятию и хранению веры Христовой; но чтобы естественная жизнь всего человечества и каждого царства и народа способна была принять в себя семя и творить плоды Царствия Божия, для этого Вседействующий Промысл Божий приготовляет ее преимущественно судьбами и путями ее истории. Судьбы и пути эти — бесчисленны и разнообразны. Так, судьбами политической истории приготовлялась жизнь языческого мира в поле для насаждения Церкви Христовой — и подлинно, во время пришествия Спасителя она представляла широкое и доброе поле для сеяния и жатвы Христовых делателей (Ин. 4, 35-38). Когда обновленная жизнь греко-римских народов¹² испортилась и огрубела от усилившихся пороков, и вертоград Христов, обрекаемый на бесплодие на почве этой жизни, требовал почвы свежей и лучшей, тогда Мировправитель воздвигает одно за другим дикие племена Севера, приводит их во взаимное столкновение и направляет их на разрушение и смирение одряхлевшего, но все еще гордого Рима; чрез это Он, с одной стороны, истощает буйные силы и укрощает жестокие нравы самих диких племен, знакомит их с образом жизни благоустроенной, созидает из них царства сильные и великие, и на удобренной почве благоустроенной жизни их насаждает Церковь Христову, — с другой стороны, оружием этих воинствующих

щих племен удобряет и очищает и жизнь греко-римских народов от заросивших ее нравственных плевел и терний: там и здесь после того светильник веры Христовой засиял с новой силой и светом; плоды благочестия там и здесь Церковь произращала обильно. В дальнейшей истории видим то же движущее начало и тот же конец исторических движений и переворотов. Возвышается или падает какое государство, господствует или подчиняется, мятется внутри и бедствует, или наслаждается миром и благоденствием, все эти явления в судьбе современных государств, из которых слагается большая и главная часть истории их жизни, существенно вытекают и объясняются из отношения самих государств к вере и Церкви Христовой¹³.

Таким образом, вся политическая история царств и народов, со всеми ее переворотами, по преимуществу есть история тех путей Промысла Божия, которыми Он приводит людей к Церкви Христовой, удерживает и утверждает их в ней и наказывает за отступления от нее. Следовательно, начало и конец, которыми существенным образом определяются сами временные судьбы в жизни человечества, так же как и вечная судьба его, заключаются в Церкви и судьбах Ее на земле¹⁴.

Церковь и государство

Жизнь человечества в государственных формах своих есть поле или поприще, где Церковь Божия, как вертоград, Богом насаждается, растет и приносит плоды для жизни вечной. Богом возделывается и поле для вертограда Божия, Богом хранится и самый вертоград, так что и Церковь и государства существуют и ведут свою историю, не смешиваясь друг с другом, хотя существуют во взаимной связи и внутреннем отношении между собою.

Церковь может находиться во внутреннем и тесном соединении с царствами человеческими, может не быть в соединении с последними, может даже находиться в состоянии притеснения и гонения от них, в состоянии явной ли и скрытой, или скрытой и внутренней борьбы с ними. Но во всех этих отношениях Церковь в существенных условиях своего существования не зависит ни от какого царства человеческого. И при внутреннем единении Церкви с государствами история первой отделяется от истории последних, несмотря на то, что первая раскрывается на лоне последних. Бедствия государств могут касаться внешнего спокойствия членов Церкви, нарушать видимое благоустройство Ее, а всею тяжестью своею падать на благоденст-

вие гражданское; Церковь в точном смысле, во внутренней своей жизни и силе может остаться при этом чистою и светлою, крепкою и прочною, и произращать плоды духовной жизни и спасения. Возможно и бывает и наоборот. И при внешнем спокойствии царств человеческих, царство Божие на пространстве их может находиться в самом худом состоянии; таким образом, Церковь и государство в одно и то же время могут испытывать сами по себе совершенно различные состояния, и состояние последнего не может определять собою состояния первой. Возможно и то, чтобы Церковь и государство совершенно отделялись друг от друга. Одно может продолжать свое существование, тогда как существование другого прекращается. Церковь существует и приносит плоды, под смотрением Верховного Делателя, только до тех пор, пока жизнь народов не огрубеет и не сделается совершенно неспособною растворять в себе семя и творить плоды Царствия Божия; в противном случае сокровище Царствия Божия отнимается у недостойного народа и вверяется другому (Мф. 21, 43), а прежнее место вертограда Божия может быть пустым, но целым, по разным намерениям Премудрости и Благости Божией. Иногда государство и после отделения от него Церкви сохраняется целым для нового возделывания и для новых плодов Царствия Божия¹⁵; иногда это допускается по усмотрению Промысла для полного открытия гнева и суда Божия над народом, отвергшимся Царствия, так что целый народ за беззакония общественные испытывает полный суд Божий здесь на земле. Поскольку жизнь народа исправляется и улучшается Богом в земную обитель Церкви нередко посредством других народов, то бывает и так, что царства человеческие вовсе теряют свою политическую самостоятельность и самобытность под обладанием другого царства, а между тем Церковь, насажденная в них, остается и сохраняется в целости¹⁶. Церковь Христова не отвергает содействий человеческих и покровительства земных властей для внешнего своего спокойствия и благолепия, но продолжение Ее существования, Ее непоколебимость на земле существенно не обуславливаются силами человеческими. Церковь сама в себе заключает всю полноту Божественных сил для непрерывного и непоколебимого своего существования (Еф. 5, 11-13; 2 Пет. 1, 3)¹⁷. Судьба Церкви на земле не определяется силою и волею властей гражданских. Сам Бог располагает судьбою обоих во взаимном их отношении между собою и к миру. Можно сказать, что до тех пор удерживаются и хранятся Богом в

мире престолы царей, пока они нужны для управления мира, а мир для Церкви, и что до тех пор зиждется и хранится в мире Церковь, пока нужна она для спасения мира; но в строгом смысле нельзя сказать, что до тех пор может существовать на земле Церковь, пока существуют на ней престолы и цари народов: ибо отъятие от мира последних не есть внутренняя причина отъятия от людей первой, а только явление, предваряющее собою последнюю судьбу Церкви на земле. Не Церковь живет от мира, а мир существует ради Церкви, и судьба первого решается в судьбе последней: жизнь всего человечества, тем более общественная жизнь отдельных народов, опирается на *святом семени* (Ис. 6, 13) и хранится только ради святого семени, прозябающего в Царстве Христовом¹⁸.

**Пределы и сроки
пробытия Церкви
на земле**

Как должно судить о видимых пределах пространства, какие может занимать собою Церковь на лице земли? Долго ли Церковь Божия будет странствовать на земле? Если должен быть конец этого странствования, то можно спросить, чем определяется время его?¹⁹

По притче Иисуса Христа весь мир, весь человеческий род есть поле, где должно сеяться и расти, как семья вечной жизни, слово Царствия Божия²⁰; то есть по назначению своему Церковь Христова должна объять собою не один какой-либо народ, подобно Церкви ветхозаветной, а все народы, весь род человеческий: потому что всему человечеству и первоначально дарован завет Божий, все человечество и по нарушении этого завета назначено в лице прародителей к искуплению чрез Ходатая нового завета²¹, осуществленного теперь в Царстве Христовом на земле²². Род человеческий существует не одновременно, он преемственно является в различных народах, постоянно сменяющих друг друга на чреде истории²³. Церковь Христова, подобно ковчегу Ноеву, носившемуся по водам всемирного потопа, переносится Богом по всей земле от царства в царство, от народа к народу²⁴. Церковь Христова в продолжение всего времени существования своего в мире поживает преемственно во всех странах и народах земли и соберет в человеческом роде, как с поля, все класы²⁵, достойные храниться в небесной и вечной сокровищнице²⁶. Пока в народе есть люди, покоряющиеся вере, способные вос-

пользоваться средствами спасения, содержащимися в Церкви, до тех пор и Церковь существует и хранится там Богом; в противном случае, Правда Божия, *не мечущая бисера пред свиньями*, отнимает у недостойного и неверного народа это сокровище и отдает его языку иному. Пока будут на земле народы, способные стоять на чреде хранения Царства Божия, Бог будет воздвигать их одного за другим на это поприще по мере того, как будут сходиться с него народы недостойные. Из притчи Спасителя знаем, что Церковь, вначале малое и незаметное общество среди обширных царств человеческих, подобно *зерну горюищну*, возрастает в большое древо, делается обширнее всех царств земных (Мф. 13, 31). Эта предсказанная судьба Церкви оправдалась историей Ее. Знаем и то, по откровению Иоанна Богослова, что пределы Церкви под конец мира сократятся в малое число избранных: это — конечная судьба пространства Церкви²⁶.

Церковь Христова странствует по земле, собирая в человеческом роде, во всех племенах и поколениях его, членов своих, *лицы учинени в жизнь вечную* (Деян. 13, 48), подобно тому, как жители собирают с поля жатвы зрелые севы. Как скоро в сумме племен и поколений не найдется ни одного народа, способного хранить сокровище Царствия Божия и творить плоды его, тогда Церковь со средствами спасения не нужна будет для погрязшего во зле и закосневшего в развращении человечества; на глас Божий, зовущий людей устами Церкви ко спасению, не будут более отзываться люди, и за это упорство великий дом человечества, как дом Иерусалима, останется *пуст*^{27, 28}.

Когда мир, таким образом, будет отживать последние дни своего беззакония, определяя собою конец существования и Церкви, существующей в мире, среди совершающихся судеб человечества, Церковь и сама в себе, в соответствии им, совершит круг судеб своих, и в то же время сама из себя будет уже определять конец своего существования на земле. Когда возлюбленная Христом Церковь, то есть число людей из всех племен и поколений человечества, постепенно являющегося в пространстве места и времени, по предведению Божию предуставленных ко спасению (Рим. 8, 29), воспользуется благодатными средствами искупления, соединится в один таинственный союз Тела Христова и соделается чистым и святым: тогда цель Церкви будет достигнута, и состояние благодати, то есть состояние очищения и освящения Ее благодатными средствами, должно окончиться и преобразиться в состояние бо-

¹⁸ Прорастающего (славян.) (прим. ред.).

²⁵ Колосья (славян.) (прим. ред.).

подобной славы и блаженства²⁹.

Итак, когда, с одной стороны, созреет в мире зло под влиянием духа злого и начальника всякого беззакония и, разрушив все условия жизни человеческой, не сможет далее ни само собою совмещаться с порядком общественной и частной жизни, ни быть терпимым Правдою Божией; с другой — когда созреет добро в Церкви Христовой под влиянием благодатных сил Святого Духа и под руководством Самого Иисуса Христа, так что не останется ни одной высшей степени совершенства, которую можно было бы достигнуть Церкви, при настоящих условиях Ее существования: тогда, по слову Господа, наступит *время жатвы* и собирания плодов добра и зла, тогда *приидет кончина века*, то есть кончина настоящего состояния мира и Церкви (Мф. 13, 30-39)³⁰.

Церковь и природа

Церковь, достигнув своего назначения на этой земле, окончит настоящее свое состояние и изменит его на состояние другое, на состояние славы и блаженства. Что же станет с землею, на которой решается вечная участь человечества и Церкви?

Судьба видимой природы, окружающей человека, должна быть нераздельно и вечно связана с судьбою обитающего на земле человечества или, что то же, с судьбою Царства Божия на земле: из земли создано тело человеческое, и произведениями ее поддерживается жизнь его; на земле человек живет и действует, развивает свои телесные и духовные силы, усвершенствует свою нравственность, поклоняется и служит Богу и достигает своего вечного назначения; на земле человек поставлен как царь и владыка для обладания и управления неразумными ее тварями (Быт. 1, 20)³¹. Высший смысл жизни чувственной твари осуществляется только в человеке и через человека, когда последний стоит в непосредственном и живом единении с Богом и тварию: как образ Божий, сын и наследник в великом дому Отца Небесного, человек, поставленный посредником между Творцом и тварью, должен быть *пророком*, словом и делом возвещающим ей волю Божию, *священником*, возносящим жертву хвалы³² и благодарения Богу и чрез себя низводящим на землю благословения небесные, *главою и царем*, сосредоточивающим в себе цели бытия всех видимых тварей и чрез себя соединяющим все с Богом и в Боге и, таким образом, всю цепь творений содержащим в стройном союзе и порядке³³.

Сила этой связи между судьбою мира и судьбою чело-

века неразрывна: когда человек был невинен и безгрешен — и земля была чиста и полна жизни, не знала ни тления, ни разрушительной вражды стихий: все в ней было *добро зело*³⁴; заразился человек грехом, подвергся проклятию Божию — заразилась смертью и тлением вся природа, окружающая человека; внутри природы появились существенное расстройство и беспорядок, болезни, страдание, разрушение, огрубение, тление и смерть³⁵; на природе, по учению Божественного Откровения, тяготеет проклятие Божие, вследствие которого она работает суете и тлению: *"суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю <владыку ея>"*, — говорит Апостол (Рим. 8, 19-22). Путь первоначального восхождения природы к совершенству и славе прерван в падении человека: к обновлению она должна идти чрез человека же, в котором совершается обновление жизни сверхъестественными силами благодати Божией, — и это новое начало жизни в человеке, конечно, не может не сообщаться и окружающей его природе³⁶.

Кроме того, Церковь содержит в себе особые молитвы и священнодействия для освящения всех стихий видимой природы³⁷: зная, что грехом низведено на внешнюю природу проклятие Божие, произведено в ней оскудение жизни и сил, и имея сыновнее дерзновение во Иисусе Христе к Богу Отцу, — Церковь молитвами к Нему испрашивает и низводит на природу небесное благословение и освящение для оживления и оплодотворения работающих суете и тлению сил ее³⁸.

Видимым и окончательным средством всемогущего Деятеля в этом воссоздании и обновлении мира, по Божественному Откровению, будет служить огонь: *нынешняя небеса и земля тем же словом <которым сотворены были изначала (Евр. 11, 3)> сокроена суть, огню блюдома день суда и погибели нечестивых человек <...> в онъже небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят*. Разорение великого храма Царства Божия в природе не будет уничтожением творения посредством огня, а воссозданием и устройством того же храма в храм новый, несравненно лучший, нетленный. Тогда откроются *новая земля и новое небо*, только чаемые теперь тварию и человеком, по обетованию Божией, в них же будет жить, покоиться и блаженствовать одна *правда* (2 Пет. 3, 7-10, 13) будущей прославленной Церкви Христовой.

Таким образом, обновление и воссоздание природы совершится не ею самою постепенно, по каким-либо зако-

нам развития, не силою естественных усилий человеческого разума и искусства, но сверхъестественною силою благодати Божией³⁹.

Брань Церкви с диаволом

Находясь в состоянии странствования на земле, Церковь Христова в то же время находится в состоянии непрестанной брани со своими врагами: на кресте положено основание Ее; среди гонений распространялась она в мире; среди козней вражиих продолжается и всегдашнее Ее существование; под знамением креста совершится торжество и окончательной Ее победы. В этом отношении Царство Божие на земле называется *Царством воинствующим*. Самому Царю этого царства *подобает царствовать* невидимо на этой земле, *дондеже положит вся враги под ногама своим* и тогда видимо предаст *Царство Свое Богу и Отцу* с торжеством победы для вечного торжества и славы на новой земле и под новым небом (1 Кор. 15, 24-25)⁴⁰.

Диавол с подчиненными ему злыми духами поставляется во главе других врагов Царства Божия — во главе мира и страстей, как главный и особенный враг и вождь брани против царства Христова: *он князь мира* (1 Ин. 12, 31), в котором находятся его рабы и поклонники, и потому *миродержатель* греховной тьмы века *сего* (Еф. 6, 12); он первый виновник зла в естестве человека и первая действующая причина и всех прочих грехопадений человеческих (1 Ин. 3, 8). Он-то собственно и силится одолеть и разрушить Царство Божие на земле и утвердить на ней свое царство зла; а мир и плоть, подвластные ему, суть только две области или, можно сказать, два главных орудия, которыми он вооружается с разных сторон на Царство Божие. Против него, главным образом, и воинствует Церковь, разрушая владычество его в мире и истребляя зло, как плод его усиленной деятельности, в естестве самих членов своих: ап. Иоанн поставляет это целью явления на земле Самого Владыки благодатного Царства, когда говорит: *сего ради явися Сын Божий, да разрушит дела диавола*⁴¹; и ап. Павел указывает на то же, когда говорит, что Господь Иисус Христос *приискренне приобщился плоти и крови <человеческой>, да смертию упразднит и мущаго державу смерти, сиречь диавола*⁴². Таким образом, брань Церкви с диаволом открывается и постоянно продолжается в двух главных видах: это, во-первых, брань Ее с миром или обществом людей, чуждых веры во Христа, не принадлежащих к Его Церкви и отвергающих Ее, и, во-вторых, в то

же время брань всех истинно верующих со злым семенем в самом естестве нашем, из которого (семени) возникают и возрастают греховные помыслы, желания, действия и страсти⁴³. Церковь Божия держится и хранится в мире среди борьбы с врагами своими силою Божественною. Церковь есть таинственное живое Тело, у которого глава — Богочеловек Иисус Христос; тело без головы ничего не может, остается без сил и жизни; главная сила и держава Церкви в Господе Иисусе Христе. Враг, вооружаясь на Церковь, вооружается против Главы ее, усиливаясь оторгнуть от нее тело, то есть прервать живой союз веры и любви христиан с Господом Иисусом Христом: враги Церкви — враги Его. Таким образом, Богочеловек Иисус Христос есть первоначальная сила, хранящая Церковь Свою, и вождь брани Ее. В разъединении с Господом Иисусом Христом и, следовательно, вне Церкви Его ни для кого невозможна брань с диаволом и недействительно никакое орудие; там безусловное служение и рабство диаволу⁴⁴. Церковь, среди всех усилий врага и при всех поврежденных и местных успехах его, в целостности своей непобедима. Непобедимость Церкви следует уже из того, что непобедим Владыка и Глава Ее, Господь Иисус Христос, как Всемогущий Бог, Который собственно и ведет брань с царством диавола. Об этой истине свидетельствует Сам Иисус Христос, *Свидетель верный и истинный* (Откр. 3, 14), когда говорит: *созижду Церковь мою, и врата ада не одолеют ей* (Мф. 16, 18). Как бы ни сокращалось число членов Церкви, как бы ни оскудевали в ней сила веры и дух благочестивой жизни, как бы чистота истины ни помрачалась заблуждениями среди непрерывной брани диавола, непобедима Церковь Христова, во все время настоящего своего существования, всегда будет существовать как общество, со своими истинными членами; всегда будет сохранять в себе силы Божественной благодати и вследствие этого проявлять в себе дух и плоды благочестивой жизни христианской; всегда будет неизменно содержать в себе чистоту веры апостольской, с апостольским устройством и порядком иерархии и с чудодейственною силою спасительных таинств и священных обрядов; и, таким образом, всегда будет существовать в мире как видимое общество и осуществлять то назначение, для которого она основана на земле⁴⁵.

Но Церковь не только непобедима силами ада, но и победоносна в борьбе с царством диавола, при всех частных неблагоприятных переменах брани. Она боролась с

иудейством и язычеством, и свет Евангелия восторжествовал над тьмою суеверия и лжеверия, над завистию и злобою, над хитростию и силою; боролась с мудростию языческою и с заблуждениями еретиков, и истина и чистота веры восторжествовали над лжемудрованием и неправоведием; боролась и борется с соблазнами греха, и святость жизни христиан не прескакала процветать и в пустынях и среди мира. Вообще все усилия врага, употребляемые для сокрушения Церкви, не достигают цели, и Церковь не прескает разрушать царство дьявола, приводя людей, — по естеству чад гнева Божия и, следовательно, членов этого царства, — ко Христу и руководя их в настоящей жизни к жизни вечной, приближаясь постепенно и сама к совершенному торжеству и полной славе своей⁴⁶. Эта полная победа совершится тогда, когда враги, предводительствуемые антихристом, будут помышлять только о торжестве своим над Церковью, не думая совершенно о конце своих успехов (Мф. 24, 37-40), и совершится непосредственным, чрезвычайным действием Самого Владыки Благодатного Царства и Вождя брани, при видимом Его явлении в мире⁴⁷.

Таким образом, внутренняя победа добра, совершающаяся при жизни и действии в мире сил зла, среди борьбы с ними, завершится и внешним торжеством добра. На обновленной земле, чуждой всякого зла, физического и нравственного, под новым небом, благодатное Царство Христово явится уже в новом состоянии торжества, славы и вечного блаженства с Богом, каким описывает это состояние Церкви святой Тайнозритель под видом града Святого, Нового Иерусалима, сходящего с небесе, и скинии Божией (Откр. гл. 21-22)⁴⁸.

Итак, Церковь на земле находится в состоянии постоянного странствования и борьбы. Но Церковь, несмотря на свое странствование среди человечества по лицу земли, сама в себе неподвижна на внутреннем основании Своем — на камне веры Христовой: везде и всегда Она — единое Царство Христово. Странствующая Церковь изменяет внешнее свое место и положение в мире; но при всем том она служит внутреннею глубочайшею основою бытия, жизни и всякого исторического движения для всего мира — и нравственного, и физического. Существует на земле Церковь — существуют ради Нее и все человечество и весь мир в настоящем его виде. Изменяются судьбы Церкви — движется и мятется человечество в своей политичес-

кой жизни, сотрясается и видимая природа в своих силах. Совершит путь странствования своего в мире Церковь — окончатся и судьбы мира. Подобно кораблю на море, Церковь переносится из страны в страну, от народа к народу, но ни для какого народа нет нигде прочной обители временного благосостояния, кроме Церкви, и вне Ее вовсе нет надежды на достижение счастья вечного, как вне ковчега Ноева не было спасения от всеобщей гибели: кто вместе с Церковью и в недрах Ее считает себя странником и пришельцем на земле, тот только и достигнет вместе с Нею благополучно страны блаженной вечности.

Церковь находится в состоянии непрерывной брани. Чудными и не всегда постижимыми путями ведет Церковь к победе и торжеству Божественный Вождь и Владыка Ее! Среди непрерывной брани со врагами Она то в царственном величии объемлет собою целые страны земли, то сокращается в тесные пределы немногих народов; то в великолепии и славе воздвигает храмы Свои и спокойно славословит в них Господа, то в нищете и гонении, под мечем и огнем исповедует Имя Христово; то побеждает и торжествует над врагами своими, то в поношении от них страдает и болезнует. Но, при всех переменах судьбы брани своей, она в истинных членах своих непрестанно и неуклонно идет к цели своей: и среди спокойствия и тишины, и среди скорбей и бедствий, в Ней зиждется истинное, вечное счастье человека.

БЛАЖЕН ЧТЫЙ И СЛЫШАЩИИ СЛОВЕСА ПРОРОЧЕСТВИЯ о будущих судьбах Церкви и СОБЛЮДАЮЩИИ ПИСАННАЯ В НЕМ, — восклицает святой созерцатель великих и дивных судеб Ее (Откр. 1, 3)! Блажен, кто, внимая откровению Господа о судьбе Церкви Божией, не усумнится в истине торжества Ее над врагами или в окончательной, совершенной победе Основателя и верховного Владыки Ее над древним змием, човекоубийцею искомни, восставшим против Царства Божия и непрестанно вооружаясь против Него всеми силами и средствами ада! Блажен, кто упоает на всемогущество кроткого Агнца, закланного для спасения мира, и кто не отступит от Него среди тяжких искушений, постигающих Церковь по коварству древнего врага Ее, и не выйдет из ряда добрых воинов Христовых, воодушевляясь упованием на участие во всемирном торжестве Церкви Христовой, имеющем открыться по скончании мира!⁴⁹

Эти прекрасные, воодушевившие строки примите, как прощальное заключительное слово ко всем моим бе-седам, которые я приостанавливаю на неопределенное время...

Молитвенно памятуя вас, мои родные, я, в свою оче-редь, надеюсь, что и вы не забываете моих неоднократных просьб о молении за вашего брата о Господе и о Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви Христовой.

АМИНЬ.

Примечания

"Письма к друзьям" М. А. Новоселова являются классикой религи-озного самиздата советского периода истории России. Местонахождение оригиналов "Писем" в настоящее время неизвестно; в нашем распо-ряжении было только несколько машинописных копий разной степени полноты и исправности. По этой причине работа по выявлению ошибок, неизбежных при неоднократных подпольных перепечатках такого рода произведений, свелась к сличению между собой различных копий, а для приводимых Новоселовым цитат (весьма многочисленных) — к исправ-лению текста по цитируемым источникам.

"Письма" писались автором в разное время, при различных жиз-ненных обстоятельствах, и никоим образом не предназначались для пе-чати. По этой причине приводимые им цитаты не всегда отличаются точностью, а библиографические ссылки — единообразием: в одних слу-чаях приводятся полные сведения об источнике цитаты (вплоть до но-меров страниц), в других — указывается только автор и название или только автор; иногда — и вовсе ничего не указывается. В настоящем из-дании текст цитат выправлен по соответствующим источникам, а все библиографические ссылки для единообразия вынесены из основного текста в примечания и даны с одинаковой степенью полноты. Использо-ются также единообразные сокращения названий книг Библии. Подчерк-нутые в тексте слова выделены курсивом. Пропуски в цитатах отмеча-ются многоточием в угловых скобках; необходимые вставки также выде-лены угловыми скобками. Комментарий не включает в себя общебиогра-фических сведений об исторических лицах: последние перенесены в раз-вернутый авторский указатель.

Письмо I.

¹"Живая Церковь" — одна из групп так называемых "обновлен-цев" — течения, возникшего в русской православной церкви после рево-люции 1917 г; другие обновленческие группы: "Союз церковного возрож-дения", "Союз общин древлеапостольской церкви", "Свободная трудовая церковь", "Союз религиозно-трудовых общин". Объединяясь в основном (в признании тождества христианских и социалистических идеалов), ука-занные группы расходились по второстепенным вопросам (о второбра-нии духовенства, женатом епископате, упразднении монашества и др.). — 1

²Пс. 25, 5 (церк.-слав.). — 1

³Угодничество по отношению к властям, демагогия и политиканст-во, нечистоплотность в личной жизни, поведение на процессе митр. Ве-ниамина Казанского главы живоцерковников Красницкого: его клевет-нические показания во многом способствовали вынесению смертных приговоров владыке Вениамину и его друзьям. — 1

⁴Явившись 12 мая 1922 г. к Патриарху Тихону, группа обновленцев (Введенский, Красницкий и др.) потребовала от него самоустраниться

от власти впредь до созыва собора, указывая на расстройство церковных дел, вызванное борьбой Патриарха против изъятия церковных ценностей. Ожидавший ареста (он последовал через неделю после этого визита) св. Тихон подписал резолюцию о передаче власти ярославскому митрополиту Агафангелу, а до его приезда в Москву – о передаче патриаршей канцелярии в ведение этой "инициативной" группы. Но после этого и Патриарх, и Агафангел были арестованы, и Высшее Церковное Управление оказалось в руках обновленцев, которые стали утверждать, что святитель сам отказался от власти. Впоследствии, выйдя из заключения, Патриарх Тихон писал в своем послании к Церкви (от 2/15 июля 1923): "Торжественно и во всеуслышание с сего священного амвона свидетельствуем, что <...> перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами Нашей Церкви законных полномочий" (цит. по книге: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 342). – 1

⁵Живая Церковь. 1922. № 1-12. – 1

⁶"Революционный" характер многих статей журнала "Живая Церковь" подчеркивался уже их названием, например: "Церковная революция, ее враги и друзья" (Трегубов Ив., № 3), "Церковный переворот в Петрограде" (Красницкий В., № 4-5), "Революция духа" (Семенов К. В.) и т. п.; однако некоторые статьи посвящены нападкам на "тихоновскую" церковь с "канонической" стороны: доказывалось, например, неканоничность архиерейского "самодержавия", монашества епископов и др. – 1

⁷26 мая (ст. стиля) собрание московских благочинных 28 голосами при двух воздержавшихся приняло резолюцию (опубликована в "Живой Церкви" № 3), в которой признало законность обновленческого ВЦУ. – 1

⁸Не вполне ясно, кого имеет здесь в виду Новоселов: в это время к митрополиту приезжал Красницкий (см.: Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Kuspacht, 1978. С. 118), но он не был протоиереем; с ним беседовал также П. Н. Красотин, но он был ярославским протоиереем. – 2

⁹Послание Агафангела к архипастырям и всем чадам Православной Русской церкви от 5/18 июня 1922 г. было напечатано в виде отдельных листовок (текст см.: Левитин, Шавров. Т. 1. С. 120-122). – 2

¹⁰"Ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целостность Церкви <...> Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким, если бы не им было сказано. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая" (Беседы на послание к Ефессянам, XI, 4 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. Т. 11, кн. 1. СПб., 1905. С. 102). – 2

¹¹Иуд. 1, 19. – 2

¹²Константинопольский Двукратный собор (или собор в церкви св. Апостолов) состоялся в 861 г. – 3

¹³Правила Православной церкви с толкованиями Никодима. Т. II, СПб., 1912. С. 307. – 3

¹⁴"Мудрому достаточно; глупому..." (лат.). – 3

¹⁵В частности, этой проблеме была посвящена деятельность Религиозно-философских Собраний в Петербурге (1901-1903 гг.), деятельность Предсоборного Присутствия в 1905 г. и Предсоборного Совещания (1912-1916 гг.). – 3

¹⁶Помимо Мережковского (и его близких – З. Н. Гippiус и Д. В. Filosofova) к богоискателям могут быть отнесены и многие другие участники столичных религиозно-философских обществ, например, Н. М. Минский (автор книги "Религия будущего", 1905), Н. А. Бердяев ("Новое религиозное сознание и общественность", 1907), В. В. Розанов, Вяч. Иванов и др. – 3

¹⁷"Церковь в параличе с Петра Великого"; "Церковь как бы в параличе, и это уж давно" (Достоевский Ф. М. Из Записной тетради 1880-1881 гг. Днев <ник> 1881 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 49, 65). – 4

¹⁸В печати нередко повторяются в последнее время известные слова Достоевского, что "русская Церковь в параличе". Нам думается, что это выражение слишком сильно и слишком мрачно. Сказать, что русская Церковь в параличе, значит отрицать в ней всякое движение в настоящем и почти всякую возможность исцеления в будущем. Отнюдь не соглашаясь с таким ужасным приговором, мы припомним лучше слова Соловьева, что русская Церковь только "задремала под сенью казенной опеки" и вопрос лишь в том: "как пробудить, чем всколыхнуть эту дремлющую силу" (Соколов В. Предстоящий Всероссийский Церковный Собор; его состав и задачи // Перед Церковным Собором. М., 1906. С. 54).

"Большую популярностью пользуется ныне литературное выражение Достоевского: "Церковь русская в параличе со времени Петра Великого". Популярности этого выражения много содействовали бывшие в Петербурге "религиозно-философские собрания", на которых оно с особенною любовью высказывалось доказывавшими неканоничность нынешнего строя высшего церковного управления, возглавляемого Св. Синодом. В последнее же время, когда злобою дней был вопрос о коренной реформе церковного управления, слова Достоевского о параличе русской Церкви со времени Петра Великого выставлялись сторонниками реформы как одно из главных оснований необходимости ее. Фраза Достоевского фигурирует даже в составленной по поручению С. Ю. Витте записке, которая представляема была вниманию Государя Императора" (Пресображенский И. В. Есть ли исторический смысл в словах Достоевского, что "Церковь русская в параличе со времени Петра Великого"? // Миссионерское Обозрение. 1905. № 9 (июнь). С. 1381).

Следует отметить, что в 1905-1906 годах, в период максимального накала борьбы за церковные реформы, Новоселов и сам был близок к такого рода словоупотреблениям: в предисловии к изданной им брошюре "О возрождении Русской Церкви" (Вышний Волочек, 1905) он писал если не о "параличе", то о "двухсотлетнем Вавилонском пленении" Русской Церкви. – 4

¹⁹"Есть путь, иже мнится человеком прав быти, последняя же его приходит во дно ада" (Притч. 14, 12). – 5

²⁰Живая Церковь. 1922. № 8-9. С. 13-15. В этой статье проводится мысль о том, что социализм и христианство – не враждебны, но допол-

нительны друг к другу, соотносясь между собой, как внешнее и внутреннее: социализм реализует Царство Божие на земле внешним устроением общества, а христианство – изменением "внутреннего" человека. Но так – в идее; реальное же христианство косно и реакционно, вследствие чего и реальный социализм немножко "перебарщивает", борясь не с конкретными представителями церкви, но с религией как таковой ("социализм, находящийся в стадии борьбы <...> не имел возможности детально <и свободно> разобраться в том, что в церкви идейное и что наносное <...> когда же социализм поостынет <...> он найдет с церковью точный соприкосновения"). – 5

²¹"Церковный большевизм" – выражение, распространенное в церковных кругах в 1917-18 гг. (см., например: Болдырев Д. Большевизм в церкви (церковные впечатления) // Русская Мысль. 1917. № 11-12. С. 40-50, 2-я pag.). На Поместном Соборе 1917-18 гг. в марте 1918 г. была даже создана специальная комиссия "О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни (большевизма в церкви)". К церковному большевизму были отнесены следующие действия клириков и мирян: 1) избрание на местах духовно-революционных епархиальных советов, не признающих законной церковной власти; 2) образование (отдельно от пастырей) союзов диаконов и псаломщиков; 3) использование враждебного Церкви гражданского начальства (комиссары, суд) мирянами против клириков и низшими клириками против высших, и т. п. (см.: ГАРФ, ф. Р-3431, е. хр. 573-574). – 5

²²Речь идет о церковных наградах, выражающихся главным образом в праве ношения различных богослужебных одеяний; таковыми наградами в порядке постепенности являются: набедренник, скуфья, камиллавка, крест наперсный, сан протоиерея (игумена, архимандрита), палица, митра. – 6

²³Ин. 11, 25 и др. – 6

²⁴2 Пет. 1, 4. – 7

²⁵Мф. 6, 33; Лк. 12, 31. – 7

²⁶Послдование в неделю православия. СПб., 1899. С. 25. – 8

²⁷Втор. 27, 15. – 8

²⁸Одновременно с передачей высшего церковного управления митрополиту Агафангелу Патриарх Тихон передал управление московской епархией епископу Клинскому Иннокентию (поскольку прежний управляющий архиепископ Никандр (Феноменов) был в это время арестован), а до его прибытия – находившемуся тогда в Москве епископу Вернинскому Леониду (Скобееву). Однако и епископ Иннокентий был арестован и не смог прибыть на свою кафедру; епископ же Леонид в своей деятельности вышел далеко за пределы предоставленных ему Патриархом полномочий (например, уволил на покой митрополита Петроградского Вениамина) и фактически возглавил (вместе с епископом Антонином Грановским) обновленческий раскол. – 8

²⁹"Всякий, престаупающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его" (2 Ин. 1, 9-11). – 8

Письмо II.

¹"Христианство не есть что-нибудь маловажное; оно – великая тайна" (Беседа 27, 4 // Макарий Великий. Духовные беседы о совершенстве. Сергиев Посад, 1904. С. 209). – 9

²Архим. Иларион. Христианства нет без Церкви. Сергиев Посад, 1915, 67 с. – 10

³Еф. 1, 23; 1 Кор. 12, 27 и др. – 10

⁴Пс. 132, 2. – 10

⁵Скиния свидения или свидетельства – место, где Господь свидетельствовал о Себе людям: переносной шатер или палатка, устроенная Моисеем по повелению Божию для богослужений; вокруг нее собиралась ветхозаветная церковь. – 10

⁶Святого отца нашего Германа, патриарха Константинопольского, последовательное изложение церковных служб и обрядов, и таинственное умозрение о значении их // Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 1. СПб., 1855. С. 357-358. – 11

⁷Церковь одна // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 2. М., 1880. С. 3. – 11

⁸См. прим. II, 3. – 11

⁹Точнее, Никео-Цареградский символ веры, поскольку в редакции символа, принятой на I Вселенском соборе в Никее (325 г.), еще не было четырех последних членов (о Церкви, крещении, воскресении и будущей жизни); они были добавлены к символу веры на II Вселенском соборе в Константинополе (381 г.). – 11

¹⁰Мф. 7, 21. – 12

¹¹Хомяков. Цит. соч. С. 12. – 12

¹²2 Кор. 11, 2. – 12

¹³Пир десяти дев или О девстве. Речь III. Фалия, гл. 8 // Святой Мефодий, епископ и мученик, отец церкви III-го века. Полн. собр. его творений. 2-е изд. СПб., 1905. С. 52. – 12

¹⁴В узком смысле так называют в монастырях недавно постригшихся монахов. – 12

¹⁵Св. Мефодий. Цит. соч. С. 52. – 12

¹⁶Гребник в двух частях. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1979. С. 83. – 13

¹⁷"Призри на рабы твоя оглашенные... и сподоби я во время благополучное бани пакибытия, оставления грехов и одежди нетления, соедини их святей Твоей, соборней и апостольстей церкви и сопричти их избранному Твоему стаду" // Служебник. М., Издание Московской Патриархии, 1977. С. 119. – 13

¹⁸Часть возгласа, произносимого диаконом перед началом причащения мирян; Новоселов использует здесь более древнюю форму этого возгласа, донные применяемую греческой церковью. В русской церкви практикуется выражение "со страхом Божиим и верою приступите" (см. подробное обсуждение этого вопроса в книге архим. Киприана "Евхаристия". Париж, 1947. С. 321). – 13

¹⁹Николай Кавасила. Изъяснение Божественной литургии, гл. 38 // Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 3. СПб., 1857. С. 384-385. — 14

²⁰7-я утренняя молитва: песнь полунощная ко св. Богородице // Православный Молитвослов и Псалтирь. М., Издание Московской Патриархии, 1988. С. 8. — 14

Письмо III.

¹Факты общей исповеди, т. е. одновременного совершения таинства покаяния над несколькими исповедующимися (обычно мотивируемого затруднительностью единоличной исповеди при большом стечении кающихся), в качестве отклонения от законного порядка издавна были известны в Русской Православной церкви, которая неизменно высказывала свое отрицательное отношение к ним. Особенно широкое распространение практика общей исповеди получила после революции 1917 г.; сохраняется она и в настоящее время. — 15

²Зная, как крестил Иоанн, не стыдись исповедать грех свой, чтобы, подвергшись стыду здесь, избежать оного там; потому что и стыд есть часть тамошнего наказания. Докажи, что действительно возненавидел ты грех, пред всеми открыв и выставив его на позор" (Слово 40, на Святое Крещение // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844. С. 299). — 15

³Подразумевается широко распространившаяся после 1917 г. практика награждать митрофорных протоиереев правом совершать литургию, подобно архиереям, с открытыми царскими вратами — до "Херувимской" или даже до "Отче наш". — 16

⁴Мф. 11, 12 — "употребляющие усилие" (церк.-слав.). — 16

⁵Мф. 20, 16 — "Много званых, а мало избранных". — 16

⁶Парафраз 4-го припева 8-й песни пасхального канона: "Ангел вопиаше благодатней: чистая дево, радуйся, и паки реку, радуйся... (Триодь цветная. М., 1975. Л. 6 об.). — 17

⁷Еф. 4, 3. — 17

⁸Еще до обновленческого раскола еп. Антонин (Грановский), будучий глава обновленческого ВЦУ, совершал в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице богослужения с введением различных новшеств. Служба шла на русском языке в переводе самого еп. Антонина. "К служению он выходил из алтаря уже в архиерейских ризах, отменив длинную церемонию облачения архиерея, что давало повод некоторым называть архиерейскую службу не Богослужением, а архиерееслужением" (Марцинковский В. Ф. Записки верующего. Прага, 1929. С. 307-308). Евангелие Антонин читал спиной к алтарю. Другими новшествами были: "произнесение вслух евхаристического канона <...> общенародное пение, чтение Апостола и Часов людьми из народа, которым это поручалось Владыкой, — так что каждый верующий должен был, идя в храм, быть готов участвовать в богослужении" (Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Kusnacht, 1978. С. 154). Но наиболее непереносимым нововведением Антонина "была так называемая евхаристическая реформа — преподавание мирянам евхаристии прямо в

руки. И хотя этот способ преподавания евхаристии соответствовал древним обычаям, но аргумент, который приводил в его пользу Антонин (гигиенические соображения), оскорблял религиозное чувство, для которого нет и тени сомнения в том, что Христос может своей силой исцелить любого болящего и тем более предохранить любого приходящего к Нему от заразы. Крупной ошибкой Антонина было и уничтожение (в 1924 году) алтаря — престол был выдвинут на солею (по другим источникам — в центр храма. — Е. П.). Эта реформа тоже не могла быть принята религиозным сознанием, которое привыкло окружать особым благоговением то место, в котором совершается величайшее из таинств" — впрочем, "Антонин практиковал эти формы лишь на протяжении краткого времени, а затем от них отказался, восстановив обычный порядок причащения" (Там же. С. 155). — 17

⁹В качестве примера можно указать на "свободную православную общину" петербургского протоиерея И. Егорова, после смерти которого в декабре 1921 г. "община избрала на его место бывшего своего диакона в его заместители посредством общего возложения рук, соборно с незримо присутствующим почившим пастырем" (Марцинковский В. Ф. Записки... С. 273). — 17

¹⁰В этом послании от 4/17 ноября 1921 г., в частности, говорилось:

"...Совершая богослужение по чину, который ведет начало от лет древних и соблюдается по всей Православной Церкви, мы имеем единение с Церковью всех времен и живем жизнью всей Церкви... При таком отношении пребудет неизменным великое и спасительное единение основ и преданий церковных...

...Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно-действенного церковного богослужения, как оно создано веками Апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраниться в Св. Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее Ее достояние..." (цит. по книге: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России; переписка и позднейшие документы о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994. С. 181).

В утверждении Новоселова, что патриаршее послание "не возымело силы", содержится некоторое преувеличение; это можно проиллюстрировать признанием идеолога "прогрессивного" духовенства А. Введенского, сделанным им в 1923 году — апогее обновленчества в Русской Церкви: "Под влиянием Петра Полянского Тихон подписывает декрет, запрещающий какие бы то ни было новшества в Церкви под угрозой самых крайних мер церковного взыскания. Декрет рассылается по всей России и особый отклик находит в Петрограде. Здесь почти поголовно всем духовенством этот декрет приветствуется как кладущий наконец предел неуголному реакционерам явлению. Однако этот же декрет, являющийся апогеем тихоновского консерватизма, явился и переломным моментом в истории тихоновщины. Он оказался психологически неприемлем для многих. В Москве протестует в лицо самому Тихону священник Иоанн Боровой. В Петрограде к митрополиту Вениамину с протестом против

действий Тихона и его отправляется депутация из архимандрита Николая Ярушевича, протоиереев Боярского, Сыренского, Белкова, Кремлевского и меня. <...> В Вениамине сочувствия мы не встретили. Более того, он отнесся к нам враждебно, не поняв нас. Но в разговоре, когда мы выяснили ему весь ужас, который несет за собой декрет Тихона, все же получили его благословение служить и работать по-прежнему, невзирая на волю Тихона. Это был своего рода революционный шаг со стороны Вениамина. По другим епархиям декрет Тихона принимается к сведению и исполнению. Некоторых охватывает отчаяние – сознание бесплодности пастырского делания, лишённого творчества и инициативы, как того требовали дух и буква тихоновского циркуляра. Прот. Боярский хочет уйти от активной работы, другие решаются не подчиняться ни за что, утверждая, что этот декрет затрагивает их религиозную совесть. А, в общем, все это единицы. Мрачные оо. протоиереи и черносотенцы-епископы торжествуют. Тягостно даже вспоминать этот период" (Введенский А. Церковь и государство. М., 1923. С. 241-242). – 18

¹¹"От сих всех отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаешься, по таинству христианскому" // Требник в двух частях. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1979. С. 82. – 18

¹²Речь идет об обновленческом расколе. – 18

¹³Всесторонняя критика общей исповеди дана священником о. Валентином Свенцицким в его работе "Шесть чтений о таинстве покаяния в его истории" (Надежда. Вып. 2. Франкфурт-на-Майне, 1979. С. 105-178). – 19

¹⁴О. Иоанн Сергиев (Кронштадтский) был канонизирован на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 7-8 июня 1990 г. – 19

¹⁵"Согласие отцов" (лат.). – 19

¹⁶"Что позволительно Юпитеру, то не пристало быку" (лат.). – 19

¹⁷Св. Симеон, архиепископ Фессалоникийский. Ответы на вопросы, предложенные блаж. Симеону от архиерея // Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 3. СПб., 1857. С. 148-149. – 21

¹⁸Тезисы докладов о современной покаянной дисциплине профессора Петроградской духовной академии протоиерея о. Налимова (тезис 23) // Путь. Париж, 1929. № 18. С. 86-87. Следует отметить, что о. Налимов, призывавший своих духовных чад к как можно более частому причащению, вводил в широкую практику причащение без исповеди, заменяя ее еженедельной духовной беседой (см. статью: Сове Б. Евхаристия в древней Церкви и современная практика // Живое Предание (Православие и современность). Труды Православного Богословского Института в Париже. Париж, 1937. С. 193). – 22

¹⁹Последование о исповедании // Требник в двух частях. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1979. С. 71-90. – 23

Письмо IV.

¹Текст данного циркуляра, распространявшегося "секретно" (см. ниже с. 30), в настоящее время неизвестен; однако в мемуарной литературе, относящейся к данному периоду времени, имеются подтверждаю-

щие его свидетельства. Так, в воспоминаниях В. Ф. Марцинковского описывается литургия в московской таганской тюрьме, которую совершали несколько епископов во главе с митр. Кириллом Казанским (Смирновым); один из заключенных священников (игумен Иона) лишь прислуживал во время литургии, но не участвовал в причащении, поскольку "при совершении таинства вместо вина (с разрешения Патриарха Тихона) употреблялся клюквенный сок"; в качестве оправдания игумена Иона говорил: "Вот богослужебная книга <...> Прочитайте статью "о веществе таинства" <...> Видите, должно быть обязательно вино. И, может быть, по грехам нашим Бог отнял его у нас. Разрешение Патриарха Тихона для меня, как православного священника, недостаточное основание <...> Это соборное постановление Церкви, и только она в целом может его изменить" (Марцинковский В. Ф. Записки... С. 217-218). Отметим также свидетельство В. Никифорова-Волгина: "...Голод. С превеликим трудом доставали горсточку муки для просфор. Литургийный хлеб стал теперь ржаным – почернело тело Христово..." (Дорожный посох. М., 1991. С. 86). – 25

²Ин. 15, 1 (церк.-слав.). – 26

³В настоящее время в Русской Православной Церкви, как правило, совершается литургия Иоанна Златоуста, являющаяся сокращением и переработкой литургии Василия Великого; последняя также совершается, но реже (10 раз в году). В свою очередь св. Василий создал свою литургию путем систематизации и пересмотра многих существовавших ранее редакций, из которых наиболее древней является литургия ап. Иакова (брата Господня по плоти); в настоящее время эта литургия также совершается в некоторых православных храмах (как правило, в день памяти ап. Иакова – 23 октября по ст. стилю). Наконец, в некоторые дни четырехдесятницы совершается также литургия Григория Двоеслова (литургия преждеосвященных даров). – 27

⁴Служебник. М., 1977. С. 393. – 27

⁵Книга правил святых Апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1901. С. 205. – 27

⁶Там же. С. 94-95. – 27

⁷Мф. 26, 29. – 27

⁸Служебник. М., 1977. С. 393. – 28

⁹Собрание древних литургий, восточных и западных. Вып. 1. СПб., 1874. С. 176. – 28

¹⁰Св. Симеон, архиепископ Фессалоникийский. Разговор о св. священнодействиях и таинствах церковных // Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 2. СПб., 1857. С. 119-121 (у Новоселова приведен другой перевод). – 28

¹¹Скрижаль. М., 1656. С. 181-182. – 28

¹²Православное исповедание католической и апостольской Церкви Восточной. Ч. 1. О Вере. Вопросы 106-107. М., 1831. С. 86-87. – 28

¹³Указанная выше книга была снабжена следующим предисловием: "Я смиренный, со Священным собором Архиереев и Киром, прочитав присланную к нам от единоверной нам Мало-Российской Церкви книгу, под заглавием: Исповедание Православной Веры Кафолической и Апостольской Церкви Христовой <...> нашли, что она во всем согласуется с

догматами Христовой Церкви и священными канонами, и нет в ней ничего противного Церкви. Впрочем другую часть оной, представленную на Латинском языке, мы не читали: посему утверждаем ту только, которая писана на нашем языке <...> В лето Спасения 1645, месяца марта, 11 дня" (послание подписано патриархом Константинопольским Парфением и другими патриархами и епископами восточных церквей) // Там же. С. VI-VIII. — 28

¹⁴На соборе 1667 г. присутствовали Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. — 28

¹⁵В этом месте письма священника Гавриила Кузнецова, по-видимому, какая-то ошибка: в книге "Скрижаль" не только нет приведенной цитаты, но и указанной им главы (в 26-й главе с близким названием "Седмь таинств, сиречь дарований имать епископ" речь идет совсем о других предметах). — 29

¹⁶Минея. Июнь. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1986. С. 285. 3-я стихира на хвалитех: "Вина недостатки Божией церкви, молитвами твоими, отче, сосуд исполнил еси и на многа времена довлести той даровал еси. Темже и нас, почитающих память твою, вином Божия любви напои всех, да прославляем пречестное усупение твое" (Там же. С. 283). — 29

¹⁷О четвертой тайне тела и крове Христовы // Великий Катехизис. Глава 77. 3-е изд. 1890. Л. 383 об. — 29

¹⁸До этого в "Катехизисе" шла речь о том, что таинство Евхаристии, говоря современным языком, имеет три аспекта ("три суть особия": первый — что в нем мы имеем истинное Тело и Кровь, а не только их образ; второй — что это одно Тело, а не два (из хлеба и от Богоматери); третий аспект рассматривается в приводимом отрывке. — 29

¹⁹Там же. Л. 387-388. — 29

²⁰В качестве цитируемого источника Новоселов указывает: Катехизис. Попов (в некоторых списках: Псков. — Е.П.), 1885. Л. 32об. Мы не нашли указанного издания, в котором, по-видимому, был сделан новый перевод с латыни; в книге С. Т. Голубева "Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники" (том 2, Киев, 1897) приведен первоначальный славянский текст "Малого Катехизиса" (1649 г.). — 30

²¹Служебник. М., 1977. С. 511-512. — 30

²²"Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующий и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным. Предходят же Сему лица ангельстии со всяким началом и властью, многоочитии Херувими и шестокрылатии Серафими, лица закрывающе и воинище песнь: аллилуия, аллилуия, аллилуия" (Триодь постная. Ч. 2. М., Издание Московской Патриархии, 1992. Л. 502). Этот тропарь поется на литургии в Великую Субботу вместо Херувимской песни. — 31

²³Скрижаль. М., 1656. С. 26-27. — 31

²⁴Евр. 7, 12. — 31

²⁵Служебник. М., 1977. С. 510-511. — 32

²⁶Еф. 5, 16. — 33

²⁷Молитва 7-я св. Иоанна Златоуста на сон грядущим // Православный молитвослов и Псалтирь. М., 1988. С. 18. — 33

²⁸Св. Симеон, архиепископ Фессалоникийский. Об исповеди // Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 2. СПб., 1857. С. 119-121. — 33

²⁹Последование о исповедании // Требник в двух частях. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1979. С. 69-70. — 33

Письмо V.

¹Речь идет о книге: "Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова". Вып. 1. Сергиев Посад, Издание "Религиозно-философской Библиотеки", 1915; в 1916 г. в том же издательстве вышел и 2-й выпуск писем Хилкова. — 34

²Сам автор настоящего письма, М. А. Новоселов. — 34

³За храбрость и умелые воинские действия Хилков получил много отличий; в 25 лет он был произведен в чин подполковника. — 34

⁴Сначала Д. А. Хилков был социал-демократом. Находясь в Женеве, он сблизился с группой легальных марксистов и способствовал возобновлению в 1902 г. за границей их журнала "Жизнь" после его запрещения в России. Затем он примкнул к социал-революционерам. В 1905 г. Д. А. Хилков издавал "Народные листки" — революционные противоправительственные брошюры (в частности, брошюры "О свободе и о том, как она добывается", "Революция и сектанты" и др.). Однако революционером Дмитрий Александрович оставался недолго и уже к концу 1905 г. отошел от эсеровского ЦК, увидев, что там "дела делаются весьма нечистыми руками". — 34

⁵Хронологически этот период жизни Хилкова не следует за периодом его революционных увлечений, а предшествует ему; сначала он покровительствовал крестьянам-штундистам своего собственного села, а затем, будучи сосланным на Кавказ и познакомившись там с духоворами, искренне увлекся их учением и особенно строгостью жизни (в частности, твердым отказом от воинской службы, несовместимой с их религиозными убеждениями); Дмитрий Александрович принял самое горячее участие в судьбе духоворов и был в 1898-99 гг. одним из главных деятелей по их переселению за границу: по поручению Л.Н. Толстого он подготавливал этот переезд, ведя соответствующие переговоры сначала на Кипре, а затем с властями Канады. — 34

⁶Село Павловка Сумского уезда Харьковской губернии. — 34

⁷Вступив добровольцем (в возрасте 56-ти лет) в свой родной Кубанский 3-й Хоперский полк, князь был убит в конце октября 1914 г. в утреннем бою во время разведки при наступлении на Галицию. — 34

⁸Читатели писем князя Д. А. Хилкова, напечатанных нами в прошлом году, не могли не обратить внимания на то, что орфография автора писем отличается некоторым своеобразием: так, напр., мы нередко встречаем у него довольно необычное употребление заглавных букв, кавычек, а также замену точкой других знаков препинания и проч. Тем не менее мы предпочитаем, с этой оговоркой, оставить неприкосновенной орфографию автора, за исключением тех случаев, где сохранение ее слишком резало бы глаза, а иногда могло бы вызывать недоумения и отнюдь не несмысленно. М. Н." (Письма князя Дмитрия Александровича)

ча Хилкова. Вып 2. Сергиев Посад, 1916. С. 3. — 35

⁹Гностицизм — религиозно-философское течение I-III вв., утверждающее возможность доступного немногим всеобъемлющего знания (гносиса), в котором человек преодолевает имеющую место разобщенность между тварью и Творцом и достигает спасения. — 36

¹⁰У Хилкова: "...вера во Христа не только как в силу (подобную электричеству, разуму и т. п.), а вера во Христа, как в Личность". — 37

¹¹Гал. 2, 20. — 37

¹²Лк. 10, 24 и др. — 37

¹³Хлыстовство (также христоверие) — возникшая в XVII в. мистическая секта, моления (радения) членов которой сопровождаются самобичеванием. По учению хлыстовства Бог Отец, Бог Сын и Богоматерь могут вселяться в каждого верующего; подобные "саваофы", "христы" и "богородицы" стоят во главе хлыстовских общин ("кораблей"). — 38

¹⁴Ин. 11, 25. — 38

¹⁵У Хилкова: "...тунеядцев-монахов, инквизиция, Соловки и т. п." ⁴⁰

¹⁶Толстой в следующих выражениях описывал наблюдавшуюся им иступленную и долгую молитву развратной деревенской бабы: "Как-то под вечер иду я за почтой мимо их дома. Вижу, сквозь щель ставни огонек. Поглядел в окошко, вижу — эта самая баба стоит перед иконой и молится. Я заинтересовался, постоял минуту, пять минут, а она все шепчет слова молитвы. Я пошел дальше, прошел всю деревню, зашел на станцию и на обратном пути опять заглянул в окно. Вижу — она все молится. Вот это и есть молитва, самая настоящая. Пусть там "матушка царица небесная" и "батюшка Микола угодник", — это не важно, а вот то, что делалось в душе этой бабы, дай Бог всякому. Так закончил Л. Н. свой рассказ, и голос его задрожал" (Молочников В.А. Свет и тени. Воспоминания о моем приближении к Толстому // Толстой и о Толстом. Новые материалы. Сб. 3. М., 1927. С. 87). — 40

¹⁷Мф. 11, 19. — 40

¹⁸Ин. 15, 26. — 41

¹⁹Ин. 16, 13. — 41

²⁰"...Зная, что скоро должен оставить хramину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне" (2 Пет. 1, 14).

"Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" (1 Ин. 3, 2). — 42

²¹Флп. 1, 21. — 42

²²Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. 4-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 345-467. — 42

²³"Ибо невозможно — однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся участниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему. Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произрастающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение" (Евр. 6, 4-8). — 42

²⁴Лк. 5, 27. — 43

²⁵Так в начале XX в. называли "евангельских христиан" — членов евангелической церкви, возникшей в начале XIX в. в Германии путем объединения некоторых протестантских течений и групп с целью возрождения церковной организации первых времен протестантства (так называемая "протестантская уния" в 1817 г. — в трехсотлетнюю годовщину реформации). В России ее последователи известны с конца XIX в. как редстокисты (по имени лорда Г. Редстока, проповедовавшего в кругах петербургской аристократии) и как пашковцы (по имени богача и филантропа полковника В. А. Пашкова). В 1944 г. евангельские христиане объединились с баптистами в церковь евангельских христиан-баптистов. — 43

²⁶В отличие от баптистов, евангельские христиане считали, что спасутся не только избранные, но и все уверовавшие в Евангелие. — 44

²⁷Лк. 18, 13 (молитва мытаря). — 44

²⁸"Вся Церковь есть Церковь кающихся, как не трудно видеть имеющему разум; вся она есть Церковь погибающих, как постигают сие глубокий ум мудрых" (О покаянии 1-76 // Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 4. 4-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 142). — 44

²⁹У Хилкова: "...семью и Личность". — 44

³⁰Гал. 2, 20. — 45

³¹"Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную" (Ин. 6, 54). — 46

³²Ср.: "Бог идеже хочет, побеждается естества чин" (Канон великий. Творение святого Андрея Критского. 2-е изд. М., 1915. С. 27). — 46

³³Противопоставление веры ученого и веры простеца (в пользу последней) популярно в западной христианской традиции. Так, незадолго до смерти французский химик и микробиолог Луи Пастер писал о своей вере: "Я много изучал, поэтому я верую так же искренно, как бретонский крестьянин; если бы я сделался еще учнее, то моя вера сделала бы так же глубока и пламенна, как вера бретонской бабы" (цит. по журн. "Вера и Разум", 1901, № 9. С. 370). В православной традиции указанное противопоставление выражено слабее (что, возможно, связано с запаздыванием развития естествознания в странах православного Востока), а его методологическая ценность иногда вообще ставится под сомнение: "С давних времен Франция восхищается так называемую "верою угольщика" (la foi du charbonnier). Но почему же, спрашивается, именно угольщика, а не ученого, или не мудреца, не апостола? Потому, что, по понятиям Латинян, вера полная, несомневающаяся, есть исключительная принадлежность невежды <...> В этом одном слове "вера угольщика" заключается полная исповедь неверия" (Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа. 1855 // Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 2. М., 1900. С. 103; нельзя не видеть некоторой запальчивости в приведенном суждении). Отметим также, что персонификация простеца в виде "угольщика" имеет любопытную историческую параллель: известно, что свящennemученик Александр Команский (III в.) был до своего призвания к епископскому служению (св. Григор

рием Чудотворцем) простым угольщиком, впрочем, не по недостатку образования (он прежде был философом), а ради подвига смирения. — 46

³⁴ Гал. 2, 20. — 47

³⁵ Мф. 10, 39. — 47

³⁶ Лк. 15, 11-32. — 47

³⁷ При публикации этого письма З. Крахмальниковой (Надежда. Вып. 10. Франкфурт-на-Майне, 1984) данный абзац (и следующий за ним), как и ряд мест на с. 50-53, был исключен — по-видимому, чтобы не навлечь на Хилкова подозрений в антисемитизме; однако в письмах Хилкова можно найти и такие высказывания: "Глупая травля евреев "Русским знаменем" до войны не всех коробила. Ныне же и Пуришкевич сию возмущается" ("Письма". Вып. 1. С. 121). Новоселов комментирует это место следующим образом: "Князь Д. А. Х-в не может быть причислен ни к юдофобам, ни к юдофилам. Осуждая здесь "глупую" (курсив автора) травлю евреев, он в других письмах, имеющих войти в состав след. выпуска, указывает вполне определенно на некоторые отрицательные черты нравственного облика евреев" (Там же). — 48

³⁸ Ин. 21, 15-17. — 48

³⁹ Мф. 2, 1-12 (поклонение волхвов); Лк. 2, 8-20 (поклонение пастухов). — 48

⁴⁰ Деян. 5, 34-40. — 49

⁴¹ Ин. 10, 31. — 50

⁴² Ин. 6, 15. — 50

⁴³ Мф. 16, 1. — 50

⁴⁴ Лк. 19, 39. — 50

⁴⁵ Мф. 10, 34-35; Лк. 12, 51. — 51

⁴⁶ Мф. 12, 39-40. — 51

⁴⁷ Мф. 24, 24. — 51

⁴⁸ См. прим. V, 37 и V, 13. Гуманизм — возникшая в эпоху Возрождения система взглядов, возмечивавшая натурального, языческого человека, который считался добрым по своей природе, искажаемой лишь неблагоприятными внешними условиями; улучшение последних, восстанавливая естественное состояние человечества, приведет его, по этим воззрениям, к полному счастью; отсюда вера в бесконечный прогресс, всемогущество науки и тому подобное. Основным пороком гуманистического мировоззрения является его отрицание учения о первородном грехе, что в конечном счете ведет к подмене Богочеловека человекобогом, свободы — своеволием и так далее. — 51

⁴⁹ Мф. 24, 24; Мк. 13, 22. — 52

⁵⁰ Представление о том, что учитель является, когда готов ученик, характерно для восточных религиозно-философских учений; например: "Есть таинственный закон природы, в силу которого, когда поле готово, семя должно быть посеяно и, действительно, сеется, и когда душа серьезно желает стать религиозною, учитель религии должен явиться и, действительно, является, чтобы помочь этой душе" (Свами Вивекананда. Бхакти-йога. СПб., 1914. С. 30-31). — 53

⁵¹ Пс. 117, 8. — 53

⁵² Ин. 10, 8. — 53

Письмо VI.

¹ Обновленческий собор проходил с 29 апреля по 9 мая 1923 г. — 54

² Не вполне ясно, программу какой именно обновленческой группы (см. прим. I, 1) имеет в виду Новоселов; несколько таких программ приводятся в книге А. Левитина, В. Шаврова "Очерки по истории русской церковной смуты" (Т. 2. Kusnacht, 1978. С. 27-30, 34-38, 41-45). — 54

³ "К вящей славе новой церкви" (лат.); формула "к вящей славе (Божией)" — девиз иезуитов, которым они прикрывали многие преступления, направленные к укреплению власти папы; этот же девиз занимает одно из центральных мест в кальвинизме (см.: М. Вебер. Протестантская этика и дух капитализма). — 54

⁴ В п. 10 "Положения" о созыве собора говорится: "При выборах на Собор монашествующие священнослужители пользуются правами, равными с белым духовенством, а монахи, не имеющие священного сана, наравне с мирянами" (Поместный Собор. Симбирск, 1923. С. 4). — 55

⁵ Рукополагаемым в Епископа, или в степени причта, рукополагающие предварительно да влагают во уши постановления Соборов, дабы не поступали вопреки определениям Собора и не раскаявались" (Правило 25-е Карфагенского Собора // Книга правил. М., 1901. С. 198). — 56

⁶ Также же, аще кто речет, яко та же благодать Божия, яже о Иисусе Христе Господе нашем, вспомошествоует нам, к тому токмо, чтобы не согрешати, поелику сию открывається и является нам познание грехов, да знаем, чего должно искати, и от чего уклонятися, но что ею не подается нам любовь и сила к деланию того, что мы познали должным творити: таковый да будет анафема. Ибо когда Апостол глаголет: разум кичит, а любы созидает (1 Кор. 8, 1): то весьма нечестиво было бы верити, яко к кичению нашему имеем благодать Божию, а к созиданию не имеем: тогда как и то и другое есть дар Божий, и знание, что подобает творити, и любовь к добру, которое подобает творити, дабы при созидющей любви не мог кичити разум. Ибо как от Бога написано: учай человека разуму (Пс. 93, 10): также же написано и сие: любы от Бога есть (1 Ин. 4, 7)" (Правило 126-е Карфагенского Собора // Там же. С. 239). — 56

⁷ Требник в двух частях. Ч. 1. М., 1915. Л. 650б-72. — 56

⁸ Повелеваем, да из вступивших в клир безбрачными, желающие вступают в брак одни токмо чтецы и певцы" (Правило 26-е Святых Апостол // Книга правил. М., 1901. С. 21).

"...Кто по крещении двумя браками обязан был, или наложницу имел: тот не может быти Епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ниже вообще в списке священнаго чина..." (Правило 3-е VI Вселенского Собора // Там же. С. 80).

"Понеже речено в апостольских правилах, яко из производимых в клир безбрачных, токмо чтецы и певцы могут вступати в брак: то и мы, соблюдая сие, определяем: да отныне ни иподиакон, ни диакон, ни пресвитер не имеет позволения, по совершении над ними рукоположения, вступати в брачное сожителство: аще же дерзнет сие учинити да будет извержен. Но аще кто из поступающих в клир восхочет сочетатися с женою, по закону брака: таковый да творит сие прежде рукоположения во иподиакона, или в диакона, или во пресвитера" (Правило 6-е Шестого

⁹Там же. С. 113. — 57

¹⁰Ин. 10, 11. — 57

¹¹Мф. 15, 14. — 57

¹²Ин. 10, 12. — 57

¹³См. след. прим. (Правило 38-е VI Вселенского Собора). — 59

¹⁴"Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его разсуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух" (Правило 34-е Святых Апостол // Там же. С. 23).

"Во всем последуя определениям Святых отец, и признавая читанное ныне правило ста пятидесяти Боголюбезнейших Епископов, бывших в Соборе во дни благочестивыя памяти Феодосия, в царствующем граде Константинополе, новом Риме, тожде самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшия Церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят Боголюбезнейшие Епископы, предоставили равныя преимущества Святейшему престолу Новаго Рима, праведно разсудив, да град получивший честь быти градом Царя и Синклита, и имеющий равныя преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем. Посему токмо Митрополиты областей, Понтийския, Асийския и Фракийския, и такожде Епископы у иноплемеников вышеереченных областей, да поставляются от вышеереченнаго святейшаго престола святейшия Константинопольския Церкви: сиречь, каждый Митрополит вышеупомянутых областей, с Епископами области, должны поставляти епархиальных Епископов, как предписано Божественными правилами. А самые Митрополиты вышеупомянутых областей должны поставляемы быти, как речено, Константинопольским Архиепископом, по учинении согласнаго, по обычаю, избрания, и по представлении ему онаго" (Правило 28-е IV Вселенского Собора // Там же. С. 68-69).

"Константинопольский Епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что град оный есть новый Рим" (Правило 3-е II Вселенского Собора // Там же. С. 47).

"По каждой епархии, в селах или предградиях сущие приходы, должны неизменно пребывать под властью заведывающих оными Епископов: и наипаче, аще, в продолжении тридцати лет, безспорно имели оные в своем ведении и управлении. Аще же не далее тридцати лет был, или будет о них какой спор: то да будет позволено почитающим себя обиженными, начати о том дело пред областным Собором. Аще же кто будет обижен от своего Митрополита: да судится пред Экзархом великия области, или пред Константинопольским престолом, якоже речено выше. Но аще Царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку" (Правило 17-е IV Вселенского Собора // Там

же. С. 65).

"Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: аще Царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел" (Правило 38-е VI Вселенского Собора // Там же. С. 98). — 59

¹⁵Например: "приличным признано просити их <гражданскую власть; в данном конкретном тексте: "начальствующих в Африке". — Е.П. > о вспомоществовании общей матери Кафолической Церкви в том случае, когда власть Епископов бывает пренебрегаема во градах" (Правило 78-е Карфагенского Собора); гражданской власти предаются для обуздания: епископы, непокорные собору (Правило 59-е Карфагенского Собора), пресвитеры и диаконы, непокорные епископу (Правило 5-е Антиохийского Собора), миряне, непокорные церковным епитимиям (Правило 9-е Двукратного Собора); епископ не должен продавать местным властям или кому иному землю, принадлежащую церкви (Правило 12-е VII Вселенского Собора); и т. п. — 59

¹⁶"Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как людям, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, рабы, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицемерия" (Еф. 6, 5-9; см. также Кол. 3, 22-25; 4, 1). — 59

¹⁷"С необходимыми изменениями" (лат.). — 59

¹⁸Буквально: "городу и миру" (лат.); ко всеобщему сведению. — 59

¹⁹В сентябре 1922 г. на сессии украинских православных епископов было объявлено об автокефалии украинской церкви. Но Патриарх Тихон своим письмом № 146 от 24 марта 1924 г. не признал этой автокефалии, т. к. она была принята не Всеукраинским Собором, а лишь совещанием епископов. Тогда в мае 1925 г. был собран II Всеукраинский собор православной церкви, который вновь утвердил автокефалию УАПЦ (ликвидирована в 1930). Параллельно с УАПЦ на Украине возникла и другая, церковно-обновленческая иерархия, просуществовавшая до 1934 г. — 60

²⁰Правило 1-е из Правил св. Василия Великого, содержащихся в его 1-м каноническом послании // Книга правил. М., 1901. С. 314. — 60

²¹А. И. Новиков, никому не известный мирянин из Ярославля, был назначен управляющим делами обновленческого ВЦУ по настоянию В. Красниченко (вместо свящ. Евг. Белкова) в августе 1922 г.; однако после возникновения "раскола в расколе" — выступления еп. Антонина Грановского против группы "Живая Церковь" и лично В. Д. Красниченко — его "выдвиженец" неожиданно стал поддерживать Антонина и объявил о создании им "левого крыла" Живой Церкви; результатом было возникновение "персонального дела" Новикова и торжественное исключение его из группы "Живая Церковь" и из ее ЦК с формулировкой "за разложение состава группы, за злоупотребление доверием" и т. п. (см.: Жи-

вая Церковь. № 11. С. 20). — 60

²²Во всех бывших в нашем распоряжении списках "Писем" в этом месте пропуск: по-видимому, здесь стояло какое-то слово на иностранном языке. — 61

²³Исправление богослужебных книг Никоном и введения синодального управления Петром. — 61

²⁴В частности, весной 1923 г. находились в заключении, помимо Патриарха Тихона, два его местоблюстителя, избранных им по поручению Собора в 1918 г.: митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский); оба были непреклонными борцами с обновленчеством. — 61

²⁵Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. 2-е изд. Казань, 1900. С. 14-15. — 62

²⁶Надеждам Новоселова не суждено было оправдаться: восточные патриархи предали Патриарха Тихона, объявив его виновником церковной разрухи, признав обновленческий Синод единственно законным возглавлением Русской Церкви, а сам институт русского патриаршества — несвоевременным. Причина этих действий была чисто политической: "угрожаемое положение Вселенского Престола, подвергнутого жесточайшим репрессиям со стороны правительства Кемаля Ататюрка, вынуждало Константинопольских патриархов и тесно с ними связанных глав других Восточных Церквей, попытаться идти проторенным путем, добиваясь политической поддержки от русского правительства. Обновленцы обещали такую поддержку выхлопотать" (Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977. С. 92). — 62

²⁷Упомянутое лицо установить не удалось. — 62

²⁸О. Александр Лебедев был священником русской церкви в Праге, а затем настоятелем Казанского собора в С.-Петербурге; его перу принадлежат ряд работ о природе Церкви, в том числе: "О главенстве папы или разности православных и католиков в учении о церкви" (СПб., 1887), "Разности церквей восточной и западной в учении о пресв. Деве Марии" (СПб., 1881), "О признаках истинной церкви (по поводу книги Вл. Соловьева: "La Russie et l'église universelle")" (СПб., 1890). — 63

²⁹Лебедев А. Святитель Тихон Задонский и всея России чудотворец. СПб., 1865. С. 44-45; приведенное распоряжение св. Тихона относится ко 2 октября 1763 г. — 63

³⁰Богородичен на Господи воззвах, суббота, глас 2-й // Октоих. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1971. С. 198. — 64

³¹Поводом к спорам 1912-1913 гг. в русских монастырях на Афоне об Имени Божиим послужила книга схимонаха Илариона "На горах Кавказа" (1-е изд. 1908, 3-е изд. 1912), в которой о. Иларион, бывший свыше двадцати лет афонским насельником, а затем подвизавшегося на Кавказе, описывая свой духовный опыт ("умное делание") и объясняя спасительное действие молитвы Иисусовой, говорил о том, что Божественно само Имя Иисусово, что оно — Сам Иисус, ибо имя неотделимо от именуемого. По своему отношению к книге афонские монахи (а затем и широкая церковная общественность) разделились на две партии: одобрявших пафос почитания Имени Божия у о. Илариона (они называли себя "имяславцами") и отрицавших божественное достоинство имени (их

имяславцы называли "имяборцами"). Последователи Илариона афонские монахи-имяславцы были объявлены еретиками ("имябожниками") и насильственно удалены из Афона. М. А. Новоселов был горячим сторонником и защитником имяславия и издал в своей Библиотеке книгу иеромонаха Антония (Булатовича) "Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус" (М., 1913). — 64

Письмо VII.

¹В 1919-20 гг. проводилась массовая кампания осквернения мощей (63 "вскрытия"), в том числе таких великих святых русского народа, как Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Савва Звенигородский и др.; остатки святых уничтожались или передавались в музеи (см.: Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Т. 1. М., 1993. С. 126-128). — 65

²Используя разразившийся в стране во второй половине 1921 г. голод, вызванный не столько засухой, сколько бесчеловечной политикой продразверстки в деревне, большевики решили нанести смертельный удар по церкви, издав в феврале 1922 г. декрет об изъятии на нужды голодающих всех церковных ценностей, независимо от их освященности и богослужебного назначения. Результатом были массовые кровавые столкновения с верующими, вставшими на защиту церкви от посягательств святотатцев. — 65

³Достаточно привести их названия: "Безбожник", "Безбожник у станка", "Антирелигиозник", "Атеист" и др. — 65

⁴Как теперь известно, тезис об отделении церкви от государства был лишь прикрытием негласного курса на искоренение религии как таковой, взятого Лениным и другими большевистскими вождями. — 65

⁵Древний кафедральный собор Нотр-Дам в г. Реймсе (Франция, департамент Марна) был сильно разрушен 7 сентября 1914 г. германской артиллерией; многочисленные газетные статьи были посвящены обличению немецких варваров, поднявших руку на уникальный памятник истории (в Реймсе крестился первый король Франции Хлодвиг и в память этого события в соборе столетиями короновались французские короли), архитектуры (готика XII-XIV вв.) и христианского искусства (в нем находились богослужебные книги Франциска Ассизского, распятие работы Людовика Святого, многочисленные скульптуры и др.). После войны Реймский собор был восстановлен. — 66

⁶В "Орлеанской деве" Шиллера паперть Реймского собора является местом действия в сцене проклятия Жанны Д'Арк ее отцом. — 67

⁷Долой (фр.). — 67

⁸К разрушению Реймского собора // Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Петроград, 1915. С. 170-177. — 68

⁹Рим. 11, 5. — 69

¹⁰Парафраз последней строки стихотворения А. С. Пушкина "Возрождение":

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней. — 72

¹¹ Гал. 6, 7. – 73

¹² Имеется в виду захват большевиками московского Кремля после его семидневного артиллерийского обстрела, повлекшего за собой повреждение святынь. Расследование этого преступления, произведенное по постановлению Поместного собора Русской Православной Церкви 1917-18 гг., резюмировано в книге епископа Нестора Камчатского "Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.)" (М., 1917, 24 с.). – 73

¹³ Аналогом этих "надзирателей" были "комиссары". – 74

¹⁴ 1 Тим. 2, 2. – 75

¹⁵ Следует отметить, что по отношению к богоборной большевистской власти среди православных христиан широкое распространение имел и другой взгляд, нашедший себе теоретическое выражение в книге И. А. Ильина "О сопротивлении злу силой" (Берлин, 1925), а практическое – в Белом движении. – 76

Письмо VIII.

¹ Установить источник цитаты не удалось. – 79

² Св. Антоний Великий. М., 1906. С. 121-122. – 80

³ Изречения Антония Великого, 41 // Отчепок. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). 4-е изд. СПб., 1903. С. 21. – 80

⁴ Там же. – 81

⁵ Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. 4-е изд. СПб., 1905. С. 496. – 81

⁶ Соколов Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 2-я, Приложения. Киев, 1915. С. 117. – 82

⁷ Там же. С. 118. – 82

⁸ Душеполезное чтение. 1912. С. 242-243 (из воспоминаний Елены Ивановны Мотовиловой). – 82

⁹ В архиве семьи Флоренских хранится письмо М. А. Новоселова к некоему члену Миссионерского Совета NN (в настоящее время готовится к публикации), в котором причины церковных нестроений того времени связываются им с "глубочайшим отступлением от православного мудрования", выразившемся в так называемом "имяборчестве" (см. прим. VI, 31). Предположительно этим NN и является А. Г. Куляшев, пермский миссионер, участник Собора 1917-1918 гг., на котором он был избран членом Высшего Церковного Совета. – 82

¹⁰ Соколов Л. А. Цит. соч. Ч. 1 (417 с.), ч. 2 (407 с.), приложения (290 с.); в приложениях опубликовано 303 письма епископа Игнатия. – 83

¹¹ Братом святителя Игнатия был Петр Александрович Брянчанинов (1809-1891), ставропольский губернатор. – 83

¹² Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 242 (письмо 236). – 83

¹³ Там же. С. 254 (письмо 257). – 83

¹⁴ Там же. С. 174 (письмо 129). – 84

¹⁵ Там же. С. 255 (письмо 259). – 84

¹⁶ Там же. С. 257 (письмо 261). – 84

¹⁷ Письма митр. Филарета сп. Иннокентия (Сельно-Кринову) печатались в журнале "Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе" (ч. 24, 1871. С. 394-512; ч. 25, 1872. С. 1-70, 167-212, 427-458, 537-580; ч. 37, 1886. С. 307-374; всего опубликовано 281 письмо). – 84

¹⁸ Т. е. теряет силу; ср.: "Вы есте соль земли: аще же соль обуюет, чем осолится" (Мф. 5, 13). – 84

¹⁹ Ср.: "камни святилища раскиданы по всем перекресткам" (Плач. 4, 1). – 84

²⁰ Письмо 55, январь 1828 // Прибавления к изданию творений святых отцов. Ч. 24. С. 483. – 84

²¹ 1 Пет. 4, 17. – 84

²² Письмо 137, 13 марта 1829 // Прибавления... Ч. 25. С. 210. – 84

²³ Ср.: "Сниде диавол к вам, имея ярость великую, ведый, яко время мало имать" (Откр. 12, 12). – 84

²⁴ Письмо 232, 8 марта 1830 // Прибавления... Ч. 37. С. 335. – 84

²⁵ Письмо 73, 28 февраля 1828 // Прибавления... Ч. 25. С. 14. – 84

²⁶ Еп. Феофан. О православии. 2-е изд. 1902. С. 84. – 85

²⁷ Перечислены города Нового и Ветхого Заветов. – 85

²⁸ Спиритизм – вера в возможность непосредственных обнаружений душ умерших людей в мире физическом через специальных посредников – медиумов; спиритами св. Феофан называет также верящих в переселение душ и множественность рождений. – 85

²⁹ Резкость выражений св. Феофана объясняется характерной для XIX в. претензией со стороны секуляризованной науки (а точнее – ее восторженных популяризаторов) "опровергнуть" Откровение; в действительности в силу единства истины вера и знание в глубине своей не могут противоречить друг другу: демонстрация этого единства составляет предмет христианской апологетики; новейшие научные достижения в XX в. (в том числе и в геологии) доставили новые подтверждения удивительной согласованности между Божественным и "естественным" откровением. – 85

³⁰ Еп. Феофан. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. 4-е изд. М., 1904. С. 187-188. – 85

³¹ Там же. С. 425-426. – 85

³² Там же. С. 427-428. – 86

³³ Письмо св. Амвросия к графу А. П. Толстому (бывшему в 1856-62 гг. обер-прокурором Синода). Писано в конце 1866 г. // Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. 2, приложения. М., 1900. С. VII. – 86

³⁴ Там же. С. XI; данная цитата взята из другого письма св. Амвросия тому же лицу (графу А. П. Толстому), писанного пятью годами позже (в 1871 г.) и содержащего объяснение другого сношения. – 86

³⁵ Соловьев Вл. С. По поводу последних событий // Собр. соч. 2-е изд. Т. 10. СПб., 6-е изд. С. 225-226. – 87

³⁶ Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. 2-е изд. СПб., 1903. С. 170-173. – 89

³⁷ 2 Пет. 3, 10. – 89

³⁸ В сочинениях св. Иоанна Кронштадтского нам не удалось найти

приведенные Новоселовым цитаты; возможно, они представляют собой фрагмент записей устных высказываний великого пастыря. — 89

³⁹Т. е. 24 ноября по старому стилю. — 90

Письмо IX.

¹Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 108 (письмо 35). — 91

²Там же. С. 192 (письмо 160). — 91

³Там же. С. 158 (письмо 109). — 91

⁴Там же. С. 219 (письмо 198). Речь идет о заметке В. И. Аскоченского "Быль не быль, однакожь и не сказка" (Домашняя Беседа, 1863, № 45, раздел "Блестки и Изгарь"), которая живописует обряд венчания в одной из петербургских церквей пары "нигилистов"; на с. 373 об одном из свидетелей церемонии говорится: "Да вы видели господина-то с станиславом на шее? У него есть сынишка лет шести-семи. Однажды, как-то, лаская его, он сказал при мне: "рости, Костя, рости. Ты будешь большим в то время, когда не станет ни попов, ни этих глупых браков!" С женою-то своею, видите ли, он давно уже живет врозь, уж не знаю, право, он ли ее прогнал, или она сама сбежала от него, только они давно уже не видятся. Но детьми поделились; она взяла себе двух дочерей, а ему оставила сынишку". — 91

⁵Никола-Бабаевский монастырь Костромской епархии был расположен в 38 верстах от Костромы на правом берегу Волги. Основан в XIV в., название получил от того, что первые его постройки были поставлены на бабайках — небольших тумбах, употребляемых при сплаве леса. По преданию, центральный храм монастыря был освящен св. Сергием Радонежским. — 92

⁶Там же. С. 244 (письмо 240). — 92

⁷"...Во многих охладает любовь" (Мф. 24, 12).

⁸"...Тот день <день Христов> не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха" (2 Фес. 2, 3).

⁹"...В последние времена отступят некоторые от веры" (1 Тим. 4, 1). — 92

¹⁰Там же. С. 246 (письмо 242). — 92

¹¹Там же. С. 118 (письмо 50). — 92

¹²Там же. С. 246 (письмо 242). — 92

¹³"Оскудевает истинное благочестие, и изобилует лицемерие; оскудевают христиане, и умножаются лицемеры" (Письма посланные. Письмо 13-е // Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 5. М., 1875. С. 291). — 92

¹⁴Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 222 (письмо 203). — 92

¹⁵Там же. С. 151 (письмо 96). — 92

¹⁶Быт. 19, 17. — 92

¹⁷Там же. С. 236 (письмо 226). — 92

¹⁸Деизм (от лат. Deus — Бог) — религиозно-философское воззрение, согласно которому Бог после сотворения мира не вмешивается более в его жизнь, в силу чего развитие мира имеет естественный и закономерный характер; таким образом, деизм отвергает представление о постоянной связи человека и Бога. — 92

¹⁹Там же. С. 237 (письмо 228). — 92

²⁰Там же. С. 111 (письмо 37). — 92

²¹Там же. С. 235 (письмо 224). — 93

²²Там же. С. 257 (письмо 261). — 93

²³Там же с. 245 (письмо 240). — 93

²⁴См. прим. VIII, 18. — 93

²⁵Утверждения в такой общей форме у св. Афанасия нет; однако он неоднократно называет "антихристовым предуготовлением" действия арианствующего императора Констанция, вмешивающегося в церковные дела (Послание Афанасия к монахам повсюду пребывающим о том, что сделано арианами при Констанции // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. 2. 2-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 160, 163, 166-172). — 93

²⁶Там же. С. 249 (письмо 247). — 93

²⁷Там же. С. 217 (письмо 193). — 93

²⁸Там же. С. 250 (письмо 249). — 94

²⁹Там же. С. 170 (письмо 125). — 94

³⁰1 Кор. 7, 29. — 94

³¹Там же. С. 114 (письмо 42). — 94

³²Там же. С. 138 (письмо 76). — 94

³³Там же. С. 174 (письмо 129). — 94

³⁴Там же. С. 228 (письмо 207). — 94

³⁵Там же. С. 254 (письмо 257). — 95

³⁶Лицо не установлено. — 95

³⁷Там же. С. 242 (письмо 236). — 95

³⁸См. прим. IX, 11. — 95

³⁹Там же. С. 105 (письмо 32). — 95

⁴⁰Там же. С. 176 (письмо 134). — 95

⁴¹Быт. 18, 32; Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 220 (письмо 200). — 95

⁴²Там же. С. 247-248 (письмо 245). — 95

⁴³Там же. С. 220 (письмо 200). — 95

⁴⁴Черноморская Екатеринолебяжская Николаевская пустынь была расположена в 100 верстах от Екатеринодара при впадении реки Бейсуг в Азовское море; была основана в начале XVIII в. иждивением казаков Черноморского казачьего войска. — 96

⁴⁵Там же. С. 169 (письмо 124). — 96

⁴⁶Письма Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского, Антонию Бочкову, игумену Черемнецкому. М., 1875. С. 22-23. — 96

⁴⁷Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 222 (письмо 202). — 96

⁴⁸Там же. С. 229 (письмо 209). — 96

⁴⁹Там же. С. 222 (письмо 203). — 97

⁵⁰"...Те, кому есть воля Божия придти к нам, должны содержать предания Святых Отец и хранить заповеди Божии, не прельщая себя ложным извинением, будто бы ныне не можно уже жить по Писанию и последовать Святым Отцам. Нет; хотя мы и немощны, и хотя не возможно нам сравняться с ними, однакоже, сколько у нас есть силы, должно нам уподобляться и подражать приснопамятным и блаженным От-

цам" (4-е правило // Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и устав его о жительстве скитском. 2-е изд. Кириллов, 1891. С. 3). — 97

⁴⁹Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 223 (письмо 204). — 97

⁵⁰В 1847 г. св. Игнатий стал проситься на покой, но получил только временный отпуск и провел 10 месяцев в Николо-Бабаевском монастыре. — 97

⁵¹Игнатий Брянчанинов. Письма Антонию Бочкову. С. 25-26. — 97

⁵²Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 166 (письмо 120). — 97

⁵³Там же. С. 251 (письмо 252). — 98

⁵⁴Притч. 27, 1. — 98

⁵⁵Там же. С. 192 (письмо 161). — 98

⁵⁶Там же. С. 214 (письмо 188). — 98

⁵⁷Там же. С. 215 (письмо 189). — 98

⁵⁸Статья "Разговор между мирянином и монахом о монашестве" была опубликована в журнале "Домашняя Беседа" в 1863 г. (№№ 9-12, 15-19, 22, 23). — 98

⁵⁹См. выше с. 80 и прим. VIII, 2. — 98

⁶⁰Соколов Л. А. Цит. соч. Т. 2, приложения. С. 216 (письмо 192). — 98

⁶¹Там же. С. 245 (письмо 240). — 98

⁶²Там же. С. 241 (письмо 235). — 99

⁶³Там же. С. 269 (письмо 282). — 99

⁶⁴Там же. С. 261 (письмо 266). — 99

⁶⁵Там же. С. 254 (письмо 256). — 99

⁶⁶Там же. С. 114 (письмо 42). — 99

⁶⁷Там же. С. 210 (письмо 182). — 99

⁶⁸Лицо не установлено. — 99

⁶⁹Там же. С. 241 (письмо 235). — 99

⁷⁰Ср.: "еще будет число сынов израилевых яко песок морской, останок спасется" (Рим. 9, 27). — 99

⁷¹Там же. С. 247 (письмо 245). — 99

⁷²Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). 4-е изд. СПб., 1903. С. 549. — 100

⁷³"...Откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею" (2 Фес. 2, 3-4). — 100

⁷⁴Там же. С. 260 (письмо 264). — 100

⁷⁵Мф. 26, 41. — 100

⁷⁶Там же. С. 110 (письмо 37). — 100

⁷⁷Мф. 18, 7. — 100

⁷⁸Там же. С. 222 (письмо 202). — 100

⁷⁹Анания, Мисаил и Азария, брошенные в печь за отказ поклониться золотому истукану Навуходоносора (Дан. 3). — 100

⁸⁰Там же. С. 226 (письмо 206). — 100

⁸¹Там же. С. 255 (письмо 259). — 101

⁸²См. прим. VIII, 6. — 102

⁸³Отечник. Цит. изд. С. 283-284. — 104

Письмо X.

¹Ср.: одно и то же слово греческого оригинала переведено как "зло" (в данном месте) и как "лукавый", т. е. диавол (в молитве Господней). — 106

²Ин. 8, 44. — 107

³"Душею и телом да освящуся, Владыко, да просвещуся, да спасуся, да буду дом Твой причащением священных Таин, живущаго Тя имея в себе со Отцем и Духом, Благодетелю Многомилостиве" (Православный Молитвослов и Псалтирь. М., Издание Московской Патриархии, 1988. С. 76). — 108

⁴"...Святынь Твоих часть приемля, соединюся святому Телу Твоему и Крови, и имею Тебе во мне живуца и пребывающа, со Отцем, и Святым Твоим Духом. Ей, Господи <...> даждь ми, даже до конечного моего издыхания, неосужденно воспримати часть святынь Твоих, в Духа Святаго общении, в напутие живота вечнаго и во благоприятен ответ на страшнем судищи Твоем..." (Там же. С. 78). — 108

⁵Парафраз прошения из многолетия, например: "Священнослужителям, церковно-приходскому совету, прихожанам святого храма сего и всем православным христианам подаждь, Господи, *благоденственное и мирное житие*, здравие же и спасение, и во всем благое поспешение, и сохрани их на многая лета" (Из службы на Новый Год // Последование молебных пений. М., 1913. Л. 12). — 109

⁶Откр. 2, 13. — 109

⁷Ин. 12, 10. — 110

⁸1 Пет. 4, 12-14. — 112

⁹Выражение из литургийных ("Сия есть Самая Честная Кровь Твоя") и других церковных молитв. — 113

¹⁰Ср.: "Мое царство не от мира сего есть" (Ин. 18, 36). — 113

¹¹2 Кор. 5, 17. — 113

¹²Триодь цветная. М., 1975. Л. — 114

¹³"Яко начатки естества насадителю твари, вселенная приносит ти Господи, Богоносная мученики: тех молитвами, в мире глубоце, церковь твою, жительство твое, Богородицею соблюди многомилостиве" (Иерейский молитвослов. М., 1913. Л. 100). — 114

¹⁴"Иже во всем мире мученик твоих, яко багряницею и виссом, кровьми церковь твоя украсившися, теми вопиет ти, Христе Боже: людем Твоим щедроты Твоя низпосли: мир жительство Твоему даруй, и душам нашим велию милость" (Там же. Л. 99 об.). — 114

¹⁵Мф. 13, 31. — 114

¹⁶1 Пет. 4, 12. — 114

¹⁷Указ о веротерпимости, изданный в 313 г. в Милане имп. Константином Великим. — 114

¹⁸Выражение, имеющее источником Откр. 3, 15 — обращение к Ангелу Лаодикийской церкви ("ты ни холоден, ни горяч"; "горяч" по-славянски — "тепл"). — 115

¹⁹Выражение св. Димитрия Ростовского, обличавшего нерадивость современного ему духовенства такими словами: "что ты приведе в чин священный? то ли, дабы спасти себе и инех? Никакоже, но чтоб прекор-

мать жену и дети и домашняя <...> Разсмотри себе всяк, о освященный человеце! <...> Поискал Иисуса не для Иисуса, но для хлеба куса" (Проповедь в неделю св. жен-мироносиц // Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 2. 4-е изд. М., 1827. С. 193). – 115

²⁰Как цветы полевые (церк.-слав.); ср.: "Процвела есть пустыня, яко крин" (ирмос воскресного канона 2-го гласа, песнь 3-я // Октоих. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1981. С. 214). – 115

²¹Происхождение этой формулы не установлено: возможно, в ее основе – мотив подражания Иисусу Христу, молившемуся в Гетсимании до кровавого пота (Лк. 22, 44); ср. также: "многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие" (Деян. 14, 22), "без пролития крови не бывает прощения" (Евр. 9, 22) и др. Отцы-аскеты рассматривали монашеское делание и особенно подвиг послушания как "мысленное исповедничество" (Иоанн Лествичник. Слово 4, гл. 5). "Мы <...> подъемлем мученичество иным образом: вместо отсечения членов отсекаем волю свою; вместо излияния крови извергаем греховные помыслы и пожелания; вместо тиранических мук терпим нападения бесов и неприязни со стороны мира" (Феодор Студит. Подвижнические монахам наставления, гл. 145). Формула "даждь кровь и приими дух", т. е. "потрудишься до пролития крови и получишь духовное дарование", является своего рода девизом старчества; см. книгу прот. Александра Соловьева "Старчество по учению св. отцов и аскетов" (Семипалатинск, 1900), где она помещена на титульном листе в качестве эпиграфа. – 116

²²Силою креста, проникающего даже пустыни и везде блистающей благодатию его обуздана злость демонов" (Собеседования Египетских подвижников. Собесед. 7-е, гл. 23 (Об ограничении власти демонов) // Писания преп. отца Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд. М., 1892. С. 296). – 116

²³Иные <бесы> стараются внушить людям не только ложь, но и богохульство. Мы были свидетелями этого дела, слышали, что демон явно сознавался, что он чрез Ария и Евномия произвел нечестие святотатственного учения. Также и в 3 кн. Царств читаем, что один из этих духов говорил: я выйду и сделаю духом лживым в устах всех пророков его (Израиля) (3 Цар. 22, 22. 2 Пар. 18, 21). Апостол, обличая оболыщающихся ими, так говорит о них: внимая духам оболыстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников (1 Тим. 4, 1-2)" (Собеседования Египетских подвижников. Собесед. 7-е, гл. 32 (О разности занятий и воли нечистых духов) // Там же. С. 303-304).

"... дьявол <стараясь отдалить людей от Бога> воюет с ними пятью кознями: еллинством, иудейством, ересями, противоправославным образом жизни и (неразумными) подвигами добрых деланий. Еллинством прельщает людей, любящих так называемую внешнюю мудрость; иудейством прельщает евреев <...>; ересями прельщает суетных боготцев, удаляя их от православия" (Слово 44-е // Симеон Новый Богослов. Слова подвижнические. Вып. 1. М., 1892. С. 356-357). – 116

²⁴1 Тим. 2, 2 (церк.-слав.). – 117

²⁵Мф. 28, 15. – 117

²⁶Имея в виду содержание приводимых ниже цитат, а также примечание Новоселова на с. 118, речь может идти о проф. Киевской Духовной

Академии Н. И. Щеголеве, статья которого "Судьбы Церкви Божией на земле" подробно рассматривается в Письме XX. Однако сами эти цитаты в указанной статье не обнаружены (к тому же Щеголев писал эту статью во второй половине, а не в начале XIX в., как указывает Новоселов в прим. на с. 117), поэтому вопрос об их авторе должен считаться открытым. – 117

²⁷Откр. 12, 1. – 117

²⁸Парафраз Мф. 5, 15. – 117

²⁹Источник цитаты не установлен, см. прим. X, 26. – 117

³⁰Быт. 3, 15. – 118

³¹Источник цитаты не установлен, см. прим. X, 26. – 118

³²См. прим. X, 26. – 118

³³Источник цитаты не установлен. – 120

³⁴В этом псалме Давид призывает праведного не гневаться при виде благоденствия нечестивых и особенно подчеркивает непрочность их положения и неизбежность их падения: "будущность нечестивых погибнет", праведные же "наследуют землю". – 122

³⁵Речь идет о еврействе, сыгравшем большую роль в революции и гонениях на Церковь. – 122

³⁶В данном случае – Иоанна Богослова; именами Воанергес, то есть "сыны громовы", нарек братьев апостолов Иакова и Иоанна, сыновей Зеведевых, сам Иисус Христос (Мк. 3, 17). "Значение имени, данного Иоанну, полнее всего раскрывается из Апокалипсиса, где он является слышателем и вестником небесных громов" (Прот. Сергей Булгаков. Святые Петр и Иоанн. Два Первоапостола. Paris, YMCA-PRESS, 1926. С. 47). – 123

³⁷"Сонмище сатанино" – Откр. 2, 9; 3, 9. – 123

³⁸Рим. 11, 33. – 124

³⁹Слово 2-е (О думающих оправдаться делами), § 65 // Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911. С. 34. – 124

⁴⁰Пс. 104, 7. – 124

⁴¹Там же, § 66. С. 34. – 124

⁴²Исаак Сирин, глубокомысленнейшее из всех философских писаний" (Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1911. С. 119). – 124

⁴³Слова подвижнические, 56 // Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоловского града Ниневии. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893. С. 282. – 124

⁴⁴Там же. С. 222. – 125

⁴⁵Мф. 16, 18. – 125

⁴⁶"И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет" (Ин. 12, 32-33).

"Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше" (2 Кор. 1, 5).

"...Мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться" (Рим. 8, 16-17).

"Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь" (Кол. 1, 24).

"...Если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас" (2 Тим. 2, 12). — 125

⁴⁷ Дк. 18, 8. — 125

⁴⁸ Канон утрени, песнь 5, тропарь 2 // Минея. Январь. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1983. С. 241. — 126

⁴⁹ Имени Илария Пиктавийского нет в православных церковных календарях, однако его святость засвидетельствована не только западной церковью, но и отзывом V Вселенского собора. — 126

⁵⁰ 1 Кор. 3, 7. — 127

Письмо XI.

¹ Отец Владимир Геттэ — французский католический священник, перешедший (в 1862 г.) в православие. Издавал православный журнал "L'union chrétienne", в котором в течение тридцати лет вел полемику с католическим богословием. Форму катехизиса имеет его книга: "Изложение учения православной католической церкви и разногласий с ним других христианских церквей" (Казань, 1869). Другие соч.: "История церкви во Франции", "История иезуитов", "Опровержение на выдуманную жизнь Иисуса Христа, соч. Э. Ренана" и др. — 128

² Колемин Ю. А. Авторитет в вопросах веры. Сергиев Посад, Издание "РФБ", 1915, 28 с. (брошюра представляет собой реферат, прочитанный 10 декабря 1914 г. в Петрограде на общем Собрании Всероссийского Братства святителя Иоасафа Белгородского чудотворца; опубликована также в журнале "Богословский вестник", 1915, № 5. С. 160-183). — 129

³ Церковь есть от Бога установленное общество человек, соединенных Православною верою, законом Божиим, священноначалием и Таинствами" (Пространный Христианский Катихизис православных католических восточных Церквей. М., 1915. С. 43). — 132

⁴ Последний Собор, признаваемый Православной Церковью в качестве Вселенского, был собран против иконоборцев в 787 г. в Никее (VII Вселенский Собор). — 133

⁵ Последний дореволюционный Поместный Собор Русской Церкви собирався в 1698 г.; при Петре I вместо "временных" Соборов был учрежден сначала постоянный "освященный Собор" при местоблюстителе, а в 1721 г. — Святейший правящий Синод, после чего созвание временных Соборов прекратилось. Борьба за созыв Собора русской Церкви насчитывает не одно десятилетие; отметим лишь некоторые ее вехи: записка святителя Игнатия (Брянчанинова) "О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви" (1862 г.); статья Вл. Соловьева "О духовной власти в России" (1881 г.), где в качестве основной задачи предстоящего Собора названо снятие клятв со старообрядцев и отмена утеснительных законов против иноверцев; петиция Синода Николаю II о созыве Собора (1905 г.); Предсоборное Присутствие (1906 г.) и, наконец, Предсоборное Совещание (1912 г.). — 133

⁶ II Вселенский Собор был созван в 381 г. в Константинополе для

повторного осуждения вновь усилившегося арианства, а также для решения ряда практических вопросов. — 134

⁷ Речь идет о лондонском протоиерее о. Евгении Константиновиче Смирнове — см.: Прибавления к Церковным ведомостям, 1911, № 26. С. 1153 (об о. Евгении см. также: Архим. Киприан (Керн). Дореволюционное русское духовенство за границей // Журнал Московской Патриархии. М., 1993. № 11. С. 71). — 135

⁸ Точное название сочинения Хомякова: "Опыт катехизического изложения учения о Церкви" (см., например: А. С. Хомяков, Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 2, М., 1880); общее название трех полемических статей (1853-1858 гг.): "Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях" (Там же). — 135

⁹ У Колемина: "православного интеллигента". — 136

¹⁰ Священником по чину Мелхиседека называет Христа апостол Павел (Евр. 6, 20; 7, 1-28). Мелхиседек (царь праведности) — таинственная личность, появляющаяся на страницах Священного Писания (Быт. 14, 18-20) без обычного упоминания родословной; хотя Мелхиседек не принадлежал к колену Левия, но его священство изображается в Писании превосходящим левитское (по чину Аарону) и прообразовательно (см. Пс. 109, 4) относится к Мессии-Христу. — 138

¹¹ 10-е огласительное слово к посвящаемым, 14 // Творения иже во святых отца нашего Кирилла Иерусалимского. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893. С. 120. — 138

¹² Речь идет о церковных нестроениях, вызванных обновленческим расколом. — 145

¹³ Послание от 18 мая 1913 г. // Церковные ведомости. 1913, 20. С. 277-286. — 145

¹⁴ Имяславие — термин, возникший в период афонских споров об Имени Божием — см. прим. VI, 31. — 145

¹⁵ Церковные ведомости. 1913, 20. С. 286. — 145

¹⁶ Обновленческий собор в мае 1923 г. постановил перейти на григорианский календарь. Святейший Патриарх Тихон, выйдя из заключения 27 июля того же года, из всех постановлений собора согласился только с решением об этом переходе. Считая реформу календаря допустимой с церковной точки зрения, полагая (на основании неточных газетных сообщений), что соглашение между всеми православными церквями о такой реформе достигнуто, и к тому же испытывая сильное давление со стороны государственной власти, направленной на введение гражданского календаря в церковный обиход, Патриарх Тихон издал послание о переходе к новому стилю со 2 октября 1923 г. Однако из-за повсеместных протестов верующих уже 8 ноября Святейший распорядился "временно отложить" введение нового стиля (подробности см.: Заявление Патриарха Тихона во ВЦИК // Вестник РХД. Париж, 1975. № 115. С. 78-87). — 146

¹⁷ Имеется в виду согласие некоторых церковных иерархов ради церковного мира и единства идти на переговоры и компромиссы с обновленцами. — 146

¹⁸ См.: Новоселов М. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Св. Синода. Вышний Волочек, 1902. — 146

¹⁹См., например: Бердяев Н. А. Самопознание. Париж, 1949. С. 202; иеросхимонах Алексий, затворник Зосимовой пустыни, участвовал в Соборе 1917 г.; как человеку большой праведности, ему было доверено решить выбор между двумя кандидатами на патриарший престол; на заседании Собора 5 ноября 1917 г. он вынул жребий, означавший избрание Патриархом Православной Российской Церкви Святителя Тихона. — 146

²⁰Мф. 18, 6. — 146

²¹Чис. 3, 8. — 146

Письмо XII.

¹Ср.: "...Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Мф. 16, 18). — 149

²Ин. 3, 8. — 149

³По преданию Моисей является автором первых пяти книг Библии ("Пятикнижие"); св. Лука — своего Евангелия, а также книги "Деяния святых апостолов" (и потому иногда именуется "деесписателем"); св. Павел — большей части апостольских посланий. — 149

⁴Взятые в скобки вопросительные знаки принадлежат Вл. Соловьеву, см. сноску на с. 151. — 149

⁵Соловьев В. С. Из вопросов культуры. I. Ю. Ф. Самарин в письме к баронессе Э. Ф. Раден // Собр. соч. 2-е изд. Т. 6. СПб., б.г. С. 405-408. — 151

⁶Там же. С. 408 (курсив М. Новоселова). — 151

⁷Полуарианский символ веры (выражение св. Епифания Кипрского, активного борца с арианством и другими ересями) был принят на Анкирском соборе 358 г.: в нем хотя и отвергалась никейская формула *единосущие*, но одновременно утверждалось, "что Сын подобен Отцу не только по энергии, но и по существу, и что Бог родил Сына не только по своему хотению, но и по своей сущности... Лишь от испуга перед савеллианством задерживались на "подобии по сущности": "имеет сущность свою не в тождестве с Отцом, а только в подобии" (Карташев А. В. Вселенские Соборы. Париж, 1963. С. 124-125). — 151

⁸См. прим. XIV, 11. — 151

⁹Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г-на Лоранси. 1853 // Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 2. М., 1880. С. 71-72. — 151

¹⁰В действительности, 6 января 1848 г. — дата окружного послания папы Пия IX, восшедшего на престол в 1847 г. Оно имеет надписание "К Восточным" и призывает православных "вернуться в истинную Церковь", т.е. в католичество. Ответом на него является цитируемое Новоселовым послание восточных патриархов; оно датируется 6 мая 1848 г. — 152

¹¹Окружное послание единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всем православным христианам, § 17 // Христианское чтение. 1849. Ч. II. С. 162. В указанном источнике используется выражение "хранитель благочестия", и приведенная цитата имеет следующее окончание: "народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменно", из чего следует, что и под словом "благочестие" разумеется "вера" (разъяснение Ю. Ф. Самарина — см.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 2. М.,

1900. С. 157). — 152

¹²Окружное послание, § 11 // Там же. С. 145-147. — 152

¹³Базельский собор (1431-1449) проводил политику ограничения папской власти, что привело к резкому конфликту собора с папой Евгением IV и отлучению последнего от церкви как еретика; однако в конечном счете Евгению удалось одержать верх над собором (в частности, благодаря успешному, как тогда казалось, завершению Флорентийского собора и принятию греко-римской унии) и подавить его попытку стать постоянно заседающим органом, своего рода церковным парламентом. — 153

¹⁴Главными вероучительными разногласиями между православными и латинянами были признаны: 1) проблема *Filioque* — учение об исхождении Святого Духа (от Отца через Сына у греков и от Отца и Сына у латинян); 2) учение о чистилище; 3) вопрос о первенстве папы; 4) практика совершения таинства Евхаристии — на квасном хлебе у православных и пресном (опресноки) у латинян; 5) вопрос о моменте пресуществления в Евхаристии (момент призывания на св. дары Св. Духа у православных и момент произнесения слов "примите, ядите" у латинян). — 153

¹⁵Источник цитаты не установлен. — 154

¹⁶История Флорентийского собора. М., 1847. С. 173. — 155

¹⁷Изъяснение церковного последования // Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 3. СПб., 1857. С. 251-252. — 155

¹⁸Т.е. четырехконечный крест, горизонтальная часть которого несколько смещена вверх относительно середины вертикального бруса креста (†) — так называемый *stich immissa vel caritata*. Именно эта форма креста преобладает на католическом Западе, тогда как Русская Церковь допускает также восьмиконечную (⳦) и шестиконечную (⳨) формы. Латинский крест также отличается от православного тем, что "на нем ноги Спасителя, положенные одна на другую, прибиты одним гвоздем, а не двумя, и что руки Спасителя не протянуты прямо, но Он висит на них, несколько или значительно опустившись книзу" (Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 2, 1-й полутом. М., 1900. С. 452); по латинскому обычаю такой крест несли на длинном древке. Вопрос о форме креста имеет важное значение для Русской Церкви вследствие ее многовековой полемики со старообрядцами, отвергающими как ересь крест четырехконечный ("латынский крест") и признающими единственно правильным "осьмиконечный" крест. О том, что и для католической церкви вопрос о форме креста небезразличен, свидетельствует история создания храма св. Петра в Ватикане: вначале собор представлял собой в плане сочетание квадрата с греческим равноконечным крестом, но позже по требованию духовенства архитектор Мадерна превратил греческий крест в латинский, удливив западную часть собора на три пролета. — 156

¹⁹История Флорентийского собора. М., 1847. С. 206. — 156

²⁰Греческие участники Флорентийского собора в большинстве своем, прибыв на родину, раскаялись в содеянном; дело унии поддерживал в основном император, да и то едва ли не скрытно, во избежание открытого народного бунта; так, сам акт о соединении был прочитан в первый раз в Константинополе (в храме св. Софии) лишь в 1452 г., за полгода до

взятия города мусульманами (кстати, тем же Исидором, изгнанным к тому времени из России и получившим от папы сан кардинала). — 156

²¹История Флорентийского собора. С. 207. — 156

²²В действительности быстрые и уверенные действия Исидора нас только смущали епископов, бояр и князя, что на них, хотя и предуведомленных о измене митрополита, "напал трехдневный столбняк молчания. Первым опомнился вел. кн. Василий Васильевич, объявил Исидора еретиком и — русская церковная душа как бы воскресла из трехдневного гроба" (Карташев А. В. Воссоздание Св. Руси. Париж, 1956. С. 34). — 156

²³История Флорентийского собора. С. 207. — 157

²⁴Там же. С. 204-208. — 157

²⁵Св. Григорий Палама защитил и богословски обосновал мистическую византийскую практику исихазма (от греч. *ισιχαζμα* — безмолвие), согласно которой аскет-исихаст путем "умного делания" стремится достигнуть состояния экстаза, в котором он непосредственно воспринимает несотворенный Фаворский свет, увиденный апостолами во время Преображения Христа (Мф. 17, 1-8). При этом св. Григорий развил учение о различении сущности Бога и Его "энергий" (см.: Кривошеин В. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // *Seminarium Kondakovianum*. VIII. Praha, 1936. S. 99-154). — 157

²⁶Григорий постная. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1974. Л. 188 об.-191 об. — 157

²⁷Игумен Модест. Святой Григорий Палама. Киев, 1860. С. 19-20. — 158

²⁸Там же. С. 20. — 158

²⁹Григорий постная. Ч. 1. Л. 185. — 159

³⁰Там же. Л. 185-194. — 159

³¹Выражение "память их в род и род", имеющее источником Пс. 134, 13, используется в последовании панихиды и как заупокойный причастен на литургии. — 159

³²Патриарх был освобожден 27 июня 1923 г. — 160

³³См. прим. XI, 16. — 160

³⁴Тверской епархией управлял в то время архиепископ Серафим (Александров). — 160

Письмо XIII.

¹Первой супругой Констанса была армянская принцесса Мария, внучка св. Филарета Милостивого. — 162

²Речь идет об Ироде Антипе (четвертовластнике). — 162

³Иоанн Предтеча обличал Ирода Антипу за незаконный брак с женой своего брата (Мф. 14, 3-4); пророк Илия обличал царя Ахава и его жену Иезавель во многих грехах (напр., 3 Цар. 21, 20-26). — 165

⁴Папой Римским в то время был св. Лев III (795-816). — 165

⁵Икономия (домостроительство) (греч.) — деятельность, направленная на конечное спасение человека путем созидания для него Дома Божия — Церкви; отдельные моменты этой деятельности, сами по себе не принадлежащие "жизни будущего века", тем не менее, могут быть оправданы как применительные к существующим обстоятельствам, к конкрет-

ным наличным условиям (главным образом — к греховной природе человека). — 165

⁶Творения преподобного Феодора Студита. Том 1. СПб., 1907. С. 77-80; непосредственно после приведенного отрывка автор "Жития" (монах Михаил) еще более подчеркивает и усиливает последнюю мысль: "Так и Павел применялся к обстоятельствам, обрезав Тимофея, однако это не вошло в закон; ибо он сам отвергал его, громко взывая: *аще обрезание проповедаю, почти гоним есмь?* (Гал. 5, 11)". — 166

⁷Там же. С. XXIV-XXV. — 167

⁸Там же. С. XXVI-XXVII. — 169

⁹1 Тим. 2, 2; это выражение входит также в состав сутубой скетнии. — 169

¹⁰Слишком быстрое возведение Никифора в патриаршее достоинство непосредственно из "мирского вещества" противоречило каноническим правилам, предписывающим "предварительно провести кандидата чрез все степени священства, исполняя в каждом чине узаконенное время" (Правило 80-е Святых Апостол; Правило 2-е I Вселенского Собора; Правило 10-е Сардикийского Собора; Правило 3-е Лаодикийского Собора). — Там же. С. XLVIII. — 170

¹¹Там же. С. L. — 171

¹²Там же. С. LI; вместо слов "прежним патриархом" в цитируемом источнике стоит "предшественником твоей святости", поскольку данная цитата — отрывок из письма св. Феодора патр. Никифору. — 171

¹³Там же. С. LIII. — 171

¹⁴Точнее, это можно сказать не о сыне императора Ставрикие, занимавшем царский престол лишь два месяца, а о его зяте Михаиле Рангаве, к которому затем перешла императорская власть. — 172

¹⁵Там же. С. LVI. — 172

¹⁶Донской монастырь — резиденция Патриарха Тихона после его выхода из заключения. — 173

¹⁷Обращение В. Д. Красницкого к Патриарху с просьбой принять его (и его группу "Живая Церковь") в молитвенно-каноническое общение было опубликовано в "Известиях" (1924, № 147). Там же были напечатаны резолюция Святителя о согласии "ради мира и блага церковного" принять в общение Красницкого и постановление Патриарха и Синода о создании нового Высшего Церковного Совета, куда был включен и Красницкий (по выражению Святейшего: "министром без портфеля"). В "Известиях" от 29 мая было опубликовано "Воззвание Патриарха Тихона" о подготовке Поместного Собора с участием бывших членов "Живой Церкви". — 173

¹⁸В переговорах Патриарха Тихона с Красницким участвовали также митрополиты Крутицкий Петр (Полянский), Тверской Серафим (Александров) и Уральский Тихон (Оболенский) (Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 2. Kusnacht, 1978. С. 264). — 173

¹⁹См. прим. XI, 16. — 174

²⁰Ин. 19, 38. — 174

²¹Решение Патриарха Тихона о принятии в общение Красницкого было обусловлено двумя причинами: а) желанием ускорить ликвидацию

раскола путем создания прецедента примирения с одним из наиболее радикальных обновленческих вождей; б) обещанием властей освободить томящихся в тюрьмах и ссылках архиереев и допустить деятельность Синода. Однако столкнувшись со всеобщим недовольством верующих и духовенства (большое значение имела, в частности, беседа Патриарха с митр. Казанским Кириллом (Смирновым), просившим Святейшего "не жалеть архиереев"), св. Тихон прекратил всякие переговоры с Красницким и уже в конце июня 1924 г. аннулировал майское соглашение с ним. — 174

Письмо XIV.

¹Биография преп. Максима, отражающая современный уровень исторических знаний о нем, приведена во вступительной статье А. И. Сидорова к новейшему изданию творений святого (Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. М.: Мартис, 1993. С. 35-58). — 176

²Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Дмитрия Ростовского. Книга пятая (январь). Ч. 2. М., 1904. С. 201-237. — 176

³Латеранский собор из 150 епископов (большой частью западных) состоялся в 649 г. в Риме. — 178

⁴Экфесис — изложение, типос — образец (веры). — 178

⁵Апокрисиарий — заведующий внешними делами монастыря (отношениями с государственной властью, имущественными тяжбами и др.). — 178

⁶Творения Максима Исповедника. Ч. 1. Сергиев Посад, 1916. С. I-VI. — 179

⁷Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Дмитрия Ростовского. Книга пятая (январь). Ч. 2. М., 1904. С. 212. — 180

⁸Там же. С. 213. — 181

⁹"Девять глав или анафематизмов" — изданный в 633 г. александрийским патриархом Киром акт, имевший целью примирение с умеренными монофизитами; в 7-м пункте этого акта высказывалось учение о *едином богومужном действовании* во Христе или о *единой воле*. — 181

¹⁰Там же. С. 216 (курсив М. Новоселова). — 181

¹¹Отвергнутые Церковью соборы: в Тире (335 г.) созван по повелению Константина Великого; в Антиохии (341 г.) — по повелению Констанция как и собор в Селевкии (359 г.); в Константинополе (360 г.); в Никее (360); в Сирмии (351, 357-359); в Ефесе (449) — так называемый "разбойничий" собор. — 182

¹²Речь идет о первом Антиохийском Соборе, состоявшемся в 264 г. — 182

¹³Там же. С. 218-219. — 182

¹⁴Там же. С. 220. — 182

¹⁵Там же. С. 220-221. — 183

¹⁶Там же. С. 222. — 183

¹⁷Там же. С. 222-223. — 184

¹⁸Там же. С. 226. — 184

¹⁹Там же. С. 228. — 184

²⁰См. прим. XIV, 9. — 185

²¹1 Кор. 12, 28. — 186

²²Там же. С. 228-231. — 187

²³Там же. С. 233. — 187

²⁴Древний патерик, изложенный по главам. 3-е изд. М., 1899. С. 300-301. — 190

Письмо XV.

¹Мф. 16, 18. — 192

²Речь идет о Лютере, докторе богословия Виттенбергского университета, который начал в этом городе движение Реформации, вывесив в 1517 г. на дверях дворцовой церкви 95 тезисов против католического учения об индульгенциях. — 192

³1 Пет. 2, 9. — 194

⁴"Будем же всегда молиться Господу так: *да воссияет в сердцах наших истина Твоя, Христе, полнота истины...*" (Слова подвижнические. Слово 40 (о поклонах и прочем) // Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолоубивого града Ниневии. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893. С. 175). — 196

⁵Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Дмитрия Ростовского. Книга пятая (январь). Ч. 2. М., 1904. С. 213. — 196

⁶Там же. С. 230. — 196

⁷Когда император Констанс потребовал от избранного в 649 г. на римскую кафедру папы Мартина принять учение монофелитов, святитель ответил: "Если бы даже весь мир принял это противное православие учение, то и в таком случае я бы его не принял, и хотя бы пришлось претерпеть смерть, не отступлю от евангельского и апостольского учения и святоотеческого предания" (Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Дмитрия Ростовского. Книга восьмая (апрель). М., 1906. С. 203). — 196

⁸Древний патерик, изложенный по главам. 3-е изд. М., 1900. С. 336-337. — 197

⁹Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. 4-е изд. СПб., 1905. — 198

¹⁰Молитва Святому Духу. — 198

¹¹Отпуст — название той части православного богослужения, которую оно заканчивается и молящиеся "отпускаются" из храма. — 199

¹²Диаконник (ризница, сосудохранительница) — особое место в храме, где хранятся облачения и утварь; заведывание этим помещением в древности было обязанностью диакона. — 199

¹³Потир (от греч. потпр) — св. чаша, из которой причащаются православные христиане. — 199

¹⁴1 Кор. 5, 7. — 200

- ¹⁵ Древний Патерик. С. 337-339. – 200
¹⁶ Мф. 26, 26 и др. – 201
¹⁷ Древний Патерик. С. 334-336. – 202
¹⁸ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СПб., 1871. С. 12-13. – 202
¹⁹ Ср.: "Глава добродетелей – молитва" (Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 1. 3-е изд. СПб., 1905. С. 132).
 "Необходимее всех подвигов – молитва" (Невидимая брань. Творения преп. Никодима Святогорца. М., 1904. С. 181).
 "Мать всех добродетелей – молитва" (Творения преп. отца нашего Нила, подвижника Синайского. М., 1859. Ч. 3. С. 256).
 "Дело молитвы выше других" (Преп. Макарий Египетский. Духовные Беседы. 4-е изд. Сергиев Посад, 1904. С. 373).
 "Молитва – основание всякого блага" (Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1896. С. 837). – 202
²⁰ Один из монастырей, основанных св. Пахомием в Фиваиде в Табеннской пустыне, второй по времени построения, но первый по численности монахов и славе своей. – 203
²¹ Письмо еп. Аммона к Феофилу, Папе Александрийскому, о жизни и делах Пахомия и Феодора // Христианское Чтение. СПб., 1827. Ч. 26. С. 18-22. – 204
²² Иак. 1, 17. – 204
²³ 1 Пет. 2, 9. – 204
²⁴ 1 Тим. 3, 15. – 205
²⁵ Троице-Сергиева первоклассная (с 1836 г.) мужская пустынь, основанная в начале XVIII в., находилась в 19 верстах от Санкт-Петербурга. Св. Игнатий был настоятелем этого монастыря в течение 24-х лет (1834-1857). – 205
²⁶ "Из различных путей, которыми русские образованные люди <...> в то время стремились к достижению христианского идеала, наибольшим вниманием и предпочтением пользовались библейский пие-тизм и тяготение к католичеству, но Брянчанинов и Чихачев <...> избрали третье, которое тогда только обозначалось и потом довольно долго держалось в обществе: это было православие в духе митрополита Михаила <Десницкого>" (Инженеры-бессребреники // Лесков Н. С. Собр. соч. В 11-ти т. Т. 8. М., 1958. С. 236). – 205
²⁷ Епископ Игнатий. Плач мой // Сочинения. Т. 1. СПб., 1865. С. 633-639. – 206
²⁸ Там же. С. 640. – 207
²⁹ Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. Поучение 5-е. М., 1856. С. 77-78. – 207
³⁰ Иак. 1, 17. – 207
³¹ Православный Молитвослов и Псалтирь. М., Издание Московской Патриархии, 1988. С. 18. – 208
³² Епископ Игнатий. Цит. соч. С. 640-641. – 208

- ¹ Правило 7-е II Вселенского Собора; Правило 95-е VI Вселенского Собора: "присоединяющихся к православию и к части спасаемых из еретиков приемлем по следующему чиноположению..." (Книга правил. С. 50, 120). – 211
² Деян. 2, 3. – 211
³ 1 Пет. 2, 6. – 211
⁴ Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911. С. 3. – 212
⁵ Слово 2-е. О думающих оправдаться делами. §§ 61-63 // Там же. С. 33-34. – 212
⁶ Слово 4-е. О крещении // Там же. С. 92. – 212
⁷ Там же. С. 94. – 212
⁸ Слова подвижнические. Слово 1-е // Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893. С. 16. – 212
⁹ Марк Подвижник. Цит. соч. С. 94. – 212
¹⁰ Рим. 7, 14. – 213
¹¹ Иак. 1, 25; 2, 12. – 213
¹² Там же. С. 74. – 213
¹³ Беседа 12 // Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 96. – 213
¹⁴ Гал. 3, 27. – 213
¹⁵ Макарий Египетский. Цит. соч. С. 102. – 214
¹⁶ Там же. С. 102. – 214
¹⁷ Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 1. СПб., 1855. С. 56. – 214
¹⁸ Николай Кавасилы, архиепископа Фессалоникского семь слов о жизни во Христе. М., 1874. С. 48. – 214
¹⁹ Там же. С. 51. – 215
²⁰ Там же. С. 55. – 215
²¹ Марк Подвижник. О крещении. Цит. соч. С. 92. – 215
²² Николай Кавасила. Цит. соч. С. 27. – 215
²³ Слово 83. О покаянии // Исаак Сирин. Цит. соч. С. 390. – 216
²⁴ Рим. 7, 14. – 216
²⁵ Гребник в двух частях. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1979. С. 83. – 216
²⁶ Слово 60-е // Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Вып. 2. 2-е изд. М., 1890. С. 86-87. – 217
²⁷ Там же. С. 88. – 217
²⁸ Рим. 1, 21. – 218
²⁹ Слово 10-е // Симеон Новый Богослов. Цит. соч. Вып. 1. 1-е изд. М., 1879. С. 79-82. – 218
³⁰ Слово 61-е // Симеон Новый Богослов. Цит. соч. Вып. 2. 2-е изд. М., 1890. С. 92-93. – 219

- ³¹ Слово 61-е // Там же. С. 93. – 219
³² Слово 60-е // Там же. С. 89-90. – 219
³³ Слово 61-е // Там же. С. 101. – 219
³⁴ Слово 82-е // Там же. С. 366-367. – 219
³⁵ Слово 3-е. О покаянии // Марк Подвижник. Цит. соч. С. 71. – 220
³⁶ См. прим. III, 11. – 220
³⁷ Аквилонев Е. Новозаветное учение о Церкви. 2-е изд. 1904. С. 80. – 220
³⁸ Служебник. М., 1977. С. 562. – 221
³⁹ Там же. С. 566. – 221
⁴⁰ Там же. С. 566. – 221
⁴¹ Там же. С. 572. – 221
⁴² Там же. С. 576. – 221
⁴³ Там же. С. 581. – 221
⁴⁴ Там же. С. 584. – 221
⁴⁵ Там же. С. 585. – 221
⁴⁶ Православный молитвослов и Псалтирь. М., Издание Московской Патриархии, 1988. С. 84 (стихи Симеона Метафраста). – 221
⁴⁷ Там же. С. 86. – 221
⁴⁸ Там же. С. 87. – 221
⁴⁹ Служебник. М., 1977. С. 584. – 222
⁵⁰ Там же. С. 584. – 222
⁵¹ Там же. С. 583. – 222
⁵² Николай Кавасила. Цит. соч. С. 76-77. – 223
⁵³ Ср.: "Господи, избави мя <...> окамененного нечувствия" (молитва 7-я св. Иоанна Златоустого на сон грядущим // Православный Молитвослов и Псалтирь. М., Издание Московской Патриархии, 1988. С. 18). – 223
⁵⁴ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета. СПб., 1906. С. 467. – 223
⁵⁵ Рим. 8, 23. – 223
⁵⁶ Так в славянском переводе; в русской Библии имя помощника Велеслава переведено как Аголиав. – 224
⁵⁷ Стихира на Господи воззвах // Триодь цветная. М., 1975. Л. 237. – 224
⁵⁸ Стихира на Хвалитех // Там же. Л. 246 об. – 247. – 224
⁵⁹ Амфитеатров Я. К. Беседы об отношении Церкви к христианам. СПб., 1885. С. 57-59. – 224
⁶⁰ Архиепископ Иннокентий Херсонский. Жизнь св. Священномученика Киприана // Сочинения. Т. 9. СПб.-М., 1872. С. 490. – 224

Письмо XVII.

- ¹ По кривым путям (*церк.-слав.*); например, Притч. 28, 18. – 229
² Слова подвижнические. 25-28 (о трех способах ведения) // Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893. С. 124-138. – 232

- ³ Ин. 6, 68. – 233
⁴ 1 Пет. 1, 1. – 235
⁵ Ин. 13, 23. – 235
⁶ Деян. 15, 28. – 236
⁷ См.: Новоселов М. А. Забытый путь опытного Богопознания. 3-е изд. М., 1912. С. 9. – 236
⁸ Там же. С. 9. – 236
⁹ Там же. С. 9-10. – 236
¹⁰ Там же. С. 10. – 236
¹¹ Там же. С. 10. – 237
¹² Там же. С. 37. – 237
¹³ Слово 5-е (О возвышении ума), гл. 15) // Макарий Египетский. Беседы. С. 413-414. – 237
¹⁴ См.: Новоселов М. А. Забытый путь... С. 10. – 237
¹⁵ Нилус С. А. Великое в малом. 2-е изд. Царское село, 1905. С. 175, 183. – 238
¹⁶ Быт. 3, 8. – 238
¹⁷ Деян. 16, 6-10. – 238
¹⁸ Там же. С. 184. – 238
¹⁹ Там же. С. 184-185. – 238
²⁰ Еп. Феофан. Мысли на каждый день года. 4-е изд. 1904. С. 161. – 239
²¹ Там же. С. 152-153. – 239
²² Прочитанный отрывок принадлежит Оригену – см.: Новоселов М. А. Забытый путь... Вышний-Волочек, 1902. С. 10. – 239
²³ Лк. 24, 5; прочитанный отрывок принадлежит блаженному - Августину – см.: Новоселов М. А. Там же. – 239
²⁴ Пс. 33, 9. – 239
²⁵ Св. Тихон Задонский. Воздыхания грешных души ко Христу, Сыну Божию // Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 1. М., 1875. С. 212. – 239
²⁶ Выражение И. В. Киреевского – см. прим. X, 42. – 239
²⁷ Слово 55 (послание к преп. Симеону чудотворцу) // Исаак Сирин. Цит. соч. С. 262, 265. – 239
²⁸ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Честных Минеи св. Димитрия Ростовского. Книга пятая (январь). Ч. 2. М., 1904. С. 213, 230. – 240
²⁹ См. прим. XV, 7. – 240
³⁰ Слово 60-е // Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Вып. 2. М., 1890. С. 90. – 241

Письмо XVIII.

- ¹ Выражение "бог по благодати" резюмирует святоотеческое учение об обожении человека как его конечной судьбе и предназначении: Бог "сделался человеком, чтобы в Себе нас обожить" (Послание Афанасия к Епископу и исповеднику Адельфию, против ариан // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. 3. 2-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. С. 306). Говоря о почитании святых в Церкви, св. Иоанн Дамаскин называет их богами

"не по природе, но потому, что они <...> сделались по благодати тем, что именно Бог есть по естеству" (Книга 4-я, глава 15 (О чествовании святых и их мощей) // Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. С. 232). — 242

²См. прим. XV, 21. — 242

³Деян. 9, 15. — 242

⁴См. прим. I, 24. — 242

⁵См. ниже с. 243-245. — 243

⁶Несторианство утверждало раздельное и параллельное функционирование в Богочеловеке Христе двух природ: Божеской и человеческой. — 243

⁷Деяния Вселенских соборов. Т. 1. 3-е изд. Казань, 1910. С. 259; цитата представляет собой отрывок из послания не смогшего прибыть в Ефес на III Вселенский собор карфагенского епископа Капреола, зачитанного на соборе и включенного в его Деяние 1-е. — 243

⁸Деяния Вселенских соборов. Т. 5. 4-е изд. Казань, 1913. С. 33-34. — 244

⁹Правило 19-е VI Вселенского Собора // Книга правил. М., 1901. С. 89. — 244

¹⁰Деяния Вселенских соборов. Т. 7. 2-е изд. Казань, 1913. С. 15, 16. — 244

¹¹Там же. С. 118. — 244

¹²Там же. С. 169. — 244

¹³Там же. С. 169-170. — 245

¹⁴Минея. Январь. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1983. С. 15. — 245

¹⁵Там же. С. 339, 348. — 245

¹⁶Минея. Январь. Ч. 2. 1983. С. 204, 206, 214. — 245

¹⁷Там же. С. 330, 336, 348. — 245

¹⁸Там же. С. 407, 409, 413, 413. — 245

¹⁹Минея. Ноябрь. Ч. 1. 1980. С. 385, 385, 385, 402, 385. — 246

²⁰Минея. Январь. Ч. 2. 1983. С. 42, 54. — 246

²¹Минея. Май. Ч. 1. 1987. С. 59. — 246

²²Минея. Январь. Ч. 2. 1983. С. 111. — 246

²³Минея. Февраль. 1981. С. 594, 595. — 246

²⁴"Божественного осияния сподобися Свет прияти" — см. следующее примечание. — 246

²⁵Минея. Декабрь. Ч. 1. 1982. С. 124, 131. — 246

²⁶Иерейский молитвенник. М., 1913, 145 об. — 246

²⁷Архим. Порфирий (Успенский). Об авторитете св. Отцов Церкви и важности их писаний // Прибавления к творениям святых отцов. Ч. 22. 1863. С. 1-59. — 246

²⁸Там же. С. 8-9. — 247

²⁹Обличение и опровержение лжеименного знания. Книга 3-я, гл. 3 (Опровержение еретиков на основании предания апостолов, хранящегося в Церкви) // Сочинения Святого Иринея, епископа Лионского. СПб., 1900. С. 222 (Новоселов приводит цитату в другом переводе). — 247

³⁰Архим. Порфирий. Цит. соч. С. 9-10. — 247

³¹Св. Климент Римский был знатного происхождения, но не сена-

тор (Поснов М. Э. История христианской церкви. Киев, 1991. С. 161); не был сенатором и св. Ипполит Портуанский. — 248

³²Св. Иустин Философ получил языческое философско-риторическое образование; обратившись в христианство, он стал странствующим христианским философом, а затем открыл христианскую школу в Риме; написал несколько апологетических произведений, одно из которых ("Разговор с Трифоном") направлено против иудейства. — 248

³³Учителем Григория Чудотворца был Ориген. — 248

³⁴Василий Великий учился в Кесарии Каппадокийской, Константинополе (у Ливания) и в Афинах; его друг Григорий Богослов — в двух Кесариях (Каппадокийской и Палестинской), Александрии и Афинах; Иоанн Златоуст — в Антиохии (у того же Ливания и других); Августин — в Карфагенах; Иероним — в Риме. — 248

³⁵Архим. Порфирий. Цит. соч. С. 10-11. — 248

³⁶У Порфирия: "не напрасно уверяют". — 248

³⁷Там же. С. 11-12. — 249

³⁸Св. Григорий получил свой символ веры в ночном видении от ап. Иоанна Богослова (Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. Книга третья (ноябрь). 2-е изд. М., 1905. С. 449-450). — 249

³⁹См. прим. XV, 17. — 250

⁴⁰Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. Книга пятая (январь). Ч. 2. М., 1904. С. 411-412. — 250

⁴¹Цит. соч. Книга третья (ноябрь). 2-е изд. М., 1905. С. 449-450. — 250

⁴²Цит. соч. Книга седьмая (март). М., 1906. С. 282. — 250

⁴³Цит. соч. Книга четвертая (декабрь). М., 1903. С. 232. — 250

⁴⁴См. настоящую книгу. С. 245-246. — 250

⁴⁵См. настоящую книгу. С. 243-245. — 250

⁴⁶Архим. Порфирий. Цит. соч. С. 12-14. — 250

⁴⁷2 Кор. 11, 2. — 251

⁴⁸Пир десяти дев или О девстве. Речь III. Фалия; гл. 8 // Святой Мефодий, епископ и мученик, отец церкви III-го века. Полн. собр. его творений. 2-е изд. СПб., 1905. С. 52. — 251

⁴⁹Там же. С. 52-53. — 251

⁵⁰Мф. 13, 24-30. — 253

⁵¹Все перечисленные святые были гонимы при жизни; о святых Максиме Исповеднике и Григории Паламе см. письма XIV и XII. — 253

⁵²Архим. Филарет Дроздов. Разговоры между Испытующим и Уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви. СПб., 1815. С. 129. — 253

⁵³См. прим. XV, 4. — 254

⁵⁴Имеется в виду аналогия с принятым на IV Вселенском соборе в Халкидоне догматом о характере соединения двух природ — Божеской и человеческой — в Иисусе Христе: "неслитном" (против ереси монофизитов) и "нераздельном" (против ереси несторианства). — 254

⁵⁵Деян. 20, 28. — 255

⁵⁶В своих "Словах о священстве" св. Иоанн Златоуст детально перечисляет трудности и опасности пастырского служения (особенно в Сло-

ве III), и хотя в начале своего рассмотрения говорит, что "много есть таких священников, которые избегли этих сетей, и их гораздо более, чем уловленных" (III, 10), но затем приходит к выводу, что "немногие <...> переходят на подвиги священства; и из них большая часть оказываются неспособными, падают духом и испытывают неприятные и тяжелые последствия" (VI, 7), и даже что "нужна душа как бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть в уныние" (V, 8). — 255

⁵⁷Возражения против подлинности сочинений, подписанных именем обращенного в христианство проповедью ап. Павла (Деян. 17, 34) первого афинского епископа Дионисия Ареопагита, были высказаны уже в XV в. (Валла, Эразм Роттердамский и др.). В России ареопагитские споры велись во 2-й половине XIX в., в частности, между проф. Киев. Дух. Акад. К. И. Скворцовым, опубликовавшим в 1871 г. книгу "Исследование вопроса об авторе сочинений, известных под именем Дионисия Ареопагита", и еп. Порфирием (Успенским). В настоящее время можно считать твердо установленным, что эти сочинения ("Ареопагитики") написаны не ранее 2-й половины V в. — 255

⁵⁸Писания мужей апостольских. М., 1862. С. 374-430. — 259

⁵⁹Там же. С. 417. — 259

⁶⁰Главный труд св. Иринея, полное название которого "Опровержение и низложение лжеименного знания", посвящен критике гностицизма (см. прим. V, 9). — 260

⁶¹Сочинения Святого Иринея, епископа Лионского. СПб., 1900. С. 225-226. — 261

⁶²Дан. 13, 20. — 261

⁶³Ириней Лионский. Цит. соч. С. 389. — 261

⁶⁴Древний Патерик. С. 367. — 262

⁶⁵Арианство - рационалистическая ересь IV в., отвергавшая несотворенность Бога Сына и Его единосущие с Богом Отцом; по учению Ария Христос сотворен Отцом и лишь по благодати сделался Богом. — 262

⁶⁶См. прим. на с. 177. — 262

⁶⁷Движение против почитания икон (объявленного идолопоклонством), начатое византийским императором Львом Исавром (716-741), продолжалось до правления царицы Ирины (775-802), восстановившей иконопочитание; иконоборческое гонение вновь было воздвигнуто Львом Армянином (813-820); окончательно иконопочитание было утверждено при Феодоре (843). — 262

⁶⁸"Ибо я знаю, что по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада" (Деян. 20, 29).

"Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси" (2 Пет. 2, 1).

"Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире" (1 Ин. 4, 1).

"Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их" (2 Кор. 11, 13-15). — 262

⁶⁹Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. Т. 10, книга 2-я. СПб., 1904. С. 704. — 262

⁷⁰Преп. Симеон Новый Богослов. Деятельные и богословские главы, §§ 155-158 // Добротолюбие. 2-е изд. Т. V. С. 51-52. — 264

Письмо XIX.

¹Ин. 16, 13. — 265

²Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 487 (письмо 32). — 265

³"Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться" (2 Тим. 2, 5). — 266

⁴Еп. Игнатий. Цит. соч. С. 497 (письмо 43). — 266

⁵1 Пет. 1, 17. — 266

⁶См. прим. IX, 48. — 267

⁷Ср.: "Молитва есть зеркало души для монаха" (Древний патерик, изложенный по главам. 3-е изд. М., 1899. С. 413 (гл. 21, §13). — 267

⁸Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СПб., 1871. С. 103. — 268

⁹Еп. Игнатий (Брянчанинов). О чтении святых Отцов // Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 1. 3-е изд. СПб., 1905. С. 112-114. — 268

¹⁰Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 5. 3-е изд. СПб., 1905. С. 118; в этом томе, носящем название "Приношение современному монашеству", речь идет о чтении творений св. Тихона монахами; однако эти же книги св. Игнатий рекомендует и мирянам (см. ниже с. 276 и прим. XIX, 26). — 269

¹¹Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 218. — 270

¹²Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 515-518 (письмо 55). — 271

¹³Речь идет о так называемых "Патериках" — сборниках свидетельств о жизни отшельников (преимущественно египетских), которые известны с глубокой древности, переведены на многие языки и существуют в трех формах: алфавитной (рассказы расположены по именам св. отцов), систематической (например, "Древний Патерик, изложенный по главам". М., 1891) и смешанной. На основе этих книг св. Игнатий составил свой сборник алфавитного типа: "Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их". СПб., 1870. — 271

¹⁴Отечник. С. 351. — 271

¹⁵Пс. 50, 18-19. — 271

¹⁶Отечник. С. 335; Достопамятные сказания. С. 296. — 271

¹⁷Отечник. С. 374. — 272

¹⁸См. прим. X, 21. — 272

¹⁹Ин. 15, 19. — 273

²⁰Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 497-500 (письмо 44). — 274

²¹Рим. 10, 10. — 274

- ²²Требник в двух частях. Ч. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1979. С. 78-79 (нумерация вопросов принадлежит святителю Игнатию). — 274
- ²³Откр. 8, 11. — 275
- ²⁴Т. е. безумием веры: ср.: "аще кто мнит ся мудр быти в вас, в все сем, буй да бывает, яко да премудр будет. Премудрость бо мира сего, буйство у Бога есть" (1 Кор. 3, 18-19). — 276
- ²⁵Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 509-512 (письмо 53). — 276
- ²⁶В этот перечень св. Игнатий включает также Никифора Астраханского. — 276
- ²⁷Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 460 (письмо 22). — 276
- ²⁸Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 444 (письмо 10). — 276
- ²⁹Пс. 118, 25. — 277
- ³⁰Лк. 12, 32. — 277
- ³¹2 Кор. 4, 10. — 277
- ³²Ин. 12, 25; Лк. 17, 33. — 278
- ³³Ср.: "Прежде не безопасным почиталось сказать одно лишнее слово" (Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольскаго. Ч. 2. М., 1844. С. 234 (Слово 23-е)). — 278
- ³⁴Ин. 8, 44. — 278
- ³⁵"Прелесть" (одно из основных понятий христианской антропологии) есть усвоение человеком, естество которого повреждено первородным грехом, лжи под видом истины; в более узком смысле — состояние мечтательности, видений, галлюцинаций, порождаемое усиленным молитвенным подвигом, но без необходимого самоконтроля, очищения, смирения. — 278
- ³⁶Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 4. 3-е изд. СПб., 1905. С. 524-526 (письмо 58). — 278
- ³⁷Епископ Игнатий. Плач мой // Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. 1. 3-е изд. СПб., 1905. С. 640. — 279
- ³⁸Евр. 12, 23. — 279

Письмо XX.

- ¹См., например: Монахиня Серафима (Булгакова). Разгон обители // Литературная учеба. 1991. № 1. С. 127-128. — 280
- ²Новоселов имеет в виду Декларацию о лояльности митр. Сергия и его серьезные уступки государственному безбожию. — 280
- ³О ком здесь говорит Новоселов — установить не удалось. — 281
- ⁴Судьбы Церкви Божией на земле // Труды Киевской Духовной Академии. 1860, книга 1, паг. 4. С. 16-17. — 282
- ⁵Там же. С. 20. — 282
- ⁶Ин. 6, 51. — 282
- ⁷Там же. С. 17-18. — 282
- ⁸1 Тим. 2, 5. — 282

- ⁹"Стояние" по-славянски означает: "опора". — 282
- ¹⁰Там же. С. 19-20. — 283
- ¹¹Там же. С. 31. — 283
- ¹²У Щеголева: "Южных Европейских народов". — 283
- ¹³Там же. С. 31-34. — 284
- ¹⁴Там же. С. 34. — 284
- ¹⁵В качестве примера такого государства Щеголев указывает на "земли Кавказские", где "светильник Церкви Божией, возженный еще в первые времена... после не мог гореть во многих из них и затмился, между тем как судьбу этих народов Бог хранил и устроил так, что теперь возжигается там опять светильник веры Христовой и от сохранившегося света Церкви Грузинской, и от нового светильника Церкви Российской" (Там же. С. 44). — 285
- ¹⁶Например, Русь в период татаро-монгольского ига. — 285
- ¹⁷Там же. С. 39-46; ссылка Еф. 5, 11-13 (у Щеголева) ошибочна, возможно, подразумевалось: Еф. 6, 11-13. — 285
- ¹⁸Там же. С. 52-53. С. 46. — 286
- ¹⁹Там же, книга 1. С. 53; книга 2, паг. 2. С. 3. — 286
- ²⁰Мф. 13, 37-38. — 286
- ²¹Евр. 9, 15. — 286
- ²²Там же, книга 1. С. 53-54. — 286
- ²³Там же, книга 1. С. 57. — 286
- ²⁴Там же, книга 1. С. 62. — 286
- ²⁵Там же, книга 1. С. 60; Щеголев указывает, что эта мысль принадлежит блаж. Августину (Epist ad Hesychium. С. XII, п. 48). — 286
- ²⁶Там же, книга 1. С. 60-62. — 287
- ²⁷Мф. 23, 38; Лк. 13, 35. — 287
- ²⁸Там же, книга 2. С. 4. — 287
- ²⁹Там же, книга 2. С. 11-13. — 288
- ³⁰Там же, книга 2. С. 19. — 288
- ³¹Очевидная опечатка у Щеголева; по-видимому, имеется в виду Быт. 1, 26. — 288
- ³²"Милость мира, жертву хваления" — литургийная формула (ответ хора на возгласение диакона: "Станем добре, станем со страхом, вонмем святое возношение в мире приносить"), означающая, по объяснению Николая Кавасилы, что мы приносим "милосердие Тому, Кто сказал: милости хочу, а не жертвы (Мф. 9, 13). Милость же есть плод чистейшего и крепчайшего мира, когда душу не возбуждают никакие страсти, и когда ничто не мешает, чтобы она наполнилась милости и жертвою хваления". Эта жертва со стороны Бога есть величайшее милосердие к нам и плод примирения с Богом, тогда как с нашей она является величием всего домостроительства Божия" (Архим. Киприан (Керн). Евхаристия. Париж, YMCA-PRESS, 1947. С. 210-211). — 288
- ³³Там же, книга 2. С. 21-22. — 288
- ³⁴Быт. 1, 31. — 289
- ³⁵Современным представлениям ближе воззрения тех отцов Церкви, которые учили, что и до грехопадения "вся видимая тварь получила в удел естество смертное, потому что Творец всяческих провидел пресупление Адама и тот смертный приговор, который будет на него произ-

несен" (Влаж. Феодорит. Цит. по книге: Толковая Библия. Т. 10. СПб., 1912. С. 472). — 289

³⁶ Там же, книга 2. С. 24, 26-27. — 289

³⁷ Сюда в первую очередь относится чин освящения воды (великое и малое водосвятия) — этой первичной стихии, которая используется затем в других освящениях; далее следует упомянуть прошение о "благо-растворении воздуха" из великой ектеньи; имеются соответствующие молитвы для освящения огня, земли и ее плодов, и даже таких "нематериальных" стихий, как звука (в чине освящения колокола — см.: Флоренский П. Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. 17. М., 1977. С. 155-156) и запаха (молитва благословения кадила пред каждением — там же. С. 211). В наиболее развернутой форме благословение природных стихий испрашивается в службе вечерни в Великую субботу, когда милость Господня призывается на солнце и луну, дождь и росу, огонь и вар, стужу и зной, росы и иней, ночи и дни, молнии и облацы, горы и холмы, моря и реки и др. (Триодь постная. Ч. 2. М., Издание Московской Патриархии, 1992. Л. 500об.-501об.). Заметим также, что в упомянутой работе Флоренского основные христианские праздники соотносятся с освящением тех или иных природных стихий: Богоявление — стихии воды, Страстная и Пасхальная седмицы — земли, Пятидесятница — воздушной стихии, Преображение — стихии огненно-световой (Там же. С. 246). — 289

³⁸ Там же, книга 2. С. 27-28. — 289

³⁹ Там же, книга 2. С. 33-34. — 290

⁴⁰ Там же, книга 2. С. 37. — 290

⁴¹ Ин. 3, 8. — 290

⁴² Евр. 2, 14. — 290

⁴³ Там же, книга 2. С. 44. — 291

⁴⁴ Там же, книга 3, паг. 2. С. 26-27. — 291

⁴⁵ Там же, книга 3. С. 38, 46-47. — 291

⁴⁶ Там же, книга 3. С. 47. — 292

⁴⁷ Там же, книга 3. С. 66. — 292

⁴⁸ Там же, книга 3. С. 69. — 292

⁴⁹ Там же, книга 3. С. 70-72. — 293

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аарон (библейск.), основатель ветхозаветного священства II, 10

Авакум (библейск.), один из 12-ти малых ветхозаветных пророков IX, 91

Августин Блаженный (354-430), епископ Гиппонский XVII, 236; XVIII, 243, 247, 248

Авель (1757-1841), монах-предсказатель IX, 98

Авзоний (IV в.), монах XV, 204

Авраам (библейск.), ветхозаветный патриарх II, 12; VIII, 80

Авраамий Суздальский (XV в.), участник Флорентийского собора XII, 156

Агав (I в.), пророк-предсказатель в Иерусалиме XVII, 230

Агафангел (Преображенский) (1854-1928), митр. Ярославский и Ростовский (1917) I, 1-2; VI, 61

Аголияв (библейск.), строитель скинии, помощник Веселила XVI, 224

Адам (библейск.), первочеловек X, 109; XV, 197; XVI, 213; XVII, 217, 238

Акидин (XIV в.), ученик и противник Григория Паламы XII, 158

Александр Александрийский (ок. 260-328), св., патриарх, первый борец против арианства XV, 189, 204, 209

Александр Македонский (356-323 до Р. Х.), царь и полководец VII, 69, 70, 72

Алексий (Соловьев) (1846-1928), иеросхимонах, затворник Зосимовой пустыни XI, 147

Амвросий Медиоланский (340-397), св., епископ I, 8; XV, 192; XVIII, 243, 250

Амвросий Оптинский (Тренков А. М.) (1812-1891), св., старец-иеромонах VIII, 86, 87

Аммон (IV в.), епископ, ученик св. Антония Великого XV, 202-204; XVIII, 242, 249

Амфилохий (ок. 342 — ок. 402), св., еп. Иконийский VI, 60

Анания (I в.), св. муч., один из 70 апостолов XVII, 227; XVIII, 251

Анания (новозав.), еврей в Иерусалиме, утаивший деньги от церковной общины XVII, 228

Анастасий монах († 662), св. муч., ученик и сподвижник св. Максима Исповедника XIV, 177, 178

Анастасий († 666), пресвитер и апокрисиарий XIV, 178

Андрей Первозванный († 67), св. апостол X, 110

Антиох III Великий (242-187 до Р. Х.), царь государства Селевкидов (с 223 г.) VII, 70

Антиох IV Епифан († 164 до Р. Х.), царь Сирийский, насильственно проводивший эллинизацию в Палестине VII, 69-75

Антоний Великий (250-356), св., основатель монашества (отшельничества) в Египте VIII, 80, 81; IX, 98; XV, 202, 203; XVIII, 246, 249, 262

Антоний (Грановский) (1860-1927), еп. Нарвский, один из обновленческих вождей III, 17; VI, 60, 61

Аполлоний (II в.), пресвитер г. Магнезии XVIII, 257

Аполлос (I в.), еп. Смирнский, один из 70 апостолов VIII, 80

Арий († 336), александрийский пресвитер-ереснарх XV, 209

Аристотель (384-322 до Р. Х.), древнегреческий философ XIV, 176, 179; XVIII, 248

Арсений Великий (355-450), св. XIV, 178; XV, 201

Ассур (библейск.), персонафицированное имя земли и народа ассирийских X, 121, 122

Афанасий Великий (295-373), св., еп. Александрийский, выдающийся борец против арианства IX, 93; XIV, 179; XV, 204; XVII, 236; XVIII, 237, 243, 246, 253, 262

Бахус, бог виноделия греческой мифологии I, 5

Бернар Клервоский (ок. 1090-1153), франц. теолог-мистик XIX, 272

Бисмарк О. (1815-1898), рейсканцлер Германии VII, 68

Боголюбский Николай, о., член обновленческого ВЦУ VI, 60

Бокль Г. Т. (1821-1862), английский историк и социолог-позитивист VII, 67

Брянчанинов Димитрий, см. Игнатий Брянчанинов XV, 209

Бюхнер Л. (1824-1899), немецкий врач и философ, вульгарный материалист VII, 68

Вардан (кон. VIII — нач. IX в.), византийский полководец XIII, 170

Вариисус (I в.), иудей-волхв XVII, 228

Варлаам (1290-1348), монах, противник исихазма XII, 158

Варнава (I в.), один из учителей Антиохийской Церкви (Деян. 13, 1) XVII, 228, 233, 234

Варсонофий Великий (VI в.), св., монах, автор "Руководства к духовной жизни" XV, 198

342

Василий II Васильевич (Темный) (1415-1462), великий князь московский XII, 156

Василий Великий (330-379), св., епископ Кесарии Каппадокийской IV, 27, 28, 33; VI, 60; X, 108; XI, 128; XVI, 221; XVIII, 243, 245, 248; XX, 280

Васса (II в.), пресвитер г. Магнезии XVIII, 257

Введенский Александр (1889-1946), прот., известный обновленческий деятель VI, 60

Величко В. Л. (1860-1903), русский поэт и литератор, автор воспоминаний о Вл. Соловьеве VIII, 88

Венедикт Нурсийский (490-543), св., основатель монашеского ордена бенедиктинцев XIX, 272

Веселеил (библейск.), главный строитель скинии XVI, 224

Гавриил Кузнецов, священник IV, 24, 31-33

Гамалиил (I в.), св. равноапостольный, равнин, учитель ап. Павла V, 49, 50

Георгий Затворник (1789-1836), монах Задонского Богородицкого монастыря VIII, 84; IX, 94; XIX, 276

Георгий Пахимер (1242-1310), о., византийский богослов XVI, 214

Герман Константинопольский (645-740), св., патриарх, защитник иконопочитания II, 10, 11, 14

Геттэ Владимир (1816-1892), о., францисканский священник, перешедший в Православие XI, 128

Гомер, легендарный древнегреческий поэт XVIII, 324

Гонорий I († 638), папа (с 625), монофелит XVIII, 262

Григорий Богослов (329-389), св., епископ г. Назианза Каппадо-

кийского III, 15; XIV, 179; XVII, 236; XVIII, 243, 245, 248

Григорий Двоеслов (ок. 540-604), папа Римский XVIII, 248, 250; XIX, 272

Григорий наместник XIV, 177

Григорий Нисский (ок. 335-394), св., епископ, выдающийся богослов XIV, 179; XVIII, 243, 245

Григорий Палама (1296-1359), св., епископ Солунский, защитник исихазма XII, 157-159; XIII, 168, 169; XVIII, 253

Григорий II († 731), св., папа (с 715), защитник иконопочитания XVIII, 244

Григорий Чудотворец (Фавматург) (†ок. 270), св., епископ Неокесарийский XIV, 182; XVIII, 248, 249

Давид (библейск.), псалмопевец VII, 71; X, 122; XVI, 224; XVIII, 257

Дамас (II в.), епископ г. Магнезии XVIII, 257

Даниил авва XV, 197, 198, 201

Даниил пророк (библейск.), один из четырех великих ветхозаветных пророков XIV, 185

Дарий III Кодоман, царь Персидский (336-330 до Р. Х.) VII, 69; XIV, 185

Димитрий Ростовский (1651-1709), св., митрополит, составитель житий святых (Четий-Миней) VIII, 84; IX, 94; XIII, 162; XIV, 176, 179, 180; XIX, 276

Дионисий (III в.), епископ Александрийский (242-264), борец с ересями павлиан и савеллиан XIV, 182

Дионисий Ареопагит, Псевдо-Дионисий (I или V-VI в.), св., известный автор мистических трактатов I, 7; XIV, 179; XVI, 214; XVIII, 255

Дионисий (III в.), папа Римский (258-268), борец с ересью павлиан XIV, 182

Диоскор Александрийский († 454), глава "разбойничьего" собора в Ефесе XIV, 182

Достоевский Федор Михайлович (1821-1881), русский писатель I, 4
Дрэпер Д. В. (1811-1882), ученый, философ-позитивист VII, 67

Евгений IV, папа Римский (1431-1447), организатор Ферраро-Флорентийского собора и попытки унии католиков с православными XII, 153-156

Евдоксий Константинопольский († 370), епископ-арианин XIV, 182

Екатерина († 307), св. великомученица VIII, 90

Елима волхв, см. Вариисус XVII, 228

Епифаний Кипрский (ок. 315-403), св., епископ, церковный писатель XIV, 189-191; XIX, 268

Епифаний патриций (VII в.) XIV, 182, 183

Ефрем Сирий (ок. 306-373), св., диакон, аскет, церковный писатель и поэт V, 44; XVIII, 245, 250

Жанна Д'Арк (1412-1431), католическая святая, народная героиня Франции VII, 67

Иаков, брат Господень (†ок. 63), св. муч., один из 70-ти апостолов, первый епископ Иерусалимской Церкви IV, 27, 28; X, 107; XVII, 233, 234

Иаков (библейск.), ветхозаветный патриарх VII, 71; X, 123

Ибсен Генрик (1828-1906), норвежский драматург VIII, 88

Иверский епископ XII, 155

Игнатий Богоносец (†ок. 106),

343.

сщмч., епископ Антиохийский XVIII, 255-260

Игнатий (XIV в.), патриарх Антиохийский XII, 158

Игнатий Брянчанинов (1807-1867), св., епископ Кавказский, церковный писатель VIII, 81-85, 87; IX, 91, 101-104; X, 120; XV, 205, 209; XIX, 265, 268, 269, 276, 278

Иезекииль (библейск.), один из четырех великих ветхозаветных пророков XVIII, 250

Иероним Стридонский (330-420), блж., великий учитель Западной Церкви, автор Вульгаты — перевода Библии на латинский язык XVII, 236; XVIII, 248

Иларий Пиктавийский (ок. 315-366), епископ, учитель Западной Церкви, борец с арианством (Афанасий Запада) X, 126; XVIII, 243

Иларий (Троицкий) (1885-1929), епископ Верейский, профессор МДА II, 10

Илия пророк (Фесвитянин) (библейск.), величайший ветхозаветный пророк XIII, 165

Инокентий Херсонский (Борисов) (1800-1857), епископ, богослов и проповедник (русский Златоуст) XVI, 224

Инокентий (Сельно-Кринов) († 1840), викарий Дмитровский, еп. Курский, Волынский и Орловский VIII, 84

Иоанн пророк (VI в.), св., монах, ученик преп. Варсонофия XV, 198

Иоанн Богослов († ок. 100), апостол и евангелист I, 7; VIII, 87; X, 107, 108, 110, 111, 123; XVI, 218, 219; XVII, 233, 235; XVIII, 255; XX, 287, 291

Иоанн Дамаскин (ок. 650-754), св., византийский богослов, философ и поэт XVIII, 246

Иоанн Златоуст (344/354-407), св., епископ Константинопольский, экзегет, знаменитый проповедник I, 2; IV, 27; VIII, 84; IX, 94; XI, 128; XV, 208; XVI, 221; XVIII, 243, 246, 248, 250, 253, 255, 262; XIX, 276

Иоанн Кассиан (360-431), основатель монашества в Галлии X, 116; XI, 148

Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) (1829-1908), св., III, 19-21; VIII, 89

Иоанн Лествичник († 650/680), св., настоятель монастыря на Синае, автор аскетического трактата "Лествица, возводящая к небесам" XIX, 270

Иоанн VI Кантакузен († 1380), византийский император (1341-1355) XII, 158

Иоанн VI Палеолог, византийский император (1425-1448) XII, 153

Иоанн Креститель (Предтеча) XIII, 165; XVII, 227

Иоиль (библейск.), один из 12-ти малых пророков XVII, 226

Иона (библейск.), один из 12-ти малых пророков V, 51

Иосиф († 1439), константинопольский патриарх, участник Ферраро-Флорентийского собора XII, 155

Иосиф пресвитер (VIII в.), иеромонах константинопольской церкви св. Софии XIII, 163, 165, 167, 170-173

Ипполит Португальский (Римский) (II-III в.), сщмч., ученик св. Ириней, епископ Порто (римской гавани); экзегет, апологет, оппонент ересей XVIII, 248

Ираклий I (575-641), византийский император XIV, 176-178

Ирина (ок. 752-803), византийская императрица XIII, 162, 165, 168, 170

Ириней Лионский (II в.), сщмч., ученик св. Поликарпа, епископ, церковный писатель, борец с ересями гностиков XVIII, 247, 259-261

Ирод Антипа (I в.), сын Ирода Великого, четвертовластник в Галилее и Перее XIII, 162; XVII, 228

Исаак Сирия (VII в.), св., сирийский аскетико-моралистический писатель X, 124-125; XV, 196; XVII, 232, 239; XVIII, 254

Исаия (библейск.), один из четырех великих ветхозаветных пророков X, 121-123

Исаия (XIX в.), старец Никифоровской пустыни Олонешкой епархии IX, 99

Исаия Ставропольский (XV в.) XII, 155

Исидор († 1462), последний русский митрополит из греков, сторонник унии с католиками XII, 156, 157

Исхирон авва, один из отцов Египетского скита IX, 104

Иуда (библейск.), 4-й сын патриарха Иакова VII, 71; X, 122

Иуда апостол (I в.), один из братьев Господних VII, 75; VIII, 79

Иустин Философ († 165), сщмч., один из апологетов — ранних отцов Церкви XVIII, 248

Калека (Иоанн) (1333-1347), патриарх Константинопольский XII, 158

Кантакузен, см. Иоанн Кантакузен

Кирилл Александрийский, патриарх (630-640), монофелит XIV, 177, 181; XVIII, 262

Киреевский Иван Васильевич (1806-1856), русский мыслитель-славянофил X, 124

Кирилл Александрийский († 444), св., патриарх (412-444), богослов XV, 197; XVIII, 243, 247

Кирилл Белозерский (1337-1427), св., основатель Кирилло-Белозерского монастыря IV, 29

Кирилл Иерусалимский (315-387), св., патриарх (351-387), учитель Церкви XI, 138

Кирилл Равноапостольный (827-869), св., просветитель славян VII, 65

Кифа, см. апостол Петр XVII, 233

Климент Александрийский († ранее 215), св., епископ и богослов XVII, 236

Климент Римский (I в.), глава христианской общины в Риме XVIII, 248

Колемен Юрий Алексеевич, чиновник министерства иностранных дел, церковный писатель XI, 128, 129, 136, 145-147; XII, 148, 151, 159; XIV, 191

Констанс II († 668), византийский император (642-668), монофелит XIV, 177, 178

Константин I Великий (ок. 285-337), римский император (306), св. X, 114

Константин IV Погонят († 685), византийский император (668-685) XIV, 179

Константин VI († после 797), византийский император (780-797), выступал на стороне иконоборчества XIII, 162-167, 172

Корнилий сотник (новозав.), первый христианин-римлянин XVI, 210; XVII, 228, 234

Красинский Владимир Дмитриевич (1880-1936), о., обновленческий деятель, глава группы "Живая Церковь" VI, 60; XIII, 172, 173

Кук Джеймс (1728-1779), английский мореплаватель, совершивший первое кругосветное путешествие VIII, 87

Куляшев А. Г., пермский миссионер, кандидат богословия, на Соборе 1917-18 гг. был избран членом Высшего Церковного Совета VIII, 82

Лазарь (еванг.), брат Марфы и Марии, воскрешенный Христом X, 110

Лассаль Фердинанд (1825-1864), немецкий социалист VIII, 87

Лебедев Александр Алексеевич, протоиерей, магистр богословия VI, 63

Лев I Великий († 461), св., папа римский (440) XVII, 237; XVIII, 243, 246

Лев III Исаврянин (ок. 675-741) XVIII, 244

Леонид (Скобеев) (1851-1932), еп. Вернинский (1921) и Московский (1922) I, 8

Леонид Оптинский (1768-1841), в схиме Лев, основатель старчества в Оптиной пустыне IX, 97, 102

Либерий, св., папа римский (352-366) XVIII, 262

Ливаний (314-393), антиохийский ритор и софист XVIII, 248

Лот (библейск.), племянник ветхозаветного патриарха Авраама VIII, 80

Лука (новозавет.), св. апостол и евангелист XII, 149; XVI, 220; XVII, 229, 230

Лудий Кириевский (новозавет.), один из учителей Антиохийской Церкви XVII, 228

Лютер Мартин (1483-1546), основатель немецкого протестантизма XV, 192-194

Макарий Александрийский (295-395), св. XVI, 212

Макарий Великий (Египетский) (300-390), св., христианский аскет I, 7; II, 9; V, 42; XVI, 213; XVII, 237; XVIII, 246

Макарий Оптинский (1788-1860), старец Оптинской пустыни, основатель книгоиздательства святоотеческой литературы IX, 97

Максим Исповедник (ок. 580-662), св., монах, христианский мыслитель, борец с монофелитизмом I, 7; XIV, 175-184, 186-188; XV, 192-194, 196, 209; XVI, 214; XVII, 240; XVIII, 245, 253, 262

Мамант († 275), св., мученик XIII, 167

Манаил (новозавет.), совоспитанник Ирода-четверовластника, один из учителей Антиохийской Церкви XVII, 228

Мария императрица (VIII в.), армянская принцесса, первая жена Константина VI XIII, 162, 166

Марк Подвижник (IV-V в.), св., один из египетских отцов X, 124; XVI, 211-213, 215, 220

Марк Евгений († 1457), св., епископ Ефесский, защитник Православия на Флорентийском соборе XII, 154-156; XIII, 168, 169

Маркион (II в.), ересиарх XV, 203

Мартин Исповедник († 655), св., папа римский, борец с монофелитством XIV, 177-181, 187, 188; XV, 193, 196, 209; XVII, 240

Мелетий Ликополитанский († 326), епископ-схизматик, основатель мелетинского раскола XV, 203

Мелхиседек (библейск.), царь Салимский и одновременно священник XI, 138; XV, 197

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866-1941), русский писатель и религиозный философ I, 3

Мефодий Патарский (III-IV в.), св., епископ, церковный писатель II, 12; XVIII, 251, 252, 254, 255

Мефодий Равноапостольный († 885), св., просветитель славян VII, 65

Михаил архангел (библейск.), один из семи архангелов, предводитель небесного воинства в его борьбе с падшими ангелами VII, 75

Михаил преподобный XVIII, 242
Модест игумен XII, 158

Моисей пророк (библейск.), законодатель и учитель еврейского народа, автор первых пяти книг Библии II, 10; VII, 76; XII, 149; XV, 202; XVII, 236, 238; XVIII, 250

Мошотт Я. (1822-1893), немецкий физиолог и философ, вульгарный материалист VII, 68

Мотовилов Николай Александрович (1809-1879), помещик, исцеленный св. Серафимом Саровским и ставший его "служкой" XVII, 231, 237

Налимов Тимофей Александрович (?-1925), протоиерей Казанского собора в Санкт-Петербурге III, 21

Нерон Клавдий Цезарь (37-68), римский император (54) VIII, 88

Несторий (†ок. 433), патриарх константинопольский (428-431), ересиарх XVIII, 243

Никаандр (Феноменов) († 1934), архиеп. Крутицкий и Коломенский, впоследствии митр. Ташкентский VI, 61

Никаандр (XIX в.), монах Николо-Бабаевского монастыря IX, 97, 102

Никифор Григора (1295-1360), визант. историк и богослов, противник св. Григория Паламы XII, 158

Никифор I († 811), византийский император (802) XIII, 170, 172

Никифор († 829), патриарх константинопольский (806-815) XIII, 170-173

Николай Кавасила († 1371), св., еп. Фессалоникийский, богослов II, 11, 13; XVI, 214, 222

Никон (1605-1681), шестой патриарх московский, реформы которого вызвали раскол в русской Церкви VI, 61, 62

Нил Сорский (Майков Николай) (ок. 1433-1508), св., русский церковный деятель и писатель, основатель и глава нестяжательства в России IX, 97; XIX, 267

Нифонт Цареградский VIII, 81

Новиков А. (XX в.), управделами обновленческого ВЦУ VI, 60, 61

Ной (библейск.), VIII, 80; XX, 287, 293

Онисим (†ок. 109), св., апостол от 70-ти и мученик, епископ Ефесской Церкви XVIII, 256

Ориген Александрийский (ок. 185-243/254), богослов и философ XV, 209

Павел (†ок. 67), св. первоверховный апостол I, 7; II, 11, 14; V, 38, 42, 47; VI, 59, 62; VIII, 80; IX, 100, 103; X, 105, 107, 108, 112, 117, 122, 123; XI, 140; XII, 149; XIV, 185, 188; XV, 192; XVI, 210, 222; XVII, 227-230, 233, 234, 238, 241; XVIII, 250, 251; XIX, 274; XX, 291

Павел II (VII в.), патриарх константинопольский (641-653), мо-

нофелит XIV, 181

Павел Самосатский (III в.), еп. Антиохийский, представитель ереси монархиан-динамистов XIV, 182

Павлин Милостивый (353-431), св., еп. Ноланский, благотворитель, храмостроитель, гимнограф XVIII, 248, 250

Палемон XV, 204

Пастер Луи (1822-1895), французский ученый, основоположник микробиологии и иммунологии V, 46, 47

Пахомий Великий (ок. 292-346), св., основатель общежительного монашества XV, 202-204, 209

Петр († 666), константинопольский патриарх (654-666), монофелит XIV, 177

Петр (VI в.), диакон, сослужитель св. Григория Двоеслова XVIII, 250

Петр (еванг.), св., апостол, первый епископ Римской Церкви I, 7; V, 48; VI, 57; VII, 75; VIII, 79; X, 105; XI, 134, 135; XII, 150; XIV, 180; XV, 192; XVI, 210, 211; XVII, 226, 228, 233-235, 241; XVIII, 255; XIX, 269

Петр I Великий (1672-1725), русский император-реформатор VI, 61, 62; VII, 73, 74; XI, 130

Палат Понтий (еванг.), прокуратор Иудеи X, 106

Пимен Великий (ок. 340-450), св., монах-отшельник египетской пустыни XIX, 271

Пирр († 641), константинопольский патриарх (639-641), монофелит XIV, 177, 181, 184

Платон, исповедник Студийский (735-814), св., защитник иконопочитания, сподвижник св. Феодора Студита XIII, 162-164, 167, 170, 171

Плутон (428-348 до Р. Х.), древ-

негреческий философ XIV, 176, 179; XVIII, 248

Победоносцев Константин Петрович (1827-1907), проф. Московского университета по кафедре гражданского права (1860-65), обер-прокурор Синода (1880-1905) XVI, 223

Поликарп (ок. 80-167), сщмч., еп. Смирнский, ученик ап. Иоанна Богослова XVIII, 258, 259

Попов Николай, о., член обновленческого ВЦУ VI, 60

Порфирий Успенский (1804-1885), епископ (1865), археолог-востоковед XVIII, 246-248

Прокл († ок. 447), патриарх константинопольский (434-447), борец против несторианства XVIII, 243, 250

Протасов Николай Александрович (1799-1855), граф, обер-прокурор Синода (1836-1855) IX, 93

Птоломей (II в. до Р. Х.), египетский царь (Филометр VI или Фискон VII) VII, 70

Раден Эдита Федоровна (1825-1885), баронесса, деятельница христианской благотворительности XII, 148, 152; XV, 195

Розанов Василий Васильевич (1856-1919), русский религиозный мыслитель, публицист VII, 66-68, 74

Рюи-Перес Викентий Гарсия (1858-?), испанский генерал, перешедший из Католичества в Православие XI, 128

Савва (1169-1237), св., первый архиепископ Сербский III, 23

Савл, см. ап. Павел V, 50; XVII, 227, 228

Самарин Юрий Федорович (1819-1876), русский философ и публицист, идеолог славянофиль-

ства XII, 148, 152, 155, 159; XV, 195

Сапфира (новозав.), жена Ана-ния (см.) XVII, 228

Сардийский митрополит, см. Дионисий XII, 155

Семенов (XX в.), обновленческий священник I, 5

Серафим Саровский (1759-1833), св., старец-иеромонах Саровской пустыни VIII, 82, 83; X, 105; XVII, 231, 237, 238; XVIII, 242; XX, 280

Сергий XIII, 164

Сергий Павел (I в.), римский проконсул, правитель Кипра XVII, 228

Сергий I († 638), патриарх Константинопольский (610-638), монофелит XIV, 177, 181, 185; XVIII, 262

Сергий Евкрат (VII в.), патриций, императорский стольник XIV, 186

Сергий Радонежский (ок. 1321-1391), св., основатель Троице-Сергиева монастыря, небесный покровитель России (Флоренский) XIII, 162

Симеон (XV в.), о., участник Флорентийского Собора XII, 156

Симеон Метафраст († 940/976), св., один из первых составителей свода житий святых XVI, 221

Симеон Нигер (новозавет.), св., апостол из числа 70-ти XVII, 228

Симеон Новый Богослов (949-1022), св., византийский религиозный писатель и мыслитель-мистик I, 7; X, 116; XVI, 216-219, 221, 222; XVII, 237, 240, 241; XVIII, 263; XIX, 265

Симеон Солунский († 1429), архиепископ, церковный писатель, истолкователь православного богослужения III, 21, 22; IV, 27, 33

Сисой Великий († 429), св., мо-

нах-отшельник египетской пустыни XIX, 271

Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900), русский религиозный философ VIII, 87-89; XII, 151

Соловьев Сергей Михайлович (1820-1879), русский историк VIII, 87

Соломон (библейск.), ветхозаветный царь Израиля XVI, 224

Сотнион (II в.), диакон Церкви г. Магнезии XVIII, 257

Софроний († 638), св., патриарх Иерусалимский (634), ранневизантийский церковный писатель XIV, 177, 179, 180, 188; XVIII, 262

Стефан (новозав.), св., архидиакон и первомученик II, 9; XVII, 227

Сцилла (Скилла), персонаж греч. мифологии, чудовище о шести собачьих головах XV, 192

Тарасий (VII-VIII в.), св., патриарх константинопольский (784-806) XIII, 163, 165-173; XVIII, 244

Татиана († 226/235), св., мученица, диаконисса римской Церкви III, 23

Тимофей († 80), св., апостол и мученик, ученик ап. Павла, епископ Ефесской Церкви V, 42; VIII, 78

Тит (I в.), св., апостол от 70-ти, ученик ап. Павла, епископ Критский XVI, 233

Тихон (Белафин Василий Иванович) (1865-1925), св., первый русский патриарх после восстановления патриаршества в России (1917-1925) I, 1-2; XII, 160; XIII, 173

Тихон Задонский (1724-1783), св., еп. Воронежский, автор многих пастырских сочинений VI, 63, 64; VIII, 82, 84; IX, 92, 94, 95, 102, 103; XVII, 239; XIX, 269, 276

Толстой Лев Николаевич (1828-1910), русский писатель V, 40, 52; XI, 147

Троиц (VII в.), византийский патриций XIV, 87, 88

Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905), князь, русский религиозный философ и общественный деятель VIII, 114, 115

Фейербах Людвиг (1804-1872), немецкий философ-материалист VII, 68

Феодор Мирский XVIII, 244

Феодор Освященный († 368), св., иеромонах, ученик Пахомия Великого XVIII, 242

Феодор преподобный XIV, 178; XV, 203

Феодор Студит (759-826), св., византийский церковный деятель, возглавивший борьбу с иконоборчеством XIII, 162-173

Феодосий епископ XIV, 181, 183

Феодота (VIII в.), придворная дама императрицы Ирины, вторая жена императора Константина XIII, 162, 166, 167

Феофан Затворник (Говоров Г. В.) (1815-1894), св., еп. Тамбовский, церковный писатель VIII, 84, 85, 87; IX, 102; XVII, 239

Феофил († 412), патриарх Александрийский (385), противник Иоанна Златоуста XV, 203, 204; XVIII, 242, 243

Филарет (Романов Федор Никитич) (ок. 1554-1633), русский патриарх (1608-1610), отец царя Михаила Федоровича IV, 29

Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1753-1867), митр. московский церковный писатель VII, 84, 87; IX, 102; X, 109; XVIII, 253

Филипп апостол (еванг.), св.,

один из 12-ти апостолов X, 110

Филипп Благовестник (новозавет.), св., один из 7-ми диаконов, впоследствии апостол из числа 70-ти XVII, 230

Филипп II Македонский (ок. 382-336 до Р. Х.), царь Македонии, завершивший ее объединение VII, 69

Фохт Карл (1817-1895), немецкий естествоиспытатель и философ, вульгарный материалист VII, 68

Харибда, персонаж греческой мифологии, чудовище в виде страшного водоворота XV, 192

Хилков Дмитрий Александрович (1858-1914), князь V, 34, 37, 39, 42, 43, 46, 50-53

Хомяков Алексей Степанович (1804-1860), русский религиозный философ-славянофил, писатель, поэт II, 11-13; XI, 128, 136; XII, 148, 151, 159

Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889), русский писатель VII, 67

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759-1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства VII, 67

Штирнер Макс (1806-1856), немецкий философ-младогегельянец VII, 68

Щеголев Никифор Иванович (1821-1884), профессор Киевской Духовной Академии XX, 281

Юпитер, персонаж римской мифологии, царь богов VII, 72

Основные работы М. А. Новоселова

1. Беседы о жизни. М., изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1913.

2. В тихой пристани (Посвящается братии Зосимовой пустыни). Вышний-Волочек, изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1908, 4 с.; 2-е изд.: М., 1909, 15 с.; 3-е изд.: Сергиев Посад, 1911, 16 с.

3. Вселенская Христова Церковь и "Всемирный христианский студенческий союз". М., изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1909, 14 с.

4. Голос мирянина // Русское Дело. 1905. № 13. С. 4; № 17. С. 6-8.

5. Григорий Распутин и мистическое распутство. М., 1912.

6. Догмат, этика и мистика в составе христианского вероучения // Голос Церкви. 1912. № 10. С. 92-111; отдельное изд.: "Религиозно-философская Библиотека". Вып. 30. М., 1912.

7. За кого почитал Льва Толстого Владимир Соловьев? М., изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1913, 14 с.

8. Забытый путь опытного богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии). "Религиозно-философская Библиотека". Вып. 1. Вышний-Волочек, 1902, 69 с.; 2-е изд.: Вышний-Волочек, 1903, 69 с.; 3-е изд.: М., 1912, 98 с.

9. Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902-1903). СПб., 1906. С. 198-199, 271-278, 331, 356-360, 497, 498, 527-530.

10. Из разговоров о войне. "Религиозно-философская Библиотека". Вып. 6. Вышний-Волочек, 1904, 17 с.; 2-е изд.: М., 1911.

11. К вопросу об участии духовенства в выборах в Государственную Думу // Церковный Вестник. 1905. № 35. С. 1091-1093.

12. О воссоздании живой церковности // Русское Дело. 1905. Особое приложение к № 11. С. 1-4.

13. О праздниках // Церковный Вестник. 1904. № 23. С. 717-718.

14. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода. Выш-

ний-Волочек, изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1902. 16 с.; 2-е изд.: М., 1911.

15. Папизм в православной церкви. М., изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1913., 4 с.

16. Письма к друзьям (Письмо 1-е) // Вестник РХД. 1975. № 115. С. 17-24.

17. Письма к друзьям (Письмо 2-е) // Вестник РХД. 1976. № 118. С. 26-31; Православная беседа. 1992. № 8-9. С. 2-4.

18. Письма к друзьям (Письмо 5-е, фрагменты) // Православная беседа. 1994. № 3. С. 2-4.

19. Письма к друзьям (Письмо 5-е, 10-е и 14-е) // Надежда. 1984. № 10. С. 96-181.

20. Письма к друзьям (Письмо 9-е) // Северо-Восток. Приложение к "Сибирской газете". 1992. № 8 (12).

21. Письма к друзьям (Письмо 11-е) // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 6. С. 54-60.

22. Письма к Л. Н. Толстому // Минувшее (Исторический альманах). Вып. 15. М.-СПб., 1994. С. 371-423.

23. Письмо редактору "Русского Дела". С. Ф. Шарапову // Русское Дело. 1905. № 6. С. 7.

24. По поводу нового официального сообщения о деле еп. Гермогена (совместно с Самариным Ф. Д., Дружининым Н., Кожевниковым В. А., Корниловым А. А., Мансуровым П. Б., Самариным П. Д., Хомяковым Д., Шереметевым П.). М., 1912. 16 с.

25. Полицейско-врачебный протокол и христианские добродетели. СПб., изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1904. 9 с.

26. Психологическое оправдание христианства (Противоречия в природе человека по свидетельству древнего и нового мира и разрешение их в христианстве) // Голос Церкви. 1912. № 1. С. 71-98; № 2. С. 61-88; отдельное изд.: "Религиозно-философская Библиотека". Вып. 28. М., 1912.

27. Светочи Православной Христовой Церкви // Голос Церкви. 1912. № 3. С. 68-78; № 7. С. 77-84; № 11. С. 89-94; № 12. С. 43-48; 1913. № 4. С. 40-53.

28. Соборное подготовительное совещание // О возрождении Русской Церкви. Вышний-Волочек, изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1905. С. 83-86.

29. Суды чести в среде учителей. Вышний-Волочек, изд. "Религиозно-философской Библиотеки", 1904. 16 с.

30. Уроки веры и благочестия из святоотеческого богословия // Голос Церкви. 1912. № 1. С. 61-70.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	V
Письмо первое	1
Письмо второе	9
Письмо третье	15
Письмо четвертое	24
Письмо пятое	34
Письмо шестое	54
Письмо седьмое	65
Письмо восьмое	77
Письмо девятое	91
Письмо десятое	105
Письмо одиннадцатое	128
Письмо двенадцатое	148
Письмо тринадцатое	162
Письмо четырнадцатое	175
Письмо пятнадцатое	192
Письмо шестнадцатое	210
Письмо семнадцатое	226
Письмо восемнадцатое	242
Письмо девятнадцатое	265
Письмо двадцатое	280
<i>Примечания</i>	295
<i>Указатель имен</i>	341
<i>Основные работы М.А.Новоселова</i>	351

Михаил Александрович Новоселов

ПИСЬМА К ДРУЗЬЯМ

Предисловие, комментарий и научная подготовка текста
Е. С. Полищука

Редактор О. В. Мудрова

Художественный редактор Н. В. Илларионова

Подписано в печать 21.06.94. Формат 60х90 1/16. Гарнитура типа "Таймс".
25,5 п. л. Тираж 20 000 экз. Заказ 9781
Москва, 113184, Новокузнецкая ул., 236. Изд-во Православного
Свято-Тихоновского Богословского института, 1994.